

Вероника Крестинская

Толстые океаны

16+

Вероника Крестинская

Голубые океаны

Мир созданный в этой книге целиком и полностью принадлежит двум главным героям. Он не совсем обычный молодой человек и она совершенное существо, открывают для себя всю палитру чувств и эмоций. Им страшно и в тоже время они вместе, благодаря ей главный герой перестаёт бояться мир вокруг себя и прежде всего самого себя. В его сердце зарождается сильное и мучительно болезненное чувство, которое помогает ему выбраться из самого низа его страхов и понять кто он такой на самом деле. Запретная любовь открывает в главной героине много нового и это чувство помогает ей быть сильной в самый решающий момент её жизнь. Любовь даёт ей силы сразиться со своим самым злейшим врагом, любовь даёт ей силы защищать и бороться до самого последнего вдоха. Она вознесется ввысь чтобы почувствовать вкус жизни и любви, и так же сильно и бесстрашно разобьётся ради одного человека, который полностью изменит всё её существование.

Вероника Крестинская
Голубые океаны

Глава 1. Встреча с незнакомкой.

Дожди окутали Москву и не отпускали её почти целую неделю. Когда погода печальная, то и настроение куда-то пропадает, становится грустно и немного одиноко. Когда идут дожди, мне хочется погрузиться в лёгкий сон, стать частью чего-то тихого и спокойного, но мои желания практически никогда не воплощались в реальность. Я не мог полноценно расслабиться ночью и укутавшись в одеяло провалиться в иные миры, всему виной было моё тайное сумасшествие, о котором никто ничего не знал. И если бы я поделился с кемнибудь своим недугом, то скорее всего навсегда утратил бы статус нормального человека. Ведь люди сначала судят и наказывают, а только потом начинают понимать и осознавать, что были не правы, но, как показывает опыт, понимание это приходит поздно. Вот и мне нужно было молчать и никому ничего не говорить, – так и было, точнее, моё молчание зародилось в далёком детстве, когда мне исполнилось двенадцать лет. Тогда моя детская жизнь круто изменилась, я стал чувствовать невыносимую боль каждый день, она была не только телесная, но и душевная. Когда боль начинала трогать мою душу, тут я просто не знал, куда мне деваться, постоянно искусывал губы, выворачивал себе руки и не мог понять, что со мной происходит. Сейчас, став взрослым человеком, и прожив в этом кошмаре десять лет, я хоть как-то научился отвлекаться от этого нескончаемого круговорота боли и страданий. Меня спасает ночь и моё авто, на котором я катаю по городу, эта процедура меня расслабляет, но, к сожалению, лёгкий и холодный ветер ненадолго охлаждает мою воспалённую голову и, вернувшись домой, я вновь погружаюсь в глубокую и чёрную ночь. Я редко когда ощущаю что-то хорошее, а если такие моменты случаются, то мне сразу же хочется жить, я радуюсь этому чувству как мальчишка, но плохое, жестокое и болезненное перекрывает всё то хорошее, что бывает в моей жизни. Из-за этого странного недуга я закрылся от своих близких, мы живём как чужие люди, хотя я знаю, что они волнуются за меня и очень переживают. Но что я могу им сказать? Какую правду? Что меня каждый день выворачивает и ломает, как наркомана, хотя я в жизни никогда не употреблял страшных и смертельных смесей. Я даже не смогу объяснить, что творится со мной, потому что сам этого не понимаю. И от этой непонятности я сам от себя начинаю с каждым днём всё больше и больше отдаляться...

Утро снова было дождливым, долгожданное лето уже не было таким долгожданным. Уже хотелось чтобы оно поскорей прошло и пришла на смену зима, которая каждый год одинаково холодна и сурова. Вечером было холодно. Стоя на балконе, я почувствовал, как по рукам бегают мурашки, это чувство мне нравилось, но долго холод я не мог терпеть. Уже собравшись уходить, я краем глаза увидел на небе яркое свечение, что-то серебристое ворвалось в наш мир и так же неожиданно исчезло. Глаза покалывало от мягкой боли, эта не была молния, это было что-то совершенно другое, намного мощнее и зрелищней. Потом я неожиданно заметил, что капли дождя как-то странно и медленно падают на поверхность. Всё кругом как будто замедлило свой ход, жизнь стала дремать вместо того чтобы бежать и полноценно реализовываться. Я не могу объяснить, что происходило в тот момент, что за явление я увидел, хоть и недостаточно чётко. С миром вокруг стали происходить странные метаморфозы, которые неожиданно для меня – не удивляли и не пугали. Стало тихо и спокойно, по дороге мчались машины, но я их не слышал. На какое-то мгнове-

ние мне почудилось, что я оглох и все мои рецепторы стали работать так же, как и этот мир, – заторможено и полусонно. Я смотрел на свои руки – и они были тяжелей свинца, голова поворачивалась с трудом и очень медленно. Мне показалось, что эта небесная искра, которая разразила небо, просто замедлила наше земное время, и я стал свидетелем этого необычного явления. Стоя на балконе, я оказался в эпицентре события, которое должно было вызвать у меня шок, однако я был спокоен, я наблюдал.

Плавного перехода или осязаемого конца я не почувствовал. Я даже не успел привыкнуть к этой новой для меня обстановке, как всё мигом встало на свои места. Гул и шум разом ворвались в мою расслабленную голову, и капли дождя пролетали так быстро, что я просто их не замечал. Покинув балкон, я бесшумно прошел к себе в комнату, открыл окно и стал снова всматриваться в небо. Но ничего не происходило. Не помню, сколько я тогда проторчал у окна, но то явление (возможно, природное) больше не разразило небо серебряным огнём. Почему-то я подумал, что происшедшее как-то связано со мной, но логического объяснения я не мог найти, а даже если бы оно было, вряд ли смог бы его объяснить! Плюхнувшись на кровать, я зажал руками голову, пальцами помассировал глаза и незаметно для себя стал погружаться в сон, который, очевидно, и в этот раз не будет для меня спокойным...

Всё тело горело от сильного жара, подушка была мокрая, как будто на неё вылили ведро ледяной воды. Сегодня мне приснился странный старик с палкой в руках, одетый в лохмотья. Он стоял на краю огромной скалы, а внизу бушевал грозный океан, бил волнами в скалу, и невыносимый гул стоял повсюду. Старец, усердно тыкая пальцем в небо, кричал что-то, но я не мог понять, о чём он говорил, чего просил. Небо стало темнеть, и старик упал на колени, длинная борода растелилась перед ним, и грустные голубые глаза смотрели в суровое небо, как будто моля о пощаде.

От этого сна я вскочил с постели и обхватил голову руками: сколько можно так мучиться? Откуда в моей голове всё это?

- Антош, что у тебя за шум? – раздался нежный женский голос.
- Ничего особенного, – тихо простонал я.
- Голова болит?
- Нет, всё в порядке.

Мачеха у меня была удивительно доброй и чуткой женщиной. Так получилось, что моя родная мама умерла, когда я родился, и о ней мне напоминает только фотография, которая хранится в моей любимой книге Джека Лондона «Мартин Иден». В принципе мне не составляло и не составляет особого труда называть Ольгу Викторовну мамой, но я считаю, что это нечестно по отношению к родной матери, которая, как говорил мой отец, безумно мечтала обо мне и ждала моего рождения как чего-то невообразимого. С самого детства я был окружён любовью и заботой, сначала только отца, потом и мачехи, которая появилась в моей жизни, когда мне исполнилось пять лет. Ревности особой я не испытывал, мне было приятно, что меня полюбил ещё один человек, но она, как ни старалась, не смогла занять главного места в моей душе и сердце.

Мне почему-то иногда кажется, что она только и живёт тем, что постоянно пытается завоевать мою любовь и расположение, живёт только ради того, чтобы мне и отцу было хорошо – женщина, которая пожертвовала собой ради

любимого мужчины и его сына. Братьев и сестёр у меня не было, поэтому в какой-то степени я одинокий человек и разбалованный, но отец воспитал во мне очень много хороших и полезных для жизни качеств. Бабушка, которая умерла несколько лет назад, рассказывала, что мой отец безумно любил мою маму, в ней он видел смысл своей жизни. Он даже как-то по-особенному на неё смотрел, иной раз не замечая никого рядом, мог часами сидеть и любоваться её красотой и выразительными глазами. Одно я знал точно: украдкой, чтобы никто не видел, отец разговаривал с мамой, по-прежнему испытывая жар и любовь к её памяти. Он любил её до сих пор, всё так же сильно и пламенно. Я никогда не испытывал на себе его гнева или косоного взгляда, во мне он видел продолжение его любви к моей маме. Когда я был маленьким, он украдкой садился на краешек моей кровати и смотрел, как я тихо посапываю в подушку. Он смотрел на меня и видел во мне маму, он смотрел на меня и видел одинаковые черты лица: ямочка на подбородке, такая же открытая и добрая улыбка... Меня всегда окружало тепло семьи, и внутри себя я чувствовал, что мама где-то рядом со мной, что она всегда здесь, страхует меня и направляет в правильное русло. Со слов бабушки я ещё запомнил, что мама всегда хотела назвать меня именно Антоном, это имя для неё очень много значило, с ним у неё были связаны важные воспоминания, и она ничего не хотела слушать, когда папа предлагал другие имена. Мама единственная раз в жизни проявила стойкость и упрямство, и отцу ничего не оставалось делать, как согласиться с её предложением.

Уже несколько дней меня преследовало странное чувство, его я так и не смог понять, как ни пытался и ни старался. В груди что-то сильно жгло, как будто внутри меня горел огромный костёр, он обжигал и жарил меня изнутри. Я не мог найти себе места, Ольга Викторовна заметила моё странное состояние, но не пыталась даже заглянуть мне в глаза, она знала, что я всё равно ничего не скажу, что как и всегда мои безумные мысли и переживания останутся внутри моего больного измученного тела.

– Вань, ты бы поговорил с Антоном, – озабоченно прошептала она, пытаюсь не показывать дрожь в руках.

– Что с ним такое? – отложив газету, Иван Георгиевич внимательно посмотрел на жену. – Ты уже с ума сходишь со своей опекой. Он взрослый парень, ему двадцать два года, скоро может, сделает нас с тобой дедом и бабкой, а ты всё бегаешь за ним и сопли ему вытираешь.

– Прекрати! – встревожено крикнула Ольга Викторовна. – Я вижу, что его в последнее время что-то сильно тревожит и беспокоит, мне-то он вообще ничего не говорит, как будто я ему тётка чужая, – она опустила глаза на свои руки и продолжила: – Но с тобой он в более дружеских, тесных, что ли, отношениях, деликатно так подойди к нему, спроси, что с ним? Может, чего натворил и боится теперь последствий?

– Типун тебе на язык, Ольга! – с немалым раздражением бросил Иван Георгиевич жене. – Он всегда был таким, с самых своих первых дней держал все свои планы и желания в строжайшей секретности. Если что-то и удаётся выпытать у него, так это как дела в университете и как дела у его друзей! Я свыкся с мыслью, что о своём собственном сыне я знаю не больше, чем о соседской собаке, но что делать? Может, это к лучшему, что он ограждает нас с тобой от ненужных переживаний...

– Ты так считаешь? – недоверчиво протянула Ольга Викторовна, прислушиваясь к движениям сына. – Кажется, он разбирается в своей комнате, слышишь возню?

– Ищет, наверно, что сегодня одеть, ведь ты как обычно постирала все его вещи! – улыбнулся отец.

– Я просто волнуюсь за его психику, за его нервы, он такой бледный, похудел жутко, так, что страшно смотреть, – как говорится, без слёз не взглянешь. Я всё равно настаиваю, чтобы ты с ним поговорил сегодня вечером, спросил, что с ним, иначе я сама во всём разберусь!

– Хорошо-хорошо! Только не устраивай истерику, я поговорю с ним, глядишь, чего и выпытаю у него.

Я слышал их разговор очень отчётливо и громко. Я понимал, что за меня все переживают и хоть как-то пытаются понять мою жизнь и самого меня, но сегодня мне совершенно не хотелось общаться с отцом, и я решил незаметно улизнуть к друзьям в кафе...

Более или менее комфортно я ощущал себя в обществе двух своих старых приятелей, Ромы и Олега. С Олегом я дружил с раннего детства, с Ромой мы вместе учились, оба они были отличными товарищами, но не без изъянов.

– О, какие люди и без охраны! – воскликнул Рома, махая мне рукой.

– Охрана дома осталась, – с улыбкой ответил я.

– Что-то ты совсем пропал, телефон твой мертвенно молчит, сам ты даже не соизволишь позвонить и спросить как дела? Жив ли ты вообще? – недовольно сказал Олег, делая большой глоток кофе-эспрессо.

– Прости, дружище, дела были! – в такие моменты я терялся, оправдываться я умел, но не любил это дело.

– У тебя всегда найдётся отговорка! – воскликнул Рома, похлопывая меня по спине.

– Да, ладно вам, ребята, действительно были дела.

Я заказал свежавыжатый апельсиновый сок, и мы около часа дружно сидели и разговаривали о разной ерунде. Сегодня Ромка был на редкость эмоциональным, даже можно сказать – возбуждённым. По всей вероятности, он всё-таки предложил Варе встретаться, и она дала согласие. От него исходил поток огромного позитива, который выливался на меня в виде открытой улыбки. Олег, как всегда, был более сдержан, периодически поглядывал куда-то в сторону – как я понял, он смотрел на молоденькую официантку, на бейджике которой было написано редкое имя «Лилия». Длинные тёмные волосы до лопаток и выразительные чёрные глаза делали её красивее всех девушек среди персонала этой кафешки. Мой друг был всегда открыт для новых переживаний и приключений. Редким случаем было, когда он не испытывал какой-либо симпатии к противоположному полу. Им руководил всего лишь животный инстинкт, который бушевал в нём и рвался наружу. Ощущать его чувства мне было не всегда приятно, поэтому я старался как можно реже проникать в его сознание и в его желания.

Я чувствовал каждого человека в этом помещении, например, я знал, что вон та парочка, расположившаяся около окна, мило и тихо беседующая, сегодня вечером расстанется – спокойно и без лишних разбирательств. Я не знал, откуда у меня возникло такое твёрдое убеждение, но я был настолько уверен, как будто они оба ко мне подошли и рассказали о своих дальнейших планах.

Голова снова стала тяжёлой, правая сторона как будто онемела, в груди стало неприятно покалывать, и моя блаженная улыбка сменилась гримасой боли. В этой паре не было любви, скорее всего, тесная симпатия, которую можно спутать с любовью. Девушка настойчиво убеждала себя в том, что именно она порвёт отношения со своим другом, она считала, что он любит её безумно и не сможет отпустить от себя. Ей хотелось верить, что он будет пытаться вернуть её, что её уход разобьёт ему сердце, но он сидел совершенно спокойно, не реагируя на её прямые намёки. Молодой человек с кудрявой головой, наоборот, полагал, что девушка его любит и будет на коленях умолять не уходить. Как же они оба ошибались, слепые люди, считающие именно свои мысли воистину правильными! Вечером они оба будут шокированы поведением друг друга, оба поймут, что им грош цена, но это будет вечером...

– Антох, ты чего такой зелёный? – спросил Рома, поправляя на переносице очки, которые пару минут назад он долго и кропотливо протирал.

Я хотел было ответить, как услышал громкий стук на улице, потоки воды обрушились на город с невероятной силой. Все вокруг стали охать и вздыхать, всех напрягала эта нескончаемая непогода.

– Сколько можно? Этот дождь так надоел! – стал возмущаться Олег, снова поглядывая в сторону Лилии.

Капли воды как будто били меня по вискам, ко мне вернулось странное чувство, которое я испытал той ночью, стоя на балконе, я увидел серебристое сияние на ночном небе, как и тогда, меня пробила лёгкая дрожь. На мгновение мне показалось, что я стою на балконе и смотрю на это природное явление, которое длилось каких-то пару секунд, но именно эти секунды врезались в мою память.

К нашему счастью, непогода продержалась минут двадцать, после чего солнце вышло из-за туч и снова всё вокруг оживило. Я вышел на улицу и вдохнул свежий, вкусный воздух, лёгкие наполнились такой чистотой, что я чуть не потерял сознание. По тротуару ещё текли мелкие ручейки, стало снова припекать, и улицы города вновь оживились. Солнце снова заняло лидирующее место на голубом, чистом небе. Меня охватило чувство чего-то судьбоносного, оно не покидало меня с самого утра. Казалось, будто не я сюда пришёл по собственной воле, а кто-то меня сюда позвал, и я, повинувшись загадочному голосу, нахожусь теперь здесь.

– Дожди...

Тихий, нежный голосок разрушил мою гармонию. Рядом со мной стояла невысокая, девушка в белых джинсах и майке, волосы её были сухими и плавно спадали с плеч. Когда наши взгляды встретились, я почувствовал странное влечение, внутри меня что-то начало дико кипеть, необыкновенно красивые голубые глаза поразили меня наповал. Я не мог даже пошевелиться, она завожила меня настолько, что я не чувствовал собственных ног. Я смог только слегка улыбнуться и не спеша оторвал от неё свой взгляд. Я как будто сидел на раскалённой сковородке, странно...

Я сам от себя не ожидал такой ураганной реакции, не мог поверить своим эмоциям. Обычно в тех случаях, когда девушка начинает разговор первой, я остаюсь совершенно спокойным и даже немножко холодным. Меня трудно завлечь, и красота тут не исключение. Очень давно я закрылся ото всех, так как боязнь впустить кого-то в свой мир была для меня серьёзной проблемой. Пер-

вое время я пытался заводить общение с девочками, но в конце концов всё заканчивалось моим бегством. И не потому, что я трус или слабак, или на худой конец закомплексованный зубрила, – я боялся, что мой мир станет для моей избранницы тюрьмой, в которой ей не будет жизни со мной. После таких мыслей и выводов я решил больше никогда не знакомиться с девушками и не делать никому больно, в том числе и самому себе. И вот сейчас, стоя рядом с очередной, казалось бы, претенденткой, я ощущаю странные эмоции, безумная симпатия вырывалась из моей груди.

– Дожди скоро прекратятся, – сказала незнакомка, взглядываясь в прохожих.

На её лице играли лучики солнца, белая, ровная кожа, бледно-розовые губы – всё это приводило меня в восторг, я не мог понять себя, что-то происходило со мной, она наверняка ведьма или, может, очередной мой кошмар? Я не мог разобраться, что она чувствует и какое у неё настроение, для меня она была закрытой книгой, причём я не мог даже её открыть. Впервые в жизни я сожалел о том, что не мог прочитать ни единой мысли этой девушки, не мог понять её настроения и кто она такая вообще?

– Вообще-то я люблю дождь, просто не в таких количествах, – ответил я робко и как-то не решительно.

– Неужели? – ответила незнакомка, одарив меня еле заметной улыбкой.

Её глаза проникали в моё сердце и душу, создавалось такое впечатление, что она знает про меня всё, знает даже то, что я сам про себя не знаю. Мои тайны, секреты, моё сумасшествие – всё ей было известно и понятно, я отводил взгляд, старался меньше на неё смотреть, стеснялся и вёл себя как мальчишка, куча комплексов вырвались наружу, в кого я превратился? Мне хотелось узнать её, почувствовать, но я не мог проникнуть в её мысли, меня это заводило, впервые в жизни я чувствовал себя таким беспомощным.

– Живи и радуйся, мой друг! Сытые, довольные – теперь можно пойти в гости к какойнибудь миленькой девушке, и желательно, конечно, чтобы у неё были подружки, – говорил Олег, положив руку мне на плечо.

– А как же Лилия? Девушка, которая здесь работает? – поинтересовался я, отвлекаясь от незнакомки.

– А что она? Красивая, заинтересовала меня, но я пока не готов завязывать серьёзные отношения, а на пару встреч она не согласится, я сразу таких раскусываю.

– Раскусываешь? – встрял в разговор Рома. – Слово-то какое: «раскусываю»! Да ладно тебе, Олег, просто эта девушка тебе не по зубам, тем более она не раз видела тебя здесь с разными цыпочками.

– Ну и что из этого? Видела она, ну и что? Я что, жениться на ней собрался? Отстаньте вы от меня, когда надо будет, тогда и познакомлюсь.

Я погрузился в разговор друзей и буквально на минутку отвлёкся от незнакомой девушки.

– Будем ждать это великое свершение! И когда же наш друг познакомится с той самой? – смеясь, спрашивал Рома.

– Может, никогда! – раздражённо рявкнул Олег. – Я наслаждаюсь жизнью, проживаю свою молодость так, как считаю нужным, и ни о чём не жалею! Есть девочки на планете, и это счастье, пускай не все побывают в моих ручках, но большинство – уж точно!

– То есть ты собрался до конца дней своих только щупать и спать с девуш-

ками?

– А что в этом плохого? Вот ты сколько времени сох по Варьке? Ты бы лучше развлекался и жил ярко, чем тратил своё время на пустые встречи и обещания!

– У нас любовь! – решительно возразил Рома.

– Любовь? Ну, тогда поздравляю вас! Глянь-ка, какие девочки идут! – Олег вульгарно свистнул вслед девушкам. – Ножки какие, ах!

Пока друзья спорили, я за ними наблюдал, но потом вспомнил про незнакомку! Я обернулся, стал смотреть по сторонам, но её нигде не было... Рядом со мной была пустота, она ушла, исчезла, испарилась, пропала. Её голубые глаза прожгли мне грудь, и без них теперь я не мог даже дышать.

Весь день я был сам не свой, не слышал никого, не видел ничего, не помню, как пришёл домой и как упал на кровать, в моей голове была только она, эта незнакомка, эта красивая девушка, с темно-каштановыми волосами и большими голубыми глазами. Она поразила меня, парализовала все мои чувства, я погрузился в пустоту. Где мне её теперь искать?

Глава 2. Думаю о тебе.

Было где-то часов пять утра, на улице уже светло и безлюдно. Сидя в кресле, я думал о ней, ждал её, жаждал её. Я был как человек, идущий через сухую пустыню, без воды и без отдыха. В голове ложились стопочками мысли, но ни для одной из них я не мог найти здравого предназначения. Голубые глаза играли в моём сознании, я тихо вздыхал и, услышав странные шорохи, повернулся к окну. Шторы шевелились от несильного ветерка, лёгкая дрожь пробежалась по моим ногам. Кровь как будто кипела в венах, непонятное и дикое чувство охватывало всю мою грудь, что происходило со мной, я не знаю, но мне становилось страшно от порыва таких непонятных ощущений.

Дни летели за днями, ночи за ночами. Университет пролетал незаметно, и вообще вся моя жизнь пролетала, пробегала перед глазами, я не мог поспеть за ней, чтобы внести какие-нибудь яркие краски, всё было таким серым, таким тусклым, что даже самый мрачный и страшный лес не мог сравниться с моей никчемной жизнью. Что я представляю из себя? Какой я человек? Да, я интересный внешне и неглупый, но для меня это не особо важно. Да, со мной не прочь провести время любая девушка из университета, и не только, но что-то всегда меня останавливало, боязнь причинить страдания, что-то тормозило меня.

В голове сразу же мелькнуло воспоминание об Оксане, с которой я познакомился в Крыму три года назад, с которой был вместе пять дней и с которой простился навсегда. Она была удивительной девушкой, красивой и достаточно умной для своих лет, мне с ней было очень комфортно и интересно, с ней я ощущал себя как рыба в воде, с ней мне было действительно спокойно. Я скрывал от неё своё настоящее лицо, но мне и не хотелось ей раскрываться, мне просто нравилось быть с этим человеком и ощущать полнейшую лёгкость в общении. Внешне Оксана и эта незнакомка были совершенно разные, и к Оксане меня не тянуло так сильно, как тянет к другой. Оксану я не мог полюбить, потому что мысль о том, что кому-то придётся за меня страдать, угнетала меня, мне приходилось жертвовать многим, чтобы отпустить понравившегося мне человека. Со временем мне стало как-то намного проще жить без

людей и без тесного контакта с ними, но сейчас я почувствовал просто невероятную потребность в этой девушке с голубыми глазами!

Обычная девушка, пряталась от дождя под козырьком кафешки, в которой я тогда был. Её глаза и губы... я почувствовал к ней огромное влечение, я не мог себе признаться в том, что хотел её увидеть и прикоснуться к ней. Её тёмные волосы и светлые голубые глаза, её бледные губы и белая кожа – вот она, женщина моей мечты, моей жизни, мой идеал! Я пропал, мне нужно найти её, и чем быстрее, тем лучше, иначе я просто сойду с ума.

Меня с ног до головы поглощало одиночество, я умирал, каждый день отрывалась частичка меня, частичка моего существа, я старел и всё больше погружался в сильные головные боли и ночные кошмары. В голове звучали голоса, женский и детский, звенели, как колокольчики. Уже давно я не испытывал тишины внутри себя, тихого прибоя, не испытывал гармонии, которая с каждой минутой мне всё больше и больше нужна, голова как раскалённый котелок, в ней варилось всё, что только может вариться на этом свете. Я не принадлежал сам себе, какие у меня мечты, чего я хочу в жизни? Отец постоянно задаёт мне один и тот же вопрос: люблю ли я свою жизнь? Мне приходится всегда врать, говорить, что я люблю свою жизнь, что у меня есть всё, о чём можно только мечтать, я люблю свою жизнь, потому что она яркая и насыщенная, у меня всё есть... Глупая ложь, она стоит в горле и перекрывает мне весь кислород. Я вообще не знаю, живу ли я? От сильных головных болей и от галлюцинаций иной раз сводит руку или ногу, во рту появляется горький привкус, в такие моменты я всегда желаю себе смерти, и – что самое страшное – я готов умереть как угодно: пусть это будет смерть на костре, или меня расстреляют – всё что угодно, лишь бы избавиться от этого гнёта, который преследует меня с детства...

Дряблые, костлявые, длинные руки с тонкими белыми пальцами каждую ночь тянутся к моей шее и голове, от этих рук у меня перехватывает дыхание, страх парализует всё моё тело, я даже как будто знаю, как выглядит смерть и какая она вообще. Иной раз я чувствую её запах, такой тяжёлый и острый, что аж нос закладывает. Я даже слышу песню, которая олицетворяет смерть, то есть конец жизни и всего живого, смерть, которую боится каждый человек, как бы он ни храбрился и ни утешал себя. Ведь тяжело уходить к праотцам, оставляя на земле любимую жену, или детей, любимое дело, или просто потому, что ты ещё столько всего не сделал. Тяжело умирать, когда в тебе жизнь бьёт ключом, и ты даже не подозреваешь о том, что эти костлявые, холодные руки уже схватили тебя за плечо. Почему именно так создана наша земля, зачем кому-то умирать и зачем кому-то рождаться? Круговорот непонятного и неизвестного окружает меня, возможно, я и не должен знать многого, но внутри меня огромная жажда познаний! Она рвётся наружу, я хочу всё знать, все тайны, все секреты, хочу сделать какое-нибудь великое открытие, хочу сделать что-нибудь такое, чтобы обо мне помнили последующие поколения. Мои размышления – это действительно бред сумасшедшего, кто ответит на мои вопросы? У кого хватит смелости и терпения выслушать меня?

Иногда мне кажется – или это опять всего лишь мои догадки – когда я ощущаю холод и неприятный запах, приходит смерть, но не за мной, а за тем, кого я совершенно не знаю, кого, возможно, никогда не увижу и не улыбнусь этому человеку. Приходит смерть к людям, а я как будто это чувствую, – объяснений

этому я не могу найти, просто подсознательно я знаю, что думаю правильно, и это, бесспорно, пугает меня. Иногда меня поражает дикий холод, и в голове звучит детский голос – тогда я знаю и чувствую, что умер ребёнок, это ужасно и страшно, поначалу я сам дико боялся этих ощущений, сейчас я, скорее всего, свыкся и привык. Из-за того, что я не такой как все, мне тяжело найти общий язык с девушками, которые всячески пытаются раскрутить меня на смелые и дерзкие отношения, но я не могу ни одной из них дать то, что им нужно, по ночам температура моего тела зашкаливает, голова становится не моей и мысли становятся не моими, я сам себе не принадлежу.

Но одна девушка слишком сильно меня зацепила, так что мне придётся попытаться хотя бы просто с ней познакомиться, узнать её имя и чем она увлекается, но где мне её искать? Москва – огромный город, безумное количество разных улиц, домов, станций метро. Это всё равно, что искать иголку в стоге сена. Я потерялся, и моя голова потерялась вместе со мной. Как долго мне предстоит её искать? Год, два, а может всю свою жизнь я буду в поиске той, которую видел всего лишь пару минут? Город действительно большой, и шансов у меня очень и очень мало, я бы мог подключить своего приятеля, он работает в полиции, но я даже имени её не знаю, совершенно белый для меня лист, я был разбит, казалось, осколки стекла врезались в моё сердце, я понимал, что без неё мне будет трудно. Но в этой безысходности есть и свой плюс, у меня появилась цель в жизни, как давно у меня не было такого боевого настроения, цель моя заключалась в том, чтобы найти незнакомку любой ценой и любыми возможными способами. Днём я пошёл в кафе, в котором мы чуть было не познакомились поближе, если бы не мои друзья, которые отвлекли меня от её безгранично красивых глаз. На двух столбах я закрепил небольшие листочки со следующим текстом:

«Ищу голубоглазую девушку, которая была здесь 27 июня где-то приблизительно в районе шести часов вечера, одета она была в белые джинсы и белую майку. Откликнись».

Я понимал, что выглядел в тот момент глупо, все смотрели на меня и хихикали в рукав, но мне было всё равно, пускай всем смешно и я кажусь полным идиотом, но это шанс, шанс найти её. Вдруг она завтра или сегодня пройдёт мимо или зайдёт в кафе и нечаянно кинет взгляд на мои крики души на столбах, вдруг она тоже не прочь со мной познакомиться, может, она тоже меня ищет? Я сходил с ума, вёл себя как десятилетний мальчик, волновался и вглядывался в прохожих девушек, ища у них хотя бы одну схожую с ней черту.

– Влюбился, парнишка? – спросил хриплый, прокуренный голос.

– Нет – сухо ответил я бедному, неухоженному старику.

– Я видел эту девушку, как ты там говоришь, 27 июня?

Я встрепенулся, сразу же обо всём забыл и с улыбкой задал свой главный вопрос.

– Видели?

– Я видел, как вы тут под козырьком стояли, пару минут мило беседовали, потом она пошла за угол этого здания, – старик указал пальцем направо в сторону от меня. – Парнишка, она исчезла, как привидение, только зашла за угол – и бам! Нет её, парнишка! С ума можно сойти, я чуть не упал от увиденного, просто взяла и исчезла, испарилась, был человек – и нет его!

Я слушал этот бред, и улыбка с моего лица медленно сползла на тротуар.

Мгновение в моей душе теплилась надежда, горел огонёк, но всё тщетно...

– Как она могла испариться? – глубоко вздохнув, спросил я.

– Хочешь, скажу, кто она такая? – этот человек взял меня за руку и чуть было не прислонил губы к моему уху. – Она ангел, парнишка! Я видел таких за свою жизнь не раз, она особенная, значит и ты тоже особенный. Как только увидишь её снова, твоя жизнь завертится так, что ты сам себе завидовать будешь. Ваша встреча всё равно неизбежна.

Старик как-то странно на меня посмотрел, его карие, уставшие глаза впились в меня с такой жадностью, что у меня сжалось всё внутри и вспотел затылок.

– Ты парнишка особенный, не такой, как все...

Он хотел было продолжить, но замолчал, его взгляд застыл, он как будто увидел привидение за моей спиной и быстрым шагом пошёл в неизвестном направлении. Я повернулся, но никого не увидел, только кучка людей и машины, больше ничего...

Кто был этот человек? Голова кружилась от догадок, с одной стороны, он показался мне малость не в себе, с другой стороны, он сказал мне, что я не такой, как все, и ведь эта чистая правда. Про девушку, конечно, он загнул, человек не может просто испариться или исчезнуть, скорее всего этот старик недопил или перепил: что только не лезет в голову, когда ты вот такой. Не имеешь ничего своего, одет в драные штаны и грязную толстую рубаху, ещё запутанная, седая борода и рваная кепка запомнились мне. Ах, нет, ещё неприятный запах и очень уж грустные и выразительные глаза. Я долго не мог забыть этого странного человека, такое ощущение, как будто он видел то, что никто не видит, даже я. Как будто он знает что-то такое, чего никто никогда не узнает, на мгновение он показался мне особенным, но что может прийти здравого в такую опьянённую голову?

Вечером начался сильный дождь, вокруг всё затянуло сероватым туманом.

– Чем занимаешься? – в комнату зашла Ольга Викторовна, и её добрая материнская улыбка озарила всё вокруг. – Ты какой-то в последнее время отрешённый, что ли, от мира сего. Ходишь как привидение, мало ешь, по ночам совершенно не спишь, что с тобой?

– Во-первых, чем я занимаюсь, – улыбнулся я в ответ, взяв руку мачехи в свою, – я рисую проект, который нужно сдать в университет. Во-вторых, ты слишком обо мне беспокоишься, я понимаю, что иной раз веду себя крайне странно, но, поверь, это моё обычное состояние, пора бы уже привыкнуть...

– Всё я понимаю, всё до последней мелочи понимаю, сынок! Но ведь сердце моё не обманешь, вижу ведь – что-то происходит с тобой, может, ты влюбился?

Её вопрос выбил меня из колеи, сам не заметил, как вылупил на мачеху глаза, она как-то сразу оживилась, поняв, что попала в точку.

– Ну вот и славненько! Хоть что-то проясняется, значит мой сын влюбился? И кто она, как зовут? Она учится с тобой на архитектора?

– Слишком много вопросов, Ольга Викторовна, но на один я отвечу: да, появилась девушка, которая мне очень сильно понравилась...

– Антон, не нужно скрывать от меня то, что волнует тебя больше всего на свете, ведь прежде всего я тебе друг, пускай сейчас тебя не спрашивает твой отец, но позволь заметить, что и мать может очень хорошо помочь сыну в его

клубке проблем. – Ольга Викторовна под села ко мне и обняла за плечо. – Я знаю, милый, что ты привык всё делать сам, более того, ты не нуждаешься ни в каких советах, но я не пытаюсь навязаться тебе, я просто хочу, чтобы ты отпустил то, что находится внутри тебя, внутри твоего сердца.

Она ласково положила свою руку мне на грудь, я положил свою поверх. Я был благодарен ей за такую огромную заботу, душа кричала о том, что меня тревожит, но язык не поворачивался открыть ей всю правду, было такое ощущение, будто я совершил страшное преступление и теперь тщательно его скрываю и раскаиваюсь в нём.

– Просто... – начал я, – я не успел даже узнать имени той девушки, которая мне понравилась. И все последние дни я думаю только о ней, смысл моей жизни теперь каким-то странным образом переплетается с ней...

Ольга Викторовна внимательно слушала меня, ловила каждое моё слово, я практически не позволяю себе такой откровенности, но сколько можно держать в себе всё это, этот клубок невыносимо болезненных чувств?

– Обычная история, сынок, но я думаю, если ты очень хочешь её увидеть, судьба даст тебе такой шанс. Ещё знаешь что: любовь с первого взгляда самая сильная и прочная, я вот именно так полюбила твоего отца и до сих пор люблю его так же сильно, как тогда, семнадцать лет назад... Ты не отчаивайся, она обязательно найдётся, не может она так поступить с тобой, если есть судьба – значит вы опять увидите, если же нет – придётся пострадать и жить дальше...

Пострадать и жить дальше... как легко она это сказала, возможно даже не понимая значения этих слов. Страдать я привык, но из-за любви – никогда. Снова перед глазами встал силуэт девушки, которую я полюбил и которую потерял.

Глава 3. Моё дождливое утро.

Я гулял по Москве, прошвырнулся по Лубянке, заскочил на Тверскую, пробежался ещё по разным улицам и местам, но нигде не находил и следа своей незнакомки. Дожди покинули столицу России несколько дней назад, и солнце быстренько пригрело всю землю. Я уже собирался идти домой, как вдруг мне очень захотелось зайти в ту самую кафешку в которой мы, собственно, и познакомились. Сев за привычный столик, я заказал овощной салат и задумался, мысли проносились в моей голове огромным потоком информации. Головоломка, которую не так-то просто разгадать. Я оглянулся назад, хотел посмотреть, какая погода на улице, хмурится ли небо или солнце светит. Сердце защемило от дикой боли, я не мог поверить своим глазам, в горле встал ком, во рту всё пересохло, в тот момент мои губы, наверно, были бледнее, чем что-либо на свете, я увидел её сидящей около окна, она тихо, не спеша пила из прозрачного стакана воду. Волосы её были затянуты в пучок, лицо чистое, круглое, белое – и такое яркое, глаза блестели, и еле заметная улыбка приводила меня в восторг. На этот раз на ней были белые хлопковые бриджи и белая лёгкая кофточка с засученными рукавами, она была прекрасна. Ноги не двигались, я не мог поверить своему счастью, это всё равно что вырваться из пасти белой акулы, успеть уплыть от неё и остаться в живых. Я не помню, как подошёл к её столику и сел напротив, сначала я боялся взглянуть в глаза любимой незнакомки, но всё же рискнул.

– Мне очень приятно, Антон, что вы искали меня, – начала разговор она. – Какой смелый поступок – ходить по этой улице и развешивать объявления.

– Разве смелый? – робко спросил я.

– Ну, конечно, смелый, в наше время редко кто этим занимается, сейчас такие вещи не ценятся.

– Какие вещи?

– Какие вещи? – девушка улыбнулась. – Ну, например, не бояться показаться глупым, ведь со стороны над вами смеялись. Любовь сейчас не ставится ни во что, люди сначала думают, что любят до конца дней своих, а потом понимают, что настоящая любовь ещё впереди, хотя на самом деле она всегда была рядом. Вот, например ваш поступок: я вам понравилась и вы не постеснялись ходить с тубиком клея и бумагой.

– Но ведь ради любви люди умирают, а мой поступок это ничто!

– Ничто? – удивлённо спросила девушка. – Вы очень сильно ошибаетесь, с таких поступков и начинается настоящая любовь. – Она немного помолчала. – Сейчас умирают из-за якобы настоящего чувства только в нескольких случаях – чтобы отомстить и чтобы сделать больно другому человеку! Есть очень красивое высказывание: «Если твоё сердце остановится, моё будет биться за двоих». Понимаете? Важна жизнь, она прекрасна, что бы ни происходило!

– Значит, из-за любви не стоит умирать?

– Надо жить, – загадочно ответила девушка.

Мне казалось, что наша встреча была не случайной, и старик был прав, мы обязательно бы встретились – не сегодня, так завтра. Меня потянуло в кафе, и я встретил её – так просто. Сбив все ноги в поисках этой девушки, я уж было совсем потерял надежду на встречу, а оказалось всё намного проще, чем казалось изначально. Она отвечала как-то загадочно, начала сразу обсуждать любовь, улыбалась мне так, как будто знала меня всю жизнь.

– Чуть не забыл задать вам самый главный вопрос!

– Какой же?

– Как вас зовут?

– Правильный вопрос, меня зовут Кристина.

Какое красивое имя, подумал я про себя, я понимал, что нашей встрече уже суждено закончиться, но ноги не хотели вставать из-за стола и идти домой.

– Я буду ждать вас завтра на Поклонной горе, в 7:30 утра, пожалуйста, не опаздывайте, это очень важно.

Честно сказать, меня удивила столь ранняя встреча и её напор. Я ничего не ответил и лишь утвердительно кивнул. Она не спеша встала и направилась к выходу, нежный и лёгкий запах её кожи коснулся меня, но почему я не чувствовал её внутренний мир? Почему я не мог понять, о чём она думает и что её тревожит? Что болит и какое настроение? Она была для меня закрытой книгой, тяжёлым занавесом, мне было немного некомфортно находиться в таком состоянии, я себя ощущал неполноценным, хотя всегда молился о том, чтобы все мои способности в один прекрасный день пропали навсегда.

Выйдя на улицу, в глаза бросились мои объявления, улыбка заиграла на моих щеках, наверно, даже выступил румянец. Я стал сдирать их, пока рядом проходило мало людей и никто пристально не наблюдал за мной. Я обратил внимание на то, что имени своего я не оставлял на бумаге, точнее сказать, не подписался. Откуда тогда она его узнала? Может, в тот первый раз, когда дру-

зья застали меня врасплох, она краем уха слышала, как ко мне обратились? Да какая, собственно, разница откуда она узнала моё имя! Я выкинул в урну липкие листочки и побрёл домой. Кеды были все в пыли от городских улиц, стояла жара... Всё вокруг жило своею жизнью, всё дышало.

– Какой живой блеск в твоих глазах, мой милый мальчик! – воскликнула Ольга Викторовна, встречая меня в коридоре квартиры.

– Прямо так видно? – засмутившись, спросил я.

– Ну, конечно, ты ожил, даже румянец играет на лице, рассказывай, что стряслось? Ты нашёл ту девушку, которая тебе понравилась?

– Вам бы экстрасенсом быть или ясновидящей! – засмеялся я.

– Каждая мать чувствует своего ребёнка на все сто процентов, так что мы все своего рода ясновидящие и экстрасенсы!

Пужинав, я как обычно скрылся в своей комнате. Включив группу Enigma, я лёг на кровать, и поток мыслей снова хлынул мне в голову, как наркотик в кровь. Сегодня, наверно, был мой самый счастливый день, потому что я встретил прекрасного человечка, и имя этого человечка – Кристина. Я никогда не был знаком с девушками с таким красивым именем. Она так много знает про любовь, про это чувство, или мне просто показалось, я вообще не увидел в ней ни одного минуса она вся была соткана из положительных качеств, даже её улыбка отличалась от всех других улыбок.

Время было где-то около двух часов ночи, головная боль снова поразила меня, я накрыл голову подушкой, и пот выступил на моей шее. Казалось, я весь горю, пламя охватило всё моё тело, я слышал какие-то странные стуки и шёпот. Этот странный шёпот как будто эхом звучал в моей голове, он бился об стены комнаты и влетал мне в голову с огромной скоростью. Я настолько привык к этой боли, что перестал уже даже стонать себе под нос, стояла гробовая тишина, а внутри меня всё кричало и рвалось наружу. Я ждал утра, по вискам текли капли пота, я как будто задыхался, казалось, что я под водой, что тону, и кислород на исходе, а с ним и моя жизнь. Рухнув на пол, я обхватил руками шею, вцепился, как голодный волк в овечку. Воздуха совершенно не хватало, откуда ни возьми во рту появился солёный вкус морской воды, кто-то тонул, да, возможно, мои предположения это бред, но я не мог найти другого объяснения своим кошмарам – настолько реальным. Я не умер, через считанные секунды меня отпустило, я дышал очень часто и глубоко, как будто наворачнул километров десять. Лёгкий холодок пробежался по всему телу и завис на уровне груди, я положил на неё руку и закрыл глаза, по всей вероятности, тот человек, которого я чувствовал, утонул...

Я уже умел контролировать свои эмоции, ежедневные приступы не вызывали во мне особых переживаний. Уходил один приступ, следом за ним сразу же приходил другой, и так было постоянно. Я просто даже физически не мог подумать об этом человеке, как-то посочувствовать, всё крутилось и проносилось мимо меня, я не успевал уловить смысл. Иногда я думаю, что отношусь ко всему этому уж слишком спокойно и холодно, но что я могу исправить?

Утро, выходной день, припарковав машину, я не спеша побрёл к фонтанам. В такое раннее время людей практически не было. На небе висело молодое солнце, утренняя прохлада бодрила меня, давала сил. Я сразу увидел Кристину. Её волосы развевались на ветру, губы были нежно-розового цвета, глаза блестящие, в них можно было увидеть целый океан, они были бесподобны.

– Привет. – робко произнёс я.

– Здравствуй, Антон. – ответила она, беря меня под руку и ведя куда-то.

– Куда мы идём?

– Мы просто гуляем.

Я был рад её увидеть, но гулять в полвосьмого утра было, конечно, странно-вато, внутри меня пробудилась уверенность.

– Зачем мы гуляем в полвосьмого утра здесь?

– Я знала, что ты спросишь. Просто именно утром можно насладиться остатками прохладной ночи, разве ты не ощущаешь, что сейчас твоему телу комфортно и хорошо? Что мелкая дрожь от прохладного ветерка только помогает тебе?

– Я, конечно, люблю такое состояние, но предпочитаю гулять днём, а утром и ночью – спать.

– Ну, начнём с того, что по ночам ты мало спишь, любишь больше поваляться в кровати днём, поэтому ты такой не уставший и не сонный. – Кристина остановилась, отошла от меня на пару шагов и посмотрела прямо в глаза. – Ты испытываешь безгранично сильную боль, никто на земле не подвержен таким мучениям, как ты, но твой организм и психика справляются с этим! Тебе трудно, ты одинок, но твоё сознание безусловно сильнее любых недугов. По ночам от боли у тебя сводит всё тело, ты горишь в огне, от того, что ежеминутно чувствуешь боль и разочарование других, посторонних тебе людей. По ночам, конечно, всё это обостряется, и вот почему ты не спишь, тебе страшно, и ты не понимаешь, за что и почему? Я пришла ответить на все вопросы, которые тебя тревожат.

Сказав это, она мило улыбнулась и пошла вперёд, ожидая, что я последую за ней. Ноги не хотели идти, то, что она мне сейчас сказала, выбило меня из этого мира. Я как будто стал мягким и невесомым, округлив глаза, я уставился на неё, как идиот, но всё-таки нашёл в себе силы пойти за ней. Всё это меня пугало, и слова того старика на улице всё чаще и чаще всплывали в моей памяти.

– Кто ты? – недоверчиво спросил я. – Откуда ты знаешь про меня такие подробности?

Теперь я был намерен разузнать всё, все мельчайшие подробности того, что знает она, я не мог поверить своим ушам и не мог поверить, что наше знакомство это не случайность.

– Не важно, кто я. – ответила Кристина, вдыхая в лёгкие свежий утренний воздух. – Ты узнаешь всё, но постепенно, просто сейчас нет смысла рассказывать тебе, кто я и зачем я тут. Ты всё равно не воспримешь мои слова всерьёз, сейчас твоё сердце стучит 130 ударов в минуту, ты переживаешь и как будто стоишь абсолютно голый, потому что я знаю про тебя всё! Все твои секреты, тайны, проделки. – Она внимательно посмотрела на меня. – Ты очень чистый человек, прямо алмаз редчайшей красоты.

Мы шли не спеша мимо лавочек и деревьев. Неужели это всё правда? Неужели всё, что сейчас со мной происходит – реально? Я могу именно сейчас узнать всё, что хочу знать, я был готов к наступлению.

– Спрашивай меня, не стесняйся. – с улыбкой сказала Кристина.

– Значит, ты знаешь всё про меня? И имя моё изначально знала?

– Скажем так, я даже знала твою маму и видела твоё рождение, я с тобой с

самых первых секунд твоей жизни. Тебе придётся многому научиться и многое понять, я должна наставить тебя и привести к внутренней гармонии, тогда ты сможешь сделать то, что предназначено сделать.

– Говоришь какими-то загадками и небылицами! Я знаю, что я не такой, как все, но этот бред, который ты несёшь, просто выходит за рамки нормального восприятия! Тебе сколько лет? На вид лет девятнадцать, как ты могла быть со мной ещё при моём рождении? Неплохо сохранилась, какими кремами пользуешься, если не секрет?

– Я понимаю твоё состояние и не обижаюсь на вспышку агрессии. Ты не веришь мне, и это твоя проблема, которую нужно уничтожить! Для начала ты должен мне верить, слушать меня и понимать меня, делать то, что я тебе скажу, и просто жить.

– Теперь у меня явно не получится просто жить! – воскликнул я, разводя руками.

– Всё очень просто Антон! Вообще жизнь удивительно лёгкая штука! Вы, люди, сами придумываете себе проблемы, вы, люди, сами себя убиваете, предаёте и делаете мир вокруг себя просто ужасным. Вы просите помощи у небес, сами того не понимая, что для лучшей жизни вы сами должны постараться! Если воспринимать жизнь сложной, жестокой и коварной, она именно такой и будет, – ты хочешь всегда находиться в таком состоянии? Думаю, что нет! Представь себе, что ты счастливый человек, у тебя замечательная семья, отец, мать и учёба. Не нужно обижаться на судьбу, ибо судьба твоя – это твои руки, ноги и голова. Куда повернётся голова, так и будет, что сделают руки, так и будет, куда пойдут ноги, так и будет.

– Я всегда думал, что судьба нам предначертана, и ничего нельзя изменить! Небеса... там моя мать, что она сделала такого, чтобы умереть, оставив меня так рано?

– Твою скорбь я понимаю! Но не всё так сразу, добрый друг, на все твои вопросы я отвечу в своё время.

– И, кстати, почему ты говоришь: «вы, люди» – ты что, не человек?

Произнёс я эти слова с долей шутки, но её глаза повергли меня в шок, она смотрела так, как никогда никто не смотрел на меня. В моих глазах отразилось огромное удивление, я не мог поверить даже тому, что я не сплю, и где-то внутри меня голос говорил, что это только начало моего долгого пути.

– Всё, хватит! Поиграли – и ладно!

Не знаю почему, но меня охватила злость, я не мог объяснить, почему, и была ли это вообще злость? Я боялся и хотел поскорей разобраться с тем, что сейчас происходило со мной.

– Тогда мне придётся тебе доказать, что я не просто так здесь с тобой нахожусь, то, что ты сейчас увидишь, повергнет тебя в шок. Но учти: обо мне тебе никому нельзя рассказывать, и о том, что ты увидишь, – тоже!

Кристина медленно подняла руки к небу и закрыла глаза, сильный ветер ударил меня в спину, я уже был в предвкушении. За считанные секунды раздался гром и молния, с неба полетели капли дождя, они усиливались, и начался настоящий ураган.

– Не волнуйся, это обычный дождь, просто сильный дождь.

Она подошла и протянула мне руку. Сначала я не понял, но потом присмотрелся и увидел, что она абсолютно сухая, на ней нет ни единой капельки во-

ды, ветер и вода не касались её. С меня текли потоки воды, я шурился и еле видел, что происходит вокруг, но Кристину я хорошо ощущал рядом с собой. Мне не хотелось верить своим глазам: как может человек стоять под потоками воды и оставаться при этом абсолютно сухим? Что это магия? Или какое-то сильное колдовство?

– Этого не может быть! – воскликнул я, всё ещё не веря своим глазам.

– Это только начало, мой друг, – ответила она, стоя посередине дороги, а вокруг лились потоки воды, но ей было нипочём.

Минут через десять сильный дождь закончился и выглянуло солнце, я был под таким впечатлением, что готов был теперь поверить любому бреду, который услышу. Дороги были мокрые, город с самого утра снова омыл недолгий, но сильный дождь.

– Вот так живёшь и не знаешь, что непогоду может вызвать симпатичная девушка с очаровательными глазами... – сказал я как бы про себя.

Мы молча шли куда-то, я шёл рядом с ней и всячески пытался всмотреться ей в глаза: кто она такая? Вот так просто подняла руки к небу – и полил дождь. И, что самое поразительное, она была при этом так спокойна, как будто ничего не произошло.

Можно ли назвать её человеком? Кто она или что она? И она ли это вообще? К телу прилипла холодная и мокрая майка, с волос стекали капельки свежего дождя, на лице ощущался холодок, она же шла совсем рядом, впритык, совершенно сухая, на лице и волосах ни капельки, а об одежде я вообще молчу. Можно было подумать, что она просто переждала где-то дождь, но я-то был свидетелем совсем иного действия. Мне хотелось поскорей узнать, кто она такая и зачем я ей нужен? Моя скромная персона понадобилась кому-то? Да ещё непонятно, человек ли это или кто? Интересно, с появлением этой девушки как-то изменится моя жизнь и в какую сторону? Самое важное и главное было то, что я любил её, мне было совершенно всё равно, кто она такая и зачем я ей понадобился. Её появление в моей жизни спасало меня, и мне было всё равно, кто она... Я понимал, что влюбился как-то быстро и странно. Всё было странным, даже моя жизнь становилась для меня клубком непонятных событий, к которым я, казалось бы, уже привык, но которые не давали мне покоя.

Нет, я не спал, я жил и шёл по улице любимого города с прекрасной девушкой, и я совершенно не боялся принять реальную обстановку, мне было всё равно, что она может мне ещё показать и что может сделать. Эта встреча навсегда останется в моей памяти, даже если я захочу забыть её, я уже не смогу этого сделать, её образ въелся в мой мозг, мне некуда было бежать.

Всю жизнь я скрывал свои страхи и боль, всю жизнь я куда-то спешил и убегал – и тут просто так, как с неба на голову, упала она. Которая знает про меня всё, досконально знает всю мою подноготную, это просто фантастика. Об Оксане я уже и думать забыл, раньше я считал, что только она могла стать мне другом, теперь появился человек, который в сто раз сильнее меня, понимает и знает меня, настоящего меня! Возможно, сейчас мы идём и она читает все мои мысли, может, в глубине души она смеётся надо мной, а может – жалеет меня.

Мы бродили по городу. Я шел рядом и не мог поверить в то, что эта девушка каким-то странным образом появилась в моей жизни. Раньше я жил и мечтал о том, чтобы найти ответы на все свои вопросы, мечтал в один пре-

красный день избавить свое измученное тело от кошмаров, которые, как мне казалось, не только калечили физически, но и уносили с собой мой рассудок. Её тело было маленьким и совершенно беззащитным, только взгляд выдавал какую-то необъяснимо сильную энергетику. Она сказала, что я могу задавать любые вопросы, которые меня интересуют, но ответы я получу не сразу, а когда придет время и я буду готов понять и принять то, что услышу. Как странно, но я совершенно не боялся узнать что-то ужасное или совершенно бредовое. Я ждал финала, а может, это чья-то глупая шутка, и совсем скоро я стану объектом насмешек, может, я выдумал её, и она совершенно не реальна, и я просто схожу с ума от этой неизбежности.

– Не думай о плохом, мой милый друг! – сказала Кристина, заглянув в мои глаза так глубоко, что в моей груди что-то защемило.

– Откуда ты знаешь, о чем я думаю?

– Твои глаза выдают тебя, Антон, не нужно быть психологом, чтобы понять, что на душе у каждого человека. Вас выдают глаза, и необъяснимая печаль гложет каждого человека с невероятной силой, вас легко изучать, вы предсказуемы и потеряны, но вы уникальны и от этого никуда не деться.

– Значит, на нас смело можно ставить крест, – ответил я с улыбкой.

– Многие так и делают, и это конечно печально, но мы ведь оптимисты? – спросила Кристина, переходя через дорогу. – Знаешь, ведь жизнь – удивительная вещь, сейчас мы с тобой без особых проблем перешли дорогу, а ведь ежедневно вы, люди, умираете на дорогах, считай, что тебе повезло – ты остался жить, и знаешь, что это значит?

– Что? – с неприкрытым любопытством спросил я.

– Цени эти минуты, цени то, что ты сейчас перешёл дорогу, цени всё это.

Такая странная тема, я не знал, что ответить. Я не мог пока думать о чём-то глубоком и философском, в голове была только она и её суждения и размышления. День подходил к концу, и нам пора было расставаться. Мы дошли до моего дома и посмотрели снова друг другу в глаза, внутри меня что-то горело, её взгляд меня убивал. В её глазах читалось только одно: эта сила надо мной, она знала меня лучше, чем я сам себя.

Глава 4. Просто скажи это слово.

День длился как целая вечность, никогда не думал, что так сильно буду искать встречи с Кристиной. Интересно, она чувствовала, что моё сердце ёкало при виде её, чувствовала ли она, как всё моё нутро трепетало при виде её голубых глаз? Знала ли она, как может любить человек? Как могут страдать тело и сердце?

Прошло ещё два дня... Она не приходила, и я начинал медленно сходить с ума, впервые в жизни я не боролся со своими кошмарами и болью. Всё это накатило на меня огромной смертельной волной, от этих ощущений искры сыпались из глаз, и на какое-то время я потерял слух, только слышал голоса – еле слышные, совсем отдалённые от меня, я их не понимал они все были на разных языках. И даже если бы знал хоть один язык, вряд ли бы что-нибудь разобрал, мне было тяжело. От резкого удара в грудь я подпрыгнул, этот удар был сравним с ударом тока, мне даже показалось, что сердце оторвалось и упало. Открыв глаза, я увидел её, увидел сидящую на мне Кристину. Волосы были аккуратно положены на правое плечо, бледные губы были как каменные, а оке-

ан её глаз бушевал. При виде девушки мне захотелось жить, захотелось дышать с ней в унисон, несмотря на то что пару минут назад я был готов умереть.

– Никогда больше так не делай!– воскликнула она, кладя руки мне на грудь.– Ты мог умереть, хорошо, я почувствовала, что с тобой происходит! Зачем ты это сделал? Зачем расслабился и дал боли и чувствам поглотить тебя с ног до головы?

– Тебя так долго не было...– это всё, что я мог выжать из себя.

Её ноги обхватили моё тело, я не мог даже пошевелиться, её встревоженный взгляд впился в меня, потом она резко вскочила и отпрянула к окну, лёгкий ветерок впустил свои пальцы ей в волосы, она была божественна...

– Так значит, ты просто тосковал по мне и решил заняться самоистязанием? – спросила Кристина, усаживаясь на подоконник.

– Просто я не хочу, чтобы ты оставляла меня даже на минуту, боли каким-то образом усиливаются и я уже с трудом могу сдерживать крик, я мучаюсь, и моё тело свело, это нормально?

– Это твой дар просит тебя понять его,– тихо пролепетала Кристина.

– Серьёзно?– спросил я.

– А ты как думаешь? Он хочет слиться с тобой навсегда.

– Кто ты? Зачем я тебе?– прошептал я.

Я поставил вопрос ребром, мне очень хотелось узнать всё и сразу, я себя почувствовал маленьким ребёнком, но ничего не мог с собой поделать. Боль постепенно отпускала, и я начал тихо и ровно дышать, Кристина подошла и села рядышком, положив руку мне на голову.

– Сейчас тебе станет гораздо легче, Антон. Ты удивительный человек, благодаря твоим способностям и стараниям на земле воцарится мир и добро. Ты избран стать лидером для всех, у тебя высокая миссия.

– Миссия? Это же бред!

– Бред? Разве сегодняшней дождь это бред? Как я оказалась в твоей квартире? Тоже бред? Я просила тебя слушать меня и верить мне.

– Да я понимаю, но сама посуди: жил обычный парень, странноватый, правда, но всё же парень. И тут является девушка, показывает ему фокусы-покусы, и он в одночасье становится лидером всех и вся, да ещё и мир с добром должен принести на эту землю. Кристина, уже никто и никогда не сможет сделать людей счастливыми и добрыми! Телевизор разрушает и развращает психику взрослых и детей, на каждом шагу можно купить алкоголь и наркотики, процветает проституция и бандитизм, мы все обречены в один прекрасный день умереть! Только вот как – пока не знаю, может третья мировая война начнётся, бахнут по всем странам ракетами и финиш!

– Продолжай.

– Зачем воевать, пропагандировать геноцид? Это всё так скользко и мерзко. Почему кому-то всё, а кому-то – шиш с маслом? Почему, поступая в университет после школы с золотой медалью, ты всё равно обязан заплатить за поступление, почему ты должен одеваться в дорогих магазинах, чтобы сверстники в школе приняли тебя в свою компанию? Да я могу перечислять и перечислять все грешки людей, которые превращают свои жизни в помойку! И что самое интересное – все вокруг виноваты, но только не ты сам!

– Ты прав как никто другой, но разве все люди такие, какими ты сейчас

представил весь человеческий род? Есть люди, которые заслуживают жить в мире и процветании, взять даже твою семью. Антон, мне предстоит тебе многое рассказать и показать, начну я с того, что не нужно не любить мир вокруг себя, ты закрытый человек, не впускаешь в свой мир никого. А ты знаешь, что есть один близкий тебе человек, который будет абсолютно счастлив, если ты скажешь всего лишь одно слово?

– Ты это про что?

– Я про Ольгу Викторовну, она мечтает, чтобы в один прекрасный день ты назвал её мамой, и это не будет означать, что ты предал свою родную мать, это значит только, что ты благодарен ей за её заботу и любовь. Поверь мне, она тебя очень сильно любит, желает тебе счастья и мечтает хоть на пару мгновений стать тебе матерью.

– Я не знаю, – закрыв глаза, сказал я. Внутри меня всё кипело, я не любил поднимать эту щекотливую тему.

– Ольга Викторовна любит тебя, она жизнь свою отдаст ради тебя.

– Я знаю, что она любит меня, но... – я замолчал и уставился на Кристину. – Я не хочу предавать свою родную мать, это неправильно.

– Ты ещё ревнуешь своего отца к мачехе, но поверь мне, он так же, как и прежде, любит твою покойную мать, украдкой он думает о ней и вспоминает счастливое время, проведённое вместе, – говорила Кристина, всматриваясь в мои влажные глаза. – Такой сильной любви практически нигде не осталась, она уже нигде не живёт, только в сердце твоего отца. Он любит воспоминания, связанные с твоей матерью, и это помогает ему жить и растить тебя. Она вот здесь, – Кристина положила руку мне на грудь. – Твоя мама в его сердце, благодаря тебе он живёт и дышит, благодаря воспоминаниям о ней он радуется, благодаря Ольге Викторовне ты стал отличным человеком, и отец может тобой гордиться. Не плачь! Что ты? Я говорю правду, самую настоящую и чистую правду!

Я не мог поверить в то, что я сейчас услышал. Мне было крайне тяжело принимать все слова Кристины всерьёз, никогда раньше я не разговаривал ни с кем о своей семье и о том, как тоскую по ней... как тоскую по матери...

В глубине души я и вправду ревновал отца к мачехе, я любил их обоих, но на сердце часто скребли кошки. Странно, но в детстве я не чувствовал особой ревности, она стала усиливаться с годами, я борюсь с этим чувством, тщательно скрываю эту занозу, пытаюсь всё правильно понимать. Никто даже не подозревает о том, что творится у меня внутри. То, о чем сейчас просила Кристина, было для меня непонятным и странным, вот так взять и перешагнуть через свои принципы я не мог, но я не спешил делать поспешные выводы.

Я поражался, насколько точно знает меня эта девушка, как будто она живёт во мне...

– Прошу тебя принять один подарок, у тебя есть фотография твоей матери, там на ней надет серебряный крестик, который она потеряла и который носила с самых ранних лет, ну так вот...

Кристинка сунула руку в карман и достала серебряный крестик с цепочкой, не спеша она протянула мне руку – и вот он у меня перед глазами, а я даже слово не могу вымолвить.

– Назови Ольгу Викторовну матерью, и ты поймёшь одну очень важную для себя вещь. Когда человек любит, он хочет, чтобы и его тоже любили, что

бы чувствовалось тепло слов и поступков. Её же любовь односторонняя: бьётся в стену, а там глухо, и ей больно.

Она вышла из моей комнаты, и я не услышал её шагов, она как будто исчезла или просто оторвалась от пола и неслышно улетела. Я долго думал над словами Кристины, анализировал, чувствовал в себе огромный поток эмоций, противоречий, отрицаний, жалости и любви. В руке я сжимал крестик матери, периодически поглядывая на него, в голове что-то щёлкало. Мне стало интересно: что будет, если я покажу отцу эту дорогую его сердцу находку? Наверно, его поразит огромное удивление или, не дай бог, insult, ведь об этом крестике я часто слышал в детстве, маме он был очень дорог и важен как память о родителях.

На следующее утро я встал с отвратительным настроением, не хотелось никого видеть и слышать, ладонь дико болела – похоже, ночью мне снова снились кошмары, и я сжимал что есть мочи крестик в руке, оставив себе на память красные надрезы. Выйдя на кухню, я увидел, как Ольга Викторовна бежит и готовит явно что-то вкусное. Она очень редко распускала свои светлые волосы, и сегодняшней день не стал исключением, синяя заколка держала густые, длинные волосы женщины, и я заметил выбившуюся из общей массы волос седую прядь. Люди не вечны... старость наступает нас так быстро, что нам тяжело принять свой возраст и морщины. Мачеха встретила меня милой, доброй улыбкой, я сел за стол. Отца не было дома, и мне пришлось завтракать с ней одной. Обычно мы всегда садимся втроем есть и я поймал себя на мысли, что избегаю контакта с ней, не знаю, что говорить и что делать.

Такое ощущение, как будто именно сейчас за моей спиной стоит Кристина, она положила руку мне на плечо, и тихое, холодное дыхание чувствовал мой затылок. Я думал про себя: что делать? С одной стороны – чего бояться? И вообще – кого? Но это слово, которое я должен был сказать, наверно самое сложное слово в моей жизни. Я любил Ольгу Викторовну, но никогда не говорил ей этого, возможно, где-то в глубине души я хотел, и не раз, назвать её матерью, но не называл, теперь мне предстояло это сделать, исправить все свои ошибки, исправить ради того, чтобы Кристина мной гордилась.

Да и не только ради неё я хотел сделать то, что планировал. Я редко смотрел в глаза Ольге Викторовне, редко проводил с ней время и всегда избегал её эмоций. Такое чувство, что мне раньше было всё равно, что она ощущает и какие у неё на душе переживания. Седая прядь не портила её внешнего вида, наоборот, придавала ей особенный вид, зрелой и умной женщины. Я в детстве много раз представлял на ее месте свою мать, как она, так же, как и отец, выросла и становилась женщиной, но это тяжело представлять, тяжело старить в голове человека, которого никогда не видел, а фотография может исказить, что-то передать не так или что-то важное упустить. И наверно, это неправильно всегда держаться за прошлое, не видя, кто с тобой находится в настоящее время. Сейчас я не могу сказать, что за что-то вообще держусь, иногда мне кажется, что я себя похоронил, причём очень давно. Если хочешь жить, значит найди смысл в жизни, его-то мне и нужно было найти.

– Ты чего задумался?– спросила Ольга Викторовна посмотрев на меня своими усталыми серыми глазами.

В уголках её губ появились морщинки и около глаз тоже, она каким-то странным образом за этот месяц стала такой старой. В ее взгляде отсутствова-

ло присущее ей спокойствие и какая-то покорность наблюдалась в нём. Голос не очень заметно, но дрожал, на мгновение мне показалось, что её подменили, настолько, оказывается, я привык к её голосу и глазам...

– Да так просто, – ответил я, делая небольшой глоток чая, – ты не устала? Вид у тебя какой-то странный...

– Нет, что ты! Со мной всё хорошо, просто погода опять испортилась, по-видимому давление поднялось, вот и кажется, что мне нехорошо!

– Понятно, сегодня я хотел съездить в автосалон, а тебе нужно на рынок – мне просто по пути, могли бы заехать?

– Ой! Как здорово, я с радостью, как раз нужно что-нибудь приготовить вам с отцом на первое, а то в холодильнике особо ничего и нет.

– Ну вот и славненько!

Мы сидели молча, иногда смотрели друг на друга, но не произносили ни слова. Когда я закончил трапезу и начал вставать из-за стола, я посмотрел ещё раз в глаза дорогой мне женщины и понял, что этот человек был со мной всегда, кормил, воспитывал, давал свою любовь – и не просто любовь, а настоящую материнскую любовь.

– Вкусный завтрак! Спасибо, мам, – громко сказал я и вышел из кухни.

Тишина... в груди стучало больше чем сердце, мне было дико непривычно чувствовать себя так, как сейчас, но я держался. Не спеша я заглянул обратно на кухню и увидел её, она сидела за столом, обхватив руками лицо, её плечи тихо подрагивали, она плакала.

От увиденного мои глаза стали стеклянными, я испугался и немного опешил. Неужели можно так повлиять на человека? Повлиять на его эмоции? Ольга Викторовна тяжело встала из-за стола, подошла к окну, обхватила себя за плечи и продолжала плакать. Мне было тяжело смотреть на это, и я решил подойти к ней, улыбнуться, как-то поддержать её.

– Всё в порядке? – спросил я, кладя ей на плечо руку.

Она встрепенулась, не ожидая увидеть меня, отвела в сторону покрасневшие глаза и притворилась, что что-то попало ей в глаз.

– Всё хорошо, Антош, – с хрипотцой в голосе ответила она. – Просто мне сейчас очень хорошо, спасибо тебе, спасибо...

Ком к горлу подступил, и я не спеша ушёл к себе в комнату, там на кровати сидела Кристина, её глаза пристально смотрели на меня, она еле заметно мне улыбнулась, но в её взгляде читалась грусть и глубокая печаль. Слово «мам» ещё отголосками звенело в моей голове, я думал, что мне составит большое усилие произнести это слово, но всё произошло с какой-то лёгкостью, которую я встретил неожиданно. Если бы не Кристина, я бы наверно никогда не понял того, что произошло сейчас, и мне было в какой-то мере стыдно перед ней, потому что те вещи, которые со мной происходили и происходят, лежат на поверхности и их нетрудно понять и заметить.

– Не думал, что будет так странно, – сказал я, сев рядом с ней.

– Ты спас её, – ответила Кристина, кладя свою руку в мою.

– Спас?

– Да, спас. Антон, то, что сейчас ты услышишь, ещё больше повергнет тебя в шок, но я прошу тебя отнестись к этому спокойно и рассудительно. Ольга Викторовна умрёт 29 декабря этого года от рака, который уже поедает её. Теперь ей не страшно уйти из этой жизни, потому что ты назвал её матерью, –

видишь, как мало нужно любящему человеку? Ты спросишь, зачем я тебе это сказала? Чтобы ты превратил её последние дни в сказку, чтобы она почувствовала твоё тепло, тепло сына. Ей не будет страшно умирать, она уйдёт из этого мира счастливой, если ты ей дашь это счастье. Как только ты начнёшь помогать, а не закрываться в себе, ты поймёшь суть жизни и поймёшь своё предназначение. Ты удивительный человек, но очень закрытый, ты даже не пытаешься открыться для близких тебе людей, постарайся начать это делать. Я знаю, что у тебя получится и ты будешь тосковать по своей мачехе, ты любишь её, а после смерти полюбишь ещё сильнее! Так почему нужно показывать свои чувства только когда человека уже нет рядом, а душа стала путешественницей? Почему не начать любить и дарить тепло при жизни?

Я сидел и не мог в который раз поверить своим ушам, слишком много всего происходит со мной за последнее время. Так вот почему Ольга Викторовна стала такой бледной и морщин стало как-то больше, практически постоянно она сидит на диване, а раньше крутилась как белка в колесе. Помню один случай из детства, не знаю почему, но именно сейчас он вспомнился. Мне было лет восемь, на улице стояло лето, и я учился кататься на велосипеде, моему детскому счастью не было предела. Но с первого раза у меня не получилось произвести впечатление на соседскую девочку и друзей, и я выскочил на дорогу, недалеко от меня стояла мачеха. Увидев, что я не в безопасности и меня в любую минуту может сбить машина, она кинулась за мной и, считай, закрыла меня грудью от ехавшей на меня машины. Я не успел даже испугаться, потому что она накрыла меня собой, а потом долго и упорно целовала и твердила: «Сынок, сынок...»

Помню как она осыпала меня пламенными поцелуями, и её лицо светилось счастьем, что я остался жив, что я с ней, что мы вместе...

– Хорошее воспоминание, Антон, думаю, оно тебе послужит отличным стимулом для того, чтобы предотвратить смерть любимого человека...

– А это можно сделать? – с надеждой спросил я.

Кристина ничего не ответила, лишь грустно улыбнулась, а я стал анализировать всю свою жизнь. Для того чтобы понять, кто я и что мне нужно делать, моя голубоглазая красавица дала мне несколько дней. Долго мне не пришлось думать, я сразу же понял, как я жил все эти годы, кого любил и чем занимался. Мне было стыдно, что я действительно не дарил любви ни отцу, ни Ольге Викторовне, что все годы своего существования на планете Земля я был слеп, глух и нем...

Жил в своём мире, никого не признавал и совершенно завуалировал себя ото всех. Я понимал это и чувствовал к себе отвращение, я сжал руками голову, да так, что глаза покраснели, и вдалбливал себе одно единственное, что должно было мне помочь, – это то, что я нужен. Нужен Кристине, нужен родителям, нужен этому миру и всем людям, которые обитают по соседству со мной. Кристина говорит, что я прекрасный и удивительный человек, но чем я прекрасен и удивителен? Ну да, в детстве не издевался над сверстниками и животными, мечтал и жил в своём мирке. Может, моё сердце на самом деле чистое, честное? Может, во мне правда нет той грязи, которая встречается в каждом втором человеке. И как я должен помочь людям жить в мире и добре? Я не представлял себе, что мне предстоит сделать ради других, принести себя в жертву во благо добру?

Одев красные шорты и белую майку, я вышел на улицу, и снова капли дождя стали мочить мои волосы и тело. Я не спеша пошёл по дорожке, мимо проходили девушки, одна из них нежно мне улыбнулась и подмигнула, я должен был сделать что-то в ответ, но лишь окинул её холодным взглядом. Для меня теперь были важны несколько вопросов, которые мучили меня уже давно. Кто такая Кристина? Что я должен сделать? И зачем она пришла?

Я снова погрузился в раздумья, которые всё больше и больше меня разочаровывали. Я жил, а жизни как таковой не знал. Не знал, что можно любить и быть любимым, не знал, что есть свет, даже если вокруг сплошная тьма. Кристина дала мне многое понять и открыла глаза на реальную мою жизнь. Наверно, я бы так и жил, слепой и никчемный, и не видел бы, как на моих глазах умирает близкий мне человек, и что самое простое и лёгкое слово может дать человеку огромную силу бороться за свою жизнь. Ольга Викторовна открылась для меня с новой стороны, и где я был раньше? Почему никогда не замечал, как сильно она меня любит и как дорог ей мальчик, которого она не носила под своим сердцем. Я всегда жил прошлым, не принимал настоящее и наотрез отрицал светлое будущее. И почему я решил, что я человек без будущего, кто сказал мне, что у меня будет такой плачевный исход? Я не хочу умереть, как большинство людей умирают – как-то бессмысленно умирают, так ничего и не сделав значимого в своей жизни, пускай она даже была недолгой. Человек не стремится сделать что-то хорошее для другого, погружаясь в бытовуху и в душевный хаос, человек напрочь забывает тех, кто рядом с ним, он забывает, что нужно стремиться к великим открытиям и гениальным решениям. Я благодарен судьбе за встречу с прекрасной девушкой, с ещё более прекрасным именем Кристина. Мы знаем друг друга очень мало, но она мне так помогает жить, что я могу только восхищаться нашей дружбой, если это, конечно, она и есть...

Кристина знала про меня всё, что только можно знать о человеке, про неё же я ничего не знал. Было страшно и в тоже время интересно – кто она такая и зачем она здесь? Я был поражён тем, что она умела делать. Появлялась из неоткуда и уходила в никуда, а этот дождь, который она вызвала и при этом осталась совершенно сухой? Могла ли она сделать что-либо более устрашающее или глобальное? Высушить все воды Мирового океана, вернуть к жизни динозавров? Возможно, я желаю многого, хотя, наверно, наоборот, – я вижу в ней огромную силу. Да, я ничего про неё не знаю, она для меня совершенно закрытая книга, но эту силу я в ней чувствую. Её глаза выдают всплеск энергии, её голубые глаза – как огромный неизведанный океан. Время шло, и я всё думал и думал. Анализировал всю свою недолгую жизнь. Что в ней было плохого? А что хорошего? Мысли безостановочным потоком поступали в мою голову. Я понял одну очень важную для себя вещь: если человек любим хоть кем-то, ради этого чувства стоит жить, нести в мир добро и говорить спасибо за любовь, которая есть вокруг. Я благодарен отцу и мачехе за их родительскую любовь. Я должен был уже с самых малых лет нести в дом тепло и радость, а я закрылся в себе, загнал себя в угол и жил до этого времени только так. Мои размышления тихо подходили к логическому завершению, я мало любил и давал себя мало любить, поэтому я был так несчастлив, поэтому мои кошмары и составляли всю мою жизнь. Боязнь того, что меня посчитают сумасшедшим, тормозила всю мою жизнь, но разве может посчитать тебя любящий человек

таким, каким я себя ощущал? Отец бы никогда не поверил в это и, скорее всего, тащил бы меня за уши, но никак не дал бы мне потонуть в болоте, которое я создал собственными руками. Присутствие Кристины очень сильно на меня влияло, каждое её слово несло в себе глобальный и важный смысл, я слушал её и всё сразу же понимал. Я был как слепой и глухой, закрылся в своём мире и жил там. Да хотя бы был этот мир добрым и хорошим – тогда из-за каких-нибудь эгоистичных соображений я мог бы никого туда не пускать, радоваться только в одиночку, а другие пускай живут по ту сторону. А так получается, что в этой темноте и боли я варился один, боялся причинить кому-то боль, всё думал, что я изгой и никому не нужный человек. Но сейчас я понимаю, что мои близкие никогда бы от меня не отвернулись, они были бы всегда со мной, как говорится, и в радости и в горе. Но это не означает, что завтра или в ближайшие дни я расскажу им то, что скрывал от них большую часть своей жизни. Мне было намного легче знать, что они просто меня любят и придут на помощь, если это будет уже необходимо.

Глава 5. О нём.

Я как будто в руках держала жизнь беспомощного ребёнка. Как в таком хрупком человеке может жить такая огромная сила? В каких уголках души она рассредоточена? Я чувствовала то, о чём он думал, и понимала, что я на верном пути. Главное, чтобы он полюбил себя и всё вокруг, главное, чтобы он открыл в себе третий глаз, который ещё спит. Мне было сложно находиться с ним дольше, чем следует, так как знала, как сильно он любит меня, точнее – любит мою оболочку и то, что внутри. Его любовь слишком сильно жжёт мою грудь, я не могу не чувствовать боль, ведь нас любить нельзя, и мы не должны любить, я чувствую, как теряю силы, становлюсь слабее, куда уходит моя мощь? Ответ я знала: меня просто нельзя любить... Это меня разрушает, меня разрушает это высокое чувство, несмотря на то, что я должна внушить Антону доверие к этому светлому и чистому чувству. Его огромные серые глаза смотрят постоянно в душу и куда-то глубже, чем следует смотреть, его прекрасное лицо стоит перед моими глазами днём и ночью. Лицо с правильными чертами, ямочка на подбородке, высокий рост – он был красивый, но, потерявшись в себе, его потерял весь мир. Начало было уже положено, он знал меня и готов был идти до конца, он смелый и такой ранимый...

Сейчас глубокая ночь, и я нахожусь рядом с ним, он сладко спит в своей постели, а я даже боюсь дотронуться до его волос, несмотря на то что он спит очень крепко и я его не разбужу. Голова моего подопечного горела огнём, он очень много думал над смыслом своей жизни, и как я рада, что он принял любовь своей мачехи и, возможно, совершит чудо в её жизни. Сейчас я снилась ему, в его сне я убегаю от него в белом летнем платье, ветер треплет волосы и громкий смех эхом отдаётся в моей голове. Я бегу в лесу, журчит ручей и солнце пробивается из-за зелёных ветвей старых деревьев. Он никак не может меня догнать, но со мной что-то происходит, вдруг ни с того, ни с сего я падаю на землю, и дикая боль пробивает мою грудь, потом из неё вырывается голубое сердце и разрывается на куски. Это был знак...

Открыв глаза и убрав руку с его головы, я отпрянула от постели, во рту был привкус листьев и по телу бегали мурашки. Это удивительное существо повернулось на бок, и его лицо попало под свет луны. Он был прекрасен, крас-

ные пухлые губы дрожали от ночного кошмара и лёгкая дрожь пробежалась по его телу. Сильные плечи выступали из-под лёгкого одеяла, красивая шея и сильная грудь дышали.

Мне нельзя было проникнуться к нему всем сердцем, хотя я этого страстно желала, за всю свою бесконечно долгую жизнь я никогда так не интересовалась человеком. Всегда я была лишь тенью, а сейчас я наравне со своим подопечным, учу его и общаюсь с ним – разве это не прекрасно? Я сопротивлялась этим странным чувствам, ведь если я полюблю, то погибну, но и от его любви мне тоже не жить, что я могла сделать, когда ход событию уже дан? Оставалось только одно: терпеть и не показывать вида, что и со мной происходит трансформация...

Никто из людей не мог даже предположить, кто я или что я. Я существую с первых секунд сотворения мира, я всегда была в тени своих подопечных, они были великими людьми, гениями, прорицателями, учёными, обычными людьми, я видела многих и знала многое. Моя жизнь – это огромная человеческая история, видя из века в век войны, зло, коварство, я искала и находила великую любовь, настоящую дружбу и видела, как люди творили чудеса, от которых у меня безгранично сильно радовалось сердце. Антон предполагал, кто я такая, он был на правильном пути, но всё равно был далёк от истины, он даже себе представить не может, что моя бесконечная жизнь может оборваться совсем скоро ради того, чтобы он жил и сделал то, что ему предназначено совершить. Он сладко спал, кошмары оставили его, он был всё равно что ребёнок, незащитный человек. Странно, что с ним я себя ощущала свободной и в тоже время – нет. Впервые за всю свою жизнь моё сердце щемит от боли, потому что во мне что-то назревает, я не могу сама себе объяснить, что это за чувство, но любовь для меня большая роскошь и смертельная болезнь, от неё я слабею, и, в конце концов, если дам волю чувствам, моё сердце разорвётся...

Несмотря на то что он уже почти мужчина, он был раним и в его душе было много уязвимых мест. Всё, что с ним происходило и происходит, мне было известно, я знала его как никто другой. Чувствовать эмоции и переживания людей, которые обитают вокруг него, было тяжёлой ношей. И ведь это не соседи или только близкие, это все люди, обитающие на земле, которые рассредоточены по всему земному шару. Чувствовать каждого было для него пыткой, ночи казались ему нескончаемым потоком боли, дни накрывали его размышлениями, и не было ему нигде покоя. Полюбив меня, он полюбит этот мир, только нужна ли мне его любовь? И как так, он отдался мне? Находиться с ним было опасно, человек нашёл себе не ту пессию, которая ему была нужна...

Я лишь лёгкое виденье, временное явление, так же, как и у него, у меня тоже есть миссия. Выполнив её, я исчезну из его жизни навсегда. Как странно, когда я смотрю на него, в моей груди происходит что-то, что объяснить очень трудно, я просто этого не понимаю. Когда же я нахожусь далеко от него, мне намного легче, страх пока не покорила меня, я не могла бояться того, чего пока не понимала.

Глава 6. Моё запоздалое раскаяние.

День начался с того, что Ольга Викторовна приготовила вкусный праздничный обед. Повода, конечно, никакого не было, она просто светила сча-

стьем по понятной мне причине. Никогда ещё я не видел её такой молодой и красивой, от неё пахло свежими силами и огромной борьбой за свою жизнь. Отец не сразу понял, что произошло с ней, он приглядывался, заглядывал ей в глаза, но ничего так и не понял. Я краем глаза поглядывал за тем, как она вертится на кухне, как пытается произвести на всех неизгладимое впечатление. После недолгой паузы отец заговорил.

– Оль, ты чего носишься по кухне как угарелая? Тебе ведь нельзя особо напрыгаться?

– Мне теперь всё равно! – воскликнула она, обнимая отца.

Отец внимательно посмотрел на неё и не мог понять причину столь явно выраженного счастья. Она светилась любовью, и не было ничего вокруг прекрасней её ярких и красивых глаз. Я стал понимать, что жил неправильно и ценил совершенно другие, чуждые мне вещи, я не старался быть другом для своего отца и матери, я закопошился в себе, закрылся и медленно, но верно приближался к бездне. Ценил ли я вообще хоть что-нибудь?

– Объясни, что случилось? Буквально вчера у тебя было плохое самочувствие, а сейчас ты совсем как молоденькая девочка скачешь по кухне! Что случилось? Какая пчела тебя укусила?

– Дело в том, Вань, что вчера случилось то, о чём я мечтала много лет, теперь мне, наверно, не страшно умереть, я получила что хотела.

– Не пугай меня! – воскликнул отец, подбегая к жене. – Я не могу понять ни одного твоего слова! Что случилось?

– Антон назвал меня мамой...

На кухне воцарилась гробовая тишина, отец устремил на неё удивлённый взгляд и медленно опустился на стул.

– Наверно, настал конец света, – сказал он.

Ольга Викторовна нежно улыбнулась и поцеловала отца в лоб, он обнял её за талию, и они ещё долго обнимали друг друга, каждый думал о своём.

Я не спеша, еле слышно ушёл к себе в комнату, где меня ждала Кристина, которая стояла около окна и смотрела куда-то вдаль.

– Вот видишь, как мало нужно человеку? В нашем случае – как мало нужно твоей мачехе для того, чтобы начать бороться за свою жизнь.

– Я эгоист и идиот.

– Возможно, это так, но, главное, не благодари меня, я всего лишь подтолкнула тебя, направила в правильное русло, ты сам многое понял, и мне теперь за тебя спокойно.

– Только ты какая-то не спокойная! – недоверчиво ответил я.

– Я? Не смейся меня! Лучше расскажи свои ощущения? Что чувствуешь, когда понимаешь свои ошибки?

– Важно что я исправил свою главную ошибку – и во многом благодаря тебе. Что я могу чувствовать? Наверно, большую лёгкость и спокойствие за себя, я как будто исповедался, что ли...

– Это хорошо, что тебя посещают такие хорошие мысли, я именно на такой ответ и рассчитывала.

Кристина отошла от окна и медленно подошла ко мне, потом робко обняла меня, прижалась ко мне всем телом и глубоко вздохнула.

– Ты так тяжело вздохнула – что-то случилось? Ты даже в лице как-то изменилась.

– Нет, всё в порядке, просто видела слёзы на щеках Ольги Викторовны...

– И что?

– Я не умею плакать, мне не дано испытать этот эмоциональный всплеск.

– Печально.– ответил я, обнимая Кристину.

– Да, вот так бывает, казалось бы, ну что в этом такого? Ну, вода, ну, слёзы, просто обычная соль, а так хочется это испытать... Ведь со слезами выходит некая энергия, которую мне, к сожалению, никогда не познать. А ты счастливчик!– улыбнувшись, сказала она.

– Я, наверно, голову сломаю, пока пойму, кто ты такая!

Кристина громко засмеялась и отошла от меня шага на два, в её глазах я читал неприкрытое волнение и тревогу, она как будто дрожала от холода, хотя в комнате было очень жарко. Я не стал докапываться до неё, просто понимал, что она всё равно ничего мне не расскажет, мне оставалось только ждать...

Я не успел ничего почувствовать, но было такое ощущение, что из-под ног ушла земля и я повис в воздухе, хотя всё равно я плохо понимал, как оказался абсолютно в другом месте.

Мы стояли на горе, откуда открывался прекраснейший вид на океан, он был спокойный и голубой, эта красота просто поразила мой разум, в этот момент я наверно выглядел очень глупо, считай, как маленький мальчик. Чистый воздух щекотал ноздри, рядом росли деревья и листья не спеша слетали с них и летели прямо в воду, преодолевая огромное расстояние. Я чувствовал, как эта устрашающая глубина манит меня к себе, она пела что-то, гипнотизируя меня. Ещё никогда я не видел такой красоты, такого божества, природа была просто потрясающей, а океан был настолько огромен, что ему не было конца и края. Иногда я замечал какие-то большие тёмные фигуры, которые проплывали под толщей воды, всё было загадочным, и мне хотелось всё больше погрузиться в эту атмосферу.

– Правда, очень красиво?– спросила Кристина, придерживая свои волосы рукой, ветер здесь был сильный.

– Нет слов! Это так здорово!

– Помнишь свой сон? Старика, который обращался к небу?

Я помнил об этом сне всегда, но как она могла знать о нём? Хотя я уже ничему не удивлялся и лишь только положительно кивнул в ответ.

– Твои сны носят в себе зашифрованную информацию, к примеру, этот сон – небольшое послание тебе, твоя душа в образе старца просила у неба для себя спокойствия и поддержки. Поддержка – это я, а спокойствие тебе принесла исправленная ошибка. Но я захотела, чтобы ты увидел все чудеса этого мира, чтобы ты навсегда запомнил запах морской воды, уходящей за горизонт, всё это так прекрасно, что сама радуюсь.– с улыбкой на лице говорила Кристина.

– Такое чувство, что ты сейчас даёшь мне шанс увидеть все прелести жизни, так как в будущем этого не будет?

– Это своего рода подпитка, друг мой! Я хочу, чтобы ты вдохновился и начал всё глубже и глубже погружаться в мой мир.

– Я стараюсь, но ты говоришь или загадками, или вообще ничего! Мне сложно тебя понять, что происходит вокруг меня, кто ты и зачем всё это происходит со мной?

– Ты знаешь мой ответ...

– Но почему? Разве так трудно пояснить мне сложившуюся ситуацию? Просто сказать правду? Кристина, ведь я многого не прошу! – воскликнул я, схватив её за руку.

Волны били о камни, шум стоял в ушах, но он был приятный и завораживающий. Я и она стоим на огромной горе, откуда открывается удивительный вид на бескрайний океан, который может просто сожрать нас в любую минуту, просто накинуть на нас свои могучие волны – и мы уйдём под воду, в тёмную глубину, в глубокую бездну...

– Я твой ангел, Антон, я поэтапно расскажу тебе всё, но вижу, что лучше открыться твоему взору, иначе ты снова закроешься в себе.

– Ангел? – спросил я, отпустив руку Кристины.

– Именно так. Понимаю, это звучит крайне глупо и из разряда фантастики, но это так, я твой ангел. Я живу много веков, за свою жизни видела огромное количество совершенно разных людей, но таких как ты – никогда. У тебя удивительно чистое и доброе сердце. Я появилась в твоей жизни, когда ты только сделал первый вдох, видела твоё развитие. Ты спросишь, почему я такая молодая? Всё очень просто! Это всего лишь оболочка, на самом деле мы абсолютно другие, не похожи на вас людей ни внешне, ни внутренне. Чтобы слиться с вами и вообще не пугать вас, мы принимаем обличие людей, так проще. Мы не умеем плакать, нам нельзя любить, можно только направлять и беречь.

– Какая чушь!

– Возможно, но это так!

– Какая ты на самом деле?

– Я не могу тебе показать себя настоящую, вам, людям, не дано видеть и знать больше, чем нужно.

– Почему? – спросил я, еле стоя на ногах.

Кристина громко расхохоталась, потом внимательно посмотрела на меня и продолжила свой рассказ.

– Что будет, если я стану настоящей? Я говорю тебе правду – ты не готов.

Я стоял и не мог поверить своим ушам, её слова как будто до крови разворотили все мои раны. Кого я любил на самом деле? Оболочку? А какая на самом деле та, которая стоит сейчас передо мной и нежно смотрит мне в глаза?

Ангел... Кто это или что? Краткий её рассказ настолько поразил меня, что я перестал замечать, где нахожусь, и вообще – дышу ли я? Рядом со мной стояло существо, которое нельзя было назвать человеком, это было что-то невообразимое. Я сразу начал анализировать обстановку. Если ангел пришёл ко мне, значит я имею какую-то важность, какой-то смысл, ведь не ко всем людям приходят такие девушки? Я слушался её как ребёнок, скажи «мама» – и я сказал, как это всё глупо! Поверь в то, что мир не такой плохой, как кажется и всё в этом духе – прямо один сплошной оптимизм, от которого мне становится только хуже. Я чувствовал, что мне предстоит ещё много раз видеть чудеса и делать то, что скажет Кристина, но только одна мысль, что она ангел, приводила меня в оцепенение!

Я не раз слышал про ангелов: летающие птицы добра, несущие с собой только любовь и правду, – всё это казалось мне по большому счёту сказкой для детей. Я привык ощущать совершенно противоположные чувства, и мне было чуждо признавать то, что на свете существуют существа, которые прино-

сят тебе только хорошее. Вера в добро постепенно во мне угасала, я становился каменным, поэтому и не принимал всерьёз что-то хорошее, это было ужасно! Благодаря Кристине я стал думать в правильном направлении, постепенно то, чего я раньше в себе не понимал, стало приоткрываться мне, и это должно было радовать меня, но печаль ложилась большим отпечатком на моё сердце.

– А разве можно взять внешность человека?

– Не всем ангелам такое позволяется.

– У меня голова идёт кругом, я схожу с ума!

– Нам пора двигаться дальше, – спокойно сказала Кристина.

– И куда дальше? И вообще, можно ли человеку видеть то, что ты творишь?

– Нет, исключено! Но для тебя...

– Я что – особенный?

– Ты даже себе представить не можешь, насколько!

Тяжело было принять эту информацию за чистую монету, но я принял и проглотил. Теперь я знал гораздо больше, чем хотел узнать. Она стояла рядом, смотрела на меня – маленькое, хрупкое существо, но так ли это? От неё шла сильная энергетика, глубокие голубые глаза стреляли метко в сердце, казалось, я умирал. Ветер трепал наши волосы, и волны стали волноваться, темно...

Я пытался вести себя спокойно, но у меня это плохо получалось, уши горели и в груди всё дрожало, на миг я стал бояться её, на миг я почувствовал, что все мои надежды – это воздушные замки.

Я стоял на краю пропасти, и мне совершенно не хотелось жить, потому что моя любовь – это всего лишь моя любовь, и больше ничья. Кто я, чтобы любить это волшебство? И что я могу дать ей, кроме себя и своего сердца? Я был голый и бедный, по крайней мере я так считал, смотря в её голубые глаза. Я видел безграничную печаль, что-то постоянно её тревожило, она переживала и металась из стороны в сторону, было очень больно смотреть на неё, но она молчала и лишь иногда улыбалась мне.

Какая она на самом деле? Что скрывается за этой оболочкой? Столько вопросов и ни одного ответа, было тяжело всё это принять и понять, она не ждала от меня смирения и понимания – по крайней мере сейчас, – ей было достаточно того, что я хотя бы не расхохотался ей в лицо, как делали до меня все глупые люди. Мне всё равно, кто она: сгусток энергии или огромное животное, а может, просто невидимка? – она была для меня Кристиной, с каштановыми волосами, голубыми глазами и бледными губами.

Небо как будто висело надо мной огромным грузом, оно стало хмурым, и ветер пробирал до костей. Тут ни с того ни с сего я почувствовал сильный толчок в спину, потерял равновесие я полетел вниз, в воду. Сердце стучало с бешеной скоростью, перед глазами пролетела вся моя короткая и никчемная жизнь, что я успел сделать в свои двадцать два года? Шум воды усиливался с каждым метром, я был почти в ней, удар был болезненный, и я потерялся в ней. Вода сразу же затекла мне в уши и в нос, я хотел ртом поймать хоть глоток воздуха, но был уже далеко от поверхности, вода была ужасно холодная, и с погружением в неё становилась всё темней и темней.

– Что ты видишь? – раздался в моей голове эхом голос Кристины.

– Пустоту. – мысленно ответил я, понимая, что воздух почти ушёл из моих

лёгких.

– Не бойся её, – сказала Кристина.

– Я утону!– мысленно крикнул я в сердцах.

Ноги отнимались и руки перестали работать, внизу была лишь только темнота и пустота, какие-то чёрные фигуры плавали подо мной, я поджимал ноги, но всё равно страх побеждал. Лёгкие уже горели – я умирал.

– Не бойся её, вода не забирает твою жизнь, ты сам отдаёшь её ей, постарайся сосредоточиться и вздохнуть. Отпусти все ненужные тебе мысли, освободи свой разум от мусора серых дней, впусти в своё сознание чистоту.

Я прислушался к словам Кристины и просто расслабился, закрыл глаза и стал ждать. Тело стало совершенно невесомым, я как будто поднимался на поверхность и воздух был совершенно не нужен. Ощущение было необъяснимое, я находился под водой, холод добрался до моего сердца и я чувствовал, как каждый его стук приносит мне жуткую боль. Кровь стала замедленно протекать по моим венам, она застывала...

Мне не было страшно, по крайней мере сильного страха я не испытывал. Я боялся сбиться, боялся сделать что-нибудь не так, тем самым нарушив ту гармонию, которая сейчас окружала меня. Дыша под водой, я ощущал себя рыбой – непередаваемое ощущение какой-то холодной лёгкости. Фигуры, которые плавали подо мной, иногда касались моих ног, от их неожиданных прикосновений я возвращался в реальность и начинал паниковать, тогда снова в голове раздавался знакомый голос, который успокаивал меня и возвращал в ту гармонию, о которой я всегда мечтал. Я плохо видел, вокруг была только лишь одна вода, местами темнее, местами светлее. Глубина, которая засасывала мои ноги, не тревожила меня, она просто была рядом, как невольный свидетель моего здесь пребывания. Я понимал, что я здесь чужой, что это не мой мир и рано или поздно мне придётся покинуть это место, я был готов. Я не слышал как бьётся моё сердце, я как будто замёрз или погрузился в летаргический сон, всё было замедленным и прекрасным.

Разводя руками, я не чувствовал никаких преград, вся эта морская гладь была моей, и не важно было, что я всего лишь гость в этом водном мире. Я не знал, где поверхность, а где бездна, всё казалось похожим, и что-либо увидеть через толщу воды было проблематично. Иногда мне казалось, что меня тянут вниз, иногда – что я как пробка поднимаюсь вверх. Расслабленное состояние моё нарушило странное чувство, что я задыхаюсь. Я чувствовал себя, как человек-амфибия, мне было спокойно и хорошо, но тут за считанные секунды я почувствовал давление в груди, уши были заложены и болели, ноги не двигались, я был в ловушке, всё внутри запаниковало. Всё, что я мог делать – это разводить руками. Я пытался куда-то плыть, но не мог, руки были слабы, они висели, как две ненужные, бесполезные гири, в лёгких всё жгло, я стал открывать рот, и солёная вода стала проникать в меня...

Очнулся я в своей постели. Голова немного болела, но я практически ничего не чувствовал. Одежда на мне была сухая, я не понимал, как здесь оказался, но уже не паниковал, как поначалу. Со мной действительно происходили чудеса, Кристина всячески погружала меня в свой неизведанный мир, и мне всё больше и больше хотелось познавать его. Я встал с кровати и подошёл к зеркалу, вот уже много дней меня не тревожат странные звуки в голове, меня отпустила невыносимая боль, и я даже поменялся в лице, стал свеж и бодр.

– Тебе звонил Рома, что-то хотел спросить, кстати, очень настойчивый молодой человек.– хриплый голосок Ольги Викторовны раздался в дверях моей комнаты.

– Хорошо, я свяжусь с ним, он тебя побеспокоил?– ответил я, видя, какое бледное лицо у несчастной женщины.

– Нет, что ты, просто прицепился к тебе, всё чего-то хочет, ты ему скажи или намекни – пускай не будет таким дотошным.

– Обязательно. Как твоё здоровье?– с неприкрытым любопытством поинтересовался я.

– Здоровье моё ничего, сынок, – она села на кровать и её глаза увлажнились. – Болит всё тело, спину ломит, наверно скоро настанет мой конец.

– Конец? Вот так просто можешь сдаться?

– А разве я могу сделать что-нибудь, чтобы рак меня оставил? Боль распространяется по всему телу вне зависимости от того, что болит. У меня хороший врач, но в его глазах я не вижу проблеска для себя, поэтому потихонечку подготавливаю себя к уходу.

– Это неправильно!– воскликнул я. – Ты должна бороться, потому что ты сильный человек, нельзя сдаваться, и тем более ждать этого конца, трясясь от страха! Неужели тебе хочется вот так уйти? Зачем? Ведь есть я и отец, мы рядом! Ты ещё в состоянии бороться. Ты ходишь, дышишь, в общем, ещё не так всё страшно! Прошу тебя, не опускай руки, борись и верь, это тяжело, но я рядом...

Она сидела и не могла поверить в то, что слышала. Добрая, материнская улыбка озарила всю комнату, мне было очень неприятно слышать от неё такие слова, было больно осознавать, что она сдаётся, пускает всё на самотёк, как уж получится! Я знал, какие боли причиняет рак и подобные заболевания. Перечислять их не было никакого смысла, достаточно было просто вспомнить боли, которые меня одолевали. Ольга Викторовна действительно держалась стойко, она практически не показывала своё положение и душевную печаль. Она не пыталась интенсивно лечиться, применять химиотерапию, ей казалось, что это пустое, только перед смертью засоряешь себе организм, ей не хотелось умирать в стенах больницы, её мысли были грустными. Ещё такая молодая женщина, и уже думает о том свете, а я, глупец, даже не заметил, когда с ней произошла эта беда! Неужели я настолько был слеп и жалок? Чем мне вымолить прощение? Я был так виноват перед ней.

Вечером того же дня, я решил прокатить Ольгу Викторовну по городу, в ней чувствовался восторг, она периодически поглядывала на меня и улыбалась мне, но боль терзала её, губы тряслись когда она пыталась улыбнуться от чистого сердца, – бледные, обветренные, они приводили меня в ужас, а постаревшее лицо совершенно убивало меня. Она наверно и ростом стала меньше, осунулась, похудела, стала костлявой и совершенно не привлекательной. Ольга Викторовна сильно утомилась и заснула в машине, я хотел взять её на руки и отнести домой, но как только притронулся к её руке, меня поразила ужасно сильная боль. Она как током ударила меня во всё тело, спина отнималась и просто ломилась пополам, голова кружилась и в горле стояла сухость, мне хотелось поскорей избавиться от этих страшных ощущений, и я быстро убрал руку. Спрятав её в карман, я уставился на спящую женщину.

Мне больше не хотелось ощущать то, что сейчас ощутило моё тело. Боль,

которую она терпела, просто невозможно было терпеть, иммунитет был очень ослаблен, сердце тоже очень ослабло, она вся была слабой, и в её теле еле теплилась жизнь.

– Что ты почувствовал?– спросил женский голос за спиной.

Я обернулся и увидел свои родные и любимые голубые глаза.

– Боль...

– Боль? Чью?

– Мамы...

– Какая она?

– Нестерпимая...

– Страшно?

– Страшно? Боюсь ли я смерти?

– Её смерти.

– Нет.

– Я боялась, что ты не скажешь этого слова, что побоишься его произнести, тем самым поставишь под вопрос свою силу воли. На самом деле вы все очень боитесь смерти, боитесь умереть как-то страшно или, наоборот, в принципе само понятие ухода из жизни бросает вас в дрожь. Не стоит бояться конца, ведь после одного конца начинается другое начало. Смерть изначально существовала в гармонии с жизнью, но со временем всё изменилось. Мир стал жестоким, вы его изменили. Смерть превратилась в негативную субстанцию, которая питается человеческими душами и нехорошими поступками. Страх, предательство и боль притягивают её как магнит к человеку, поэтому очень важно не бояться смерти. Это всё равно, что перебороть свои детские страхи, например темноту, страшных монстров и так далее. Не пытайся победить смерть, просто не бойся её, думай о ней, как о безобидном существе, которое можно спугнуть, согнать с плеча. Когда в тебе нет страха, ты по-настоящему велик!

– Это очень тяжело, – говорил я, смотря, как сладко спит Ольга Викторовна.

– Посмотри на неё, я вижу, как смерть положила ей на плечо свою руку, как уже одним пальцем тянется к её горлу, ей одной не справиться. Глубоко в её сердце теплится страх, что она умрёт, что она не вечна, а главное, она уже ждёт прихода смерти. Женщина слаба волей, и я чувствую, как её тело становится всё мягче и мягче.

– Это ужасно!– от слов Кристины у меня побежали мурашки по спине.

– Я говорю тебе только правду. Антон, пойми меня, пойми мои мысли, которые я хочу донести до тебя! Помоги своей матери вылезти из тисков смерти, заставь её бороться с этой невиданной силой, она сама не поймёт, как победит смерть, если ты ей, конечно же, поможешь. Только человек, который хочет жить и не боится ничего, победит любую несправедливость и заставит всё отрицательное, что есть на этом свете, дрожать перед ним!– Кристина медленно подошла ко мне и в её глазах я прочитал удивление. – Да ты сам боишься смерти, вижу это так отчётливо, что могу это даже утверждать!

– А почему я не должен бояться смерти?– ответил я, обняв себя руками.– Моя родная мать не боялась смерти, но умерла, так какая разница?

– Она знала, что ты будешь особенным и пожертвовала собой, чтобы материнская защита была с тобой всегда и всюду, где бы ты ни был! Она поступила героически, дав тебе такую защиту, о которой можно только мечтать. Её ис-

кренняя и сильная любовь всегда защищала тебя и будет защищать до последних твоих дней. Ты просто почувствуй её, почувствуй, то что она живёт внутри тебя, она с тобой!– Кристина замолчала, потом снова стала говорить. – Бывают такие случаи, когда смерть происходит незапланированно, то есть человеку ещё не время уходить, а он уходит. Это всё связано с огромным дисбалансом, который сейчас пребывает на этой земле. Из-за такого масштабного зла и хаоса смерть стала всемогущей, и её руки могут выхватить любого из толпы, и итог тебе известен. Люди сами себе роют могилы и, не успевая дорыть до конца, падают в сырую землю, откуда уже никогда не выбраться. Но и тут можно отойти от темы, Ольга Викторовна смертельно больна, и это очевидно, что смерть уже стоит на пороге вашего дома. И тебе решать, пора ей переступить этот порог или нет...

После своего ответа Кристина нежно мне улыбнулась и ушла, ушла, чтобы где-нибудь исчезнуть и придти ко мне позже, когда я пойму очередную головоломку.

Я снова стал смотреть на спящую женщину, она казалась такой маленькой, что её можно было поднять на одной руке. Не спеша я принёс её домой, отец смотрел телевизор и, увидев нас, погрузился в свои мысли.

– Она спит?– спросил он, после того как я сел рядом.

– Да.

– Уже много ночей она не спала, может сейчас выспится.

– Пап, что ты чувствуешь?

– Что чувствую? Наверное, страх...

– А как было с мамой?

– С мамой было ещё тяжелей, когда ты родился, она умерла, даже не увидев тебя. Как сейчас помню: мне тебя вынесли такого крошечного, я не знал, как правильно тебя держать, и вообще боялся даже дышать в твою сторону. Когда мне сказали, что Лиза умерла, я чуть не сошёл с ума от горя и одиночества, но спас ты, наш сын, часть её и меня. Тогда я ощутил на себе всю силу одиночества и горя и, чтобы не сойти с ума в прямом смысле – я уже был на грани – судьба преподнесла мне подарок в виде Оли. Мне будет тяжело без неё, хотя ловлю себя на мысли, что такого состояния, которое было двадцать лет назад, уже не будет. Сказывается, видимо, возраст, да и куда мне уже слёзы лить...

Страшно больно было смотреть на отца, он тоже как будто постарел лет на десять, морщины на его лбу углубились, лицо было неухоженное, он таял на моих глазах. Трудно даже представить свою жизнь без Ольги Викторовны, без этого чуткого и милого человечка. И ведь она всегда была рядом с нами, своим незаметным теплом всегда нас согревала. Никогда не позволяла лишних слов, никогда не повышала на меня голос и, тем более, редко что запрещала, только если в особенных случаях. Отец понимал её и ценил всегда, а я совершенно ничего не понимал, и ведь не только её я не ценил, но и отца тоже. Пропускал всё мимо ушей, боялся впустить их в свой мир, закрывался, огрызался, ревновал и проглядел такую вещь, как болезнь у родного человека. И как я мог такое не почувствовать? Прощения мне не было, я не заслуживал того, чтобы Кристина помогала мне, чтобы направляла и открывала мои глаза на правду и реальность. Сейчас главной моей задачей было помочь этой хрупкой женщине не погибнуть, отогнать от неё смерть, дать ей второе дыхание, укрепить её организм, бороться вместе с ней, – ведь я мог, ведь я был особенным.

Кристина помогла мне открыться своим близким, но всё равно перед глазами стояла моя мама, и в моей комнате лежал её серебряный крестик, который я так и не осмелился показать отцу. Ольга Викторовна тихо посапывала в комнате, отец накрыл её тёплым пледом, в последнее время она стала сильно замерзать, после чего вышел снова ко мне и улыбкой дал понять, что вроде бы всё хорошо и паниковать рано. Я видел печаль в его глазах, чтобы почувствовать его боль, мне нужно было просто дотронуться до него, и тогда пелена догадок спадёт с моих глаз, но я не решился. Зачем мне чувствовать боль и печаль отца? И без прикосновений было понятно, что он чувствует, да и внешний вид его хорошо выдавал, он был похож на старика, уставшего и задумчивого. В комнате повисла тягучая тишина, и напряжение просачивалось через окна, мне было не по себе, лёгкий холодок пробежался по моей спине. Было такое ощущение, как будто тряслись стёкла и кто-то тихо постанывал, давно я не ощущал того, что преследует меня с детства.

– Скажи мне, а почему вы мне не сказали о болезни сразу же, как только сами узнали?– осторожно спросил я.

– Не хотели тебя волновать, ты и так занят учёбой, и Оля всегда тебя берегла от разных проблем, и вот сейчас запретила мне рассказывать о себе.

– А если честно?– недоверчиво спросил я, чувствуя в речи отца какую-то фальшь.

– Так и есть,– ответил он, грустно взглянув в мои глаза.– Ну, а если быть совсем уж честным перед тобой, то я не хотел тебя тревожить только из-за того, что тебе было бы наплевать.

– Что?– хрипло простонал я.

– Ты же себя знаешь, да и я тебя знаю! Ты всегда жил в своём мире, никогда не спрашивал, как дела и какое самочувствие? Как-то жил с нами, но в то же время тебя не было с нами. Оля тяжело переносила твоё безразличие к ней, но никогда не жаловалась, никогда. Знаешь, я очень боялся, что ты не примешь её в семью, я даже думал ничего тебе не рассказывать про мать, чтобы ты мог принять другого человека как своего. Но Оля запретила мне врать, запретила скрывать от тебя правду и сама часто тебе рассказывала про Лизу. Понимаю, тогда я был идиотом, как я мог вычеркнуть из твоей жизни мать? Но я боялся перемен, и вот они настали и все мои опасения подтвердились.

– Неужели я настолько был холоден с Ольгой Викторовной?– возбуждённо спросил я.

– Ты как будто не видел её, она мелькала перед тобой, а ты отмахивался от неё рукой, как от надоедливой мухи. Ты же знаешь, сколько раз я пытался поговорить с тобой, но всё разбивалось об стену, ты не слушал меня. Сначала я думал, что тебя гложет ревность, потом я уже не знал что думать.

– Ревность была, но, наверно, со временем я привык жить так, закрыто и отрешённо, мне тогда казалось, что я всё делаю правильно,– я стал оправдываться, чувствуя, как ком подступает к горлу. – Я не хотел её обижать и тем более делать больно.

– Я знаю, Антон, знаю.– тихо ответил отец.– Это я виноват, не так начал твоё воспитание, не был в каких-то моментах мудрым отцом, в каких-то моментах учителем тебе, это я упустил твоё отношение к Оле, во всём виноват я.

– Ты отличный отец! Не придумывай!

– Тогда почему временами я себя ненавижу? Ты копия своей покойной ма-

тери, и когда я смотрю на тебя я вижу её, мне становится стыдно перед ней!

– За, что тебе стыдно?

– За то, что я не стал тебе настоящим другом, за то, что не понимал тебя, и за то, что временами сам от вас отдалялся и жил как будто не с вами! Знаешь, сынок, каково это жить и знать, что ты плохой отец?

Мне хотелось обнять его за плечи и сидеть с ним так до утра. Мы никогда вот так не сидели и никогда не разговаривали по душам. Для меня это было ново, но это новое было мне настолько приятным, что ощущения мои невозможно было передать. Он рассказывал мне то, о чём бы я никогда не узнал, его мысли шокировали меня, но я понимал, что по-другому и не могло быть. Конечно, а как иначе? Молодой, красивый, перспективный мужчина остался рано вдовцом и на руках у него ребёнок. Я понимаю, насколько ему тогда, много лет назад, было тяжело со мной и как он хотел сделать мою жизнь лучше и счастливее, чем у кого бы то ни было. Я помню, что отец в детстве практически никогда не рассказывал мне про маму, он избегал моих вопросов. Он пытался сразу же поселить в моём сердце любовь к Ольге Викторовне, к новому человеку, который становился частью нашей маленькой семьи. Он пытался поселить её, вмонтировать в моё сердце, чтобы я считал её родной и любимой. Но этого так у него и не получилось, и за эти нескончаемые попытки ему было стыдно перед матерью и передо мной. Я понимал его, понимал, насколько ему было тяжело раскрывать передо мной свои старые, запылённые карты, которые он никому и никогда не раскрывал. Он сидел как мальчишка, редко смотрел на меня, больше на свои руки, сконфуженный, разбитый.

– Ты любишь её?– после недолгого молчания спросил я.

– Кого?– тихо спросил он.

– Жену свою.

– Да, – немного громче ответил он.

– А маму?

Он поднял на меня свои огромные, уставшие глаза, на лбу появились глубокие морщины от удивления. Я очень решительно стал ждать ответа.

– Твою маму я всегда любил и люблю. Несмотря на то, что её со мной нет, она рядом, я чувствую её. Лиза всегда говорила, что ты особенный, когда до родов оставалось меньше недели, она сказала мне, что у тебя будет особенный ребёнок, непохожий на других, и что я должен быть всегда рядом с тобой. Тогда мне показалось, что она знала о своей смерти и как будто прощалась со мной, но я не придавал этому никакого значения, просто отмахнулся и забыл. Ты бы только знал, как она тебя ждала, с каким упоением она говорила о тебе, я тогда вас любил безумно, казалось, не было никого на свете счастливее нас!– он помолчал пару секунд.– Когда умерла твоя мама, я не знал, как мне жить. Пять лет полнейшего одиночества и боли привели меня к черте, которую нельзя было переходить. И вот появилась Оля, и я схватился за неё, как за спасательный круг, и начал влюбляться в неё, боготворить её, выплёскивать на неё всё то, что не успел дать твоей матери, и того же самого просил от тебя. Про меня можно смело сказать – эгоист чистой воды! Со временем я остыл, стал понимать, что никого и никогда я больше не смогу полюбить так же сильно, как Лизу, но Оля стала для меня дорогим человеком, без неё я уже не мог представить своего существования! Прости меня, это из-за меня ты стал таким!

Отец винил себя в моём поведении с ним, он думал, что слишком напирал на меня, мало общался как отец с сыном. Но к его счастью или горю, это было не так. Я даже не замечал этого напора и других явных нажимов, мне было не до них не потому, что он виноват, а потому, что я был особенным, и мама это знала.

– Пап, не вини себя ни в чём. Уверяю тебя, ты не виноват, всё, что ты делал, было правильным, и я ни о чём не жалею и люблю вас так же, как и вы любите меня.

Он удивлённо взглянул на меня, а потом расслабился и нежно мне улыбнулся. Подойдя ко мне, он попросил меня подняться, а затем тепло и крепко обнял меня. Я знал, что я его не сумел переубедить, но это было уже не важно, теперь до конца дней своих он будет винить себя в своих ошибках по отношению ко мне. Но если я сам изменюсь, стану таким, каким они хотели меня видеть, тогда, возможно, он хотя бы наполовину освободится от своего ненужного груза. Мне очень хотелось ему рассказать, почему я стал таким. Но разве он бы мне поверил? Несмотря на то, что мама предупредила его о моей «особенности», я думаю, в такую особенность, которая сейчас во мне, он бы вряд ли поверил.

Мы все втроём жили совершенно несчастливо все эти годы, а казались со стороны все такими счастливыми. Как можно было всего этого не чувствовать. Как можно было игнорировать любовь мачехи, которая действительно стала матерью для меня? Как можно было дать повод отцу считать себя плохим родителем? Я чувствовал себя отвратительно, мне хотелось умереть, провалиться сквозь землю, мне многое хотелось вернуть назад. И больше всего хотелось вернуть тот момент, когда мама пожертвовала собой ради меня, и как она могла жить, зная, что скоро умрёт? Наверно, я всё таки до конца не понимал своего предназначения в этом мире. Но всё, что происходило, не на шутку меня пугало.

После нашего непривычного разговора я сразу же направился в ванну, поток ледяной воды начал успокаивать меня. Капли воды остужали меня, я как будто весь кипел, нужно было срочно успокоиться. Я поднял голову, чтобы посмотреть на себя в зеркало: может быть, за то время, что я был вместе с отцом, в моей внешности что-нибудь изменилось? Может, как и у него, у меня появились глубокие морщины на лбу? Или, может, мой взгляд стал более выразительным? Но в отражении своём я не увидел себя, в зеркале стояла женщина, черты её лица были расплывчатыми, и мне было трудно определить даже, какой у неё цвет глаз, увидел только, что у неё чёрные волосы. Через какие-то пару секунд её изображение стало пропадать, и уже не её я видел в зеркале, а себя. Не могу сказать, что я испугался того, что увидел. После вещей, которые мне показала Кристина, я мог смело уже ничему не удивляться. Вместе с ней я открывался сам себе.

Потом я пошёл спать, мысли огромным потоком ворвались в мою голову, и все они были связаны с Кристиной, с той, которая мне так дорога и которая безгранично мне была нужна. И не потому что она гиперинтересная, а потому, что она такая светлая и чистая. Интересно, среди людей встречаются такие как она? Наверяд ли, хотя нужно, я думаю, в это верить, как верит она. Какая жизнь ждёт меня? Кристина знала ответ на мой вопрос, но смогу ли я его получить? По крайней мере я попытаюсь хотя бы спросить, но не думаю, что

моё любопытство увенчается успехом. Время шло незаметно, ночь уже всю гуляла по улицам, все спали, кроме меня, в голове крутились мама, Ольга Викторовна, Кристина и та женщина в зеркале, точнее – кто-то в зеркале. Небо висело над моим балконом, душная ночь меня просто убивала, я плохо спал последние дни, но разве другой человек на моём месте спал бы и отдыхал? Я думаю, что нет!

Кристина была чудом, она высшее существо, но я всё равно хотел бы увидеть её настоящей, облик девушки, конечно, красивый и я к нему привык, но внешность ли меня так сильно привлекла? Думаю, что больше всего – её внутренний мир, она искусный психолог и вообще умеет смело залезть в душу и переключить неправильные проводки. Мне не хватало её постоянно, я сильно скучал по ней и ждал следующей встречи, как маленький мальчик, ждущий свою маму домой после работы. Я нуждался в ней, и это больше всего меня пугало, пугало потому, что рано или поздно придёт конец нашей дружбе, и она испарится, исчезнет, и я не смогу её найти. Не смогу отправить электронное письмо, потому что у неё нет компьютера, не смогу написать ей письмо от руки, потому что у неё просто нет дома, у неё нет ничего, и в то же время она – всё.

И как было странным для самого себя осознавать тот факт, что я снова думаю о ней, почему бы мне снова не проанализировать разговор с отцом и выделить для себя важные пункты? Почему я снова забиваю голову ею? Неужели она для меня самое важное на этом свете...

Голова шла кругом от размышлений.

Глава 7. Пока ты спишь.

Антон схватывал всё на лету, понимал всё гораздо глубже и точнее, чем я думала. Самое главное, что он открывался для меня, тогда и для других он станет открытой книгой. Мне было трудно находиться рядом с ним, так как грудь безумно болела, сердце стучало с бешеной скоростью и я чувствовала, как постепенно тону в совершенно неведомых мне чувствах. Неужели во мне зарождалась любовь к этому человеку, я не могла находиться с ним больше чем положено, хотя всегда хочется быть рядом с ним, защищать его даже от сильного ветра, закрыть его своей спиной и принять все испытания, которые ждут его впереди. Я не могла открыться ему, моё сердце для него было закрыто, но нужно ли ему знать, что я чувствую? Это только навредит мне, да и Антону не сыграет в плюс. Лучше пускай всё идёт как идёт, главное – чтобы я смогла выстоять перед этим чувством. Если он поразит моё сердце, тогда я не смогу любить всё человечество как одно целое, весь мой мир будет заключён в одном человеке, которого всегда будет хотеться уберечь от беды и быть с ним рядом, потому что так хочется. Мои предшественники сломались перед этим чувством и погибли. Любовь для ангелов такая запретная тема, что о ней даже думать больно. Если ты влюбляешься, ты становишься уязвимым и непригодным для борьбы с вечным противником, и поэтому ангел погибает, его забирают..

Я третья среди ангелов, кто когда-либо влюблялся в своего подопечного, первые два ангела погибли от любви, их сердца разорвались на мелкие кусочки и осколки голубой плоти были похоронены на глубине океана – красивая история с несчастливym концом. Значит и я найду своё пристанище на дне

океана, точнее, осколки моего сердца, часть меня будет погребена под толщей воды, и никто никогда не узнает и не увидит меня. Что дала мне моя бесконечная жизнь? Кем я только ни была и чего только ни видела, но сейчас я ощущаю в себе огромную усталость, смерть меня не страшит, возможно, моя любовь – это ключ к спасению от ещё тысячетлетней службы во имя людей, но рада ли я буду умереть? Ради Антона я умру, не знаю почему, но я готова отдать свою жизнь, которая слишком значима для тебя. Хотя я знаю, почему готова пожертвовать собой – я люблю его. Почему именно я? Почему именно со мной? Да что, собственно, уже спрашивать, раз получилось так, как получилось. Он даже себе представить не может, кто я и каково моё значение в становлении этого мира.

Когда он спит, в его голове происходят процессы, которые не испытывает ни один человек, живущий на этой планете. Ночью ему снятся сны, настоящие предсказания, которые преследуют его с самого детства. Он – поток огромной энергии, ось земли, середина истины, как странно, что именно в нём сосредоточено всё то, что, казалось бы, давно утеряно. Прикасаясь к человеку, видеть его насквозь, понимать и чувствовать, ценить и уважать – всё это было в этом парнишке. Несмотря на то что он сильный, даже, можно сказать, могущественный поток энергии, он всё равно оставался человеком и очень ранимым.

Я сидела на крыше дома, который находился параллельно дому Антона, тёплый ветерок трогал мои волосы и ласкал кожу, несравнимое чувство меня пробирало до самого сердца. Антон не знал, что ангелы всегда ходят рядом с людьми, но люди их не видят, только избранным удаётся столкнуться с ними, да и ангелу это интересно. Ведь что может быть желаннее почувствовать человеческую жизнь на себе? Их жизнь конечна, но они наделены огромными возможностями и чувствами. Я бы отдала всё своё долгое существование за то, чтобы хотя бы раз проронить слезу, хотя бы раз ощутить на себе человеческую доброту и любовь. Почувствовать всей грудью ковёр живой и невероятно красивой природы, стать продолжением своей жизни в жизнях своих детей и переродиться во что-то более совершенное и мудрое. Мне хотелось прожить человеческую жизнь и быть в этом круговороте.

Жизнь так коротка – что человек может успеть? Он может сделать мир намного лучше, даже когда знает, что его сердце не будет биться бесконечно. Человек – как вольная птица, без преград и без пресса может творить вокруг себя, как творец, мир, полный добра и любви, и мы должны быть свидетелями этих превращений, мы должны помочь тем, кто сбился с пути, тем, кому ещё можно помочь и кто не потерял своего сердца и совесть, ведь через них человек познаёт самого бога. Наша бесконечность была невероятным путешествием, но их жизнь на земле уникальна и интересна своим развитием и эволюцией. Их слёзы, их кровь, их глаза – всё было творением чего-то высшего, того, о чём они и не подозревают. Подмен ценностей не должен убить в них человека, для этого я здесь, для этого я пришла.

Волнение всё больше и больше меня одолевало, приближалась опасность и нужно было готовиться встретить её достойно. Боюсь ли я? Смогу ли я противостоять? Вопрос, который меня волновал, но о котором я не думала. Под толщей воды покоятся два ангела, которые любили и не смогли выполнить то, что было им предназначено сделать. Избранных людей часто преследует

смерть, она ходит за ними, и ей не важно, какой у людей срок и когда им суждено уйти. Людей подстерегает случай, неожиданность, чьё-то магическое вмешательство. Мне предстояло встретиться с этой тёмной материей и сразиться за жизнь Антона. Или он умрёт сейчас, так и не совершив свою миссию, – и мир накроет тьма; или же он выживет – и у человечества появится надежда на счастливое будущее. Я чувствовала, как тьма рыщет по миру в поисках Антона, как своими огромными ноздрями она впитывает запах каждого человека, который как-то ей интересен. Я слабела с каждым днём, так как сердце впускало этого парня всё глубже и глубже и не было никаких путей отступления. Любовь забирала мои силы, и я становилась лёгкой добычей для ангела тьмы.

Время летело быстро, моё пребывание на Земле скоро закончится, но мне было безумно приятно снова вдохнуть в себя запах травы и увидеть детские улыбки, а главное – услышать смех. Я часто бывала на Земле, но моё пребывание никогда не было опасным для меня. Да, я сражалась, но была сильна и непобедима! Зачем именно мне ты поручил это дело? Чем я заслужила такое великое задание? Гадкие, тонкие руки уже почти обнаружили его, и мне нужно быть готовой, пускай он сейчас спит, как ребёнок, пускай сопит себе под нос, я всегда буду рядом с ним, и как только тень накроет его, я отведу её в сторону, чтобы ничего не мешало ему творить добро и справедливость.

Я часто замечаю, что шум моря гудит в моих ушах, что дно бескрайней глубины зовёт меня к себе, это было предзнаменование.

Глава 8. Падший ангел.

Клубы и дискотеки я никогда не любил, мягко говоря, я считал такие места не очень благоприятными. Нет, я пробовал курить и пробовал пить, но меня это больше расстраивало, чем давало какой-нибудь заряд энергии, скорее меня вышвыривало из привычной жизни в какую-то глухую трубу. Я не считал, что алкоголь был для кого-то по-настоящему спасением от депрессий и каких-то безвыходных ситуаций. Напротив, я считал, что все эти вещи с огромной силой пришпоривают тебя к самому дну, и ты становишься похож на животное. Рома и Олег не были исключением из правил.

Вокруг меня крутились красивые девушки, которые были физически нездоровы. Из-за приёма алкоголя уже со школьного возраста в их организме стали происходить непоправимые изменения, и всё влекло к печальным последствиям. На пару с текилой и водкой где-то рядом танцевали и мои друзья. Любовь, которая, казалась бы, наклёвывалась у обоих, уплывала через пару дней, и они снова были в поисках девушек и новых ощущений. Казалось бы, вот Ромка нашёл себе девушку, привлекательную Варвару, но и тут что-то не срослось. Флирта хватало мне с головой, коротенькие юбочки мелькали перед моими глазами, и вот уже Олег шёл в мою сторону с двумя девушками.

– Тох, знакомься! Справа от меня Марианна, слева Виолетта!

Счастливые глаза друга вызвали у меня добрую улыбку, обняв их за талии, он стоял, как барон или как олигарх, у которого куча денег, чтобы прокрутить их на этих девушках. Ни одна, ни другая не вызвали во мне мужского интереса – мне были они не интересны. Я не хотел уподобляться своему другу, у которого кроме животного влечения ничего не было, я не искал мимолётных связей или некоего горячего приключения, это было глупо и неправильно. Олег

легко сходился с прекрасным полом, несмотря на многие недостатки в своей внешности, он мог без особого труда найти себе и друзьям симпатичных подружек на короткое или продолжительное время. Так случилось и на этот раз.

– Тох? Ты с нами?– спросил Олег, подмигивая мне глазом.

– Конечно с нами, правда?– спросила Марианна, кладя свою руку мне на плечо.

Длинные накладные ногти, юбка короче и не придумаешь, силиконовые бюст и губы, зелёные линзы и ненастоящее имя снова разочаровывали меня. Неужели сейчас приветствуется такая неживая красота? Олег купил Виолетте коктейль, и я так понял, Марианна осталась со мной, и мне нужно было развлекать эту красотку.

– А ты ничего, красивый мальчик.

Её голос мне сразу не понравился, по ней было видно, что она просто не вылезает из гламура и дышит новыми коллекциями Армани и Прада, или, может, какой-нибудь дешевизной.

– Любишь книги читать?– спросил я, понимая, что не это она хотела услышать.

– Что, прости?

– Книги любишь читать? Развиваешь свой мозг или развиваешь другие части тела?

– Кажется, кто-то решил поговорить о литературе?– спросила Марианна, делая глоток чего-то до боли крепкого.

– Ну, а почему бы и нет? Разве это плохая тема для общения? Мне интересно узнать, чем увлекается такая красивая девушка как ты.

– Обычно такие парни, как ты, сразу же приступают к делу, а не болтают почём зря.– возмущённо ответила она.

– Такие парни?

– Не понимаешь? Ты красивый, по внешнему виду можно понять: денежка имеется, и можешь ещё раз меня угостить чем-нибудь вкусеньким, а я потом щедро отблагодарю тебя,– ответила Марианна с соблазном в глазах.

Она снова положила мне руку на плечо, и я почувствовал от неё волну возбуждения и разврата, мысли неприятного содержания сразу же вонзились в меня, как ножи, мне было неприятно и странно. Конечно, я понимал, что это нормально, когда человек хочет другого человека, но не так и не в такой обстановке. На мгновение я почувствовал, что в ней жила какая-то потаённая сила, точнее, грусть, она улыбалась, продавала своё тело и, возможно, растеряла уже всю свою душу, она мило мне улыбалась, и я чувствовал к ней уважение, как к человеку, который потерялся в этом мире проституции и обмана.

На миг всё вокруг меня замерло: люди, музыка и Марианна – все стояли неподвижно, я соскочил со стула у стойки бара и стал оглядывать всё вокруг, ко мне приближалась Кристина. Она медленно, но верно шла в мою сторону, и я чувствовал волнение, которое трепетало внутри меня.

– Привет,– еле слышно сказала она, улыбаясь мне глазами.

– Привет,– ответил я, не понимая, что происходит.

Кристина мне снова показала чудо, время вокруг меня остановилось. Было очень странным ощущать себя особенным в этом помещении, где стояли не люди, а манекены, покрашенные, обкуренные, весёлые манекены. Время замерло вокруг Кристины, вокруг друзей и вокруг Марианны, в глазах которой

читались уже грусть и безысходность.

– Ты ведь знаешь, что я не просто так показываю тебе свою силу?

– Да, конечно!

– Марианна – падшая девушка, она продаёт своё тело и мучается тем, что она делает, – говорила Кристина, подходя к девушке. – Что ты можешь сказать об этой особе, Антон?

Любимый голос снова врезался в мою голову, я был рад видеть её всегда и всюду, даже если приходилось отгадывать её головоломки, к которым я начинал постепенно привыкать.

– Я чувствую боль в её теле и душе.

– Ты прав, она страдает и ей тяжело. – Кристина положила свою руку ей на голову. – Знаешь, так к слову, Ольга Викторовна поправляется, твоя любовь даёт ей силы бороться с раковыми клетками. Представь себе, что можно излечиться от такой болезни! Твоя любовь творит чудеса, твои руки исцеляют тело и душу, разве это не прекрасно? У неё появился смысл бороться за свою жизнь, а у тебя появился шанс помочь ей верить в этот смысл, она поправится, произойдёт исцеление, нужно только верить и любить. Так что думаю всё у неё будет хорошо, а вот у этой девушки всё обстоит гораздо сложнее и трагичнее.

– Что с ней? – спросил я, не вдаваясь в подробности, что конкретно происходит с Ольгой Викторовной.

Свет от прожекторов освещал лицо моего ангела, оно было белое, как бумага, в её голубых глазах я читал самое плохое, что может быть в жизни этой молодой девушки.

– Её мама не хотела видеть, как отчим совращает семилетнюю Машу. С самого детства девочка была подвержена сексуальным домогательствам. И ведь была защита, но она не верила словам маленькой девочки, наверно, просто не хотела понять и принять эту ужасную реальность. – Кристина закрыла глаза и продолжала держать руку над головой Марианны. – Жила семья достаточно плохо, и не по своей воле Маша стала той, кем стала. В ней много талантов, есть предрасположенность к математике, но она, как сейчас говорят, «конченный» человек, в её голове живёт страшная, просто ужасная мысль. Она хочет вскрыть себе вены и освободиться от тягостных дней, которые заставляют её чувствовать боль и унижение. Через пару дней этой девушки не станет, помоги ей не сделать этот шаг, спаси её.

Я слушал и смотрел на Марианну огромными, удивлёнными глазами, слёзы навернулись на глаза и я незаметно их смахнул. Кристина, конечно, это увидела, но ничего не сказала, напоследок она одарила меня дружелюбным взглядом и исчезла, просто растворилась в воздухе. Как только её не стало, клуб ожил, музыка снова стала громко бить по ушам, и Марианна улыбалась мне как ни в чём не бывало. Только подумать, я был единственным человеком, который дышал и думал в те минуты, когда эти люди замерли в ожидании жизни. Единственный человек, который был погружён в другой мир. Как странно, но я привыкал к таким вещам, я чувствовал даже некое превосходство над людьми, я видел то, что другие никогда не увидят. Что это – наказание или награда?

Марианна говорила мне что-то, а я её как будто не слышал. Сказать ей, что через пару дней она вскрыет себе вены и умрёт? По большому счёту, это бред,

который она воспримет совершенно несерьёзно, хотя почему? Если она раньше думала о самоубийстве, значит мои слова не станут для неё бредом, но разве она откроется незнакомому парню? Если бы всё было просто и легко... я понимал, что на мне повисла ещё одна жизнь, правда, совершенно чужого мне человека, но случайностей не бывает. Зачем Кристина выбрала именно эту девушку? Ведь по всей земле страдают люди, а в итоге я должен спасти жизнь Марианны, то есть Маши.

– Слушай, а не хотелось как-нибудь изменить свою жизнь?– спросил я, видя, как Олег развлекается с Виолеттой.

– Изменить? А ты можешь как-то изменить мою жизнь?– с улыбкой на лице ответила девушка.

Вообще Маша была красивая девушка, высокая, правда, вся эта красота была слишком сладкой и искусственной, она просто изуродовала себя, хотя ещё страшнее то, что изуродована её душа, вывернута и разорвана. Насилие над детьми – жестокое преступление, которое непрослительно никому. Гадкие, грязные люди пытаются впитать в себя чистоту, невинность ребёнка, страшно и больно видеть, что потом происходит с этими детьми подвергшимся насилию. Какая личность получится из него? Пустой овощ, слабый человек, или того хуже – психически неуравновешенный субъект. Марианна иногда отводила глаза в сторону и о чём-то думала, её сознание погружалось в переживания и воспоминания. Они не давали ей полноценно жить и дышать. Она была загнанным котёнком, который умирал, так как не было сил жить, да и смысла в этой жизни этот котёнок не видел...

– Ну, не знаю, главное – было бы желание, ведь так?

– Так.

– Ты очень красивая девушка, наверно родители тобой гордятся.

Я понимал, что делаю нестерпимо больно ей, будоража её сознание. Своими испуганными глазами она впиалась в меня и дрожащими губами стала что-то себе бормотать под нос.

– Что ты говоришь? Тут так громко музыка играет, что я не могу разобрать твоих слов!

– Мои родители погибли.

Она сказала как отрезала, как будто перед её глазами возник силуэт отца, его физиономия и грязные руки. Лицо перекосила гримаса боли, но она как будто стряхнула со своих плеч все свои думы и снова мне улыбнулась.

– Как жалко, прости, я не думал, что всё так печально.

– Никто не думает, так само получается, – ответила Марианна, убрав кокетство и соблазнительный взгляд.– Ладно, думаю, мне с тобой сегодня ловить уже нечего, прости и прощай.

Кристина стояла перед моими глазами, её улыбка снова согревала меня, и я уже не так чувствовал боль этой девушки. В ней бурлил огонь, тяжело было терпеть её эмоции, я отвернулся и сделал глоток воды.

– Слушай, хочешь уехать из этого города? Начать новую жизнь вдали от этой суеты, от которой тебя тошнит? Я помогу тебе, дам денег, дам надежду на нормальное существование.

Зачем я вообще стал это говорить? Кто меня тянул за язык? Её глаза от удивления округлились, она застыла в одной позе и долго на меня смотрела, слёзы застыли в её глазах, потом она подошла ко мне и сказала тихо и внятно,

так, чтобы я понял каждое её слово.

– Я хочу молочные берега, круглый год солнце, чтобы природа шептала мне о том, что я человек и что душа моя светлая и не запачканная моим отчимом, который ежедневно нависал надо мной, как тяжёлый груз. Он смотрел такими злыми глазами на меня, что могла дать ему маленькая девочка? И почему родная мать не видела моих страданий? Знаешь, я даже не плакала, когда узнала, что они погибли, туда им дорога. Я счастлива, что освободилась от этих оков, от этой нестерпимой боли.– Марианна стояла рядом и просто изливала мне свою душу, я был в шоке, но не этого ли я хотел?– Я хочу уехать туда, где меня никто не будет знать, где я буду новым человеком, где люди не будут знать моей души, я хочу рай на земле, разве тебе под силу сделать для меня рай на земле? Да и есть ли этот рай...

После этих слов она быстрым шагом ушла от меня, исчезла в толпе обкуренных, танцующих людей, слёзы блестели на её лице, она была безутешна...

Как я мог вот так просто предложить ей такое? Но почему-то мне захотелось именно это сказать, она ушла, исчезла, я же только проводил её печальным взглядом и стал думать о чём-то своём.

Глава 9. Найди свой внутренний покой.

Кристина была права по поводу здоровья моей мачехи Ольги Викторовны, с каждым днём ей становилось всё лучше и лучше, на лице появилась живая улыбка, она поправлялась. Моя любовь действительно исцеляла, а может мне просто нужно было всегда любить её, и даже не исключено, что из-за моей холодности она заболела, но это было уже не важно. Главное, что сейчас у неё появились силы бороться, и это значит, что я могу помогать и другим людям. Я могу положить руку на больное место и оно перестанет болеть и тревожить человека.

Я боялся того, что я мог творить. Слишком всё это нереально, получается, я как супермен или того покруче, в моих руках сосредоточена огромная сила, я могу дарить жизнь. Неужели я был рождён именно для этого? Дарить жизнь тем, кому ещё не время уходить, дарить гармонию и добро тем, кто заслуживает этого. Конечно, моя душа всегда будет ощущать чувства людей, от этого я никуда не денусь, но я могу привыкнуть, я буду стараться пропускать всё через себя без ущерба своему здоровью. Одна только мысль о том, что я могу спасти жизнь любого живого существа, приводила меня в опьянённое состояние.

Я снова думал. Были ли слова Марианны криком души или ей было уже всё равно, кто её услышит – и услышит ли её вообще кто-нибудь? Странная жизнь, странные её правила, одних она любит, других просто ненавидит, и ведь как можно взять и убить душу ребёнка? Об этом даже страшно было думать, но самое главное – она поделилась своими переживаниями, просто рассказала или же подумала, а что я теряю? Пускай знает, какая я на самом деле и что было в моей жизни...

Как бы мне хотелось, чтобы Маша, так же, как и я, побывала под водой, в окружении пустоты и темноты, я просто уверен на все сто процентов, что она выбралась бы оттуда, что она спасла бы себя, просто нет такого человека, который бы направил её в правильное русло, или он уже появился в её жизни в образе меня?

Я сидел на крыше нашего многоэтажного дома, сюда я прихожу уже где-то

лет с пятнадцати, здесь я нахожу своё успокоение, холодный ветер приводил меня в чувства, а любовь к ангелу забирала все мои мысли. Куда бы я не посмотрел, о чём бы не подумал, всюду она, в любом предмете, в любом человеке, она везде. Жизнь моя теперь принадлежала ей, с самых первых минут нашего знакомства. Я любил её светлой нежностью, находясь так высоко от земли, но ещё не на небе. Я смотрел и мечтал...

Внизу мелькали огни, вокруг окружали дома и ночное небо, в которое я всегда любил смотреть. Я лёг на плед, который постоянно беру с собой на крышу, подпёр рукой голову и стал в слух рассуждать.

– Что ты хочешь от меня? Зачем я нужен тебе?

Я разговаривал с небом, с этим огромным небесным океаном. Станный ветерок подул на меня, и я почувствовал, как к моим ногам подошла Кристина. В белом воздушном платье и с распущенными волосами, она озарила меня улыбкой, от которой я чувствовал себя окрылённым.

– Кому ты это говоришь? – нежным голосом спросила она.

– Небу... – ответил я, сделав глубокий вздох. – Ложись рядом со мной, я хочу почувствовать тебя рядом в минуты, когда моя душа отдыхает и набирается сил.

Кристина медленно и грациозно легла рядом, её длинная шея и огромные ресницы сводили меня с ума, ветерок ласкал её ноги и волосы, она смотрела в небо и всё продолжала улыбаться.

– Марианна поделилась с тобой чем-нибудь?

– Зачем ты спрашиваешь, если сама всё прекрасно знаешь?

– Хорошо, – тихо вздохнул ангел, закрывая глаза.

– Кристина, – прошептал я, – почему Марианна рассказала мне то, чего стыдилась больше всего на свете? Неужели это так просто?

– Это только начало, Антон, она рассказала тебе свою тайну, так как ты особенный, и теперь все люди будут тянуться к тебе, от тебя никто ничего не скроет. Утром у неё даже мысли такой не было, что кто-то узнает о её жизни, а тут раз – и узнал ты! Вот так просто и легко, конечно, ты и без неё всё знал, но было важно, что бы она сама, своим голосом и сердцем рассказала о том, какая боль живёт в ней. Сейчас бедняжка корит себя за то, что рассказала первому встречному про отчима и себя, но я снова повторяюсь, – Кристина медленно повернула ко мне голову и с улыбкой на лице продолжала, – ты особенный, к тебе теперь всегда будут тянуться люди со всеми своими бедами и радостями... От тебя исходит волна огромного позитива и доброты, каждый, с кем ты будешь общаться, будет без особого труда открывать тебе свою душу и сердце, ты как тайник для всех секретов людей. Я понимаю, тебя сейчас это пугает и ты не можешь собрать свои мысли в единое целое, но поверь мне, тебе будет нравится то, что ты делаешь. Сейчас ты получаешь удовлетворение от того, как к тебе относятся люди?

– Конечно, меня радует тот факт, что во мне люди находят опору и спокойствие, но разве я смогу всем помочь? Я физически не смогу заниматься этим. Ведь каждую проблему и горе нужно пропускать через себя, через своё сердце, таким темпом я умру не дотянув до тридцати лет.

– Ну, давай не будем сгущать краски, ведь ты только в начале своего пути, а уже делаешь выводы. Смотри, что делает твоя любовь и ласка с Ольгой Викторовной? Человек с твоей помощью вылечивает себя сам, и от чего? Не от простуды, а от рака! Неизбежный конец оставил её, конечно, ей ещё предсто-

ит побороться за себя, но то, что сейчас с ней происходит, твоя заслуга.

– Это всё благодаря тебе.

– Возможно, но ведь кто-то должен тебе помочь, подтолкнуть, а дальше ты уже сам всё поймёшь, так что не волнуйся.

– Кристина, послушай, а что дальше?

– Дальше?

– Когда я пойму своё предназначение, когда стану тем, кем должен стать, где будешь ты?

– Меня не будет с тобой в реальной жизни, но я буду с тобой на духовном уровне. Я же твой ангел-хранитель.

– А ты можешь остаться со мной?

– Зачем? Как бы это жестоко не звучало, но я уйду от тебя, когда ты будешь полностью готов. Но я буду всегда за твоим плечом, ведь я с самого твоего рождения за ним. Не печалься, ведь я всё равно буду рядом, просто ты меня больше никогда не увидишь, но, надеюсь, будешь чувствовать мою энергию.

– Оптимистично! Это всё равно, что ты умрёшь...

Мы лежали неподвижно, Кристина закрыла глаза и стала напевать себе под нос какую-то красивую мелодию, я стал слушать её и не заметил, как ночное небо стало превращаться в огромный водный океан. Как будто небо и земля поменялись местами, над моей головой бушевал настоящий океан, даже брызги орошали всё моё лицо, я был в таком шоке, что не мог промолвить даже слово. Ощущение было таким, как будто сейчас на меня упадут сотни тонн воды тёмно-синего цвета, правда, местами проглядывали чёрные пятна.

– Какая красота, – тихо прошептал я.

Потом я снова взглянул на Кристину и вопросы заполонили всю мою голову.

– Помню, ты как-то сказала, что ангелы не умеют плакать...

– Тебе так интересно, почему мы не умеем плакать?

– Это запретная тема? – с грустью в голосе спросил я.

Кристина повернула голову ко мне и нежно улыбнулась. В ней ощущалось какое-то напряжение, с виду вроде ничего странного не происходило, но как только я присматривался к ней, от неё веяло какой-то грустью и тревогой, она была, как человек, умела что-то скрывать и переживать. Небо бурлило, я был в эпицентре самого красивейшего чуда, которое я когда либо видел в своей жизни. Мне было немного страшно, так как огромные воды висели надо мной, как грозди винограда, Кристина иногда поглядывала на меня, она чувствовала мои эмоции, и мне становилось стыдно, что она знает, что я боюсь.

– Не скажу, что запретная тема, просто нам не дано это.

– А с чем оно сравнимо?

– К примеру, если бы у тебя не было голоса...

– Неужели так важно проливать слёзы?

– Ты не понимаешь, слёзы – это огромная эмоция, безумно сильная, она вызывает сострадание, горесть, радость – всё, что только возможно. Не думай, что мы завидуем вам, вы хоть и смертны, но имеете гораздо больше прелестей жизни, чем мы, и вы уникальней нас во всём.

– Интересно знать, в чём? К примеру, многие люди глупы, агрессивны, опасны для общества. Взять даже Марианну, что она перенесла в детстве? Страшно даже представить, как у её отчима поднялась рука причинить ма-

лютке боль и наделить её кучей ненужных комплексов! Ты сказала «хоть вы и смертны» – я не согласен, у людей короткая жизнь, мы ничего не успеваем сделать за свои шестьдесят или семьдесят лет, – стал возражать я.

– Смотри, как только ты начал говорить на повышенных тонах, океан ещё сильнее забурлил и стал практически чёрным, – говорила Кристина, повернувшись ко мне всем телом. – Ты думаешь, Марианна одна такая? Она всего лишь маленькая молекула в огромном мире, незаметный жучок, который в будущем тебе поможет и поддержит, ведь я не спроста всё это делаю. Можно так сказать, все люди, которые сейчас с тобой имеют контакт и будут контактировать, будут нести с тобой твоё бремя и делить с тобой судьбу. Ответь мне, что такого прекрасного в бесконечной жизни?

– Ты можешь делать всё, что захочешь!

– Земля не выдержит такого количества людей, и ещё представь себе отчима Марианны, который живёт и будет жить вечно, – скольких он детей ещё испортит и как потом эти дети будут нести своё бремя, проходя года, а потом и столетия? Мне трудно будет тебе объяснить, какие прелести в бесконечности, а какие минусы, могу поделиться своим опытом.

– Давай! – воскликнул я, уже приготовившись слушать.

– Я прожила удивительно долгую жизнь, моя миссия – помогать и наставлять людей, которые не просто так живут на этой земле, они избраны что-то открыть, изобрести, внести, построить, принести себя в жертву ради кого-то или даже целого народа. Как только я наставляла их на путь истинный, я исчезала, и тем самым исчезала из памяти каждого из тех, с кем имела связь. Это удивительное путешествие, и я рада, что высшая сила дала мне такую жизнь, ведь многие ангелы никогда не контактируют с людьми, так и проживают с ними людскую жизнь, видят смерть подопечного и уходят вместе с ними, а потом приходят вновь с новорожденным ребёнком. Ангелы изолированы от людской жизни и от самого подопечного, я же особенный ангел, я постоянно контактирую с людьми и получаю от этого огромное удовольствие, и теперь моя миссия – это ты! Это небольшое вступление к долгому рассказу, почему же жить вечно плохо? Я не хочу сказать, что жить бесконечно – плохо, скорее всего – одиноко. Мне всегда тяжело принимать смерть своего подопечного, ведь вы все для меня становитесь родными моему сердцу. Я ведь всегда буду рядом с тобой, наставлю тебя на путь правильный и исчезну. Но лишь стану для тебя невидимой, но буду всё про тебя знать и чувствовать и смерть твою тоже увижу... Если бы я была рядом с подопечным в течении всей его жизни, мне бы было бы гораздо легче и проще. Он бы видел меня, общался со мной, ценил мои усилия, а так я прихожу на короткий отрывок времени, да и потом меня забывают и не помнят и не могут вспомнить. Конечно, можно по-другому разыграть бесконечную жизнь! Не брать меня, а взять тебя, человека, – представь, ты живёшь вечно, твои близкие всегда с тобой.

– А ты умереть можешь?

– Да, могу, но лучше об этом способе ты узнаешь чуть позже. Вернёмся к твоему вопросу: бесконечная жизнь... Ты сам хочешь иметь такую жизнь?

– Не знаю, скорее всего, нет, чем да!

– Почему?

– Наверно, жизнь должна быть конечна, так, наверно, интересней, но тяжело знать, что итог у всех один. Даже взять меня: ты пришла наставлять меня

для того, чтобы я что-то сделал в этом мире, но и я смертен.

– Ты можешь сделать гораздо больше, чем за всю бесконечную жизнь. Успеть сделать то, что должен сделать – есть стимул, есть интерес и есть законы природы, которые следует понимать. Так как вы все дети этой земли, она ваша мать, ваша истинная кормилица, вам нужно любить! Любовь и совесть делает из вас людей.

Конечно, наше общение было, мягко говоря, необычным, но я уже настолько к нему привык, что, боюсь, в будущем без него не смогу. Мне было всё равно, кем она была в своих предыдущих воплощениях, я был рад тому, кто она сейчас. Красивая, умная девушка, но всё же она со мной, она рядом.

– Всё равно классно ощущать себя живым и здоровым, ведь это счастье, когда ты и все твои любимые люди живы!

– Тогда земля просто не выдержит такого количества людей, женщинам тогда придётся навсегда забыть о том, что бы иметь детей, хочешь чтобы было именно так? Природа очень умная, и всё, что происходит в вашем мире правильно и гармонично.

– Нет, конечно! Дети – это счастье, у женщин развиваются прекрасные качества, когда они становятся матерями. Скажи, а у меня будут дети? – полюбопытствовал я.

– Конечно будут, и прекрасная, любящая жена.

– Можно поподробней? Или после твоего исчезновения я смогу что-то помнить?

– Это не исключено, поэтому не стоит знать того, что не следует знать.

– Так-так, это уже интересно! А когда я умру?

– Почему ты задаёшь мне такие вопросы? Ведь сам прекрасно понимаешь, что я тебе ничего не скажу, несмотря на то, что мои глаза кричат тебе ответы на твои вопросы. Ты лучше расслабься и окупись в теплоту небесного океана, я специально для тебя старалась.

– Не уваливай! – возмутился я. – Я хочу знать хоть малую часть того, что меня ждёт. Какая у меня будет семья и всё, что связано с моим предназначением?

– Антон, ты ведь не на сеансе у ясновидящей!

– Я покруче, чем на сеансе у ясновидящей! Я лежу на крыше рядом с ангелом, который из неба сделал океан, и теперь у меня такое ощущение, что тонны воды просто размажут меня в лепёшку! Кто сравнится с тобой? Покажи хоть одного человека?

– Человек... – тихо прошептала себе под нос Кристина.

– Постой! – воскликнул я. – Ты хочешь быть человеком?

– Это невозможно, – с улыбкой на лице ответила она. – И невозможно то, о чём ты меня просишь рассказать. Пойми, друг мой, для твоего же блага, для блага всех людей вы не должны знать своего будущего. Что вы начнёте делать, когда узнаете, что вас ждёт в жизни? Вы начнёте всё корректировать! При чём не важно, что это будет хорошее или плохое, вы все будете стараться сделать жизнь идеальной, просто-напросто произойдёт изменение судеб. Рождение детей, болезни, смерть – всё будет контролироваться человеком, такого не должно произойти, да и быть не может!

– И ты предлагаешь жить, как слепым котяткам?

– А как раньше люди жили? Их разум не был помойкой и пустым ведром!

Почему только ты один такой возмущаешься? Не капризничай.

– Капризничаю?– удивился я.

– Ну, я же вижу это!– ответила Кристина, взяв меня за руку.– Ты переживаешь из-за этой девушки... Может, именно в эту минуту она вскрывает себе вены?

– Ведь она сыграет в моей жизни не последнюю роль?

– Будет находиться в первой пятёрке,– рассмеялась она.

– Ну вот, поэтому переживаю...

– А ты пробовал когда-нибудь волноваться за совершенно чужих тебе людей? Которых ты даже в глаза не видел?

– Не знаю, об этом я как-то и не задумывался, но я так предполагаю, мне теперь стоит заняться этим вопросом?

Кристина понимала, что я волнуюсь за Марианну, что мне не наплевать на жизнь человека, который в будущем будет идти со мной бок о бок. Никто не заслуживает подобных унижений, но раз такое происходит, значит с этим надо жить и бороться со своими комплексами. Нужно стать выше всего этого, понять для себя, кто ты и что ты можешь сделать для себя и для окружающих тебя людей.

– Полюби каждого человека, который живёт на этой земле, когда ты полностью сольёшься с людьми, ты будешь непобедим, ты сам поймёшь, как это здорово – быть единым целым!

Волны разливались по всему небосводу, но постепенно стали появляться звёзды, и вода стала медленно исчезать. Через считанные секунды небо снова стало небом, усыпанным миллионами звёзд. В груди щемило, я очень любил смотреть в это бескрайнее чудо, а ведь именно оттуда спустилась Кристина, можно ли считать, что она слетела с какой-нибудь звезды и приземлилась в Москву, на мою улицу? Конечно, мои мысли полный бред, ведь я всё равно многого не знал, но хотел узнать...

– Так как насчёт слёз? То, что эта некая энергия, мне понятно, но почему тебе так хочется испытать это на себе?

– Ты не поймёшь, так как умеешь плакать и делать это можешь когда захочешь, попробуй отбросить все свои мысли, умения, воспоминания. Представь, что ты – это я, почувствуй меня, но для этого ты должен быть абсолютно чист, ничего лишнего в голове, только твой вопрос и мой ответ. Но я тебе не отвечу на него, ты сам ответишь себе.

– Когда?– тихо спросил я.

– Когда поймёшь, для чего ты здесь, и может быть тогда ты вспомнишь свой вопрос ко мне и на него сразу же найдётся ответ! Поверь, он очень прост, просто тебе сейчас хочется построить в своей голове целую сложную конструкцию, в которой сам никогда не разберёшься! Всё на самом деле очень просто, на любой вопрос имеется простой ответ, только не нужно усложнять своими руками этот ответ.

– Ты хочешь испытать это чувство, так как оно тебе совершенно не знакомо и ты хочешь попробовать это новое на себе, прочувствовать его! Ведь ты постоянно видишь слёзы у людей и рвёшься их познать! Я прав?– взволновано прочеканил я.

– Может, и прав, но ты ответил на свой вопрос не сердцем и чистым разумом, а возбуждённой, захламливаемой головой! Не отрицаю, может, ты и прав,

но ты сам не понял, что сказал, ты сам это не прочувствовал. Когда это случится, считай что ты уже победил!

– Но я чувствую! Каждый день я чувствую людей, что творится в их головах и о чём они думают, что болит и что восхищает! Что я упускаю?

– Внутренний покой, – спокойно ответила Кристина.

– То есть?

– Ты постоянно боишься и закрываешься от этих эмоций! Не даёшь им войти в тебя, что бы ты их познал, а не урывками что-то додумывал. Ты увидел боль Марианны, но ты не впустил её чувства в себя, чтобы понять её, как себя. Тогда не будет боли, тогда станет легче. Потому что ты не будешь затрачивать кучу энергии, чтобы сначала оттолкнуть, а потом притянуть и, зажмурившись, что-то наконец понять! Ты очистишь свой разум, прокачаешь энергию по всему телу, перестанешь бояться – и тогда начнёшь всё чувствовать ещё глубже и без боли. Но ты должен работать над собой, ты не должен бояться своего дара, иначе вы станете врагами. Когда ты обретёшь внутренний покой, то все чувства и эмоции людей не будут причинять тебе никакой боли, ты сможешь даже их блокировать, но это огромная, невероятно тяжёлая работа над собой! Есть к чему идти и есть ради чего жить!

Глава 10. Запретное чувство.

Зачем так сильно мучается моё сердце? Скажи? Вязкая боль обвивает всю мою грудь, мне не хватает воздуха, я постоянно думаю о нём, но не могу быть рядом с ним, мне больно...

Главное – выдержать это испытание, я теряю много сил, мне трудно творить чудеса, он питается моим сердцем, понимает ли он это. Хочется плакать, но я не умею, я боюсь, что не справлюсь, что мои крылья в решающую минуту не раскроются и я не ослеплю своего противника!

Ведь я держала на смертном одре руку ангела, который любил... Помню те печальные глаза, наполненные болью и горестью, но какой-то странной свободой и спокойствием. Сначала ангел сжимал мою руку, потом медленно расслаблял свою хватку. Я ощущала кожей, как от его сердца отрывались мелкие кусочки плоти, как ангел мужественно терпел боль и лишь измученный взгляд выдавал всё, что происходило внутри его тела. После смерти ангел постепенно исчез и отправился на дно тёмного и могучего океана. Он уже не мог любить человечество как одно целое, он любил отдельное существо, которое тянуло на себя всё, ангел слабел и был непригоден к многотысячелетней войне. Он любил, как человек, он был уязвим, появлялась привязанность и то тепло, которое нельзя испытывать нам. Мы всегда были рядом с людьми, но в то же время нам нельзя было быть с ними, даже, точнее, с кем-то.

Но почему и я попала в число избранных любить человека? Я не могу забыть эти спокойные воды и как, исчезнув навсегда, ангел нашёл свой покой на дне огромного и таинственного океана. За всю историю существования земли только два ангела погибли от этого чувства, и говорят, что эта боль ни с чем не сравнима, что она хуже, чем раны, полученные в бою со злом. Так что же это? Значит, и меня ждёт такой исход? Почему молчишь? Почему...

Что уж лукавить, иногда я хочу прожить человеческую жизнь, почувствовать вкус любви без боли и смерти, мне интересно, что значит стать матерью. Каково это – выносить и родить, а потом всю жизнь идти бок о бок с дочерью

или сыном. Хочу стать женщиной, наверно, многие ангелы хотят того же, чего и я, да и человек не прочь оказаться на моём месте, так было и так есть. Все хотят оказаться на любом другом месте, кроме своего. Человек – на моём, я – на его, но это невозможно. Это всё равно, что женщине стать мужчиной, а мужчине – женщиной. Некоторые из моих «коллег» вообще человеческую жизнь не видели и не видят, только некоторые ангелы могут вмешиваться в жизни избранных людей, великих художников, математиков, учёных, политиков, всех одарённых людей. Антон избран, и вот я рядом с ним, одна из малой кучки ангелов, которым доводится общаться с земными существами. Иногда я с трудом могу понять многие чувства людей, вот, например, злость? Чем она вызывается? Неудовольствием тем, как ты живёшь? Завистью, которая гложет каждого второго человека? Или просто от нечего делать? Войны, воровство, убийства – ведь они вызваны злостью, но кто виноват? Люди любят обвинять кого угодно, даже тебя! Да, на свете огромное количество соблазнов, но почему кто-то поддаётся им, а кто-то сохраняет в себе всю чистоту! Я верю, что человек будет чист не только при рождении, но и после, в течении всей своей жизни. Наверное, сейчас это кажется невозможным? Знаю, что тебе нелегко, но посмотри повнимательнее, загляни в душу каждого из своих детей, что ты видишь? Они потерялись... Как слепые котята, тыкаются, ползут неизвестно куда, неизвестно зачем. Идёт самоуничтожение, все люди, живущие на планете Земля, самоубийцы – и это ужасно! И как мне хочется, чтобы этот мальчик, за которого я борюсь, смог сделать невозможное. Если быть честной, то я не ожидала, что так скоро Антон начнёт показывать свои наброски, начнёт что-то понимать и постигать. Как энергично и смело он помогает своей мачехе, а точнее, уже матери. С какой отдачей он пытается вылечить её, как со всей серьёзностью он слушает меня и как покорно во всём со мной соглашается. Его сердце не похоже на сердца других людей, в этом человечке есть что-то не от них, а от нас. Он смелый и решительный, несмотря на то, что на данный момент он пока боится в этом признаться самому себе и мне. Как сильно к нему тянутся люди, прохожие всегда цепляются за него взглядом, совершенно не знакомые люди идут за ним, а потом как будто просыпаются от тяжёлого сна и идут дальше по своим делам, забывая, что хотели подойти к нему. Очень много таких моментов я наблюдала, но Антон не всегда обращал на это внимание, он добрый, отзывчивый, но пока до конца не понимающий, а что же, собственно, ему предстоит сделать? В его силы бесспорно я верю, по началу как-то ещё сомневалась, а сейчас уже с точностью могу сказать: всё у него получится, только бы пережить эту смертельную черту, которая грозит нам обоим. Ещё я с удивлением наблюдала за недолгим разговором с девушкой в клубе, она так легко стала перед ним открываться, что до сих пор пребывает в лёгком шоке. Нет, она ничего такого ему не рассказала, кроме как в нескольких предложениях вылила свою душу. Им предстояло ещё не раз увидеться и ещё не раз разделить слёзы и счастье. И ведь ей Антон то же поможет, он всем поможет, кто к нему обратится. Всем даст совет, приложит свою руку и уберёт любую боль, своими словами он будет утешать, и я уже начинаю им гордиться, человеческим существом, в котором есть частичка ангела.

Конечно, я понимаю, что хвалить его пока ещё рано и тешить себя светлым будущим – тоже. Я забывала одну очень важную вещь – эти утешения и по-

мощь будут для него большим испытанием, ведь что значит положить свою жизнь на алтарь счастья других людей? Жертвуя своей одной жизнью, он спасает миллионы таких же, как и он, но разве ему именно так хочется жить? Нет...

Он уже задумывается о том, каково это быть особенным и помогать ближнему, стараться своими собственными силами вытащить одного за другим из лап бездны, которая раскрыла свой огромный, гнилой рот и которая уже начала глотать людей, откусывая от каждого руку, ногу, голову, совесть и все другие чувства и части тела, без которых человек не человек. Они становятся животными, демонами в человеческой коже, уничтожая себя, люди уничтожают всё вокруг и то, что погибает, восстановлению не подлежит. Только в руках Антона есть сила, которая сможет повернуть ход стрелок часов в другую сторону, в правильную. В его руках уже две жизни, которые он благополучно разрешает и разрешит, и впереди не одна такая жизнь, будет и хуже, и совсем невыносимо, но он сможет, я верю в это. Для меня он стал больше, чем просто человек, который сам по себе уникальный, для меня он стал частью моего мира, который невозможно познать никому. Он стал частью той силы, которую не дано испытать никому, кроме меня, и он прикоснулся к ней, прикоснулся как только родился, эта сила помазала его, пометила, сделала особенным. Есть в мире людей то, что не хватает нам, ангелам, есть в мире ангелов то, что не хватает людям, – сложная арифметика, и Антон её понимает. С ним легко разговаривать, легко погружать в мой мир, он ему не сопротивляется и практически уже не удивляется тому, что я показываю. Как будто среди людей я нашла что-то родственное, чего не могла сотнями лет найти в своём огромном и непознанном для человека мире. Несмотря на то что все мы переплетены тонкой нитью, люди и ангелы всё равно разные, и от этой разности страдаем только мы. Почему? Да потому, что нам, ангелам – служителям добра, хочется, чтобы то, ради чего мы боремся, воздавалось нам. Без положительных эмоций и без любви мы слабеем и, понимая своё дальнейшее положение, прибегаем к помощи одного, хрупкого человечка. Дело в том, что как только на земле воцарится полнейший хаос, придут силы зла, тьма просто накроет всех с головой и никого не пощадит, участь тех, кого она настигнет, будет ужасной, что в принципе сейчас и происходит в современном обществе. Люди уже начали себя самоликвидировать и ликвидировать свою природную среду, без которой, к сожалению, они безоговорочно погибнут. Ведь что значит человек и природа? Это единое целое, и это целое существовало в прочном симбиозе миллионы лет, пока человек вдруг не решил, что он выше этой в принципе не нужной ему природы, он вдруг решил самовольно себя поставить в ранг хозяина всей планеты, как будто человек – это единственный живой организм, и нет больше никого, кто бы мог заслужить жизнь и жить рядом с ним. Конечно, не все люди такие бессердечные и глупые, но все они лишь только молча наблюдают из-за углов, как медленно, но верно свой брат убивает жизнь вокруг, и в том числе их, почему они молчат и беспомощно поджимают губы?

Тьма стала намного сильнее из-за злобы и боли, которые обитают на земле и в каждом человеке. Питаясь отрицательными эмоциями и поступками, она стала намного сильнее, чем была. И сейчас карты ложатся не в нашу пользу. Доброта куда-то постепенно исчезает, становится настолько дефицитной, что мы вынуждены сделать хоть что-нибудь, чтобы человечество выжи-

ло и чтобы всемогущество не перешло в руки смерти. Антон не знал, что в этой многотысячелетней войне он принимает непосредственное участие, он как артист, играющий на большой сцене: зрители – это люди, а коллеги по сцене – это ангелы и демоны. Но в отличие от обычного театра, где на сцене всё происходит не по-настоящему, здесь же всё настолько реально, что на кону стоит не одна человеческая жизнь. Я верила в него, чувствовала его силу, которая проявилась всего лишь наполовину. Природа наделила этого человека всем тем, что должно быть на самом деле в человеке, он не мутнеет и его кровь – настоящая, как самое чистейшее озеро на земле.

Моя любовь была каким-то странным недоразумением, я всё равно до конца не понимала, что же на самом деле творится со мной, но несильные, ноющие боли в груди постепенно обрисовывали мне общую картинку моего дальнейшего пребывания здесь, рядом с ним. Как бы я не переживала за человечество и не питала оптимистичных надежд, многое зависело от меня. Ведь именно я буду вырывать из когтей смерти Антона, ослабленная и ещё влюблённая.

Глава 11. Откровение души моей.

– И всё таки это чудо, что мы снова встретились в клубе, не правда ли?– нежным голосом говорила Марианна, беря меня под руку.

– Да, в жизни не бывает случайностей, и снова мы вместе, точнее, снова проводим вечер вместе.

– Да ладно! – воскликнула она. – Скажи честно, что я просто тебе нравлюсь и ты хочешь со мной встречаться?

– Ты любишь торопить события? Или пытаешься ускорить свою жизнь?– с грустью в голосе спросил я.

– Я просто хочу брать от жизни всё! Выжимать из неё последнее, чтобы чувствовать себя счастливой, в этом нет ничего плохого, просто я так живу. Если мне нравится молодой человек, то я сразу же приступаю к действиям. Зачем мне ждать, пока он сам созреет? Я постарею к этому времени, поэтому приходится брать инициативу в свои хрупкие руки,– с улыбкой на лице говорила Марианна.

– Так и со мной?– с хитринкой спросил я.

– Конечно, тем более мы снова пересеклись в клубе, и это уже точно не совпадение! Я тебе нравлюсь?

– Ты красивая и добрая, но не нужно забегать вперёд.

– Тогда зачем всё это? Сколько я буду ждать твоего решения?

– Если что-то не нравится, то я могу уйти.

Глаза девушки погрузнели и она помотала отрицательно головой. Конечно, Марианна была красивой, но её искусственная красота всё ещё меня отталкивала, но больше всего меня смущали её настойчивость и совершенное отсутствие приличия. Целый вечер мы гуляли по Старому Арбату, Марианна что-то щебетала мне на ухо, а я никак не мог сосредоточиться на ней, перед глазами стояла Кристина...

– Ты как будто не со мной,– встревожено сказала девушка.

Я взглянул в её глаза и увидел не зелёные линзы, а чёрные, огромные, полные грусти глаза. Её длинные тёмные волосы спадали с плеч и мягкая добрая улыбка согревала меня.

– Просто я задумался,– ответил я.– У тебя бывает такое, когда ты исчезаешь из этого мира, из этой реальности? Ты как будто здесь, но в то же время тебя здесь нет?

Марианна осторожно взглянула в мои глаза и нежно улыбнулась, она почему-то весь вечер мне улыбалась, но не улыбкой стервы, которую я запомнил, а улыбкой настоящей Марианны, без грима и маски.

– Я как будто не живу в этом мире, Антон. Он для меня чужой, да и я сама себе чужая! Не знаю, почему тебе всё это рассказываю, мне почему-то хочется, чтобы ты знал про меня всё, чтобы хоть кто-то знал о моём несчастном существовании.

– Несчастном существовании?– переспросил я.

– Ты ведь в курсе моей прошлой жизни, так получилось, что ты единственный человек, который знает про меня такие подробности. Разве то, что я пережила, можно назвать счастливым, безмятежным детством? Думаю, что нет! Перед глазами стоит грязь и пошлость, каждую ночь мне снится один и тот же сон. Как-то я не спала три дня, просто заставляла себя не ложиться в кровать. Я принимала таблетки, сидела за компьютером, делала всё, чтобы не заснуть, но на четвёртую ночь я просто упала замертво и проспала часов двенадцать. И опять тот же сон, как дверь детской комнаты открывается и заходит мой отчим с блестящими от возбуждения глазами и ужасно неприятной, перекошенной улыбкой, я инвалид в облики человека, разве я счастливая? Кто моя мать и что я?

– Ты прекрасная девушка с красивыми глазами и доброй душой. Не нужно ставить на себе крест, ведь ты ещё так молода и можешь изменить свою жизнь к лучшему!

– К лучшему? Посмотри на меня! Кого ты видишь перед собой? Проститутку, которая мечтала закончить университет и стать счастливой женщиной. Я хотела иметь семью, мать, отца, братьев и сестёр, но этого всего меня лишил один человек, которого я больше всего на свете ненавидела, сейчас уже нет смысла вспоминать прошлое. Его нет, он погиб, но в глубине души рана тревожит меня всё больше и больше, боюсь не справлюсь.

Теперь я понимал причину её страшных мыслей и в принципе знал её политику, но сейчас картина прояснилась на все сто процентов. Обделённая любовью девочка не раз подвергалась насилию со стороны отчима, мать закрывала на всё глаза и игнорировала слёзы своей единственной дочери. Что может быть хуже?

Мы погуляли ещё пару часов и расстались как друзья, она хотела поцеловать меня в щёку, но я увернулся и лишь нежно улыбнулся, я не допускал мысли о том, что с ней у меня могут быть отношения, и не потому, что она проститутка и продаёт своё тело за деньги, а потому, что в моём сердце жила уже любовь к той, которая никогда не будет моей.

Придя домой, я завалился на кухню, на улице было светло несмотря на то, что время было уже позднее. К моему удивлению, я даже не устал. Через пару минут показался мой заспанный отец, он не торопясь почесал затылок, а потом сел рядом со мной.

– Как день прошёл?– осторожно спросил он.

– Хорошо, гулял по центру,– ответил я, садясь за стол.

– Да, летом всегда хорошо гулять.– Он немного задумался. – Слушай, ты не

бери тот наш с тобой разговор в голову, мне кажется, я показался тебе каким-то киселём, а это как-то неправильно!

– Не придумывай, мы хорошо пообщались,– ответил я, делая глоток воды.

– Всё равно, многое тебе не нужно было рассказывать, но теперь, зная всё, уж не держи на меня зла.

– Не волнуйся,– улыбнулся я.

– Оля такая бодрая стала, даже румянец появился на щеках. Говорит, как поговорит с тобой, ей сразу легче становится, ты прямо как целитель!– сказал он шутливым голосом.– Я тебе так благодарен, что ты её не бросаешь.

– И не брошу.

В его глазах я прочитал беспокойство, расслабившись немного, я почувствовал, как будто за моей спиной кто-то стоит, обернувшись, я никого не обнаружил, непонятное чувство снова охватило меня. Закрывшись в своей комнате, я тихо лёг на кровать и стал смотреть в потолок, пока опять сотни голов не ворвались в мою голову. Опять началась эта боль и страх, из меня как будто высасывали все силы и соки, перед глазами стоял силуэт тёмной женщины, как всегда я не мог разглядеть её лица.

Я уже не помнил свой разговор с отцом. В голове всё путалось с такой невыносимой силой, что я боялся сойти с ума. Не мог построить логическую цепочку своих мыслей, даже сегодняшней день с трудом вспоминался. Грудь сжимала сильная боль, кто-то нашептывал в оба уха какие-то слова, которые я никак не мог понять. Пот прошиб всё моё тело, всё, что я мог сказать, это было имя ангела, потому что именно она могла мне помочь. Шли часы, Кристина не появлялась, холодок в груди тревожил меня ещё сильнее, потолок нависал надо мной, приходил мой конец. Голова кружилась так, будто я выпил целый ящик пива и закурил тремя бутылками водки, ноги и руки были ватные, как неживые. Я был марионеткой в руках своей судьбы, тяжело было признавать своё поражение, но что я мог поделать?

– Борись с болью, Антон,– раздался голос в тишине.– Она всего лишь боль, которую можно уничтожить в себе навсегда, контролируй себя, своё состояние.

Любимый голос вернул меня к жизни, но вместо мягкого и дружелюбного взгляда я увидел холод в глазах и волнение, ей было не всё равно, что со мной, но почему холод её взгляда так сильно беспокоил меня? Во рту снова возник горький вкус и появилась тошнота, именно от неё мой затылок горел синим пламенем. Кристина взяла меня за руку и стала щупать пульс, сначала она внимательно смотрела в мои глаза, а потом всё своё внимание переключила на пульс, который отдавался в моей шее.

– Как ты выносишь такие боли?– спросила она, говоря тихим, спокойным голосом.

Её вопрос поверг меня в шок, я даже не мог предположить, что она спросит у меня такое! Сердце забило в два раза быстрее, я улыбнулся ей.

– Разве ты сама не знаешь? Самое важное для меня то, что она конечно и рано или поздно отпустит меня навсегда.

– Ты имеешь в виду смерть?

– Разве боль меня отпустит если я буду жить? Мне кажется, что я родился с ней и с этими эмоциями и чувствами. Знаешь, иногда я правда хочу умереть, и это не шутки, порой, стоя на крыше, я смотрю вниз и представляю, как лечу,

как меня поражает секундная боль и я умираю. Правда, звучит диковато? Но что я могу поделать, если терпеть боль уже нет сил. Может, это меня нужно спасти, а не людей вокруг?

– Тебя пришла спасти я, а о людях позаботишься ты.

Её ответ был краток и чётко. Во взгляде промелькнула забота, но в то же время присутствовал холод. Она держалась от меня на расстоянии, может, ей тяжело находиться со мной рядом? Может, я надоел ей? Любовь? Помнится, она мне что-то рассказывала про неё.

– Скажи, что происходит? Почему ты как-то ощутимо отдалилась от меня? Стала чужой, холодной, какой-то далёкой?

– Не придумывай!– воскликнула Кристина.– Как я должна себя вести? Играть тебе на балалайке? Я работаю, открываю тебя и познаю вместе с этим ваш мир, не более того. Не привыкай ко мне, Антон, и не надейся на то, что мы будем друзьями, ведь мы оба знаем, что скоро я уйду от тебя и ты начнёшь один строить свою дорогу, свою жизнь.

Эти слова резали моё сердце, я ей был абсолютно безразличен, какой же я идиот, подумал, что я ей нужен, что могу нравиться ей...

Но почему я так сильно верил в то, что её слова фальшивы, почему было такое ощущение, что она просто чего-то боится. Такое могущественное существо сидит рядом со мной и щупает мой пульс, интересно, что творится в её голове сейчас? Какие механизмы протекают в её сознании? Какое у неё сердце и дышит ли она воздухом? Я мало задавался вопросом, какая она, спит ли она, что ест и пьёт? Но язык не поворачивался задать ей хоть один из моих вопросов. Я был нем как рыба, хотя, возможно, она и так знала, что я любопытный и ничем не отличаюсь от других таких же любопытных. Кожу пробила мелкая дрожь, казалось, что температура моего тела падает. Кристина обхватила меня руками и прижала к себе, от неё шло невероятно сильное тепло, я прижался к ней, как маленький ребёнок. Удобней всего мне было обнять её за талию, она, по всей вероятности, поняла, о чём я подумал, и не сопротивлялась моим решительным действиям. Дрожь стала потихоньку отступать, я как будто обнимал батарею, было так тепло и хорошо, что глаза стали слипаться.

Мысли Кристины...

Наконец-то он заснул, когда его в последний раз посещал сон? Бедный мальчик. Правильно ли я сделала, что посеяла в его сердце безразличие своё к нему? Как неприятно было лгать ему и говорить, что мы не будем друзьями и я исчезну из его жизни, жестокий поступок, но он был необходим во имя моей жизни, пока она ценна.

Его волосы пахнут мятой, так приятно и вкусно, какие они мягкие и родные. Прости меня, что приходится скрывать от тебя свои чувства, которые бушуют в моём теле и сердце потоком боли и удовольствия. Прости, что не могу сейчас поцеловать тебя или ещё сильнее прижать тебя к груди и не отпускать до последнего вдоха. Как хочется заплакать, но не могу, внутри что-то надрывается, я схожу с ума из-за тебя, но ты лишь спишь, посапывая мне в шею. Наконец-то ты отдыхаешь, когда в последний раз ты видел красочные сны? Тебе снятся пророчества в которых я погибаю, но ты не можешь понять и разгадать клубок загадок своего сна, поэтому и не волнуешься, считая, что это обычные сны, отголоски серых будней. Ты человек из плоти и крови, в тебе есть всё, че-

го нет во мне. Кто я? Оболочка девушки, пародия на человека? На тебя, мой мальчик? Я энергия, свет, меня нельзя потрогать или почувствовать мой запах, я как воздух, что будет, когда наступит конец? Я стану той, кем была раньше?

Спи, сейчас ты борешься за меня, пытаешься спасти меня, но у тебя ничего не получается. Одно преимущество я имею – я сверхматерия, а ты смертен, раним, ты человек. На улице темно, и только ветер завывает и заглядывает в окна. Она ищет тебя, и я уже чувствую, что конец совсем близок, что у нас мало времени, боюсь ли я? Теперь да, боюсь, что ослабну в конец и не смогу убрать от тебя её мерзкие лапы. Странное ощущение, из меня уходит энергия, я слабею, пора уходить, пора бежать от тебя не оглядываясь, прости, что полюбила тебя, что ты страдаешь из-за того, что я холодна к тебе, прости....

Мне было чертовски приятно быть рядом с ней, хотя её сердце не реагировало на моё, но я верил и ждал, что когда-нибудь она ответит мне тёплым взглядом, а не холодным, который сверлил во мне огромную дыру. Я постепенно проваливался в пустоту, как будто я летел вниз, попал в водоворот и тонул. Где-то совсем близко я слышал голос своего ангела: «Не сдавайся, борись и ничего не бойся».

Сначала я боялся открыть глаза, зажмурился что есть мочи и просто ждал. Потом всё таки решился приоткрыть их и увидел огромное поле, усеянное пшеницей. Ветер трепал верхушки колосьев, и бескрайнее поле превращалось в жёлтый океан. Я дышал полной грудью. Может, я уже умер? Мне было хорошо и свободно, никакой боли я не испытывал, дышал свежим воздухом и прищурившись смотрел на палящее солнце. Кончиками пальцев я дотрагивался до верхушек колосьев, аккуратно шёл через них и вдыхал запах природы. Гармония постепенно поселилась в моём теле, я хотел остаться здесь навсегда, стать единственным человеком, которому не нужна эта бессмысленная жизнь, стать одиноким странником. Всё дальше и дальше я уходил от места своего появления, и всё больше и больше моё сердце наполнялось спокойствием. Резкий крик привёл меня в чувство. Обернувшись, я увидел белое пятно далеко от себя, приглядевшись, я узнал Кристину, она была одета в белое длинное платье, и большой белый цветок украшал её голову, блестели прямые, густые волосы. Я не задумываясь побежал к ней, спотыкаясь и путаясь в пшенице. Пропало то, что я ощущал пару минут назад, всю грудь охватило странное волнение. Я бежал к ней, казалось, что быстрее меня нет никого на всём белом свете. Она кричала мне что-то, вытянув руку вперёд, Кристина показывала куда-то вдаль, я повернулся и ничего не увидел, лишь только тихое пение колосьев и палящее солнце, но на мгновение мне почудилось какое-то движение неподалёку от меня. Присмотревшись, я увидел львицу, которая смотрела на меня своими хищными глазами, клыки торчали из пасти, она была готова напасть в любой момент. Я застыл на месте: вот, она, смерть, суровый вид хищника страшил и восхищал, но как он здесь оказался? И зачем я ему нужен? Неужели я такой вкусный? Неожиданно передо мной возникла Кристина, она закрыла меня своим телом и встала в оборонительную позу. Было странно и непонятно, что вообще происходит?

– Что ты делаешь? – тихо спросил я.

– Спасая твою жизнь, – так же тихо ответила Кристина.

Её волосы развивались на ветру, цветок в волосах отражал солнце, она была прекрасна, её голубые глаза нежно взглянули на меня. Какое хрупкое создание защищало меня, казалось, её можно толкнуть – и она упадёт, заплачет как ребёнок и убежит, вытирая слёзы. Но на самом деле она была сильной и мудрой, только я знал, кто она и зачем она здесь, только моё сердце ощущало как она боится за меня и как не хочет, чтобы хищник меня порвал. Ветер стих, и палящее солнце стало плавить моё тело, я чувствовал, как жара поглощала меня, мы как будто очутились в Африке, но вместо пустыни меня окружало огромное поле, и моя жизнь висела на волоске. Я встретился взглядом со своим противником, и ком встал в горле, вот она уже начала двигаться ко мне, ползком пробираясь через колосья сочной пшеницы, я уже чётко слышал её рычание, оставались считанные секунды до нападения. Кристина резко толкнула меня, и я упал в жёлтый океан, львица прыгнула, разинув пасть, она показала свои огромные и мощные клыки, когти устрашали не меньше, но на её пути возник снова мой ангел. Я хотел зажмурить глаза и не видеть, как животное убьёт девушку, или как от меня откусят сочный, кровавый кусок. Кристина выставила руки вперёд и отразила нападение львицы, сильным ударом она откинула её далеко, та в свою очередь резко встала на лапы и снова приняла устрашающий вид. На этот раз не я был её целью и добычей, всё своё внимание хищная кошка переключила на хрупкую девушку. Я быстро встал на ноги и стал размахивать руками, львица отвлеклась снова на меня, но не прошло и пары секунд, как я снова лежал на земле, Кристина не давала мне даже шанса встать на ноги, пшеница защищала меня, под ней меня не было видно, я был, как это можно выразится, в «домике», но вот Кристина стояла лицом к лицу с хищником, который был огромен и опасен. Сил не было встать, последний удар моего ангела пришёлся мне в грудь и непонятная боль охватила её, я лишь мог крючиться и стонать, в это мгновение я себя ненавидел.

Странная, тихая и спокойная мелодия нарушила мой мир, она лилась медленным потоком в мои уши, больше я не слышал шелеста колосьев, и дуновение ветра больше не тревожило меня. Только музыка играла во мне, она играла всюду, постепенно заполняя всё пространство, в эти минуты мне хотелось жить, она была божественна...

Кристина снова отразила нападение львицы, та в свою очередь уже не так быстро и ловко встала на лапы, что-то мне подсказывало, что победа будет за нами. Но только я подумал об этом, как рядом с раненым животным появилась ещё одна кошка, и ещё одна. В итоге я насчитал пять кошек, они встали полукругом и готовы были нанести решающий смертельный удар, такой, который после себя не оставил бы ничего, даже капельку крови. Кристина стала медленно похаживать сначала в право, потом влево, видно было, что она волновалась, но страха в её глазах или поведении я не наблюдал, ей было всё равно, что будет с ней, главная её цель – это спасти мою душу, спасти меня от нападения этих хищниц, спасти меня, чтобы я совершил какие-то деяния на этой земле. Неужели моя жизнь так дорого стоит, что ангел, высшее существо, готов отдать свою жизнь не раздумывая?

Капелька пота стекала по моему лбу, я зажал между пальцами колосья пшеницы и тихо постанывал от того, что ничего не мог сделать, что не мог одним щелчком уничтожить этот зоопарк, Кристина боролась за меня, а я ва-

лялся в пшенице, как немощный. Обстановка накалялась, все кошки стали медленно приближаться к ангелу. Кристина стояла рядом со мной и загораживала собой вид, хотя мне он был не нужен – что я там увижу? Клыки и когти, которые могут в любую секунду вцепиться мне в горло? Тут резкий прыжок – и одна из хищниц вытянулась в струнку и полетела на Кристину, та в свою очередь двумя руками откинула нападавшую. И, только львица приземлилась на землю, как уже две другие самки набросились на моего ангела.

Всё происходило, как в дорогостоящем голливудском фильме, в руках Кристины была огромная сила, она отбрасывала от себя кошек как теннисные мячики, а те в свою очередь злились ещё сильнее, но были уже более осторожны. Маленькая, беззащитная девушка размахивала руками и отбрасывала хищниц, пока те не стали нападать одновременно, всей группой. Они рычали и бросались на мою спасительницу. Я приподнялся и увидел, как одной львице удалось ранить Кристину, по её руке текла голубая кровь, эта кровь сливалась с цветом её глаз, она текла тоненькой струйкой по хрупкой руке. Запах крови возбудил ещё сильнее животных. Но голубая жидкость пахла совершенно по-другому и на вкус она, наверно, была не такой солёной, как человеческая кровь, но львицы ловили эйфорию от крови ангела, они как будто с цепи сорвались, стали драться друг с другом, чтобы распределить между собой, кто будет нападать и кому достанется такая вкусная добыча.

Я всё-таки сумел подняться на ноги и увидел страшную картину: в колосьях пшеницы блуждали кошки, да не три или четыре! Я не мог их всех посчитать, такое впечатление, что сама пшеница создаёт этих животных, именно в эту минуту я понял, что нас ждёт смерть...

Я слышал рычание львицы за своей спиной, я чувствовал, как ко мне приближается кто-то, мелкие мурашки побежали по всему телу, я замер в ожидании прыжка. Кристина кинула на меня тревожный взгляд, она увидела, что моя жизнь висит на волоске.

– Закрой глаза, – громко и внятно сказала она.

Впервые за долгое время я не спрашивал, зачем и почему? Я зажмурился что есть мочи и стал ждать. Руки щекотали колосья, в этом огромном жёлтом океане рыскали львицы, скалили на меня свои белые клыки и смотрели на меня своими хитрыми глазами предвкушая победу. Даже через закрытые глаза я чувствовал боль, белый свет ударил по ним, и я машинально закрыл руками лицо. Казалось, будто земля тряслась под ногами, потом по ушам ударил какой-то гул, я не мог понять, было ли мне страшно, но одно я знал точно: Кристина обладала великой силой. Не прошло и минуты, как всё закончилось, белый свет исчез, земля больше не билась в конвульсиях, шума в ушах больше не было. Я открыл глаза...

Тихий ветерок покачивал растительность, Кристина стояла спиной ко мне, она не шевелилась, львицы исчезли.

– Что это было? – спросил я, делая нерешительный шаг к ней.

– Она почти здесь.

Её голос был странным и не похожим на тот, который я всегда слышал. Подойдя ближе, я увидел, как из глаз ангела текли слёзы, она тихо плакала, одна за другой катились слёзы по её щекам. Как же сильно она мечтала заплакать – и вот всё свершилось!

– Ты в порядке? Она – это кто?

Грустные заплаканные глаза посмотрели в мои, и в венах застыла кровь.
– Твоя смерть.

Я проснулся в холодном поту, время было уже где-то около трёх часов ночи, я встал с постели и подошёл к окну. Обхватив руками голову, я стал вспоминать сон, который был так реален, что я долго не мог прейти в себя.

– Кристина, ты здесь?– нерешительно спросил я.– Знаешь, мне приснился странный сон! Львицы, белый свет, твои слёзы – что это? За мной пришла смерть?

Но я ничего не услышал в ответ, в комнате её не было. Если логически просто самому подумать над всем, что произошло со мной сейчас, какой можно сделать вывод? Может быть эти львицы были слугами тёмной материи? Кристина защитила меня, но ей это стоило больших усилий, потому что силы были не равные. Может, я схожу с ума? Но почему мне кажется, что всё именно так? Такое ощущение, как будто кожа загорела от палящего солнца, как реален этот сон...

А может, это вовсе не сны? Может, я проваливаюсь в другое измерение или пребываю в другом мире? Всё происходит по-настоящему, пока я сплю, нет никаких сновидений, нет никаких «понарошку», есть реальность, которая путает моё сознание. Есть защитница, которую я люблю больше своей жизни, больше всего на свете. Пускай она из другого, неведомого мне мира, я всё равно считаю её человеком, пускай она гордится моими мыслями и в тишине, пока никто не видит, проливает вымышленные слёзы. Как бы я хотел что бы Кристина смогла проронить хотя бы одну несчастную маленькую слезинку!

Время летело так быстро, что я оглянуться не успел, как пришла середина июля, дожди почти прекратили нападать на столицу России, пришла жара, но не африканская, чему я был несказанно рад. Как я могу помочь человеку, если мне самому нужна помощь, да и, возможно, помощь психотерапевта мне тоже не помешала бы! Я просто таю, последнее время хожу как выжатый лимон, силы меня покидают, наверно это из-за снов. Но если сон реален и персонажи в моём сне реальны, тогда рана на руке Кристины должна остаться, это единственное подтверждение моей абсурдной теории.

– Ты прав, твоя теория абсурдна,– тихий голос раздался за моей спиной.– На самом деле ты спишь, просто тебе снятся предсказания того, что будет дальше, того, что ждёт тебя и людей в будущем. Ты прав в одном, эти кошки были слугами тёмной материи, она почти тебя нашла. Тебя должны убить, чтобы всласть насладиться правлением этого мира, но знаешь, в чём подвох?

– В чём?

– Обычно за душой человека приходит ангел смерти, но он всего лишь правая рука тёмной материи у которой есть более важные дела, чем приходиться за душами обычных людей, она как генерал среди своих подчинённых капитанов и лейтенантов. Эта гадость приходит только за избранными, которые могут внести в мир что-то хорошее, имя которых будут помнить внуки и правнуки, и на защиту этих людей встаём мы, ангелы света, я сражалась с тёмной материей, бои были беспощадные, но я побеждала. Сейчас же смерть стала намного сильнее, чем была раньше, и всё из-за людей, в вашем мире все злые и несправедливые, она питается вашим негативом и становится сильнее в пять раз, а я, наоборот, слабею из-за того, что добра на земле осталось слишком ма-

ло. Ты же, в свою очередь, должен сломать все её планы, так как у тебя миссия внести в жизни людей добро и свет, наставить всех на путь истинный, тогда смерти не будет здесь места, она ослабнет и притаится в своей холодной норе, и не будет вершить свой суд над людьми. Ты нужен ей как пустыне – вода, как птице – небо, её главная задача найти тебя!

– Значит, пока я здесь болтаю с тобой, в любую минуты ко мне может прийти тёмная материя, то есть сама смерть? С косой и в чёрном капюшоне?

– Как смешно, дорогой мой друг! Смерть принимает обличие кого угодно и когда угодно. Помню, в 1687 году смерть пришла за моим подопечным, у него был уникальный склад ума, он был философом, человеком одаренным, с чистой душой, так вот, тогда смерть пришла в образе огромной чёрной змеи. Как сейчас помню, её кожа блестела, как намазанная маслом, глаза горели красным пламенем и длинный, раздвоенный язык устрасал и пугал. А вот в 1879 году смерть пришла за женщиной, у которой была миссия предотвратить гибель двухсот человек, тогда тёмная материя пришла в образе красивого молодого человека, волосы были длинные, по плечи, и чёрные как смола, глаза были светло-серые, губы тонкие и неживые. Её я узнаю из тысячи тварей и субстанций, она отличается слишком едким запахом, тягучая вонь тащится за ней, как за улиткой слизь. У её слуг запах не очень едкий, даже вполне терпимый, поэтому как только мы, ангелы, встречаемся с ними, у нас возникает защитная реакция организма. Чтобы ты понял, на моей шее и правой руке появляется одна сплошная татуировка, там написаны молитвы, которые работают как иммунитет, как колпак от негатива и страха.

– Ничего себе...– только это я и смог вымолвить.– А можно уничтожить эту тёмную материю?

– Тогда нарушится земной баланс, смерть нужна, как бы это трагично не звучало. Пускай её приход пугает и страшит, но она всего лишь проводник в другие миры, сейчас тёмная субстанция – как это сказать, чтобы тебе было понятно, – совсем разошлась, и наша задача остудить пыл этой ненасытной дамочки! Её слуги – кстати, не слабые соперники, – погибают в боях, но и мы тоже терпим поражения. Из всех ангелов только мне доводилось сражаться с самой главной проблемой нашего и вашего мира, но это всемирный баланс и никуда от этого не деться ни мне, ни тебе. Её убить невозможно, можно только показать ей, кто главный и как она должна себя вести, но я могу погибнуть от её рук, несмотря на то, что я очень сильная,– с улыбкой сказала Кристина.– Если я смогу тебя спасти, отрубить её клешни, тогда она станет смиренной и спокойной, поймёт, что не только зло должно править миром, воцарится гармония, будут равные возможности. Сейчас пока нет этой равности, смерть далеко ушла, царит хаос и только такие люди, как ты, могут спасти землю, а я, в свою очередь, помогу тебе и доведу дело до конца! Запомни: она проводник в другие миры, её роль в вашем мире очень значима, без неё многие процессы начнут работать не так, как нужно. Просто её поразил некий вирус, и этот вирус – ваша злоба и страшные пороки! В её руках огромная сила, и эта сила горит в ней, совершаются действия, которые качают равновесие сил в вашем и нашем мире. Пришло время остановить это колебание, пришло время пробудиться ото сна, пришло время вылечить тёмную материю от вашего вируса, созданного вашими руками.

– Я не спаситель этой земли, это ты спасительница! Добро и зло, зло и доб-

ро – у меня уже голова начинает болеть от того, что ты мне сейчас рассказала. Смерть совсем распустилась, убивает людей, которые должны внести в жизнь земли добро и процветание, и я один из этих людей. Знаешь, если бы я услышал твой рассказ месяц назад, я решил бы, что ты сумасшедшая и тебе пора лечиться, сам бы позвонил в психушку и проводил до палаты. Но такие мысли больше меня не посещают, знаешь, я боюсь, боюсь не за себя, не за свою жизнь. Мне страшно, что я потеряю тебя, что эта тёмная материя убьёт тебя и тем самым убьёт меня! Нет больше сил скрывать свои чувства к тебе, Кристина, неважно, что будет дальше и какое будущее ждёт меня, – я люблю тебя так, как, наверно, люди и не любят, ведь если я особенный, значит, и любовь у меня особенная. Прости за такую откровенность, понимаю, она сейчас ни к месту, но когда ещё я смогу поведать тебе о том, что происходит в моём сердце? Ты можешь сейчас сказать всё, что угодно, это твоё право, но прошу тебя: не говори мне, что ты меня не любишь, иначе в моей жизни не будет никакого смысла! Всё станет чёрным и неживым, потому что именно ты разнообразила всё вокруг, дала мне смысл жизни. – Я опустил глаза.

Ещё минутой я не мог смотреть на неё, откровенность эта далась мне тяжело, но что я мог поделать, если всё моё нутро кричало о том, как сильно я люблю её, разве можно скрывать такое? Пускай я не услышу взаимности в ответ, но самое главное – пускай она узнает, как дорога она мне, и не важно, что у неё нет телесной оболочки, что эта хрупкая девушка всего лишь свет, некая огромная энергия, но я люблю то, что никто никогда не полюбит, пустоту, воздух, то что просто нельзя обнять и приласкать...

– Спасибо тебе, друг мой, за крик души, и не важно, что сейчас не время для таких откровений. Если бы только ангелам было дозволено влюбляться в людей, может, жизнь и тех и других была бы совершенно иной... Но, к сожалению, ты пошёл против правил, а так нельзя. Ты ведь знаешь, я тебе рассказывала о двух ангелах, которые погибли от любви. Если я полюблю тебя, то тоже погибну и похороню своё сердце на дне океана. Нам нельзя иметь хоть какую-то близость, мы совершенно разные с тобой, ты будешь счастлив с женщиной, с человеком, с ней ты проживёшь всю свою жизнь, она будет тебе опорой во всём. Ты забудешь меня и полностью посвятишь себя другим целям и задачам. У тебя родятся две прекрасные девочки, ты будешь счастливым человеком, не смотря на то, что будет много борьбы. Я не могу забыть о людях, ты не должен становиться для меня центром! Я не должна впускать в себя человеческие чувства, только самые могущественные существа могут с вами сотрудничать, их развитие позволяет совершенно спокойно наблюдать за вами и даже быть среди вас, но меня, так же, как и тёмную материю, поразил вирус. Я не знаю, почему я поддаюсь ему, возможно, это должно было со мной случиться, и тем более – в глубине души я этого желала всегда...

Почему всё так сложно? Почему мы просто не можем быть вместе? Хотелось кричать о том, что весь мир не прав и что это правило причиняет нестерпимую боль.

Светало. Город постепенно пробуждался ото сна. Я уже давно не прогуливался по ночной Москве, машина стояла в гараже и терпеливо меня ждала. Разговор с Кристиной оказался для меня не очень простым. Теперь я знал, что за мной охотился её главный враг, сама смерть, но не просто смерть, что-то большее, чем смерть, что-то намного сильнее и ужаснее. Она точно не выдава-

лась в подробности, кто же это на самом деле, просто чтобы было мне понятно имя нашего общего врага – просто смерть или тёмная материя, но даже внутри меня что-то говорило о том, что на самом деле это что-то большее и непонятное пока мной.

Кристина была со мной откровенна, как будто готовилась к чему-то и боялась не успеть поведать мне всё, что я должен узнать. Боюсь ли я умереть от рук самой смерти? Наверно, меня уже ничего не страшило, я был уже мёртв, так как ангел мой отверг меня, она просто запретила мне говорить о нас, о ней и обо мне. Мы разные, стоим по разные стороны баррикад, я человек, она высшее существо, всё равно что я муравей, а она слон. Любовь в моём сердце пылала без устали, но она была отвергнута той, которую я назвал своей судьбой, может я ненормальный и напридумывал себе воздушные замки? Но мне хотелось, чтобы все мои выдумки были явью, чтобы мои воздушные замки стали осязаемыми и их можно было потрогать, войти в них и жить. Кристина стояла около окна и смотрела не отрываясь куда-то вдаль, волосы спадали с плеч, густая шевелюра согревала её плечи, бледные губы подёргивались, она умывалась лучами назревающего солнца, еле заметная улыбка меня согревала и я подошёл к ней.

– Значит, у меня запретная любовь?– спросил я, дыша ей в ухо.

– Прошу тебя, не обижайся на меня, Антон! Ты прекрасно понимаешь, а если нет, то должен постараться понять – нас ничего не может связывать. Прости, если я причиняю твоим чувствам боль, но что может быть между нами? Посмотри на меня!

Кристина встала передо мной и раскинула руки в сторону, как будто давая понять: «посмотри на меня, что ты видишь?». Потом она соединила руки, и из ладоней сочился яркий, красно-голубой свет, она играла с этим светом.

– Вот почему мы не можем быть вместе, я совершенно другая, я делаю то, что другим и в голову бы не пришло. Разве ты можешь вот так стоять и из рук выпускать яркий свет? Или можешь просто так очутиться в любой точке земли, вызвать дождь? Мы разные с тобой, у тебя даже кровь красная...

– Можешь мне больше ничего не говорить, я всё прекрасно понимаю! Да, может мы и разные, но ведь нас что-то связывает? Может, в чём-то мы одинаковые? Некоторые чувства похожи, внешность у тебя не отличается ничем от других девушек, правда, ты в сто раз красивей! Почему ты так хочешь, чтобы мы отделились друг от друга? – Спросил я, обняв её за хрупкие плечи.– Послушай, я не пытаюсь тебя влюбить в себя или заставить увидеть, как сильно я люблю тебя, ты и так всё сама знаешь, достаточно даже того, что все мои чувства написаны на моём лице. Вот сейчас я схватил тебя мёртвой хваткой, а ты растерялась, как самая обычная и нормальная девушка. Где твоя сила, которая может оттолкнуть меня? Где твоё отрицание?

Сам не мог понять, как мои губы стали стремительно приближаться к губам Кристины. Казалось, я уже чувствовал её лёгкое дыхание, огромные от удивления глаза впились в меня, я чувствовал, что одержу победу, но препятствием стали два пальца, которые она положила мне на губы.

– Если ты меня поцелуешь, я умру.

Её слова ошарашили меня, и я отступил на два шага назад.

– Если бы я даже хотела тебя полюбить, то не смогла бы этого сделать! Любовь причиняет нам нестерпимую боль, я даже не могу допустить мысли о

любви. Если любишь, становишься уязвимой, становишься слабой и постоянные боли ломают грудную клетку, заставляя сердце отщеплять от себя кусочки собственной плоти.

– Хорошо, – тихо ответил я.

Я был выше её на голову, она казалась такой маленькой и беззащитной, что я не мог до конца осознать, кто она, такое хрупкое создание должно было защитить меня от смерти, она, которая стоит передо мной и смотрит на меня своими большими глазами, своими голубыми океанами.

Мы расстались, и я снова погрузился в раздумья. Снова в голове всплыл недавний, настолько реальный сон, снова я ощутил на себе холодный взгляд Кристины. Что могло быть больней, чем безответная любовь? В душе я был безграничным романтиком, но в жизни я не блистал открытыми чувствами, и буквально недавно я стал открываться миру – и тоже благодаря Кристине. Любовь пожирала всё моё тело, я ощущал в себе огромную душевную дыру, голова воспламенялась при каждой мысли о ней, жить было просто невыносимо. Но чего я хотел? И от кого я просил любви?

Глава 12. Исповедь грешницы.

Снова начались дожди. Я и Марианна прятались на автобусной остановке, был ливень. В ушах стоял шум, как будто ты стоишь под душем и поток воды не даёт тебе свободно дышать. Из-за дождя всё вокруг было серым и мутным.

– Тебе идёт твой родной цвет глаз, – тихо сказал я, вглядываясь в её карие глаза.

– Серьёзно? Я не знаю, мне кажется, он слишком распространённый, меня, если честно, всегда возбуждал зелёный цвет. Кстати, почему мы здесь, а не в твоей машине греемся?

– Потому что я не думал, что начнётся дождь, да и автобус что-то долго едет, там что – все в пробке стоят?

– Очевидно, так и есть! Теперь мы тут надолго застряли, хорошо хоть поели, и мой желудок не поёт мне арии из опер.

Её густая мокрая чёлка почти закрывала глаза, на губах больше не блестел её утренний розовый блеск, который так едко пах клубникой. Она постоянно пыталась обнять меня или прижаться что есть мочи. Я же давал понять, что пока не хочу допускать мысли о каком-то флирте с ней, но ей было всё равно, она была готова залезть мне даже в штаны. Её развратная сторона была негативной стороной жизни, она пряталась под маской проститутки, считая, что это её спасает. На самом деле эта девушка ненавидела себя за то, что и взрослая она продолжала быть уродом, но что поделать если родители её лишили счастливого и доброго детства, если отняли у неё любовь и защиту? Она пряталась от проблем, принимая наркотические препараты, по ночам она ловила кайф, а наутро весь этот кайф оставался на дне унитаза, она изводила своё тело, как будто пыталась что-то кому-то доказать. Привыкнув к такой жизни, она всё дальше и дальше уходила от этой реальности, улетала куда-то ввысь после алкоголя и сигареты, ненавидела себя за то, что дарила своё тело каждому, кто даст ей деньги и она сможет заплатить за съёмную квартиру, а оставшиеся деньги потратить на то, что ей совсем не было нужно. Одинокий воин среди армии тщеславия и коварства, что может быть печальней этого?

На вопрос, почему она так долго терпела издевательства отчима, ответ не

заставил себя долго ждать: «Он был хорошим психологом, всегда убеждал меня в том, что за стенами квартиры живут плохие люди, что здесь, рядом с ним, я в безопасности. Так получилось, что в школе я попала в самую клоаку жизни и верила отчиму, потому что считала и это место тоже невыносимым, а других сторон жизни я просто не знала. Все мои одноклассники были жестокими и неуправляемыми, а многие из одноклассниц были ветреные и завистливы друг к другу. У одной девочки даже парень был старше её на десять лет, и она считала себя крутой и взрослой. Перейдя в девятый класс, она забеременела и ушла из дома, ей казалось, что она уже самостоятельная и может делать в своей жизни всё что только душе захочется. Её мама была рада уходу дочери, для неё было позором жить под одной крышей с таким неуправляемым и разгульным ребёнком. Я до сих пор не могу поверить, что у этой глупышки поднялась рука перерезать себе вены. Детская душа не смогла вытерпеть того, что свалилось ей на голову. Предательство любимого, коим он считался, но таковым не являлся, по крайней мере для него она была всего лишь новой игрушкой. Предательство матери, которая должна была самой первой примчаться на помощь, но вместо этого она занималась совершенно другими делами. И наконец, рождение нежеланного ребёнка, о коем она начала мечтать бы только лет через десять. Все эти удары пришлись одновременно в сердце, и неизбежный для неё конец настал. Когда мы всем классом хоронили её, я видела лица своих одноклассников, никто даже и слезинки не проронил. Все стояли с каменными лицами, возможно, все понимали что произошло и что происходит в жизни каждого, но никто из них не пытался хоть как-то изменить свою жизнь! Эти дети считали, что живут правильно, что нет ничего постыдного и ужасного в их поступках и действиях. Я не верю, что они не задумывались о своём будущем, конечно же, думали, но почему-то ничего не делали для того, чтобы в будущем быть нормальными людьми, они зомбировали сами себя своими принципами и правилами, которые не стоили и ломаного гроша. Тогда я поняла, что все люди бессердечные и злые, что нет нигде спасения, что, куда бы я ни пошла, меня всюду будут ждать именно такие люди, именно такие животные. И тогда я просто смирилась с той судьбой, которая у меня была. Не скрою, я тоже хотела закончить свою жизнь, как эта несчастная девочка, но наверно была слаба волей, не могла лишиться себя жизни. Ведь я тогда тоже была ребёнком, поднять руку и убить себя я не могла. Даже когда жить было совсем невыносимо, я не могла причинить себе боль, не могла освободить себя. Потом я пережила ещё две смерти из своего класса, я находилась под впечатлением, боялась и думала: куда уходят эти молодые жизни? Какая вечность их ждёт? После окончания школы я совсем замкнулась в себе, стала просто сексуальной рабыней, стала употреблять наркотики и периодически меняла парней, потом случилась трагедия с матерью и отчимом, они попали в аварию, и тогда я поняла, что наконец-то освободилась от этой невыносимой жизни. Но их смерть не дала мне облегчения, я стала ещё больше бояться всего, мир казался мне исчадием ада. Меня настолько зомбировали, что первое время я испытывала жуткую паранойю, всё казалось таким же, каким было дома и в школе. Потом я догадалась, почему и в школе моя жизнь была одним сплошным кошмаром. Отчим- а именно он выбирал для меня школу – конечно же, выбрал не самую лучшую и запихнул в самый трудный класс. Он боялся, что среди нормальных, спокойных и умных детей я найду спасение и

смогу дать ему отпор, но, ловко окрутив меня, он добился своего. Я была трудным подростком, у меня были жестокие наклонности, но всего этого на самом деле у меня не было. Просто из меня, из ребёнка он сделал урод, немую куклу, и как долго у него это получалось делать. И как долго мать могла на это всё смотреть и закрывать глаза?

Меня пугало будущее, но я вступила в него, стала танцевать в клубе, я стала продавать своё тело... Я ужаснулась, когда поняла, что кроме этого я больше ничего не могла делать. Моей работой и смыслом жизни было моё тело, которое я могла дать попользоваться на время, я считала это нормальным, пока со временем не поняла, что это ненормально. Я превратилась в подобие человека, мне было стыдно за себя, и всё чаще и чаще в моей голове возникала мысль освободиться ото всего. Деньги, которые мне платили, подкупали меня, я могла себе позволить многое, но они не могли мне дать ничего живого, в них не было души, так же, как и не было души в тех, кто мне их давал. Не знаю как, но я жила и всё таки старалась искать что-то белое среди всей этой черни. Я постепенно стала открывать этот мир, и многие вещи, которые, возможно, в реальности не были настолько хорошими, для меня были безукоризненны. Тащить себя за уши было безумно тяжело, я панически боялась жить, но я жила, не знаю – назло ли, или, может, механически, но жила...

Я благодарна богу, что не закончила свою жизнь как моя одноклассница, не перерезала себе вены в четырнадцать лет. Благодарна, что есть ты в моей жизни, и благодарна, что свершилась справедливость над матерью и отчимом, пускай даже она была быстрой и безболезненной. Помню, моя мать очень хотела родить ещё одного ребёнка, она всегда мечтала о сыне, хотела назвать его Владимиром. Своего родного отца я не знала, он бросил её, когда мне было два месяца, и с того самого момента она как будто возненавидела меня, но в чём была виновата я? За что она отдала меня на растерзание этому ублюдку? Ведь я была для неё хорошей дочерью...

После знакомства с моим отчимом она сразу же начала пробовать забеременеть, и с первой же попытки у неё получилось, её счастьем не было предела. Я как будто исчезла из её жизни, а когда стал появляться еле заметный животик, тут она вообще мне стала угрожать детдомом. Не знаю почему, но отчиму не очень нравилась эта затея с отцовством, и в один прекрасный день он спровоцировал грандиозный скандал, в нём-то и пострадала моя мамаша, он ударил её, и она вылетела из коридора в комнату и рухнула на пол с таким грохотом, что даже я испугалась. После этого она потеряла ребёнка, потом она пыталась ещё забеременеть, но все попытки были бесполезны, именно тогда она совсем вычеркнула меня из своей жизни, я ей была не нужна. Она всё знала. Самое гадкое, что она знала, что отчим насильвовал меня, она жила с ним и делила его не с любовницей её лет, а с несовершеннолетней дочерью, – сказать, что она была чудовищем это значит ничего не сказать. В церковь я хожу, но никогда не вспоминаю о матери, однажды мне приснился сон, где она просила у меня прощение за все свои поступки, слёзно просила простить её и целовала мне руки, но я вырвалась из её тисков и ушла, окинув её холодным, безразличным взглядом. Проснувшись я горела от злости, какого дьявола она снилась мне? Кто она такая, чтобы проникать в мои сны и порождать там новые кошмары? Это был единственный сон, когда я видела свою мать, это чудовище. Они внушили мне, что мир жесток и развратен, а сейчас я понимаю,

что он хороший и добрый, только поздно я это поняла. Иногда иду по улице, вижу счастливые лица людей, детишки играют, так хорошо на душе становится. Для меня как будто нет ничего плохого, хотя я знаю, что наш мир не идеален, но лучше жить так, чем так, как я жила раньше. Я знаю, что моя сегодняшняя жизнь у многих вызывает чувство отвращения и жалости, но я не виновата, что именно такая судьба была мне уготовлена.»

История её жизни ужасала меня, кто мог бы пережить такое? По её словам можно было написать огромную книгу, только в ней не будет счастливого детства или каких-то жизненных побед, только тьма и пустота...

– Опять задумался?– спросила Марианна, одаривая меня нежной улыбкой.

– Я восхищаюсь тобой!– ответил я.

– Что?– удивлённо спросила она.

– Ты живёшь, неважно как, но ты живёшь, строишь планы! Ты пережила такое, что никому и не снилось!

– Зачем ты мне это говоришь?– со слезами на глазах спросила она.

– А что?

– Да это же полный бред!– громко прокричала Марианна, убирая за уши влажные волосы.– Разве мной можно восхищаться? Я думаю, что нет! И это будет правильно, кто я? Что я? Человек ли я вообще?

– Ты сильная и красивая девушка, и у тебя обязательно будет семья и любящие дети! У тебя покалечена душа, и это самое страшное, что может случиться с человеком. Но раны заживают, исчезают, забываются! Я не испытывал такого унижения и мне легко об этом говорить, но я хочу, чтобы ты верила в то, что душа может снова стать душой, что твой внутренний мир будет вдыхать только свежий и чистый воздух, а сердце очистится от грязи, которая сейчас сидит внутри тебя. Нужно бороться, потому что если опустить руки, то прямоком попадёшь в огромный колодец, из которого никогда не выберешься. Я знаю, о чём ты думаешь, ты думаешь, что ты уже в этом колодце и выбраться оттуда невозможно. Ты сильная, ты безумно сильная, ты пережила ужасное и теперь хочешь сдаться? Разве это разумное решение? Может, стоит жить дальше? Без прошлого, без матери и отчима, без грязи – откинь всё!

Мне хотелось внушить ей вкус к жизни, в голову пришла идея продать свою машину и деньги от продажи отдать ей, чтобы Марианна начала жизнь с чистого листа, где-нибудь в другом городе, где её никто не будет знать, и она почувствует себя нужной. Конечно, поначалу будет тяжело приспособиться к новым условиям, но я думаю, она справится и забудет что когда-то была обижена судьбой и была проституткой. В глазах этой девушки я видел застывшие слёзы, я чувствовал, что мои слова помогли ей.

– Слушай, давай я тебе дам денег? Продам свою машину, и ты начнёшь новую жизнь где-нибудь далеко от Москвы? Хочешь начать жизнь с чистого листа, чтобы никто тебя не знал? На первое время этих денег тебе хватит, а там найдёшь работу, ты уже не пропадёшь!

Мои слова, по всей вероятности, просто шокировали Марианну, она вытаращила на меня свои большие глаза и долго стояла молча.

– Скажи мне, зачем тебе всё это? Неужели кому-то нужна моя жалкая жизнь? Ты ради меня готов продать машину и отдать все свои деньги малознакомой девушке? У тебя, случайно, нет температуры? Ты не болен? Кто я тебе, чтобы получать такие дорогие подарки? Может, я тебе нужна для каких-то

целей? Так ты не стесняйся, говори, обещаю – матом не пошлю!

– Меньше всего на свете я хочу тебя использовать в своих целях.– нежно и тепло ответил я.– Неужели я не могу просто тебе помочь? Да и любому человеку?

– Просто сейчас мало кому нужны такие как я! Ты только оглянись вокруг, и твои глаза ахнут от удивления, поэтому у меня в голове не укладывается мысль о том, что кому-то я нужна.

– Ну, теперь ты будешь знать, что есть ещё на свете люди, которым небезразлична твоя жизнь!

– Наверно, тебя мне послали небеса!– удивлённо сказала она.– Ты знаешь, я настолько ненавижу себя, презираю, потому что очень похожа на свою мать. У меня её глаза и губы, каждый день просыпаясь мне хочется разбить зеркало, которое показывает не то, чего бы мне хотелось увидеть. Свои тонкие губы я превратила в пухлые, сочные и сексуальные лепестки роз, а цвет глаз меняю благодаря линзам, я маскируюсь как только могу. Есть у меня один поклонник, который выбрасывает на меня свои грязные деньги, но, очевидно, не только на меня одну... Он-то и спонсирует мои заскоки, но сейчас я уже понимаю, что, изменив внешность, я не смогу изменить своё нутро. Пускай я даже поменяю пол, я всё равно останусь несчастным человеком, который сейчас рассказывает всю свою жизнь человеку, которого знает всего каких-то пару дней. Я очень устала.

Я чувствовал, что она устала, что её запасы жизненных сил на пределе. Несмотря на то, что самая страшная опасность уже позади, она всё равно жила одними только воспоминаниями. Она калечит свою внешность, лишь бы не быть похожей на мать, она употребляет вещи, которые разрушают её организм, но разве это выход? Её искусственная красота всего лишь хороший камуфляж, на самом деле она ранимая и добрая девушка, только нет с ней тех людей, которые показали бы ей её достоинства, а не тыкали постоянно на недостатки. У неё от перевозбуждения тряслись руки, она думала обо мне и о моём предложении. Мне искренне и от всего сердца было очень её жаль, бедный человечек, который сейчас пытается прижаться ко мне, почувствовать моё тепло, играл со своей жизнью. Пускать мысль о самоубийстве в свою голову – это всё равно что выбрать дату и место своей кончины. Там, где одна мысль, там и другая, а потом всё это медленно перетекает в шизофрению, которая заканчивается смертью от своих собственных рук.

Дождь ещё барабанил, людей практически нигде не было, остановка пустовала, только наши силуэты отражались в стёклах пролетавших мимо машин. Через дорогу был зелёный, чистый парк. Когда на улице ясная погода, это место превращается в настоящую сказку. Здесь хорошо играть в бадминтон, отдыхать с семьёй, друзьями, сюда просто хорошо приходит одному, можно подумать о чём-то важном и не отвлекаться на внешние факторы, природа помогает тебе слиться с самим собой. Я попытался именно сейчас представить, как нежное солнце окутывает деревья и своими лучами, пугается в кроне, именно сейчас я представлял, как горячий ветер треплет верхушки молоденьких берёзок, мысленно я окунулся в свои фантазии. Я ощущал запах каждого дерева, каждого кустика, я отчётливо слышал голоса людей, видел их улыбки и чувствовал эмоции. Если кто-то сидел на лавочке и что-то ел, то непременно к нему подлетали голуби, своими вращающимися головами они смотрели на

весь этот огромный мир и видели в нём этого маленького человечка, который, возможно, мог бы поделиться с ними чем-нибудь вкусненьким. Я представил голубое небо, чистое и лёгкое, как пёрышко, сама обстановка была простой и невесомой, человек должен здесь себя чувствовать в своей тарелке, должен впитывать естественную энергию, которую, как мне кажется, больше нигде не найдёшь. Я представил себя огромным, могучим деревом, которое всё видит и всё знает. Я вообразил, что длинные ветви – это мои руки, и я могу ими воспринимать весь мир. Слившись с природой, я понял, что мы стали единым целым, небольшой парк возбудил в моём сознании огромное пространство зелёного ковра, который застилал большую часть нашей планеты.

Вернуться в реальный мир меня заставил гром, он так сильно ударил по небу, что десятки машин мигом замигали и включились сирены. Марианна прижалась ко мне всем телом. Я не боялся грома, но одно дело, когда ты его слышишь дома, а другое дело, когда стоишь на улице и над головой пролетает такая огромная природная сила. Я снова стал смотреть через пелену дождя на парк, стал даже щуриться, но толком ничего не мог разобрать. Тут откуда ни возьмись я увидел девушку, она стояла на другой стороне дороги. Я не мог разглядеть её лица, но точно заметил, что на ней было длинное платье и мокрые волосы спадали с плеч. Она стала идти прямо, точнее, прямо на меня и Марианну. Мигом по коже пробежались миллионы мурашек, картинка была как из фильма ужасов: вечер, дождь и кто-то приближается...

Когда она уже почти перешла дорогу, я увидел Кристину, пролетающие мимо машины не задевали её, никто не видел эту девушку, кроме меня. Она остановилась в пяти шагах от меня, в её глазах была безграничная грусть и тревога. Она подняла голову к небесам, и капельки дождя ещё сильнее стали омыывать всё её лицо. Моргнув глазами, я увидел кровь, она плакала кровью! Красная, солёная вода потекла по щекам, а голубые глаза всё также грустно и тревожно смотрели в моё лицо. Меня от неё отделяли какие-то шаги, а я не мог двинуться с места, странные галлюцинации посещали меня, что это значило? Что предвещало? Я сам стал прижиматься к Марианне от непонятного чувства, она же в свою очередь подумала абсолютно другое, но в моей голове не было никаких намёков, я хотел проснуться, а лучше умереть и больше никогда не сходить с ума. Кристина стала руками сжимать свою грудь, по-видимому, ей было больно, как будто в ней кто-то сидит и вот-вот вырвется наружу! Её истошный крик заставил меня встрепенутся, тут-то Марианна и заметила, что со мной творится что-то непонятное. Я смотрел то на одну девушку, то на другую. Не знал, кому что говорить, да и нужно ли было что-то говорить? Кристина упала на землю, и вот тогда я выскочил из-под козырька автобусной остановки и упал на колени, но передо мной никого не оказалось. Марианна выбежала за мной и села рядом, она не понимала, что со мной происходит, и её испуганные глаза привели меня в чувства.

– Не пугайся, со мной иногда происходят странные вещи, просто головные боли мучают, я как ненормальный! – сказал я, поднимаясь с колен.

Мы снова вернулись под козырёк, долго молчали, а потом и дождь закончился.

Потом приехал автобус, мы зашли внутрь и поехали домой...

Куда бы я ни пошёл, о чём бы я ни подумал, всюду одна сплошная Кристина! Я был готов убить себя кирпичом, лишь бы не думать о ней. Многое, что

жило во мне доброго было благодаря ей, каждое утро я был счастлив, когда мог нормально себя чувствовать и не умирать после ночных кошмаров. Они стали реже меня посещать, иногда казалось, что я от них избавился навсегда, но всё возвращалось на круги своя, и всё так же страдали моё тело и душа. Я как путник, идущий уже сотни дней в неизвестном направлении и неизвестно зачем. Конечно, я должен был постоянно думать о том, что за мной охотится смерть, что это не просто ангел смерти, это что-то намного страшнее, какая-та тёмная материя, огромный сгусток негативной энергии, который может перевоплощаться в любое существо. Галлюцинации меня мучили неспроста, я уже ощущал свою близость с этой материей. Когда я думал о ней, то ладони потели и пробивал лёгкий озноб, наверно, никому из людей не доводилось умереть именно так, как предстояло мне. Произошёл дисбаланс, зло хочет править миром, добро в обязательном порядке нужно смести с лица земли, и вот я, такой великий, смогу противостоять такой силе? Конечно, может, не я один такой, ведь и до меня были избранные люди, которые вносили в жизни остальных людей добро и свет, правда, не в таких масштабах, в которых предстояло мне, но есть ли кто сейчас со мной? Может, где-нибудь в Японии такой же парень, как и я, ни о чём не подозревая, должен изменить мир, перевернуть его с ног на голову и сделать так, чтобы всем было хорошо и тепло? А может, и нет никого... Могу ли я быть один на всём белом свете? Что бы я ни думал, о чём бы ни мечтал, я тот кто я есть, меня уже не изменить, если только убить и заново родить.

Иногда я жалел своего ангела. Была ли у неё земная жизнь, или она сразу стала высшим существом? Я залез в Интернет, мне стало интересно, что думают люди об ангелах и есть ли хоть какая-нибудь интересная и полезная для меня информация? Оказывается, ангелом можно стать, если ты примешь самую страшную и мучительную смерть! Звучало, конечно, жутковато, наверно, это было связано с какими-нибудь страшными пытками? Но я отчётливо помнил, что мне говорила Кристина: «Я видела сотворение мира». Значит, она уже изначально не была человеком, а была чем-то другим, но откуда она тогда взялась, с какой планеты? Высшее существо, которое знало всё о каждом человеке, знало все похоти и тайны, знало, кто будущий великий музыкант, а кто извращенец-убийца. Кристина умела прощать и никогда никого не винила, только если весь человеческий род за свою не любовь и невнимательность друг к другу. Она склоняла голову перед добротой и уважением, выпрямлялась перед предательством и лицемерием. Она была сама справедливость. Иногда Кристина думала как обычный человек, но иногда я не мог понять её. Когда я спрашивал, спит ли она и что ест, мой ангел всего лишь нежно мне улыбался, и больше ничего. Конечно, было несправедливо, что я знал о ней так мало, но нужна ли мне была эта правда в полном объёме? Лучше я буду мало знать, как говорится, меньше знаешь – крепче спишь! Шокирующих моментов и так в моей жизни хватало.

Больше всего на свете я любил её глаза. Они излучали невероятный свет, и если в них заглянуть поглубже, то можно увидеть глубину, Вселенную, волны, огромный мир, который существовал в её особенных глазах. Сейчас я всё больше и больше понимаю, насколько они прекрасны и удивительны. Чистые, огромные голубые глаза, голубые океаны. Они зеркало души, источник правды и неземной доброты. Иногда я в них читаю спокойствие, оно передаёт-

ся мне, любой её взгляд для меня особенный и уникальный, цвет глаз завораживает, они погружают меня в приятный гипноз. В них есть блеск, который человек не может излучать, что-то волшебное, иной раз совершенно не понятное мной. И какое для меня счастье быть их частью! Смотреть в них и видеть себя, понимать, что эти голубые волны и меня тоже видят! Когда Кристина смотрит на меня, то от её взгляда идут какие-то тёплые импульсы прямо мне в сердце, я испытываю настоящее счастье. Именно её глаза навсегда останутся в моей душе вечным отпечатком любви, я не знаю, что будет дальше и что будет со мной после смерти, но её глаза всегда будут вести меня, я никогда не потеряюсь и буду всегда знать, что у меня есть то, что другим людям никогда не получить. И пусть мои мысли сейчас эгоистичны, но её глаза и образ останутся жить лишь только в моей памяти. Люди никогда не познают той любви, которую сейчас чувствую я. Как сильно я стал отделять себя от людей, как будто сам не являюсь человеком, а являюсь некой субстанцией, и определиться с вопросом, кто я, – очень сложно. Благодаря ей я стал лучше себя понимать, и мир вокруг меня не казался уже таким мрачным и потерянным.

Я сжимал в руке серебряный крестик своей матери и пытался ощутить хоть что-нибудь, может, на этом маленьком кусочке металла сохранилась её энергия, но как я ни пытался, не мог ничего почувствовать, было тихо и спокойно. Снова город, и все люди погрузились в ночь и в долгий сон, только я один не мог заснуть. Немного болели ноги, эта боль меня не так беспокоила, как раздражала, я её еле чувствовал, но она была во мне, кусала меня исподтишка. Мамин крестик успокаивал меня, с ним я мог заснуть, я сжимал его что есть мочи и на утро не мог разжать руку. Я долго думал, и думал абсолютно обо всём, даже о тех вещах, которые меня не интересуют, голова шла кругом, но я терпел, мне было гораздо легче о чём-то думать, чем не думать ни о чём и ощущать внутри себя боль. Ночи были бессонными, и одинокими без неё..

Глава 13. Поцелуй моей смерти.

Боль не отпускала меня ни на минуту, умирало всё внутри меня, сердце трещало по швам, я не могла даже двигаться и дышать. Антона посещали странные видения, в которых была я, это был знак – приближается опасность, она уже наступает нам на хвост, а я не могу даже дышать...

Мы оба очень несчастны. Мы оба не можем вкусить плод любви, так как я не могу любить. Наврав ему про жену и детей, которые у него будут в будущем, я сама себе плюнула в лицо! Этот глупый мальчик будет помнить меня всегда, он пронесёт свою любовь и воспоминания обо мне через всю свою долгую и таинственную жизнь. Для него больше не будет ничего существовать, он будет служить своей миссии. Он даже не понимает, что за миссия его ожидает! Разве так просто вернуть мир и добро людям, когда уже всё так запущено? В общих чертах он всё понимает, но деталей пока не знает. Какой у него будет конец?

Скорее это я погибну от этой ненужной нам обоим любви, что она с собой несёт? Человеком мне никогда не стать, а жить бесконечно Антон не сможет. Как я могу жить, зная, что его волосы когда-нибудь поседеют и лицо покроется множественными морщинками. Как я могу отпустить его руку и услышать, как его сердце последний раз в своей жизни стукнет, – нет, это больше, чем

трагедия, это мучительно-невыносимо! И сможет ли он, умирая, забыть о том, что я буду жить ещё так долго...

Наверно, правильно, что нам, ангелам, не дано любить человека, ведь час разлуки всё равно настанет. Шестьдесят лет или больше пролетят для меня как шесть дней, и я всё равно останусь той же, что и много лет назад, а он, сколько бы ни прожил, будет уверенными шагами идти к своему концу, который для человека неизбежен. Но, с другой стороны, лучше прожить эту земную жизнь с любимым, чем жить вечность как в пустыне. Я знала, как сильно он любит меня, как всегда думает обо мне, и его мысли по отношению ко мне чистые и искренние, он никогда не позволяет себе подумать обо мне в другом ключе, он скромн, и его любовь тоже.

Как заставить его забыть меня? Ведь не только на этот период времени он держит меня в своей голове, он пронесёт мой образ до конца дней своих, несмотря на то, что должен будет забыть меня. Я не смогу жить, зная, что хотя бы один человек на этой грешной земле страдает и причина этих страданий кроется во мне. И ведь я была самым сильным твоим воином, ты посылал меня в самое пекло ада, чтобы я приносила человечеству победы, сталкиваясь с тёмной материей. Я всегда побеждала, конечно, и мне порядком доставалось, но я всегда была первой. А сейчас я боюсь, боюсь, что не смогу противостоять этой силе, которая с каждым днём становится всё сильнее и свирепей. В чём же причина? Любовь... Сегодня, когда он стоял на автобусной остановке, он видел в своём видении мои кровавые слёзы, это означало только одно, мою скорейшую гибель. Всё близилось к моей кончине, но я должна буду защитить его, до последнего вздоха я буду царапаться и кусаться, но и в этот раз стану победителем. Пускай эта битва станет для меня самой трудной, и даже может последней, я всё равно выполню то, что выполнить мне предназначено.

По его мокрым волосам стекали капельки воды, огромные серые глаза и длинные ресницы пленяли каждое сердце того, кто не был равнодушен к настоящей красоте. Сегодня он был безумно красив, чёрная облегающая кофта с засученными рукавами придавала его телу силу и мужественность, он чувствовал себя настоящим мужчиной. Как хорошо, что он не может залезть в мою голову и прочитать там всё, что творится в глубинах моего сознания. Конечно, я могу ему открыться, и он поймёт, что и со мной происходят странные метаморфозы и что раньше со мной никогда такого не было, но я выбрала другую позицию: мне очень было важно заставить его думать, что я безразлична и холодна к нему. Как же больно, такое чувство, как будто грудная клетка трещит по швам...

Я лежала на крыше дома, мелкий дождь омывал всё моё тело, ты смотрел на меня печальными глазами. Тебе было жалко меня, ты любил меня и дорожил мной как никем, но видишь, как происходит – удача как будто отвернулась от меня, помахала рукой и ушла, осталась только любовь к Антону, эта любовь, которую я никак не ожидала открыть в себе...

Даже сейчас я снюсь ему, он снова пытается спасти меня, но у него ничего не выходит, я то исчезаю, то слишком поздно. Встрепенувшись, я почувствовала странный запах, даже дождь не мог его перебить. Знакомый тягучий запах, вонь пронзила всё вокруг, шея и правая рука защипали и на них стала проявляться одна сплошная защитная татуировка. Именно сейчас совсем рядом со мной пролетало зло, я ненавидела этот запах, казалось, в нём собрано всё са-

мое отвратительное, что существует на этом свете: канализация, фекалии, разложение, рвота – всего и не перечислить. Во рту стоял отвратительный привкус, его нельзя было не почувствовать, он заполнял всё горло. Я окинула своим зорким взглядом весь город, вдохнула воздух поглубже и почувствовала, как чья-то мерзкая клешня тянется к окнам Антона. Сейчас эта гниль ничего не сделает ему, так как не было ещё знака для боя, должна зажечься на небе огромная красная звезда, тогда настанет развязка всему. Испокон веков нечисть пыталась быть на один шаг впереди, тянула на себя одеяло и пыталась выходить за грани дозволенного, мы же держали этот баланс, и у нас многие столетия это получалось. Сейчас же всё намного плачевней, люди стали более злей и бездушней, зло питается этими чувствами и эмоциями и становится в сотни раз сильнее. Теперь у тьмы развязаны руки, она может творить всё что хочет, люди позволяют это, но дисбаланс приведёт к концу света. Погибают тысячи людей, и прежде всего те, которым не суждено умереть именно сегодня и именно вот так. Войны, хаос, разврат – всё это происки старых врагов. Но рождаются избранные люди, как, например, Антон. Избранный препятствует наступлению конца света, он заставляет людей опомниться и совершать хорошие и честные поступки. Конечно, тьме планы света не нравятся и проще всего убить избранного нами человека, чем почувствовать себя проигравшей и затаиться в своей норе, выполняя все правила и соблюдая баланс. Умирают люди, которым суждено жить до глубокой старости, завязываются совершенно не нужные никому войны и разборки. Конечно, землю не покинуло добро, есть люди, которые спасают жизни, помогают людям и за свои деяния не берут деньги, есть прекрасные родители и настоящая любовь. Мы тоже питаемся положительными эмоциями, получаем энергию, но этого недостаточно, чтобы противостоять такой огромной силе, как зло.

Я точно знаю одно: Антон должен совершить невозможное, тогда наши силы возрастут в сто раз и мы сможем легко и без особого труда контролировать противоположную сторону. Вечный контроль и вечная борьба...

Когда Антон начнёт выполнять то, что ему предначертано, нам, ангелам, будет гораздо легче и, возможно, мы одержим победу на долгие-долгие столетия. Будет ли для тебя моя смерть потерей? Да, я знаю, что во мне огромная сила и я талантливая, но ты сам послал меня на гибель. Ты сам своими руками выбрал меня и, зная, что со мной будет здесь, кинул на растерзание чувствам и странным мыслям. Наверно, это мой урок, моя мечта, моё желание.

Она пролетела мимо его окон чёрным пятном. Я проводила её пристальным взглядом, теперь она знала, кто он, как выглядит и где живёт, осталось только ждать знак, я стала смотреть на небо, может, именно сейчас где-то рядом зарождается кроваво-красная звезда...

Не было сомнения, что всё близилось к концу, и неизбежно ко мне приближалось странное чувство страха. Я знала людей разных, жила в разные эпохи и была всегда победителем, но вот сейчас неужели так просто я могу сдать? Если бы я только могла унять эту нарастающую боль, я отдала бы всё на свете, и даже больше, ради её ликвидации. Теперь тьма сильнее меня в сто раз, и мой конец уже чётче прорисовывается. Но моя смерть не станет напрасной, если миссия Антона свершится, тогда наступит гармония и баланс восстановится.

Странные люди окружают меня сейчас, да я не из их числа и никогда не бу-

ду с ними, но так обидно и больно видеть, как каждый из них пытается наступить другому на шею и задушить не разобравшись в ситуации. Странная тревога постоянно держала меня в напряжении, я видела много зла, но не могла вмешаться, хотя постоянно рвалась, чтобы спасти каждого из людей, чтобы любовь окружала каждого. Антон чувствовал то же, что и я, в его груди стучало не одно его сердце, а тысячи сердец, он слышал каждого и понимал каждого, хотя сейчас он боится принять до конца свою необыкновенную жизнь. Я приходила на землю много раз, чтобы каждому из людей дать шанс стать лучше, боролась с тьмой, которая, не зная границ, рвала и пожирала всё вокруг. Сейчас, смотря на этот мир, смотря на этот современный мир, я боюсь, боюсь, что не смогу противостоять. Я боюсь, что просто не захочу ради них быть воином света и сражаться за то, чего давно уже нет. История каждого человека уникальна, кто-то проживает удивительную жизнь, кто-то невероятно тяжёлую, кому-то всё даётся легко и быстро, кто-то считает себя неудачником, у кого-то куча комплексов. Казалось бы, такие разные истории, но что их всех сближает? Вера... Вера в то, что завтра будет лучше, чем сегодня. Надежда на то, что найдётся человек, который по доброте своей душевной поможет и утешит. Любовь, которая сейчас на вес золота, но именно она нужна, именно её хотят испытывать люди. Если есть любовь, значит есть свет.

Я жизнь отдам за Антона, невзирая ни на что. Раз уж так складывается, значит так тому и быть. Своей победой и смертью я должна буду завершить этот бесконечный круг. Пока Антон так сладко спит, я хочу последний раз побывать там, где бывала раньше, хочу последний раз ощутить запах свежих цветов, хочу последний раз услышать шёпот волн и увидеть заходящее солнце. Можно ли, успею ли я пробежаться по мокрой траве, могу ли я в последний раз почувствовать на себе ветер и услышать смех детей? Прошу тебя лишь об одном, я знаю, тебе это не понравится и возможно ты разгневаешься. Я ведь никогда ничего не просила, лишь только мечтала, не более того. Но сейчас, если мы оба знаем, что я погибну...

Боль в груди сильным кулаком била меня, не было боли сильнее и невыносимей этой, на последних нотках своей души я выжимаю из себя вопрос, могу ли я вкусить, хоть раз за сотни лет, поцелуй? Пускай я буду умирать на руках этого мальчика и пускай последние секунды жизни я проведу в его объятиях. Хочу, чтобы его губы прикоснулись к моим, так просто, как будто и вовсе ничего не происходит. Любовь... Есть ли она ещё среди людей? Верная, вечная и побеждающая? Могут ли люди любить друг друга бесконечно? Могут ли люди просто дарить друг другу любовь, не беря ничего взамен? Я знаю, что моя просьба кажется абсурдной, но не спеши, подумай и пожалей меня, ведь я предана тебе до последнего вдоха, подари же мне за мою преданность один лишь поцелуй, поцелуй моей смерти.

Глава 14. Я вижу этот мир.

Утром меня снова разбудил дождь, только он не разбудил, а испугал. Такое впечатление, как будто начался ураган, деревья клонило то в одну сторону, то в другую. Дождь был очень сильный. Постояв пару минут около окна, я пошёл на кухню.

– Давно не было такой погоды!– сказала Ольга Викторовна, ставя на стол приготовленный завтрак.

Лицо её больше не было таким бледным и уставшим, оно приобрело розовый оттенок. Тонкие, сухие руки превратились в те самые руки, которые были до болезни: мягкие, белые и аккуратные. На плечах у неё был тёплый серый платок, а на ногах тапки с мордой собаки. Теперь я знал все свои ошибки и был очень рад исправлять их. Почти каждый день я прикасался к её телу, кончиками пальцев ощущал её боль и страх и старался как можно тщательней и аккуратней убить в ней все эти шлаки и мысли о смерти. Я как будто высасывал яд из её тела и сплёвывал в бездну. И она в свою очередь верила мне и помогала, не осознавая этого. Мы помогали друг другу, и это приносило свои весомые плоды.

– Это точно! Кажется, что все воды мира сконцентрировались в нашем городе и поливают как из крана!

– Странно, что за погода? Считай, и лета у нас нормального не было! А уже август на носу!

– А после августа – сентябрь и снова учёба! – немного наигранно я застонал.

– А что делать, сынок? Знания нужны, куда без них? Нужно быть образованным человеком, ты именно такой, – с улыбкой на лице ответила она.

– Спасибо, надеюсь оправдать все твои ожидания!

С ней я посидел ещё минут двадцать, мы поговорили обо мне, о том, как она себя чувствует, я был рад увидеть на её лице милую и радостную улыбку. Она до сих пор не может поверить в то, что живёт и боль медленно, но верно оставляет её в покое, и это всё благодаря моей любви к ней, благодаря моим мыслям, и вот результат.

Зайдя в свою комнату, я увидел Кристину, сидевшую на подоконнике, поджав ноги, она не отрываясь смотрела куда-то вдаль, хотя за серой пеленой она вряд ли могла что-нибудь разглядеть. Кристина была мокрая, с волос стекала вода, бледно-розовые губы тряслись от непонятной дрожи, она сама на себя не была похожа.

– Что с тобой? – обеспокоено спросил я. – Ты мокрая!

– Здравствуй, Антон, – тихим голосом ответила Кристина.

– Что случилось с тобой?

– Тихо, не надо так громко кричать, просто говори.

– Хорошо, – тихо ответил я.

– Какой сильный дождь...

– Да, с самой ночи он барабанит, с ума сойти, что за погода?

– Ничего страшного, к вечеру выглянет солнышко, – нежно ответила она.

Что-то было не так, я это чувствовал. Она опрокинула голову и поджала губы, я сел рядом с ней и стал молча смотреть на её действия.

– Этот дождь не случайно идёт? – недоверчиво спросил я.

– Я поражаюсь твоей догадливости.

– Так значит, я прав?

– Да.

– Мне придётся долго гадать, почему такой ураган неспроста посетил наш город, может, избавишь меня от таких мучений и сама скажешь?

– Есть вещи, которые тебе не дано пока знать.

– Что-то много чего мне не дано знать, что происходит?

– Просто дождь! – громко ответила Кристина, устремившая на меня свои голубые, стеклянные глаза.

Она как будто стала чужой, непонятное её состояние вводило меня в тупик, больше всего на свете я хотел ей помочь, я видел, как ей тяжело и грустно, что-то беспокоило её, но она не могла и слова мне сказать...

Её мокрое тело как будто уменьшилось в два раза, Кристина была такой незащитной, что мне хотелось обнять её и больше никогда не выпускать из своих объятий. Но она сидела рядом, на расстоянии от меня, взгляд был совершенно отрешённым, она была расстроена, и не просто расстроена – она страдала...

– Разве ангелы могут страдать? – тихо спросил я.

– Наверно, я стала более человеческой, – широкая улыбка немного согрела меня. – Только не хватает слёз.

– Что тебя тревожит? Я скоро умру?

– Нет, ты не умрёшь, я защищу тебя, не волнуйся.

– Ты так в этом уверена?

– Ну конечно, а ты как думал?

Её тревога передавалась мне, не было ни секунды, чтобы я не переживал за неё. Впервые видя её такой, я не знал, что делать, я не знал, как ей помочь.

– Что-то не так в моих видениях или снах?

– Если тебя это утешит, ты тут не при чём.

– Неужели? Последнее время именно я – твоя работа, так что происходит? Послушай, я не хочу лезть тебе в душу и копаться в твоих переживаниях, но ты мне не чужая и я хочу помочь...

Мы были так далеки друг от друга, несмотря на то, что были близки, и именно сейчас она совсем рядом, дрожит и что-то чувствует, почему она не выпускает меня в свою голову, может, боится.

– Ты дорогой мне...

– Человек? – тихо, и с какой-то хрипотцой в голосе спросила Кристина.

– Прости...

– Всё в порядке, для меня это даже комплимент. Ты не поймёшь то, что происходит со мной, скажем так, я выхожу на новый уровень своего развития и переношу это не так гладко, как хотелось бы. Ты не переживай, со мной ничего не случится, да и не может ничего случиться! Заболеть и умереть я не могу, поэтому давай просто помолчим, я хочу послушать, о чём говорит мне дождь.

– Дождь разговаривает?

– Если сконцентрировать всё своё внимание на нём, то можно услышать его шёпот.

Как я не старался сконцентрировать своё внимание, у меня ничего не получалось, я просто не мог этого сделать. Мне мешала тревога, которая выедала в груди израненное сердце. Я не мог ни на чём сконцентрироваться, в голове не было ничего, пустота и негодование.

– Ты чего это сидишь на подоконнике? – негромкий голос Ольги Викторовны испугал меня.

Она вошла неслышно в мою комнату, тем самым застала меня врасплох. Кристину она не видела, поэтому мне оставалось сделать вид, как будто я тоже никого не вижу.

– Ты испугала меня!

– Это ты пугаешь меня, с кем ты разговариваешь?

– Сам с собой.

– Зачем?– удивлённо спросила она.

– Просто мысли вслух, но я думаю не очень красиво подслушивать и входить без стука в комнату. А вдруг я бы лежал тут голый и смотрел порнофильм?– с улыбкой на лице говорил я.

Ольга Викторовна сразу же покраснела, подойдя ко мне, она еле прикоснулась к моей щеки, тёплая рука подарила мне нежность.

– Просто я давно не слышала, как ты просыпаешься от ночных кошмаров, или как не спав всю ночь ты расхаживаешь по своей комнате. В последнее время ты стал более спокойным, и меня это безгранично радует. Это наверно из-за девушки, с которой ты встречаешься?

Я осторожно посмотрел на Кристину, она не спеша оторвала свой взгляд от окна и посмотрела в мои глаза, ожидая ответа.

– Нет, это не из-за девушки...

– Правда? Мне не один раз уже говорили, что видели тебя с высокой, красивой девушкой, и я подумала, что у тебя с ней любовь и в скором времени ты познакомишь нас с ней?

– Не нужно жить в догадках и вымыслах, проще всего спросить меня.

– Значит, мои надежды рухнули, как карточный дом.– она поцеловала меня в лоб и уже было стала поворачиваться к двери, как медленно повернулась ко мне.– Иногда как будто я слышу из твоей комнаты женский голос, понимаю, что это звучит абсурдно, но и сейчас я как будто слышала.– Она постояла ещё секунд тридцать и ушла.

– Она тебя чувствует?– удивлённо спросил я.

– Надо же, я уже не могу тщательно скрываться от людей, слабею...

После этих слов она растворилась в воздухе, и я стал смотреть в стену. Было странно и боязливо видеть её такой. И самое главное, что я не мог ничем ей помочь, всё, что я мог, это всего лишь сидеть и молча наблюдать за тем, как ей тяжело. Что-то забирало у неё силы, она была похожа на неизлечимо больную. Лёгкий холодок снова пробежал по моей спине, но я уже не боялся очередной боли. Я предчувствовал какую-то неприятность. Посмотрев в окно, я увидел, как Кристина шла не спеша по дороге, раскинув руки, она что-то говорила себе, белое пятно выделялось из этой серости. Я выбежал за ней, на улице уже не было такого сильного и странного урагана, но всё равно было тяжело смотреть и идти, сырость и холодный ветер вызывали у меня отвращение.

– Кристина!– крикнул я что есть мочи.

– Иди домой!– крикнула она в ответ, даже не повернувшись ко мне.

– Что происходит?– кричал я, догоняя её.

– Иди домой, люди смотрят!– крикнула она в ответ.

И правда, те люди, которые попадались мне на пути, смотрели на меня как на ненормального. Это было очевидно, ведь как прохожие должны были на меня реагировать, если я бежал и что-то кричал неизвестно кому. Мне было всё равно, что меня посчитают идиотом, она всё дальше и дальше уходила от меня, я не мог нагнать её, хотя уже бежал за ней и ускорялся.

– Я могу помочь, ты только скажи!

Понимая, что больше не могу за ней бежать, я остановился и упал на колени, джинсы сразу же промокли насквозь, появился лёгкий кашель, странный дождь, странная погода, странный ангел, всё было странным! Даже люди были странные. Хорошо, что именно сейчас мало кто пробежал мимо меня, пого-

да делала своё дело, все сидели дома и грели свои носы около телевизоров или сидели за компьютерами в чатах под псевдонимами. Я уже не видел Крестину, по всей вероятности, она просто исчезла, но было очевидно, что у неё появились секреты, которые пугали её, которые не входили в её планы, которых она сама боялась. Может, конечно, мне не дано знать, что её тревожит, но ведь я живой человек и видеть не могу, когда кому-то так плохо. Что-то разрушало её и, вместо того чтобы поделиться со мной, она убегала, совершала странные поступки, смотрела как-то странно, как будто находилась под наркотическим опьянением. Вместо глубокого океана её дивных голубых глаз я видел пустоту и серость. Неужели ангел, не человек, может испытывать такие чувства, как разочарование, боль, горе? Она более чем человечна, я по сравнению с ней – животное. Да мы все, люди – по сравнению с ней животные, кто мы такие, чтобы за нас боролись ангелы? Небесные дети, воины, белая энергия? Могут ли люди сохранить свои души? Зачем ей нужно спасать меня? Что я сделаю для них? Нужно дать мне умереть, и может быть тогда люди, погрузившись в хаос и войны, поймут смысл своего пребывания на этой планете. Мне надоело жить, я боялся будущего, я хотел просто жить, как все, быть обычным, самым обычным человеком.

– Пускай твоя душа не болит за меня, то, что происходит со мной, не должно тебя волновать, не бойся за меня, я не оставлю тебя и поборю то, что разрушает меня. Представь, что я заболела, что меня поразили вирус, но всё излечимо, даже это.

Эти слова эхом раздавались в моей голове, она проникла в неё. Это объяснение не было для меня утешением. Или я узнаю, что с ней творится, или мне придётся применить жёсткие меры, я верил в себя. Ей придётся сдаться, я приложу к этому все свои силы.

На следующий день погода была превосходной! Как будто и вовсе не было этого противного, сильного дождя, на улице светило солнце и дороги были сухими. Снова моя любимая Москва погрузилась в пробки и суету, машина стояла около подъезда. Помнится, когда-то я на нём часто разъезжал по ночному городу, теперь же это было в прошлом. Я был благодарен отцу за такой дорогой подарок, машина во многих вопросах стала моей спасительницей. Теперь же финансовая сторона нашей семьи трещала по швам, бизнес не вязался, постоянно попадались нечестные люди и отцу приходилось туговато, тем более когда бизнес связан со строительными материалами. Моя машина – это всё, что осталось от старой жизни.

Недавно отца кинули на большие деньги, и теперь он даже дома редкий гость, он стыдился того, что позволил себя обманывать, и ещё куча ненужных нам отговорок. Его отсутствие дома не очень благотворно влияло на Ольгу Викторовну, я всячески помогал ей, поддерживал её, нам нужны были деньги. Как-то за обедом она мне предложила продать машину, якобы может быть одной проблемой станет меньше, отец погасит долг, и может тогда вся семья вздохнёт с облегчением, но эти деньги уже предназначались Марианне, как я мог предать её? Но, с другой стороны, страдала моя семья, и нам были необходимы деньги...

– Думаешь об отце? – спросил ласковый, нежный голос.

Я прогуливался по Москве и не заметил, как проходил мимо храма Христа Спасителя. Возле меня шла Кристина, на ней было симпатичное белое платье,

такое воздушное, похожее на взбитые сливки, распущенные волнистые волосы играли с ветром, нежные розовые губы нежно мне улыбались, от неё пахло свежестью и розами. Я был рад увидеть её в хорошем расположении духа, как будто вчера ничего и не было, как будто ей не было плохо и она не гуляла под дождём, как ненормальная. Я боялся спросить у неё, что же всё таки вчера с ней творилось? Но понимал, что сейчас неподходящее время, и тем более она сама знала, как мучили меня любопытство и беспокойство.

– Ты помнишь того старого человека, который повстречался тебе около кафе? Ты тогда расклеивал объявления на столбах?– тихим голосом спросила она.

– Когда тебя искал? Смутно, но помню.– спокойно ответил я.

– А ведь он правда меня видел, единственный из людей, который почувствовал меня, как бы я от него ни скрывалась, он всегда видел меня. Знаешь, он тоже особенный человек, непохожий на других.– сначала она говорила тихо и нежно, потом её голоса совсем не стало слышно, а глаза наполнились какой-то странной грустью.

– Ты чего это погрустнела?– спросил я, взяв её за руку.

Я редко прикасался к ней, наверно, проще сказать – практически никогда, она или сразу же убирала руку, или же отходила от меня на шаг, поначалу меня это смущало, забавляло, тревожило, но потом я смирился с таким поворотом событий. Мне нравилась её кожа, она была белая, бархатная и тёплая. От неё вкусно пахло чем-то, я много ощущал разных запахов в своей жизни, но этому запаху я не мог дать определения, он был её, был особенным, не таким, как у всех. Да о чём я думаю? Конечно, она будет пахнуть по особенному, ведь она не человек, а ангел, высшее существо, самое лучшее творение бога...

А её глаза? Разве возможно пройти мимо неё и не заглянуть в эти глаза? Голубые океаны, если в них долго смотреть, можно увидеть, как там, в глубине играют волны, и цвет их становится более ярким и загадочным. В груди что-то щемило, чем больше я разбирал её в голове, тем больше мне хотелось прижать её к себе и поцеловать. У неё была удивительно лёгкая походка, она как будто не касалась земли, она порхала...

Не мог я не заметить её детской и наивной улыбки, она всему была рада. Её волновало и интересовало всё: природа, животные, люди, постройки. Как-то она сказала, что мы, люди, так быстро изменяем жизнь вокруг себя, домашний очаг, природу, внутренний мир, что она постоянно находится в изучении нас, нашего вида, она изучает каждого человека, ей все интересны, может, поэтому мы ещё нужны богу? Он видит, что мы не глупы, что хотим прогрессировать, но этот прогресс не даёт тех результатов, которые он ждёт от нас. В этом компьютерном мире мы теряем душу, нас пожирает лень, и мы перестаем думать о чём-то высоком и нужном. Мы забыли, кто мы, и поэтому мы начали забывать бога. Человечество неминуемо рухнет, как карточный домик, если не вывести его из глубокого одурманивающего сна. Я знал, что Кристина сейчас читает мои мысли, на её губах играет блаженная улыбка, ей нравится, что я всё чаще и чаще задумываюсь о людях, не только живущих по соседству, а обо всех, но знала ли она, что больше всего на свете я мечтал о ней?

– Я рада твоим мыслям, Антон, честно! Ты растёшь на моих глазах, мои слова и поступки не проходят для тебя даром, ты хороший ученик, и спасибо тебе, что терпишь все эти загадки и тревоги. И прошу тебя, не волнуйся за меня, в

моём мире есть вещи, которые ты не поймёшь, твой мозг не сможет понять. Знаешь, я хочу чтобы ты почувствовал на себе всю боль, которая таится в сердцах людей. Я не садистка, я просто хочу, чтобы ты знал, они все тебе дороги! И тот мальчик без ноги, который просит на хлеб, и та пожилая женщина, которая похоронила своего мужа вчера! Ты в них нуждаешься, а они в тебе!

– Как это всё сложно...– тихо ответил я.– Скажи мне, а почему ты иногда появляешься перед людьми, а иногда нет? И мне приходится ощущать на себе косые взгляды прохожих, когда я отвечаю в пустоту?

– Я вообще не должна появляться перед людьми, но иногда мне очень хочется, чтобы меня увидели и я смогла почувствовать на себе взгляд постороннего, но дорогого мне человека.

– Тебя за это ругают?

– Ругают.– тихим, сладким голосом ответила Кристина.– А теперь дай деньги этому мальчику.

Мы проходили мимо мальчика-инвалида, он сидел на бортике тротуара и смотрел на мимо проходящих людей своими огромными серыми глазами, он ловил людей, заставлял их посмотреть на него, пожалеть и дать пережить ещё одну непростую ночь. Когда я подошёл к нему, он посмотрел на меня с опаской, несмотря на то, что он был беден, на нём были не очень грязные вещи, красная в чёрную полоску рубашка и серые, потёртые брюки, одна брючина, конечно, была подвёрнута. Руки тряслись, я раньше мало обращал внимания на таких людей, пробежал мимо них, убежал, как от больных заразой...

Из кармана я вытащил пять рублей и протянул ему, он вытянул свою тоненькую ручонку и с улыбкой на лице взял деньги.

– Мир вашему дому!– немного стесняясь, ответил парнишка.

Я ушёл от него быстрым шагом, во рту пересохло, ладони загорелись красным пламенем, я посмотрел на Кристину и слезы выступили у меня на глазах.

– Я почувствовал его боль, когда давал ему эту несчастную копейку!– еле выжимая, сказал я.

– Ты плачешь?– спросила Кристина.

– Плачу от того, что жизнь несправедлива к этому человечку, посмотри на него, ему от силы лет восемь! А он уже без ноги, вторая тоже больна! Он как будто скоро умрёт.

– Да, он умрёт.

– Что?– удивлённо спросил я.

– Да, ты прав он умрёт! Его жизнь утекает очень быстро, он болен, и никто ему не сможет помочь.

– Нет, неправильно никто не хочет помочь!

– Я вместе с тобой грущу, но только подумай, куда катится твой мир? Какой контраст красок! Мне жаль этого мальчика, посмотри на него, а ведь сколько таких вокруг? Посмотри, рядом с церковной палаткой стоит женщина. Ей сорок лет, она неплохо выглядит, стройная с шикарнейшей копной каштановых волос, а её красный пиджак привлекает внимание.

– Она выглядит довольно счастливой и одета хорошо.

– Присмотрись...– тихим голосом Кристина сказала мне в ухо.

Я последовал её совету и сконцентрировал всё своё внимание на этой женщине. Станным образом она превратилась в чёрно-белую картинку, я моргал глазами, но эта серость не исчезала, всё вокруг было цветным, красочным,

солнечным, кроме неё...

– Не могу понять, что это такое?

– Некоторые люди маскируют свою душу за маской счастья и гармонии, хотя это ещё больше разрушает нутро человека. У неё была дочь, в ней она видела свою жизнь, свои дни и свою отраду. Девочка училась в школе и была очень одарённым ребёнком, но её убили. Убили те, с кем она училась, им не понравилось, что в классе учится светлый ум, что она читает умные книги, что любит классическую музыку и математику. Её долго били в женском туалете, четыре девочки и два мальчика. Они искалечили не только тело, но и растоптали её душу. Когда они закончили свой суд, она была ещё жива, но умерла от обильного кровотечения, скорая приехала поздно. Никто так и не узнал, кто её так жестоко избил в школьном туалете на втором этаже, после уроков. С тех пор прошло три года, эта женщина, если так можно сказать, существует, она дышит, но уже не воздухом. Я могу тебе дать почувствовать её боль, но ты и сам понимаешь, что значит навсегда потерять ребёнка, навсегда закрыть ему глаза и не слышать от него ни звука. Она часто молится, и знаешь, что? Она просит простить всех, кто виновен в смерти её любимой дочери! Она всех простила, ты можешь это понять?

Понять я это не мог, я был взбешён, мне хотелось вернуть эти три года назад, оказаться в этом туалете и всем настучать как следует, и где я был? Я сжал кулаки и хотел уже напасть на кого угодно, лишь бы выпустить пар.

– Ты знаешь, кто убил девочку?– громко спросил я.

– Конечно знаю, – тихо ответил ангел.

– Я хочу найти этих людей и просто с ними поговорить.

– Нельзя!

– Что значит нельзя?– совсем взбесился я.

В висках стучала кровь, казалось, что я весь горю, меня поразил жар, из головы не выходила картинка, как эти сорванцы бьют беззащитного человека. И почему подростки так жестоки, и в первую очередь к тем, кто хоть как-то лучше их? Я считал всегда, если есть человек, который умней тебя и рассудительней, значит тебе есть к чему стремиться, с таких людей нужно брать пример, но зачем же отнимать жизнь, которая человеку дана в одном экземпляре?

– Ну, начнём с того, что таких женщин как она миллионы по всей земле, тебе даже жизни не хватит, чтобы поговорить со всеми убийцами, наркоманами, ворами и хулиганами. Просто ты видишь, что сейчас происходит на свете, какие жестокие люди ходят по земле, но есть шанс, что будущее может измениться, что последующее поколение не увидит такой жестокости и разрухи. Знаешь, часто чувствуя эмоции человека, я ощущаю, что душа того или иного грязная, сухая, закрытая – какая угодно, но не чистая! От этого мне становится совсем плохо, так как я черпаю силу от вас, от ваших положительных эмоций и действий. Раньше, в те далёкие времена, не было такой чрезмерной злости, и я не чувствовала дефицита добра, сейчас же оно мне нужно, как вам витамин Д.

– Скажи, а те избранные люди – они выполняли свои миссии?

– Да, выполняли!

– Мне почему-то кажется, что моя миссия намного сложнее всех предыдущих?

- Именно так.
- Я справлюсь?
- Конечно.

Кристина нежно посмотрела в мои глаза, провела, еле прикасаясь рукой, по моей щеке и замерла. Она смотрела на меня, смотрела в меня, заглядывала в мою душу и искала там что-то. Она прекрасно видела, как пылало моё сердце, как я любил её. Запретная любовь. Она услышала мою мысль и отвела взгляд в сторону.

Не спеша мы стали подниматься в храм, на голове Кристины красовался белый платок. Я не стал спрашивать, откуда он у неё взялся, мы просто зашли в церковь...

Я лично не был поклонником церквей, казалось, что и там есть что-то отталкивающее и искусственное. Я не считал, что именно в церкви живёт бог, истинная сила, отсюда нельзя почерпнуть всепрощение и мудрость. Всё идёт изнутри человека, бог это есть совесть, с которой ты постоянно должен вести долгий и нелёгкий диалог. Мудрость накапливается с годами, она приходит в жизнь каждого из нас, и мы учимся, познаём и набираемся того опыта, который нам нужен для дальнейшего строительства своей жизни. Бог не может жить в замкнутом пространстве, и у бога не может быть такого огромного количества посредников на земле в виде попов, дьяков и так далее... В церкви я ощущал много эмоций, которые люди ежедневно здесь оставляют, но многие думают, что если они придут в праздник и поставят свечку за здоровье своих близких, то все обязательно будут здоровы и все их грехи обязательно будут прощены за десять рублей, которые отдали за ту самую спасительную свечку. Многие люди действительно приходят сюда за спасением и искренне, со всей верой в сердце просят исцеления, поддержки, и таких людей нельзя в чём-то винить, им можно только сочувствовать и верить в их благие просьбы. Но этого мало. Нельзя надеяться только на церковь, на снисходительное слово служащего в этом месте, нельзя ни в коем случае перекладывать свои проблемы на стены и иконы, нужно совершенствовать свой внутренний мир, искать причину своих невзгод и не заливать слезами, потому что слезы – это расплата за все наши неправильные поступки и решения в жизни. Мало кто из людей приходит в церковь, чтобы сказать спасибо, прийти в это место с любовью в сердце и ничего не просить при этом, эта малая кучка людей заслуживает уважения. Но кто ведёт сам с собой внутренний диалог? Разве церковь, мечеть, храмы и так далее настолько важны? Разве бог не живёт в каждом из нас? Неужели его никто не чувствует? Почему люди разделили его на миллионы частей и каждый думает, что вот эта маленькая часть и есть сам бог? Любовь к богу мы выражаем хорошими и правильными поступками, отворачиваемся от бога и он отворачивается от нас, когда мы совершаем что-то неправильное и чудовищное. И никакая церковь не спасёт человека, куда он сам не захочет этого спасения. Приходи куда хочешь, молись где хочешь, но только верь в свои слова и мысли, искренне верь, и церковь в принципе может стать этим местом, но только местом, спасения эти стены и люди тебе не дадут, спасти себя ты можешь сам.

Взять даже Ольгу Викторовну... Она раньше часто ходила в церковь. Особой традицией, конечно, было ходить туда по большим церковным праздникам. Она была пассивным верующим человеком, и ходила в храм в большей

степени из-за того, что люди туда ходят, а не из-за того, что она верующий человек, коим себя долгое время считала. Ольга Викторовна всегда таила некую обиду на моего отца за то, что он не любил ходить с ней в церковь, что он не разделял её убеждений и не стоял с ней по несколько часов в храме рано утром. Её обида была только её, на самом деле отца мало волновало её отношение к нему из-за церкви, он не любил ходить с кем-то, если же он посещал это место, то один, когда никого не было рядом, и вспоминал там о моей матери. Он никому не рассказывал про это, до тех пор, пока это не стал чувствовать я. Стыдно и немного странно понимать и узнавать что-то новое о своих близких путём не общения, а обычной считки мыслей и воспоминаний, пугался я раньше этого сильно, теперь же принимаю это как самое обычное дело, как для человека сходить в бассейн или посетить какой-нибудь музей, ничего странного и сверхъестественного. Ольга Викторовна не знала о редких походах отца в церковь, поэтому считала его чуть ли ни безбожником. Он не воспринимал это место всерьёз, он, так же, как и я, считал, что поступки человека, совесть и мысли – всё это и есть диалог с богом, какой ты – такая и жизнь. Конечно в смерти мамы отец винил себя, в моей замкнутости, которой я болел в детстве и в подростковом возрасте, он тоже винил себя, но он понимал свои ошибки, свои упущения, где он мог сделать так, а где иначе, и от того, что отец находил в своих поступках ошибки, ему было легче жить и исправлять их, если это было возможно. Смерть мамы для него была неожиданностью, он долгое время не мог прейти в себя, многие знакомые думали, что он сойдёт с ума, но этого не случилось. Несмотря на то, что в какой-то момент он потерял со мной нить, связь, потерял отцовский авторитет и всякий диалог, он всё равно обрёл его, и обрёл не потому что ходил куда-то просить о том, чтобы наши отношения наладились, он сам начал тянуться ко мне, сам разобрался в своей проблеме, и пускай для этого ему понадобилось много лет.

Ольга Викторовна, узнав о том, что смертельно больна, боялась всего и вся. И только с моей помощью и любовью она исцелилась от этого недуга. Она не ходила в церковь, и не просила своих подруг ходить вместо неё, и за компанию писать её имя на листочке о здравии. Мы вместе, дружно сами боролись. Первое, что нужно было сделать ей, это не бояться смерти и представлять себя здоровой и радостной, представлять, как из неё выходят эти шлаки, представлять, как они исчезают и тело приобретает здоровое очертание. Что ей нужно было делать, это верить в свои силы и понимать, что за что-то плохое она в своей жизни отвечает своим здоровьем, нужно было вернуться обратно, проанализировать свою жизнь и понять, где она могла сделать плохо. Вспомнив все свои промахи, нужно было искренне и со всей верой просить прощения у всех, кого могло это коснуться, и мысленно просить прощение у своего тела за то, что сейчас оно так страдает. Когда она научилась всё это выполнять под моим контролем, она смогла постепенно исцелить себя. Конечно, я тоже приложил свою руку к её исцелению, без меня выздоровление длилось бы дольше, я же ускорил этот процесс в плюс или в минус себе. А самое важное заключалось в том, что она верила в бога, она верила богу, сидя дома, в кровати, укутанная в плед. Ей никто не был нужен, она сама справлялась, она сама выгоняла из себя зло и негативную энергию, которые пожирали её. Только сам человек может сделать себя счастливым, и первым шагом к этому является нахождение бога в самом себе!

Люди ходят в церковь замаливать грехи прошлого, они считают, что если в воскресенье или в любой другой день они сходят в церковь, то обязательно им всё простится и можно будет со спокойной душой жить дальше, делая всё те же ошибки изо дня в день на протяжении практически всей жизни. Это называется замкнутым кругом. Человек постоянно совершает что-то нехорошее, приходит в церковь, считает, что его простили, потом вступает в своё светлое будущее, не понимая того, что прощения как такового он не получил и завтра он снова совершит что-нибудь плохое, но ведь не нужно об этом переживать, если можно снова сходить в церковь и там тебя снова простят! Я не считаю храмы и места скопления огромного количества людей чем-то ненужным или сектантским, просто люди в этих местах рассчитывают на отпущение своих грехов, они считают, что уже делают огромное дело посещая паломнические святые места, отстоявая большие очереди и жертвуя деньги во благо сироткам или больным. Я раньше не понимал, как важно чувствовать себя виноватым, счастливым, честным, от этого ты даже чувствуешь себя по-другому, внутри тебя нет той грязи, которая накапливается из-за лжи, зависти, коварства, предательства, а потом люди удивляются, за что это им всё! Нетрудно догадаться – за что... И я получил в своё время сполна, жил, а жизни не знал, боль и тьма окутывали меня с ног до головы, и были моменты когда казалось, что я доживаю последнюю ночь в своей бестолковой жизни. Но с появлением Кристины в этой бестолковой жизни начали происходить странные метаморфозы, которые для меня были безумным подарком, о котором я и мечтать не смел. Я понял и принял свою слабость, свои ошибки, свою холодность по отношению к родным и людям вокруг, и теперь, приняв всё это и осознав свою неправоту, я живу! Смотрю на мир совершенно другими глазами, и мир тоже смотрит на меня другими глазами. Раньше мы боялись друг друга, смотрели с опаской, ждали подвоха, но сейчас я сделал первый шаг, и мир ответил мне тем же. Пускай моё будущее – смутное очертание нормальной жизни, главное, что я добрался до истины. Пускай это будет всего лишь моя истина, и я этим – не скрою – горжусь, пускай ангел с чем-то не согласен, но это моя истина, именно такой я её вижу и считаю, что она должна быть такой. Ведь нет ничего проще понять, что истина – это ты сам, твои поступки, действия, ощущения, всё вокруг. И бог – в тебе, так как ты живёшь в гармонии с самим собой, и ты его истинное творение.

– У меня руки трясутся! – тихо произнёс я, подойдя к Кристине.

Она ничего не ответила, лишь отошла от меня и снова погрузилась в свои думы. Сердце защемило, и вдруг я почувствовал боль, странную, не похожую на мои боли, боль. В голову сразу же врезались сотни голосов, они что-то говорили, просили, тяжело было сдерживать крик, я не мог стоять, искал глазами Кристину, но она как будто меня не замечала, от сильного перевозбуждения я рухнул на пол, всё вокруг стало крутиться, я закрыл глаза...

Церковь не давила на меня, на меня давили эмоции людей, неужели они настолько сильны, что сбили меня с ног? Я не придавал этому особого значения. Ведь это было очевидно, в церкви находится огромная энергия, сотни людей ежедневно оставляют здесь свои эмоции, переживания и боль. Было бы очень странно ничего этого не почувствовать.

– То, что ты слышал, были голоса людей, которые о чём-то просили ты знаешь кого. Этот поток огромной энергии даже сбил тебя с ног, ты ощущал непо-

нятные чувства, они тебе новы.

– Да, они новы для меня, но я хочу найти тех людей, которые издевались над беззащитной девочкой, злость во мне кипит, как вода, я превращаюсь в кипяток!

– Нельзя.– спокойным голосом ответила Кристина.– Сколько таких, как эта бедная мать, живут на этом свете? Тебе жизни не хватит, чтобы за кого-то ответить или отомстить. Просто знай, что всё впереди, смотри в будущее.

– Что даст это будущее? Ведь девочку уже не вернуть матери!

– О чём ты сейчас думал?– тихо спросила Кристина, смотря на меня своими огромными глазами.

– О многом.– немного сухо ответил я.

– Я слышала твои мысли, и очень рада, что у тебя уже есть цели и выводы. И мне не стоит объяснять тебе, почему нельзя, а почему можно...

Я так бы и сидел, сжав в кулак всю свою злость, но обратил внимание, что мы находимся далеко от церкви и уж точно не в Москве. Меня от моря отделяли какие-то сантиметры, постепенно наступал вечер, солнце красными красками залило горизонт, вода была спокойная и безумно красивая. Морской свежий ветерок продувал всё моё тело, и казалось, он чистил мою душу, стряхивал с неё тяжесть будничных дней и суровую реальность, ту, которую я так яростно не хотел признавать. Голубая вода напоминала мне цвет глаз моего ангела, она сидела рядом со мной и не отрываясь смотрела куда-то вдаль, возможно, она чувствовала, как моё сердце бьётся, но я напрасно ждал каких-либо действий от этой каменной статуи, от этого жестокого существа. Почему жестокого? Разве она не видит, как мне плохо без её любви? И разве ей самой не тяжело жить и находиться рядом со мной, зная мои чувства как свои? Пеленой от меня укрыта её душа, а до сердца мне уж наверно никогда не достучаться, как я ни старался и не пытался, все мои попытки кончались неудачами. В голове крутилось только одно: «запретная любовь», но ведь к чему она может привести? К блаженству двух людей? И опять я промахнулся... О каких людях я вообще говорю? Кристина – существо, энергия, прозрачное облако, а я... Я когда-то считал себя человеком, сейчас я уже не знаю, кто я и что я. Вместе с её холодом ко мне умирает что-то очень важное и дорогое. Некоторые люди ждут всю жизнь свою единственную и настоящую любовь, находят её и бестолково живут, обрекая друг друга на пустоту, ведь мало кто вообще понимает смысл любви сейчас. Только в книгах Шекспира можно встретить любовь, не знающую границ, смысла и действий. Только в книгах он мог умереть за неё, а она могла предать всех ради него. Но я любил, я был персонажем книги Шекспира, я безнадёжный Ромео, влюбившийся в прекрасную Джульетту – не человека. Я полюбил то, что нельзя любить, и даже прикосновения мои запретны, я не могу просто взять её за руку и прикоснуться холодными губами к её вкусно пахнущей коже, я не могу обнять её и просто ею любоваться. Я лишён всего, что приносило бы мне настоящее счастье, я несчастен.

– Что мы здесь делаем?– тихим голосом спросил я.

– Не нарушай тишину, просто наслаждайся и расслабляйся.

Я не мог расслабиться, конечно, ей было намного легче, чем мне, она знала вдоль и поперёк каждого человека, поэтому в её взгляде невозможно было найти тревогу и печаль, но когда дело касалось меня, её лицо изменялось и было видно, что её что-то беспокоит.

– Эта женщина, она найдёт утешение?

– Каждый кто когда либо терял близкого, рано или поздно находит утешение. Возьми, к примеру, эту женщину, которая так тебя зацепила, она нашла своё спокойствие в делах своей дочери. Всё, что она делает, посвящено девочке. Каждый свой новый день она дарит ей, делает всё, что любила делать дочь. Поверь мне, людям становится легче, когда они понимают, что они некое продолжение своих любимых. Пять лет назад в Париже произошла страшная трагедия, в автокатастрофе разбилась вся семья одной женщины по имени Мишель Жавьен. Её дочь, которая погибла вместе с сыном и мужем, была талантливой художницей, она не раз выступала на международных конкурсах, привозила домой награды, а в школе была самой любимой ученицей педагога по рисованию. Мишель была безутешна, она каждый день принимала успокоительные и пила спиртные напитки, она пыталась заглушить боль, которая, как огромный прыщ, сидела в её груди, друзья не верили, что женщина сможет взять себя в руки и стать нормальным человеком. Знаешь, что с ней случилось? Она в один прекрасный день начала рисовать, сначала у неё плохо получалось, потом постепенно она начала делать успехи и в ней проснулся талант, такой же, как у её дочери. Два года назад она провела грандиозную выставку в Париже, где висели её картины и картины её дочери Софии. Многие люди удивлялись, так как не могли различить, где чья картина, настолько они были похожи! Безутешная мать нашла в себе силы жить, жить искусством своей дочери, она написала книгу, где многих людей призывает жить и делать то, что делали при жизни их близкие и родные. Пару месяцев назад Мишель Жавьен скончалась во сне, но поверь мне, она умерла счастливой, она смогла подарить своей дочери пять лет жизни.

– Когда ты мне рассказываешь такие истории, в груди что-то сжимается, это нормально?

– Нормально, ведь в твоей груди есть сердце, которое чувствует и сопереживает.

– Наверно, таких прекрасных историй ты знаешь сотни?

– Тысячи.

– Как бы мне хотелось, чтобы не было боли!

– Всё в ваших руках.

– Знаю.

Мы ещё немножко посидели на песке, я не мог до конца вкусить эту красоту, я пытался что есть силы вдыхать морской воздух, пытался по сильнее прижаться к песку, здесь я смог успокоиться. Я как будто находился в раю, за такое наслаждение я готов был отдать свою жизнь... Кристина сама расслаблялась и получала заряд энергии. Мы отдыхали на берегу песчаного пляжа и голубого моря. Небо переливалось удивительными красками, всё сияло и жило.

– Скажи мне, Кристина, где живёт вера человека?

– Внутри, в душе.

Глава 15. Прощание с прошлым.

Опять ночь вторглась в мой мир. Столько много мыслей, а сон так и хочет меня пригвоздить к подушке. Кристина открывала для меня все хитросплетения судьбы, рассказывала удивительные истории, которые поражали и впечатляли. Я пытался впитывать каждое её слово, как губка, я старался быть хо-

рошим учеником, лишь бы она была мной довольна. Моя любовь постепенно превращалась в безумие, по ночам я не мог спать. 24 часа в сутки 7 дней в неделю она в моей голове, есть ли против такой любви какое-нибудь лекарство? Или только смерть поможет мне? Скорее всего, именно она...

Ещё я поймал себя на мысли, что боюсь её потерять, даже если она останется жива, она всё равно уйдёт от меня, и это неизбежно. Мне будет мало того, что она всего лишь будет за моим плечом, невидимая поддержка. Я чувствовал, что развязка уже близка, и мне нужно готовиться к самому страшному, к расставанию. Кристина говорила, что человек после встречи с ангелом забывает его, что человек больше никогда не вспомнит о такой необычной встрече, но я знал, что буду помнить, знал, что мне придётся нести этот крест всю свою жизнь. Я был особенным, поэтому знал, что будет именно так. По ночам мне снились кошмары, в главных ролях выступали я и Кристина. Она постоянно от меня убегала, я искал её, догонял, а потом снова терял, в последнее время она стала умирать в моих снах, как я ни пытался, я не мог спасти её, как будто мои руки были повязаны, а ноги совершенно меня не слушались, я терял её, она умирала. Просыпаясь каждое утро в холодном поту, я мысленно кричал Кристине, чтобы она поскорей появилась передо мной и я мог успокоиться, зная, что она жива и невредима. Противное чувство беспомощности тяготило меня, ведь во сне можно спасти кого угодно и от чего угодно! Во сне ты сам себе хозяин, ты бог, но почему я не могу контролировать процесс? Почему не могу спасти её? Возможно, мне снятся вещие сны и они пророчат смерть, но не мою... Сегодня я встречаюсь с Марианной, но мне безумно хотелось поговорить с Кристиной и поделиться с ней своими переживаниями, я решил написать ей письмо.

«Дорогая моя спасительница, хочу поделиться с тобой своими пережитыми ночами... В последнее время мне снятся страшные и странные сны, где умираю не я, а ты! Хочу обратиться к тебе с одной очень маленькой просьбой, которую не составит труда исполнить. Береги себя, береги себя всеми своими силами, не думай обо мне, моя жизнь ничего не стоит, твоя же по-настоящему ценна. Помню, ты запретила мне даже заикаться о любви к тебе, но писать про любовь ты мне не запрещала. Без тебя не будет смысла в моей жизни, если ты просто исчезнешь, я погружусь в вечное одиночество, но по крайней мере я буду знать, что ты жива. Но если ты умрёшь и твоя душа навсегда упокоится, не будет на свете человека печальней меня... Видеть тебя – это значит дышать и жить, мне всё равно, что я не могу прикоснуться к тебе, пускай моя любовь обречена, но прошу тебя: живи, не уходи от меня, не покидай мою душу, живи во мне. Я знаю, что мои сны не простые, я чувствую приближающуюся опасность, но пускай эта опасность возьмёт меня, как и должно быть, человечество благополучно и без меня справится с восстановлением мира на земле, они смогут, а я без тебя не смогу...»

P.S. Прошу ответить мне письмом.

Глупая затея? Скорее всего, я точно сходил с ума, но на листке бумаги как-то легче написать всё, что накипело в душе. Листок бумаги вытерпит любые эмоции, листок бумаги вытерпит любую боль. Мне было трудней разговаривать с ней, нежели писать, в разговоре я постоянно смотрю в её голубые океаны и теряюсь, как маленький мальчик. Свернув аккуратно исписанный ли-

сток, я вложил его в конверт и положил на подоконник.

Я любил её и боялся быть рядом с ней. Уходя из дома, я уже чувствовал, как её пальцы прикоснулись к письму, я представил, как её глаза читают мои слова, по рукам пробежалась дрожь, я убежал из дома, бежал забыться и запутаться окончательно. А вдруг она уже читала моё письмо, когда я его писал? Парила в воздухе и пожирала своими глазами каждое моё слово, каждый крик моей раненой души. На мгновение мне стало стыдно за то, что я сделал, и поспешно пошёл обратно, а вдруг письмо лежит на том же месте, где я его оставил, покоится одинокое, никем не тронутое. Звонок Марианны разрушил мой гениальный план, я уже опаздывал, деваться было некуда, я поспешил к ней.

Мы условились встретиться в уютной кафешке на Речном вокзале. Зайдя в помещение, я увидел её, она мило смотрела в зеркальце, поправляя свою густую чёлку и мизинцем нанося на губы прозрачную, с блёстками помаду. Я сел параллельно неё и тихо наблюдал за тем, как она в упор не замечала меня. Закончив прихорашиваться и увидев меня, она тихо пискнула, от испуга Маша положила руку себе на грудь и тяжело вздохнула.

– Антон?– испуганно спросила она.

– Нет, Гамлет.– с улыбкой на лице ответил я.

– Наверно, я стала слишком пугливая или невнимательная!

– Ты просто стараешься быть красивой, значит, скорее всего у тебя появился вкус к жизни?

– Если он и появился, то благодаря тебе, твоим стараниям и труду!

– Кажется, моя самооценка зашкаливает!– стал смеяться я.

– Можно я задам тебе один вопрос?

Я кивнул и стал ждать вопроса, она обняла руками свои локти, нагнулась ко мне и медленно взглянула в глаза, еле заметная улыбка сразу согрела мне душу, я видел, что маленькая искринка счастья блеснула в её чёрных глазах. В кафе было достаточно душно, мы сидели около небольшого аквариума, и рыбы, которые плавали внутри, то ускоряли, то замедляли свой ход. Опять на какую-то долю секунды мне показалось, что время вокруг меня остановилось. Снова застывшие взгляды людей погрузили меня в беспокойство. Марианна уже почти открыла рот, чтобы сказать, но замерла прямо на старте. В последнее время эти замедления во времени и уход «в никуда» стал тревожить меня чаще, чем было раньше. Сейчас все люди, которые находятся в этом помещении, и не только в этом, как ни в чём не бывало продолжают общаться, есть, пить и курить, но никто из них даже не догадается, что всего лишь пару секунд назад они застыли во временной петле и кто-то рядом, за соседним столиком тихо и мирно наблюдал за этим явлением. Я привык видеть то, что другим не дано увидеть, слышать то, что другим не дано услышать, чувствовать то, что обычному человеку никогда не почувствовать. Я был особенным человеком. И можно даже не брать во внимание все мои странности и вещи сны, достаточно просто подумать о том, что я общаюсь с ангелом небесным, и это просто всё перекрывает, накрывает смертельной волной, разве это общение сравнится с моими жалкими способностями? А как насчёт того, что у меня к ней любовь? Тогда, скорее всего, я единственный человек на всей планете, который не то что ненормальный – я больной. Снова мысли вторглись в мою голову, но я их с трудом выпроводил погулять, всё встало на свои места, и Марианна, как ни в чём не бывало, начала говорить...

– Может этот вопрос слишком личный, но ты заранее меня тогда прости!

– Хорошо.

– Только вчера мне казалось, что я люблю тебя, я чертовски сильно к тебе привязалась, без тебя уже не представляю своего жалкого существования. Потом я почувствовала, что отношусь к тебе, как к брату, что не могу тебя просто так взять и захотеть. Я стала прокручивать в голове одну мысль, которая меня больше всего волновала, зачем ты мне помогаешь? Любовь? Думаю, что нет! У тебя взгляд не влюблённого человека. По доброте душевной? Значит, ты просто ненормальный! Но может ты кого-то раньше любил и с ней что-то случилось? Ты пытаешься благородными поступками вымолить у неё за что-то прощение? Или я просто на неё чем-то похожа? Ты можешь мне ничего не отвечать, это твоё право, но я больше не могу жить в догадках, в подвешенном состоянии.

Что я мог ей ответить? Она была не права в своих догадках, ни у кого я не вымаливал прощение, и уж тем более никто ни на кого не был похож. Мой рот был на замке, проще было промолчать и подтвердить бредовую мысль Марианны. Я не мог сказать, что эта моя работа – помогать людям и что в будущем мы с ней будем заодно, что каким-то способом она мне будет помогать в моих благородных делах. Лучше всего подтвердить её догадки, потому что про Кристину-ангела она точно не поверит.

– Да, ты права. Ты просто очень похожа на ту, которую я любил.

– А что с ней случилось? Хотя прости, я уже лезу не в своё дело.

Я был очень рад тому, что этот неприятный разговор так и не нашёл продолжения. Мне было гораздо проще просто перевести разговор на другой лад. Пускай она думает, что похожа на ту, которую я потерял...

– А теперь перейдём к самой главной части нашей встречи.

– Давай.

– Я продаю машину, это значит, что деньги уже твои, ты уедешь в Омск, там тебя встретит мой хороший приятель, он поможет тебе с жильём и работой, нормальной работой.

– Ты сумасшедший!– громким, дрожащим голосом сказала Марианна.– Наверно это самый дорогой и единственный подарок в моей жизни, спасибо.

Больше ничего и не нужно было говорить, слова благодарности я знал уже наизусть, тем более у бедной девушки встал ком в горле и она с трудом могла дышать. Она не волновалась, что через пару дней её жизнь изменится до неузнаваемости, она не боялась открыть для себя новую жизнь, без боли и пороков. Я чувствовал, как её сердце колотилось со страшной силой, она хотела заключить меня в крепкие объятия, но что-то её остановило, она нежно посмотрела мне в глаза, и я снова почувствовал тепло.

– У тебя такие грустные глаза, полны какой-то странной печалью, ты даже постарел. Прошу, только не обижайся на меня, на мои слова, но это так видно, так ощущается. У тебя всё в порядке?

– За меня не переживай, проблемы – часть нашей жизни, без них скучно.

– Не скажи, когда эти, как ты говоришь, проблемы наступают на горло и душат, очень хочется навсегда забыться, и пускай жизнь будет чертовски скучной, но по крайней мере без бед. Хотя я наверно так говорю, потому что слишком сильно устала так жить, но ты меня изменил, я стала мыслить по другому и даже выражаюсь теперь менее вульгарно, чем раньше. Я теперь верю, что

встречи в жизнях людей не случайны, не бывает совпадений. Что-то мне подсказывает, что мы скоро расстанемся навсегда, ты ничего такого не предвидишь?

– Я не могу предвидеть, скорее предчувствую! Скажу честно, я считаю, что мы обязательно ещё встретимся, и не раз!

– Ты так в этом уверен?

– Я ни в чём не уверен, я просто хочу, чтобы так было.

– Значит, ты ещё захочешь меня увидеть?

– Почему бы нет?

– Попросишь деньги обратно?

– Что за глупости ты говоришь?

– Мне нужно разрешить все вопросы, которые меня беспокоят до отъезда, иначе голова пойдёт кругом.

– Ничего обратно я у тебя просить не буду, главное – устрой свою жизнь.

– Ты так хочешь чтобы я устроила свою жизнь, почему?

– Ты хороший человек.

– Этого мало.

– А что ты ещё хочешь услышать?

– Правду!

– Я и говорю правду, ты удивительная девушка, которую обошло стороной счастье, но оно не ушло навсегда, мы его постепенно нагоним.

Марианна грустно мне улыбнулась и опустила наполненные слезами глаза на свои руки. Обратив внимание на свой яркий, красный маникюр, она отвернулась и наморщила лоб, я почувствовал, как ей противно видеть отголоски старой Марианны, проститутки и клубной тусовщицы, она убрала руки под стол и тихо вздохнула.

– Будет очень тяжело поменять свою жизнь.

– Ты справишься, – подбадривающе сказал я.

– Как твои близкие отнесутся к тому, что ты продал машину, а деньги отдал не пойми кому? На мою голову наверно посыпаться тысячи и тысячи проклятий!

– Нет, мои родители не такие, никаких проклятий не будет, просто придётся придумать какую-нибудь душераздирающую историю, чтобы они расчувствовались и успокоились.

– Ты скажешь им правду?

– Я не буду лгать, начинать твою новую жизнь со лжи? Нет уж.

– Я тоже постараюсь жить в правде, стараться, что бы люди узнавали и знали меня просто Машей, но...

– Но? – переспросил я.

– Я не хочу, чтобы кто-то ещё, кроме тебя, знал о моём детстве, знаешь ли, это очень личная трагедия, в которую я не могу больше никого впустить, тем более ты мне очень помог и теперь мне не так больно, как было раньше. Даже отчим стал намного меньше мне снится, я даже вижу красочные сны, в которых часто присутствуешь ты. Не хотела тебе об этом говорить, а то ещё подумаешь, что я в тебя влюбилась, и ведь это чувство тоже у меня с дефектом! – говорила она, смотря на меня очень выразительным и серьёзным взглядом. – Я ведь никогда не любила, как-то любовь стёрлась в сердце, вытекла со всеми обидами и слезами, так что я не знаю, люблю ли тебя, или это просто собачья

благодарность.

– Это просто благодарность, а что касается твоих дефектов, всё излечимо. Ведь перед тобой откроется совершенно другой мир, без проституции и наркотиков, без мыслей о самоубийстве!

Только подумать, совсем недавно эта девушка хотела покончить с собой, и вот сейчас она жива, здорова, озаряет всех своей жизнерадостной улыбкой, и это сделал я? Вдохнул в неё вкус к жизни? Выпил из неё весь яд прошлого? Я чувствовал, как по телу разливались тёплые потоки блаженства, мне начинало нравиться спасать человека, когда он висит над пропастью. Я в себе стал ощущать огромные силы и уверенность, прежде я такого не чувствовал, просто жил, просто понимал, просто пытался что-то делать. А сейчас у меня появилась цель, которая настолько благородна и чиста, что я ослеплён этой чистотой. Благодаря Кристине я сам обрёл смысл жизни. Ведь я тоже висел на волоске, тоже мог в любую минуту соскочить и меня уже давно бы не было в живых, но всё обошлось. Кристина и только Кристина нежным крылом обняла мои плечи, согрела душу и забрала сердце навсегда. Ну и пусть всё именно так, я ни о чём не жалею, я всему рад. Всему до последней капельки.

– Я люблю тебя как брата.

– Я рад, что ты разобралась в своих чувствах.

Даже если бы Маша меня любила не как брата, это бы ничего не изменило, в моей душе ничего бы не шевельнулось, я так безнадежно и бесповоротно влюбился в Кристину, что пелена этой любви застелила всё вокруг, только её белое, нежное лицо стоит перед моими глазами.

– Просто если бы ты проявлял ко мне симпатию, я думаю, ты бы мне приглянулся, но я вижу, что ты ко мне относишься как к подруге и я так же буду относиться к тебе, ты теперь мой лучший друг и брат, которого я всегда хотел. Пока мы тут с тобой сидели, я именно об этом и думала, теперь мне намного легче, любви нет, хотя может и есть маленькая, покалеченная и испуганная, она теплится в моём сердечке. И прошу тебя, помни о том, что у тебя есть я!

Глава 16. Надо просто любить.

Я не хотел заходить в свою комнату, отец уже дремал. Маме было тяжело признаться в том, что я продал машину, но я верил, что она поймёт, и отец тоже. Пока я медлил, ждал подходящего момента, я знал, что всё будет хорошо, потому что мои родители понимающие, добрые и очень открытые люди. Они сами продали бы десять своих машин, если бы узнали, что у кого-то беда случилась, первыми пришли на помощь и сделали всё, что только смогли бы сделать!

Какие бы ни возникали проблемы в моей семье или у меня, я всё равно думал и переживал за Кристину. Странное поведение заставляло меня заходить в тупик и оставаться там на долгое время, её ответы-загадки давно стали меня раздражать, и правды из неё не вытянешь ничем! Боязнь пробивалась через кожу, я жил в страхе за неё, пускай со мной что-нибудь случится, но только не с ней, разве моя жизнь сравнима с её?...

Зайдя в комнату, я сразу же кинул свой взгляд на подоконник, где оставил письмо, там было пусто, тёплый ветер бился в окно и пустота окружала всё вокруг. Я сел на кровать и обхватил руками голову: значит, не ответила. Потом я

лёг на подушку, и прямо передо мной возник листок бумаги, сложенный в два раза. Волнение захлестнуло меня, я медленно взял бумагу и развернул её. Аккуратный, ровный почерк, безумно красивый врезался в мои глаза, текста было не так много, но и двух слов мне было вполне достаточно.

«Неожиданный ход, Антон, не думала, что ты захочешь излить свою душу на листке бумаги. Ты слишком сильно и беспочвенно переживаешь обо мне, как-то даже странно, иногда я думаю, кто из нас человек, а кто ангел? Тебе не стоит думать о тех вещах, которые тебя совершенно не касаются, живи и радуйся жизни, всё будет хорошо.»

Сейчас, именно сейчас в своём ответном письме она предстала передо мной как истинный человек. Где её доброта? Куда пропала эта лёгкость и понимание? Что творится с ней? Почему в её словах я так отчётливо чувствую злобу и жестокость? Как будто она мне говорит: «Отстань от меня! Сколько можно?». Но ведь я совершенно не напрягаю её, я лишь беспокоюсь. Я скомкал листок бумаги и швырнул его в дальний конец комнаты, потом плюхнулся на подушку и закрыл глаза.

За что я должен бороться, если даже сами ангелы начинают черстветь, находясь на этой земле, как будто это какая-то заражённая зона, где обитают только больные люди, ангелы подвергаются мутации чувств. Счастье постепенно выветривалось из меня, я постепенно угасал и зеленел.

Резкий толчок в спину – и я не помню, как оказался совершенно в другом месте. Я стоял на какой-то площади, вокруг играла музыка, люди бродили вокруг меня с улыбками на лице и разговаривали между собой на непонятном мне языке. Я молча за всем наблюдал, горячее солнце жгло мне лицо, сразу же захотелось дико пить, я пошёл по узенькой улочке куда-то вниз и набрёл на что-то невообразимое.

– Красивое море? – нежный и родной голос раздался за спиной.

Я повернулся и увидел Кристину, она стояла в длинном белом платье, на голове красовалась белая шляпка с огромным бантом и мягкие, густые волосы лежали на её правом плече.

Медленно подойдя ко мне, она взглянула прямо мне в душу, чистый, морской воздух вскружил мне голову, и я чуть не рухнул на землю.

– Прекрасное место! – с триумфом сказала Кристина, сажая меня в тенёк.

– Зачем мы здесь? – холодно спросил я.

– Я просто хочу тебя отвлечь от дурных мыслей.

– Эти дурные мысли связаны с тобой.

– Я тебя обидела?

– А то сама не знаешь? – чуть взволнованно сказал я. – Тебя совершенно не узнать, стала какой-то далёкой и отрешённой, что происходит с тобой?

– Я просто чувствую приближение опасности и наше расставание!

– Ты можешь погибнуть?

– Не исключено!

– Зачем такая жертва ради одного человека?

– Этот человек должен помочь многим людям, поэтому моя жизнь ничего не стоит.

– Но ведь ты самый сильный ангел! Как же этот мир будет без тебя обо-

даться? Ведь после меня тоже придёт избранный человек, и ему тоже будет нужен наставник- ангел!

– К тому времени такой ангел появится, да и нужен ли он будет вообще, если на земле воцарится мир и гармония?

Кристина нежно смотрела в мои глаза, больше всего на свете мне казалось, что она хотела заплакать, а точнее разреветься, что-то слишком сильно её тяготило, и она молча терпела всю боль. Её голубые океаны волнами накатывали на меня, я чувствовал прилив горячего пота по всему телу, на миг мне показалось, что она посмотрела на меня как-то по особенному, как-то уж слишком добро, открыто, с любовью, но я не осмелился её спросить о чувствах, которые гложут её, она бы промолчала или сверкнула бы на меня недовольным взглядом. Кристина взяла меня под руку, её белая, тоненькая ручка обвила мою руку, и я почувствовал лёгкое покалывание в сердце, я не мог долго злиться на неё, сначала я как мог держался, был холоден и мало смотрел ей в глаза, но сейчас я почувствовал, как она раскаивается, как ей совестно за то, что она была со мной груба и очень скрытна. Но даже если бы она этого не признала, я всё равно простил бы ей всё! Потому что безмерно и безгранично любил всё, что в ней, любил всё, что связано с ней. Мы гуляли под палящим солнцем, я даже чувствовал в воздухе запах оливок и цветов. Я не стал спрашивать Кристину, что это за место и почему мы здесь находимся, я просто наслаждался пребыванием здесь. Люди, проходящие мимо нас, глазели на Кристину, оглядывали её с ног до головы, настолько она была прекрасна и настолько заставляла биться моё сердце, что я не мог не радоваться каждому её взгляду и грациозному движению. Мы неторопливо сели на лавочку, над ней росло прекрасное дерево, поэтому мы сразу же очутились в теньке, Кристина закинула ногу на ногу и повернулась ко мне с вопросительным взглядом.

– Что?– удивлённо спросил я.

– Ты не хочешь узнать, почему мы здесь?– с улыбкой на лице спросила она.

– Я думаю, когда придёт время, ты сама мне всё расскажешь, чего мучить тебя постоянными ненужными вопросами?

– Ты умнеешь на глазах, и я этому очень рада.

Сейчас в моём сознание проскочила невыносимо грустная мысль... Такое ощущение, как будто я вижу её в последний раз, уж слишком у неё взгляд прощальный, она оглядывает меня, пытается запомнить мои морщинки, глаза, контур губ и вообще всего меня. Она пытается навсегда уловить запах моего тела, чтобы потом вспомнить меня и составить полный портрет. Я снова взял её руку в свою и внимательно посмотрел ей в глаза, тихий ветерок шевелил её воздушное платье, ей даже не приходилось поддерживать рукой шляпку, настолько всё было блаженно умиротворённо.

– Ты готов приступить к самой ответственной части?

– Как? Уже ответственная часть?– с трепетом спросил я.

– Ты готов!– гордо ответила Кристина.– Ты показал себя отличным сыном, отзывчивым другом, ну и наконец ты проявляешь к людям сострадание! Теперь ты не можешь просто так пройти мимо горя человека, ты обязательно прочувствуешь его сам и поможешь! Ты сможешь!

– Это такая огромная ноша...– тихо выдохнул я.

– Ноша? Нет!– нежно воскликнула Кристина.

– Нет?

– Почему вам, людям, кажется, что это так сложно и тягостно? Неужели вы не чувствуете, что когда вы помогаете ближнему, вам воздаётся за это! А когда совершаются плохие поступки, за ними следует наказание.

– Сейчас за плохие поступки не наказывают.– твёрдо ответил я.

– Неправда.

– Значит, справедливость всё таки есть?

– Она всегда была и есть, только на земле она чуть-чуть притупилась и нужно её восстановить.– ответил ангел, окинув меня ласковым взглядом- Знаешь, Антон, мы здесь неспроста сидим, с минуту на минуту должна прийти супружеская пара, которая прожила вместе семьдесят лет и в горе и в радости. Таких людей, как они, скажу тебе честно, больше нет на всём белом свете. Чистейшие люди, которые до сих пор безумно любят друг друга и рады каждому прожитому дню. Мужчина – талантливый врач, который за свою врачебную практику вернул к жизни немало людей, он заводил их сердца, и они после операции долго жили. Он к каждому человеку подходил с душой и верил до последнего, что этот человек, который должен умереть, обязательно выживет и будет жить счастливо и беззаботно. Когда его пациенты умирали и он ничего не мог исправить, он тихо молился, и просил прощения за то, что не сумел вернуть их к жизни, что не смог зарядить их сердца для счастливого продолжения. Он удивительный человек, с самых малых лет он отличался добротой и лаской, со своей женой он познакомился в школе, и с тех пор они вместе, у них есть прекрасные дети и уютный дом на берегу моря. Его жена тоже удивительная женщина, она талантливая детская писательница. Её книги развивают детей и помогают родителям в воспитании. Не волнуйся, на жизнь им всегда хватало, но они не были жадны, как сейчас жаден каждый человек, деньги любят щедрых, поэтому эти соблазняющие бумажонки любили эту пару бесконечно преданно и со страстью. Им ничего не было жалко, они всегда ставили перед собой более важные ценности в жизни, например, честность, любимых детей, ответственность. Даже в самые тяжёлые и казалось бы невыносимые минуты, они жили радостно и легко, поддерживая друг друга во всём, только настоящая и искренняя любовь может сделать из людей подобие ангелов!

– Потрясающе!– заметил я.– Но почему мы ждём их?

– Потому что они скоро уйдут со мной.

– С тобой?– ужаснулся я.

– Да, со мной! Именно мне поручена эта ответственная миссия.

– А как же ангел смерти?

Кристина нежно мне улыбнулась и ответила:

– У него сегодня будет выходной.

– И я должен на этом присутствовать?– с волнением в голосе спросил я.

– Нет, ты увидишь немножко другую картину.

– Но почему им нужно умирать?

– Просто им уже пора. Но они сделали достаточно хорошего в своей жизни, многие люди будут их помнить, добро, сделанное их руками, будет жить вечно и даже это дерево, под которым мы сидим, посажено ими. Уловил эту тоненькую грань?

– Уловил.– тихо ответил я.

– Не печалься, мой друг!

– Так как же не печалиться?– с грустью в голосе ответил я.– Только узнал,

что есть удивительные люди – и тут на тебе, им пора умирать!

– Но ведь человеческая жизнь конечна!– с удивлением сказала Кристина.– И я считаю, девяносто лет – хороший срок для пребывания на этой планете, тем более, что они выполнили всё, что нужно было сделать здесь. Теперь их ждёт другое начало, какое? Узнаешь сам, но чуть позже! Знаешь, эти люди всю свою жизнь ставили на первое место свою любовь друг к другу, к людям, были справедливы и честны со всеми, всегда и всюду! В их семье не было измен, не было лжи и скандалов, неужели это не прекрасно?

– Я хочу, чтобы так жили все!– воскликнул я.

– Ты этим и займёшься!– улыбаясь ответила она.

– А тебе не жалко?– тихо спросил я, после недолгой паузы.

– Чего?

– Забирать их?

– Нет, это не конец.– ответила Кристина.

– А дети?

– Что дети?

– Они такие же хорошие, как их родители?

– Они получили отличное воспитание, прекрасный сформированный внутренний мир, они не сойдут со своего пути.

– Расскажи мне ещё что-нибудь!

– Я рассказала тебе то, что ты можешь знать, есть другие вещи, которые тебе бы были интересны, но нельзя, пока нельзя.– с улыбкой на лице сказала добрая Кристина, которая с минуты на минуту должна была встретить влюблённую пару. – Они будут сидеть вот на той лавке.– сказала она, показывая на лавочку, которая стояла параллельно нашей.

Никто не садился туда, как будто этого места просто не существовало, кто-то проходил молча, кто-то громко разговаривал, но никто даже и глазом не повёл. Сама лавочка ждала пожилых людей, чтобы последний раз подержать их на себе и послушать их задушевную историю жизни.

– Они знают, что умрут?– тихо спросил я, смотря на противоположную лавочку.

– Они это предчувствуют.

– Разве человек может предчувствовать смерть?

– Может, только сейчас вы, современные люди, совершенно ничего не чувствуете.

Я замолчал. Откуда ни возьмись подул слабый и холодный ветерок, лавочка навела мне грустные мысли, Кристина взяла меня за обе руки и ласково посмотрела на меня.

– Я вижу, как ты печалишься.– сказала она, опуская глаза на свои руки.– Ты даже представить себе не можешь, что могут сделать эти руки!

Она впиалась взглядом в свои руки и продолжила говорить тихим, но волнующим голосом.

– Тяжело забирать лучших и как жалко, что вы не вечны...

– Эй? Ты что расстроилась?– спросил я, видя, как Кристина прячет свои глаза под свою большую шляпу.

– Да, есть немножко.– пробормотала она.

– Я думал, что ты привыкла к такому, мы правда не вечны, но вы, ангелы, счастливые всё равно! Вот ты, например, можешь перемещаться в простран-

стве, творить настоящие чудеса! Кому скажи, никто мне не поверит!

– Мы тоже своего рода ваши жертвы!– воскликнула Кристина.– Мы пропускаем всю вашу боль через себя, ощущаем счастье, которое для нас и для вас становится дефицитным. Мы работаем, как пчёлки, не покладая рук, чтобы вы жили!

– Вы направляете людей на путь добра и истины, а это, я согласен, огромный труд! Только мне кажется, ты слишком идеальный ангел, таким нельзя быть!

– Да брось ты!– расхохоталась она.– Я просто ангел в образе красивой девушки, которая пленила твоё сердце.

Кристина медленно отвела свои глаза в сторону, солнце постепенно уходило за горизонт и её белое платье теперь не слепило мне глаза своей чистотой и белизной, теперь я мог не отрываясь смотреть на её фигуру, на нежные руки и на чарующий изгиб её идеальной груди.

– А вот и они.– сказала она, сжимая мои руки в своих.

Было такое чувство, как будто она боялась, или скорее всего, никогда такого не делала, то есть не забирала никого с собой, она как маленькая девочка сидела и дрожала возле меня. Нет, она не подавала особого вида, что ей тревожно, но я чувствовал, впервые я чувствовал, что она боится, вибрировало всё её тело, сначала мне хотелось спросить, но потом я не стал, но всё же решился...

– Что с тобой? Ты боишься?

Огромные испуганные глаза впились в меня со страшной силой, я тихо сглотнул и так же стал смотреть на Кристину, точнее в её глаза, зря я там искал ответы, она слишком хорошо маскировалась, а ключ к её тайнам, похоже, мне никогда не найти.

– Не могу сказать, что я боюсь, Антон!– дрожащим голосом пролепетала она.– Просто это не легко, и я затрачиваю на их переход очень много энергии. Мне не хочется забирать их, хочется, чтобы они увидели ещё больше, чем видели за свою жизнь, сделали ещё больше хороших дел! Но я не могу ничего изменить, я не могу изменить то, что должно случиться всё равно!

– Я увижу, как ты их заберёшь?

– Нет, они умрут тихо во сне, на своей кровати, я медленно подойду к ним и заберу.

– Вот так просто?

– Вот так просто.– смеясь, ответила Кристина.

– Я вот сейчас сижу и понимаю!– с ужасом стал говорить я, обхватив обеими руками свою голову.– Я присутствую на том, на чём в принципе не могу присутствовать! Как такое вообще возможно? Что я нахожусь совершенно в незнакомом мне месте, что со мной сидит ангел и собирается забрать жизни людей! Может, я действительно не дружу с головой?

– Ты очень хорошо с ней дружишь.– рассмеялась она, дёргая моё плечо.

В душе что-то тихо клокотало, я думал над всем, что мне поведала Кристина, и был просто шокирован. Удивлён тем, что есть такие люди, как эти, которые жили ради друг друга, ради семьи и ради добра. Которые никогда не знали зависти и предательства, которые действительно жили, а не существовали. Почему у них всё так просто? Как два плюс два? В чём секрет такой идеальной жизни? В любви...

Всё сходится только к этому огромному и самому важному чувству. Все мои переживания по поводу машины, отца и Марианны куда-то на время пропали, я увидел, как в нашу сторону не спеша, почти беззвучно направляется очень пожилая пара. Две их белые головы сразу же выделили семейную пару из общей толпы людей, на мужчине был одет коричневый пиджак, а женщина аккуратно держала его под руку и мило улыбалась. Они казались такими маленькими и смешными, что я на мгновение широко улыбнулся, неожиданно для себя, когда эта пара поравнялась с нами, пожилая женщина ласково взглянула на меня и отвела взгляд в сторону лавочки. Внутри что-то щёлкнуло, как будто она посмотрела мне не в глаза, а добралась прямо до моей души! Сев осторожно на лавочку, пожилой человек взял за руку жену и нежно поцеловал её, та в свою очередь грустно ему улыбнулась и положила свою голову мужу на плечо. Эта картина оказалась слишком трогательной для меня, дыхание сбилось, и я постоянно громко вдыхал и выдыхал, а иногда я совсем забывал дышать, мне казалось, своим присутствием я мешаю этим людям наслаждаться последними минутами их долгой и прекрасной жизни.

Как бы и мне хотелось так же прожить жизнь с Кристиной, нарожать детишек, любить друг друга и помогать ближнему. Казалось бы, чего уж проще? Но этому не суждено было сбыться, все мои мечты останутся моими мечтами и никогда не воплотятся в реальность.

Я заметил, что очень крепко держу руку Кристины, даже больше того – я вцепился мёртвой хваткой в неё, она лишь просто нежно мне улыбалась и сканировала мой мозг, как сканер, от неё я не мог скрыть ни одной своей мысли, я был как на ладони. Мне стало неловко, что она узнала, о чём я сейчас думаю, я медленно расслабил хватку, но дрожь в ногах была неуёмна.

– Они не знают, кто ты? – тихо выдохнул я.

– Один раз они меня видели, но не помнят об этом. Посмотри на них, какие же они милые и относятся друг к другу с таким трепетом, оберегают друг друга как нечто безумно ценное.

– Я это уже заметил. – тихо ответил я.

– Ты не волнуйся, твою дрожь я ощущаю всем своим телом, успокойся.

– Легко сказать. – вяло протянул я.

Тут Кристина стала внимательно смотреть на этих людей, возможно, она поочерёдно читала их мысли, а может она просто на них смотрела, пыталась что-то для себя открыть, совершенно новое или что-нибудь совершенно необъяснимое, но её взор помутнел, она погрузилась. Над головой стали собираться назойливые тучи, и я подумал, что это делает Кристина. Она иногда поглядывала на небо и как будто мысленно что-то говорила, если бы я мог знать, что это были за слова.

– Знаешь, Антон, я могла бы тебя не брать с собой, всё равно ничего сверхъестественного ты бы не увидел. Ты мучаешься в догадках и в сердце назревает ранка, ведь ты сам ещё не понимаешь, какой же ты чувствительный. – Кристина снова посмотрела на небо, потом плавно перевела взгляд на меня. – Я хочу, чтобы ты запомнил этих людей, как нечто действительно чистое и прекрасное. Взяв тебя с собой, я преследую лишь одну цель. – она замолчала.

– Какую?

– Ты помог своей маме излечиться от рака любовью и верой, Марианне ты помог начать новую жизнь с чистого листа, а теперь я хочу, чтобы ты понял,

что такое на самом деле настоящая любовь. Я вижу, ты пытаешься познать и внять всё, что я тебе говорю, но и этот случай не будет лишним для тебя. Ты просто понаблюдай за ними, посмотри на них, подумай о чём-нибудь, проникни в их сознание и пойми, что такое прожить всю жизнь вместе и не быть отчуждённым, обманутым и так далее! И ведь как всё-таки странно, что таких людей становится всё меньше и меньше, вы теряете больше, чем можете себе представить.

– Мы уже давно стали это терять.– подхватил я.– Все люди очень далеки от этой прекрасной пары, и я опять повторяю: как же хочется, чтобы все жили именно так, как они. Ты многое мне успела показать, я в свою очередь многое понял и что-то даже переосмыслил, но смерть этих людей я пока не могу принять, несмотря на то, что им уже так много лет!

– Примешь, для этого ты здесь, ты учишься и познаёшь, всё правильно.

– Но ведь я предотвратил смерть Ольги Викторовны! Могу ли я что-нибудь сделать для этих людей?– с долей надежды проговорил я.

– Я бы с радостью сказала бы тебе, что нужно сделать, но в нашем случае ничего не изменишь.

Последняя надежда рухнула, как карточный домик, казалось, что это конец и для меня. Они тихо и спокойно сидели на лавочке и, прижавшись друг к другу, просто молчали. Я пристально посмотрел на мужчину, который казалось мне больше погружён в свои думы, и почувствовал, как его мысли становятся для меня открытой книгой, я чувствовал, как чьи-то слова и чувства проникали в мою голову. Это было просто удивительно и в то же время я пугался сам себя.

«Я люблю тебя.»

Эти слова эхом пролетели мимо моих ушей, хриплый, старый голос ворвался в моё сознание и я уловил слова, которые он думал про себя.

– Он не боится умереть.– тихо сказал я.

– Ты это услышал или просто предположил?

– Я это услышал, об этом думал пожилой человек. Кстати, как их зовут?

– Тебе не нужно знать их имена.

– Но почему?

– Просто наслаждайся тем, что сейчас с тобой происходит, что нужно, я тебе рассказала, что не нужно, ты всё равно не узнаешь.

– Опять секреты?

– Ты пока не готов.

– А мне кажется, что я и так знаю больше, чем нужно!

– Тебе так кажется, ты знаешь то, что я тебе говорю, то, что нужно тебе знать – не более того.

– Но с одним ты точно должна согласишься!

– С чем же?

– Я единственный человек, который знает хоть малую долю вашего мира!

– Ну, с этим мне трудно поспорить, ты прав!

Как бы я ни старался разговаривать и отвлекаться, я всё равно обращал внимание на эту пожилую пару, от них веяло таким спокойствием, что можно было просто сидеть и ничего не делать, лишь впитывать это блаженство. Но стал накрапывать дождик, и я почувствовал, что дело близится к концу. Кристина встала и подала мне руку, я встал вслед за ней, она пошла туда, откуда

мы пришли, а я совершенно не хотел уходить отсюда. Посмотрев ещё раз на этих людей, я не спеша пошёл за Кристиной. Мелкий дождик стал мочить мою голову, и я прибавил шаг, но тут за спиной послышались чьи-то тяжёлые и старые шаги, я обернулся и увидел перед собой старое женское лицо с мутными, но всё же красивыми светлыми глазами. Она протянула мне белые перчатки, которые забыла Кристина на лавочке, но она ничего не забывает, поэтому я понял, что забывчивость её была не случайной. Пожилая женщина что-то сказала мне и рукой махнула в сторону уходящего ангела, который грациозно и как-то по особенному красиво уходил от нас всё дальше и дальше. Я взял дрожащими руками перчатки и дотронулся пальцами до старой кожи женщины, она была горячей и очень тонкой, на моём лице вспыхнуло огромное волнение, маленькая старая женщина это почувствовала и нежно мне улыбнулась, она положила свою руку мне на плечо и посмотрела опять в сторону уходящей Кристины, потом она как бы толкнула меня идти за ней, я обернулся и не увидел никого. Мой ангел скрылся из поля зрения, и я растерянно побежал за ним.

Я оставлял позади себя этих людей, которых я никогда не забуду! Кожа ещё чувствовала горячее прикосновение, и глубоко в сердце что-то стало дико и невыносимо больно щемить. Я никогда больше не увижу этих людей и не смогу посмотреть в их добрые и уставшие глаза. Тут откуда ни возьмись появилась странная боль, которая парализовала все мои движения, я упал на землю и мелкий дождь орошал всё моё лицо.

– Тебе плохо?– спокойно спросил звонкий, женский голос.

– Мне кажется, я чувствую их боль.– ответил я, чуть приподнимаясь.

Кристина подошла ко мне и помогла подняться, она была настолько сильной, что я даже не понял, как встал на ноги. Опершись на неё, я стал делать медленные и болезненные шаги.

– А ты уверен, что чувствуешь именно их боль?– недоверчиво спросила Кристина.

– Ну, а чью же тогда?– задыхаясь спросил я.

– Мимо тебя прошёл человек, который был очень печален, мне кажется, ты перехватил его энергию, и как я вижу она оказалась не очень положительной! Тебе даже в церкви так больно не было, по всей вероятности, у этого человека огромное горе.

Я обернулся и увидел, как к нам направляются три фигуры, чуть поднажав на зрение, я увидел двух пожилых людей и мужчину, тоже с седой головой, но заметно младше своих спутников. Он держал их под руки и они не спеша двигались к нам с Кристиной.

Я не заметил, как мои ноги стали чуть ли не бежать по дороге, я уже не замечал красивой природы вокруг, не чувствовал запаха моря, Кристина смело и быстро скрылась вместе со мной.

Не помню как, но мы очутились у меня дома, я лежал на кровати, а она сидела рядом, всё такая же красивая и милая. Кристина гладила мои волосы, и её прохладные пальчики приносили мне огромное удовольствие. Она очень редко прикасалась ко мне, практически никогда. Если только я сам решался дотронуться до неё, она всячески отпиралась, отходила или убирала руку, но иногда всё-таки поддавалась, но крайне неохотно. И вот теперь она сидит на моей кровати и нежно впускает свои пальчики в мои волосы, мне безумно хо-

телось обнять её, она наверняка чувствовала, как меня тянет к ней, но ни одним своим взглядом и жестом она не выдала себя. Кристина просто молча сидела рядом, как обычная девушка, которая пришла навестить своего друга, но по её нежным жестам можно было понять, что она пришла больше чем к другу. А вдруг она просто тщательно скрывает свои чувства ко мне? Вдруг она тоже любит меня, но ей нельзя? После этих мыслей она как-то резко убрала руку, как будто прочитала всё, что творится в моей голове. Потом она не спеша наклонила своё лицо к моему и взглянула прямо в мои глаза, внутри пробежался холодок, мне стало как-то даже страшно, не замечая этого, я отодвинулся от неё.

– Не бойся меня.– тихим голосом сказала она.

– Я тебя не боюсь, Кристина.– с улыбкой на лице ответил я.– Просто ты так сейчас смотрела на меня, что мне стало как-то не по себе, знаешь ли!

Кристина только улыбнулась в ответ.

– Давай подведём итог этого дня!– сказал я, приподнявшись.

Кристина недоверчиво повела бровью, но в ответ ничего не сказала.

– Мы только, что побывали в незнакомом месте, какой город мы лицезрели, я не знаю, что за люди были, я тоже не знаю, но одно я понял, причём так отчётливо!

– Что ты понял?

– Понял, что нужно ценить всех, кто любит тебя и дорожит тобой, нужно прожить так свою жизнь, чтобы перед смертью рядом с тобой был любимый человек, который обязательно будет держать твою руку до последнего мгновения, и как страшно осознавать, что сейчас большинство людей умирают в полном одиночестве, а некоторые уже в молодом возрасте безумно одиноки!

– Ты ведь тоже раньше был одинок? Пока не познакомился со мной?

– Это точно! Я был безумно одинок, несмотря на то, что имею двух друзей, но уже сейчас не знаю, смогу ли я дальше общаться с ними, как раньше, имею отличную семью. Вот скоро уже в аспирантуру, там ещё больше знакомых у меня, но никто всё равно меня не понимает, я жил и одиночество тихо пожирало меня.

– Ну, теперь одиночество оставило тебя в покое, но думаю, о дальнейшей учёбе тебе придётся забыть!

– Почему?– удивлённо спросил я.

– У тебя появилась более важная работа, более важные дела, которые никак не переплетаются с твоим образованием. Да, не спорю, ты талантливый художник, но не этим придётся тебе заниматься.

– Постой-ка!– выпалил я.– Не могу ли я совмещать приятное с полезным? Я что, зря учился, что ли?

– Да шучу я.– нежно ответила Кристина.– Поступай так, как тебе удобно! Мне просто было интересно, насколько ты дорожишь образованием и своими знаниями, оказалось, ты трепетно к этому относишься, это похвально, молодец!

– Да ты и так сама прекрасно всё знаешь, достаточно просто залезть в мою голову, поковыряться там где надо – и всё готово! Любая информация в твоих руках!

Эти слова я произнёс с упрёком, как будто говорил: «тебе нет никакого труда познать меня!» Поняв, что я не так себя повёл, я взял руку Кристины и неж-

но посмотрел в её голубые глаза.

- Прости, что огрызнулся, просто ты знаешь всё обо мне, а я... а я....
- Что ты?– спросила она.
- Совершенно тебя не знаю.
- Ты знаешь меня, просто думаешь, что не знаешь!
- Хотелось бы в это верить.
- Верь.– ответила Кристина и постепенно растворилась в воздухе.

Глава 17. Кристина.

Сердцу не было так тяжело, и я чувствовала облегчение, когда не видела его. Конечно, боль не оставляла меня ни на минуту, но по крайней мере я могла дышать и хоть как-то размышлять. Мне было страшно за то, что я не смогу спасти того, кого полюбила, и ведь ты всё прекрасно знал. Знал, куда я иду и что со мной будет, но ни этого ли я хотела? Стать ближе к людям и вкусить хотя бы кусочек их жизни, познав любовь, я стала меняться, что-то внутри пульсировало помимо боли. Что такое любовь? Что-то божественно-невероятное, это дар.

Я не могу уже скрывать свои чувства и эмоции от него, и мне кажется, что Антон догадывается о том, что я люблю его. Оттолкнуть этого мальчика от себя у меня не получится, я не смогу сделать ему больно, теперь он моя цель и жизнь...

Что я говорю? О чём думаю? И почему ты так спокоен? Ты слишком сильно веришь в него, хотя, если честно, и я верю в его силы. У него есть способности, которых больше нет ни у кого, он поведёт за собой миллионы людей и баланс восстановится, но увижу ли я всё это чудо, к которому шла ни одно тысячелетие? Сейчас, гуляя по ночному Нью-Йорку, я не чувствую, что я стала дальше от Антона, наоборот, без него мне тоскливо, и он не выходит из моей головы. Так же, как и я, он тоже любит, только в отличие от меня не прячет своих эмоций, в его сердце живёт надежда, хотя, казалось бы, я оборвала все ниточки к себе, все пути и подкопы, была железной леди, давала чётко понять, что между нами ничего не может быть, да и он сам понимает, что нам нельзя быть вместе. Я скрываю от него то, что невозможно скрыть, внутри всё кричит и рвётся наружу, но если я признаюсь ему в любви, то погибну, исчезну, так как человек и ангел не могут быть вместе и исключений из правил не бывает. Я вспоминаю тот день, когда впервые он меня увидел, его растерянные глаза рассмешили меня, и как я не могла понять, что полюблю его? Ведь уже именно тогда что-то внутри назревало, но я не думала, что во мне зародится то, что зарождается в человеке – любовь...

Пора ему рассказать, что я чувствую и что меня всё равно ждёт смерть, даже если я одержу победу над тёмной материей. Я ощущала, как по моей коже бегали мурашки, как всё чаще и чаще я вдыхала запах смерти, она была совсем близко и безгранично сильна. Но я не боялась за себя, иногда я просто была готова без сигнала напасть на неё и уничтожить. Как же тьма не хочет, чтобы жил такой человек, как Антон – спаситель людей. Тёмная материя подвела черту, воины света не оставят её в покое, с помощью Антона у людей появится больше положительных эмоций, больше хороших дел, появится осознанность, они проснутся. Мы станем ещё сильнее и величественней, и тогда тьме просто придётся сдаться, существовать по правилам, которые были за-

ключены много веков назад. Если бы я не любила этого мальчика, я бы сейчас ни за что не переживала, но я полюбила, и теперь моё сердце в клетке сомнений и тревог.

Франция, город Салон-де-Прованс.

Еле шагая по дороге, я всё больше и больше углублялась в свои мысли. Пора действительно рассказать ему всё, а не ходить вокруг да около. Я поведаю ему о своих чувствах и о том, что мы никогда не сможем быть вместе, что, если мы дадим волю своим чувствам, моя душа найдёт последнее пристанище на дне огромного и бескрайнего океана. Сейчас, конечно, об этом легко думать и рассуждать, смогу ли я пошевелить языком и рассказать всё, о чём планировала, Антону? Как только увижу его серые, огромные глаза и нежную улыбку, сразу же позабуду обо всём на свете.

От невыносимой боли Кристина остановила на мгновение время, все, кто находился рядом с ней, замерли и не дышали. Она раскинула руки в стороны и крикнула, сильнейший ультразвук пронёсся на многие километры. Если бы люди не застыли и не вылетели из настоящего времени, то скорее всего они лишились бы слуха навсегда. Её крик был криком из самого дна её души, она подбежала к рядом стоящей машине, схватила её и швырнула в сторону, через пару секунд она выдрала дерево с корнем и кинула его на дорогу, ей овладела сердечная боль, которую нельзя было ничем унять, Кристина стала опасна сама себе. Разворотив всё вокруг себя, она упала на колени и сказала пару слов, которые никто не смог бы никогда перевести, такого языка не существовало на земле. Её язык это просто находка для лингвистов, учёных, которые изучают старинные или исчезнувшие языки. Кристине нельзя было надолго оставлять вокруг себя безжизненную обстановку, она вернула всё на круги своя. Люди ничего не заметили, дерево, которое валялось на дороге, было в земле и всё так же зеленело, машина стояла на своём месте, только одинокий ангел мучился от невыносимой боли.

Теперь я кажется начинаю понимать, почему нам нельзя любить. Мы, ангелы, сходим с ума и творим то, что творить нельзя. Но как унять эту непрекращающуюся боль? Где найти лекарство, чтобы хотя бы на небольшое время исцелить свою израненную душу? Как же мне быть?

Исландия, город Кеблавик.

Странное ощущение, как будто сил нет. Когда в последний раз я уставала? Уже и не вспомнить, нужно срочно увидеть Антона, как я чувствую, он долго не мог заснуть, всё думал о том, что с ним произошло, сейчас он вроде как находится в стадии дремоты, поэтому я могу вернуться к нему и понаблюдать за тем, как он, свернувшись калачиком, спит. Нет, не могу, сейчас я не в состоянии быть рядом с ним, ему наверняка снится какой-нибудь вещий сон, и снова я погибаю, как во всех его предыдущих снах. Мне просто некуда деться, некуда спрятаться, внутри такая жгучая тоска, такое чувство, как будто я становлюсь более человечней...

Меня то тянуло, то, наоборот, отворачивало от Антона, я хотела быть рядом, но понимала, что это принесёт мне ещё большую боль, чем сейчас я ощущаю. Приходилось скитаться по земле и в каждом новом месте притуплять свою боль. Конечно, за то, что я останавливала время, ты меня накажешь, и

сил я потеряла достаточно из-за этого, но поверь мне, если бы были другие способы, как унять боль, я бы ими воспользовалась, но их, как я вижу, нет, и приходится злоупотреблять своими способностями, чтобы просто не сойти с ума. Меня теперь не прельщают зелёные поля и закат солнца, как это было раньше. Эмоции людей мне стали безразличны, новые постройки и технологии мне больше не интересны, всё затуманилось в моей голове, неужели те два ангела чувствовали ту же боль, что и я? Тогда получается, конец мой близок. А ведь один из них был моим наставником, сильнейшим ангелом. Когда я узнала о том, что ангел-воин погиб не в бою, защищая свой мир и мир людей, я испытала позор, когда узнала, как и от чего умер ангел, и вот теперь, находясь в этом положении, испытывает ли кто-нибудь позор по отношению ко мне? У меня много учеников, тех, кто считает меня сильнейшим воином, что они скажут, когда узнают о том, что их наставник умер от любви? Как же всё это неправильно, мне нельзя было влюбляться, нельзя было соглашаться на эту рискованную миссию. Сейчас, конечно, уже поздно себя корить.

Германия, город Мюнхен.

Нужно было уже возвращаться обратно в Москву, теряться в городах было бессмысленно. Я легко и беззаботно плыла среди людей, а они шли мимо меня и даже не подозревали, кто я такая. Иногда я на себе ловила жадные взгляды мужчин, это было отвратительно, потом ловила завистливый взгляд девушек – это меня ещё больше шокировало, с каждой минутой меня разочаровывал этот мир, который должен был быть всегда чем-то небесно-земным, чем-то хорошим и справедливым, вместо этого я наблюдала совершенно другую картину. Когда люди на меня так смотрели, я копировала их взгляды, и они сразу же отворачивались или пробегали мимо, прибавив в шаг. Даже маленькие дети не радовали меня ничем. Конечно, я не могу сказать, что все люди, которые встречались на моём пути, плохие или совершенно потерянные, большая часть всё равно пока ещё держит баланс, пока ещё пытается быть человечной, и как хочется, чтобы Антон внушил людям любовь друг к другу. Я видела жестокость, но не могла ничего сделать, не могу же я жить за всех людей, каждый должен сам понять свои ошибки и попытаться их исправить. Однажды я ужаснулась одной просто вопиющей картине: молодая мама при всех на улице жестоко лупила своего маленького сына, я не выдержала и остановила её. Я не сделала ей ничего плохого, просто преподнесла ей урок на всю жизнь, она почувствовала на себе всю боль, которая жила в маленьком тельце этого мальчика. За этим случаем последовал и другой, потом ещё и ещё, пока меня не остановили... Я не имела права вмешиваться в жизни даже таких людей, и за это я поплатилась. После своего наказания я больше никогда не вмешивалась в земные события. И вот сейчас, проходя мимо человека с агрессивно настроенными действиями, я прохожу мимо как ни в чём не бывало, зная, что придя домой этот человек изобьёт до полусмерти свою беременную жену.

Я корю себя ещё в том, что не рассказала Антону историю Марианны, ведь я прекрасно знала, какое у неё было детство, и повзрослев, её ждало одно разочарование и неминуемая гибель. Мне стало безумно жалко эту девочку, и я решила, что руками человека, руками Антона я смогу помочь ей. Как говорится, убила одним выстрелом двух зайцев, спасла девушку и просветила голову

молодому юноше. Я всегда хотела ей помочь и в детстве как следует разобраться с её отчимом, но мне было запрещено, самое главное наказание – это лишение сил, даже такой ангел, как я, мог лишиться того, без чего жить просто было нельзя, без своей мощи... Но благодаря Антону мы помогли заблудшей душе вернуться в этот мир. Руками этого мальчика я совершила правильное деяние.

Я всегда порывалась всем помогать и за всех решать их проблемы, плохих наказывать, хорошим помогать, но тогда я мало что понимала, и благодаря многолетнему опыту и увиденному я осознала, что в жизнь человека не стоит вмешиваться, он сам должен дойти до совершенства, и тогда земля будет спасена. Слишком многим я раньше жертвовала, чтобы как-то помочь человеку, меня наказывали, проходило время, и я снова начинала свою миссию спасения человечества, но меня вовремя останавливали. Сейчас, видя жестокость, мне так же, как и прежде, хочется помочь каждому, но я понимаю: как только сделаю хоть одно движение в сторону спасения, меня саму настигнет наказание. Поэтому я просто опустила свои руки, но подняла руки человека, который сможет вразумить себе подобных. Я тоже возлагаю на Антона большие надежды, иногда мне кажется, что наша победа будет при любом раскладе, а иногда кажется всё с точностью наоборот. Ведь только я могу справиться с его смертью, он хоть и сильный, но не всемогущий, он не сможет противостоять тёмной субстанции, которая в верном направлении движется к нему. Только я могу открыть ему дорогу, только я могу очистить его путь и дать свободно делать то, что ему суждено сделать. Получается, что от меня зависит жизнь избранного. А там получается – и жизни миллиардов людей. Из-за этой любви разум действительно помутился. Проходя по земле, я знала где и что делает тот или иной человек. Когда улавливала добрые поступки и дела, радовалась от всего сердца, когда улавливала плохие поступки, душу забирал холодок. Не помню ни одного дня, чтобы Антон разочаровывал меня, все подарки, которые он получал, он принимал от чистого сердца, в нём не было негативных мыслей, он не хвастался перед друзьями, не запрашивал дорогие подарки у родителей, он был особенным мальчиком, и мне всегда было в наслаждение за ним наблюдать. Всё его детство прошло на моих глазах, и вот он взрослый и мы любим друг друга, если бы я знала это лет десять назад, я бы себе в лицо рассмеялась. Маленький мальчик, которого я качала в колыбели, теперь будоражит моё сердце и заставляет невыносимо страдать. Но что можно изменить? Вернуться в прошлое и избавиться от покровительства? Просто передать свою работу на плечи другого ангела? Такое невозможно, только мне под силу совершить то, что должно свершиться.

Россия, город Москва.

Мне этот город стал родным. Русские люди отличаются от всех других живущих на этой планете. Большинство из них довольно-таки умные, сообразительные, смекалистые, и почему настолько сильно по ним проехала тьма? Возможно, эта страна была бы очень сильной, если бы не тёмная сторона, которая сеет на этой территории хаос и беспорядок. Всё человечество страдает от этого, многие даже хотят, чтобы этому настал конец, но нужна помощь – и она совсем близко.

Уже почти настал рассвет, город спал и только изредка кто-то проходил по

улицам. Антон спал. Я дотронулась до его руки и почувствовала, какая она холодная, дотронувшись до всего его тела, меня ударил жуткий холод. Он замерзал, только что сосульки на носу не висели. Окунуть его в горячую ванну было безумием – привлечём внимание родителей, закутать его в одеяло тоже плохая идея – оно его не согревает, осталось лишь одно: самой его согреть, своим телом. Понимаю, идея безумная, но эти ночные кошмары, сны и видения его могли просто погубить, он научился с ними справляться, но пока ещё они находят у него слабые места и проникают в его тело и голову, нужно его спасать, иначе он может даже не проснуться. Я легла к нему на кровать, обхватила его руками и ногами и притаилась. Весь его холод стал медленно, но верно уходить из него в меня, я ощутила покалывание, но меня это не могло убить, поэтому я не волновалась. Почувствовав, что его кожа краснеет, я немного успокоилась, дыхание стало более тихим и не частым, кошмары его отпустили, голова была совершенно пустой и только где-то глубоко внутри его голос кричал моё имя.

Солнце уже полностью освещало комнату, Антон лежал в моих объятьях и добирал последнее тепло, которое я отдавала ему. Его лицо я рассматривала почти час, запоминала все его морщинки, трогала еле заметно его ямочку на подбородке, нюхала его волосы от которых пахло как-то особенно. Я пыталась полностью вобрать всё, что было в нём, всё, что он из себя представлял. Как будто я уже была готова умереть, но лучше с его образом перед глазами, чем с пустотой. Я была всегда одиноким воином, у людей же есть огромное счастье, это близкие, родные, друзья, знакомые. Человек никогда не одинок, у каждого есть кто-то, который хотя бы один раз в день вспоминает о нём. Только почему-то люди теперь больше полюбили одиночество, ради материальных благ и корыстных целей сын забывает своего отца, мать забывает свою дочь, и наоборот. Одиночество разрушает человека постепенно, такое происходило с Антоном, несмотря на то, что у него отличная семья, в ней он был безумно одиноким мальчиком, и я очень рада, что открыла ему глаза на очень важные вещи. Прежде всего нужно стараться самому тянуться к тем, кто тебе дорог и небезразличен, стараться помочь и понять мать, отца, сестру, дядю, тётю, и так далее, и тому подобное. Не закрываться от людей под большим колпаком, а идти навстречу каждому, пускай не ко всем и не сразу, но по крайней мере постепенно и для начала – к самым близким. Сделайте свою семью счастливой, и тогда весь мир будет счастливым.

Никогда я не мечтала о том, чтобы время не летело так быстро, как летит оно сейчас, в эту самую минуту. Смотря на Антона, я вкушала радость, даже если вперемешку с ней я чувствовала боль и нестерпимый дискомфорт в груди. Я настраивала себя на откровенный разговор и хотела, чтобы он знал всё, что было и происходит со мной. Пускай это безумно трудно, ведь по большому счёту я признаюсь ему в своих чувствах и это будет считаться моим поражением, ну и пусть будет так, терять мне нечего, да и никогда, собственно, я ничего не теряла. И вот теперь у меня появился объект, который переживает за меня, который хочет, чтобы я жила и радовала его своим видом. Как и у людей, у меня появился тоже своего рода близкий «человек», которому я не безразлична. Но тогда я становлюсь уязвимой, из-за страха потери Антона я становлюсь слабой, меня одолевает страх и я забываюсь, теряюсь. Проще, когда у тебя никого нет и не за кого волноваться, никто не сможет причинить тебе

большую боль, чем физическая, ведь душевная боль в два раза сильнее. Ты, считай, непобедим, когда у тебя нет уязвимого места, и вот, прожив столько столетий, это место у меня появилось в виде обычного смертного человека! Ведь даже если я выживу в этой схватке, эти пятьдесят лет пролетят для меня как один день. Он состарится, поседеет, а я буду всё такая же молодая и красивая, сначала жена, потом дочь, потом внучка, а потом никто...

И каково это – жить вот так? Он будет знать, что его жизнь конечна, а моя бесконечна, и как сильно будет его есть боль, когда он поймёт, что без него я не смогу существовать и погибну за ним. Нас так и так ждёт несчастье, и с этим мы должны смириться. Ещё я знаю, что Антон будет любить меня всю жизнь, что другие женщины будут лишь только напоминать меня, не более, но ведь это тоже своего рода несчастье, значит и в разлуке нам суждено страдать. Как жаль, что я не могу дать тебе бессмертие, подарить тебе его, оторвать от себя хотя бы лет триста. Или по крайней мере самой стать смертной и прожить вместе с тобой человеческую жизнь.

Помнишь, я просила тебя подарить мне всего лишь один поцелуй? Что же будет, если я попрошу забрать у меня бесконечную жизнь и прийти к одному концу, чтобы потом начать что-то новое, новое развитие? Возможно, ты совсем на меня прогневаешься, но только всего лишь одна мысль о том, что ему будет плохо и больно без меня, заставляет делать такие безумные поступки, просить тебя о человеческой жизни и возможно забрать этот образ девушки на ближайшие пятьдесят лет. Понимаю, раньше такого никогда не было, больше чем положено никто не носил образ, да и ангелы людьми не становились, хотя может те два ангела просили у тебя то же, что и я? Как я дерзка и неужемна... Прости мне мою нахальность, ты знаешь, я искренне раскаиваюсь над каждым своим словом, но к кому я могу ещё обратиться? Кто сможет помочь мне, кроме тебя?

Антон медленно открыл глаза и увидел перед собой меня, я ласково смотрела ему в глаза и почувствовала, как сильно он стал ко мне прижиматься. Его прикосновения жалили всё моё тело, мне казалось, что я кручусь на вертеле и огонь медленно, но верно пожирает всю меня. Иногда моё тело вздрагивало, мальчик лишь изредка нерешительно поднимал на меня свои грустные глаза, он то отодвигался от меня, то прижимался как маленький ребёнок. Я понимала, что ему хотелось быть со мной, ему хотелось любить меня и оберегать.

– Антон, знаешь я долго думала и всё-таки решилась открыть тебе своё сердце. Ты долго маялся из-за того, что у тебя не получалось проникнуть в мою голову и понять мои чувства. Сейчас тебе такая возможность представится, не спрашивай меня, почему я на это решилась, просто расслабься и не бойся. Всё будет хорошо.

Конечно, он растерялся как мальчишка, сконфузился и вылупил на меня свои глаза. Я чувствовала, как он начинал переживать. Конечно, трудно было осмыслить, что закрытая книга наконец-то откроется и без каких либо усердий и стараний. Я обхватила обеими руками голову Антона и впила взглядом в его глаза, поток информации просто начал взрывать бедного мальчика, он то щурился, то широко раскрывал свои испуганные глаза, а иногда просто пропадал куда-то. В эту самую минуту я открыла ему своё сердце и свои чувства не только к нему, но и к остальным людям. Я понимала, что я совершала непростительную ошибку, но страдать в одиночку у меня не было больше сил,

вырывать деревья, разбивать стёкла и разбрасываться силой направо и налево больше было нельзя. Я чувствовала, как он старался уловить сразу же свежую информацию, как огромными глотками ловил всё, что связано с ним, с моими чувствами к нему, но что я всё-таки закрыла от него – это воспоминания об его матери. То, что он может узнать, слишком сильно впечатлит его, а может даже напугает, поэтому я закрыла эту информацию огромным щитом, хотя мне кажется, он даже и не пытался что-то разузнать про свою мать, ему были гораздо важнее мои чувства, и он их поглощал, как ненасытный хищник, поймавший свою давно присмотренную добычу. Передача моей информации длилась минуты две, а казалось, что прошла целая вечность, так было тяжело открываться перед ним, оголять всю себя и душу.

– Теперь ты знаешь про меня многое, ответы на твои самые главные вопросы ты получил. Перевари всю информацию и приходи сегодня к тому самому кафе, где мы с тобой познакомились, я буду ждать тебя около входа в семь часов вечера.

Глава 18. Безысходность.

Может, это всё мне приснилось? Да вроде нет! Кристина была здесь, лежала вместе со мной на кровати и нежно обнимала меня, потом, потом...

Когда я понял, что она любит меня, в моей груди что-то безумно сильно обрадовалось, на лице у меня нарисовалась идиотская улыбка, и я, подскочив к окну, стал вдыхать летний воздух. Я всё узнал. Узнал, как сильно она меня любит, что я для неё значу, узнал её чувства абсолютно ко всему, всё меня радовало, но притаившийся пессимизм заставлял меня смывать с лица гримасу счастья. Ведь она совершенно права, ведь при любом раскладе мы всё равно расстанемся, при любом раскладе мы будем несчастны. После своей миссии она исчезнет и лишь её присутствие за спиной будет напоминать мне о моём ангеле-хранителе. Да если даже она останется со мной, мысль о том, что я смертен, а она нет, не даст мне спокойно жить, я буду как параноик следить за каждой своей минуткой жизни, буду до сумасшествия дорожить каждой песчинкой своего времени, лишь бы быть рядом с той, которую невыносимо люблю. И она в свою очередь будет несчастна, ведь в её мыслях я почувствовал те же самые размышления, которые сейчас веду я сам с собой. Сможет ли она стать человеком? Хорошая идея назрела в её голове? Может, придумать ультиматум и, как говорится, выдвинуть его кому надо? А вдруг получится, или это невозможно?

Просидев в своей комнате до десяти часов утра, я не спеша вышел на кухню, сел за стол и налил себе сок, медленно стал его потягивать, пришла Ольга Викторовна.

– Вид у тебя какой-то помятый.– сказала она громким обеспокоенным голосом.

Всё её тело под розовым халатиком тряслось, так сильно она за меня переживала, причём всегда. Наверно поэтому у неё рано появились седые волосы на голове.

– Плохо спал.– сухо ответил я.

– Может ты заболел? Давай я тебе сделаю чай! Да не простой чай, а иван-чай! От любых недугов помогает, на себе уже не раз испытала!

– Знаю я этот чай, в детстве ты меня им часто поила.

– Вот поэтому ты в детстве и не болел, давай я тебе сделаю, а?

– Сделай.– ответил я, сделав глоток сока.

Белая заколка держала копну густых белокурых волос, еле заметная улыбка то появлялась на её лице, то исчезала. Я представил Кристину в возрасте сорока пяти лет, когда она уже женщина, взгляд абсолютно мудрой женщины, где-то среди каштановых волос пробивается седой. Вот она, жизнь, даже этот возраст прекрасен. Видеть, как ты и твоя половинка вырастаете, рожаете детей, а потом умираете, но вместе – вот она, жизнь, жизнь настоящая, без масок и лживого грима.

– Ну вот, держи, чай готов.

– Спасибо.– тихо ответил я.

– У отца снова проблемы на работе.– начала говорить Ольга Викторовна.– Вчера вообще пришёл весь зелёный и ни звука за весь вечер, странный стал, совсем закрылся от меня, может тебе удастся его растормошить?

– А я даже и не заметил, насколько стал невнимательным! Хорошо, я поговорю с ним.

– Только не говори, что это я тебя попросила, иначе опять закапризничает!

– Хорошо.– ответил я, потом, подумав, продолжил. – А как это понимать, что ты стареешь?

От этого вопроса у меня у самого волосы на голове зашевелились. Мне вдруг захотелось почувствовать, понять, узнать, как это жить и знать, что вот она, старость, совсем близко, за углом уже манит тебя пальчиком. Ольга Викторовна левой рукой убрала прядку волос, которая упала ей на лицо, нежно мне улыбнулась и стала собирать пальчиком сахар на столе.

– Ты так ещё молод, зачем тебе это нужно?

– Если не хочешь, не отвечай.– подловив её я, знал, что ей придётся ответить, ибо отказывать мне она не умела.

– После болезни и чудеснейшего исцеления я стала чувствовать себя намного лучше, не смотря на то, что до болезни была зациклена на своей внешности! Казалось, ничто не могло остановить меня покупать разные крема, маски, посещать косметологов. Но после долгого и трудного периода в моей жизни – ты знаешь, о чём я говорю, – я поняла, что всё это не важно, что как бы ты ни старался, ты всё равно стареешь, и к этому нельзя относиться как к огромной, просто смертельной проблеме. Конечно, ухаживать за собой я не перестала, но по крайней мере я приняла себя такой, какая я есть, это тяжело объяснить тебе, вот с отцом твоим мне бы было бы гораздо проще общаться на эту тему.

– А душа? Она тоже стареет?

– Ну, что ты как маленький!

– Так-так!– подметил я.– Уважаемая Ольга Викторовна не хочет со мной разговаривать?

– Просто этот разговор не на пятнадцать минут. И если я начну на него отвечать, много ран в себе затрону.

– Ран?

– Понимаешь, когда ты осознаёшь, что стареешь, ты начинаешь или ускоренно жить, пробуя всё на своём пути, или впадаешь в долгую депрессию, а можешь просто жить настоящим и иногда вспоминать прошлое, но не думать о будущем. Я всегда жила только семьёй, тобой, твоим папой и своей больной

сестрой, которая, как ты знаешь, умерла когда ты был ещё ребёнком. Сейчас я и твой отец постарели, ты вырос, скоро захочешь создать свою семью и я тебе не буду больше нужна, хотя я всегда чувствовала, что во мне ты меньше всего нуждался. И что дальше? Как у всех стариков – одиночество? Мне ещё нет пятидесяти, но я уже боюсь завтрашнего дня! А вдруг снова возникнет рак? А вдруг боли в ногах станут ещё сильнее? А вдруг я стану что-нибудь забывать и у меня разовьётся склероз?

– Ты боишься этого?

– Нет, уже не боюсь, скорее всего, боюсь стать для вас обузой, тяжёлым грузом. Но душой я всегда молода. Внутри я всё та же молоденькая девчушка-попрыгушка. Жаль только, что внутреннюю энергию нельзя вылить на внешность и залатать все свои недуги. Я прожила счастливую жизнь, когда у меня было горе? Только смерть сестры пошатнула меня, её долгие мучения и в итоге конец! Ну что ещё? Были, конечно, переживания из-за тебя, ведь долгое время ты относился ко мне как совершенно чужому человеку, но потом это всё улеглось, и ты стал больше ко мне присматриваться и наконец-то полюбил меня. По мелочи много всего, а вот что-то серьёзное, кажется, я всё рассказала!

– И это всё?

– Когда ты проживёшь свою жизнь, ты может будешь чувствовать свой внутренний мир по другому, но я чувствую вот так! Я не боюсь старости, есть вещи, которые я бы вернула, переделала, сделала бы косметический ремонт своей судьбы, но увы, это невозможно, бог не делает таких дорогих подарков никому. А так... Да, седые волосы, фигура уже становится не такой, какая была раньше, но я опять же повторяюсь, эта жизнь, которую придумали небеса и природа, мы никто, мы просто детище этого процесса. Я принимаю свой возраст с достоинством, правда, не знаю, как я буду думать и размышлять, когда стану совсем дряхлой старухой со вставной челюстью. Вот ты сидишь напротив меня, а ведь я вместе с тобой живу твою жизнь, и ты увидишь мою смерть, потом твой ребёнок увидит твою смерть, и так далее. Женщина в основном создана для материнства, когда её дети выросли и она знает, что с ними будет всё хорошо, она может умереть спокойно.

– Я не считаю, что жизнь заключается только чтобы вырастить ребёнка и умереть! Вот ты, например, вырастила меня! У меня всё хорошо, учёба, друзья и увлечения. Тебе пора умирать? А тебе, как ты говоришь, и пятидесяти нет! Я восхищаюсь твоим возрастом, как ты несёшь его, ничего не боясь, и говорить мне о смерти не надо! У каждого есть своя миссия на этой земле – и это не обязательно родить ребёнка, вырастить его и лечь в землю. Есть ещё много вещей, можно столько всего познать, придумать, передать младшим поколениям, что не стоит думать о смерти до тех пор, пока она сама не постучится к тебе в дверь и скажет: «ну всё, твои сто лет истекли, ты прожила плодотворно и интересно, дай место другому!».

– Ты, мой мальчик, многого не понимаешь, моя миссия в том и заключается! Я вырастила тебя, и это главное, что я должна была сделать в своей жизни. Ты не подумай, я не собираюсь умирать сегодня или завтра, я может никогда не умру! – смеясь, говорила она. – Но самое главное я уже совершила, кому-то суждено стать влиятельным человеком, кому-то вести благотворительную деятельность, мне же выпала спокойная и незаметная роль быть женой и матерью. Жить для вас, радоваться за вас, бояться за вас! Однажды перед сном я

что-то задумалась о том, как я проживаю свои дни, как жила и как живу! Твой отец лежал рядом и заметил это. Сначала он молчал, пыхтел, привлекал внимание, чтобы я начала разговор первой, но я молчала. И вот он спрашивает, что да как? Я ему отвечаю, что думаю о жизни, как живу и как я жила, достойна ли я рая? Может, я в жизни что-то значимое упустила, или я добросовестно выполняла всё, что преподносила мне судьба? Так вот! Лежим мы, значит, за окном темень, ночь и отец глубоко вздыхает, я, конечно, это заметила и стала расспрашивать, ты-то что вздыхаешь? А он мне и отвечает: «Знаешь, Оль, я такой счастливый, что у меня есть ты и Антон! Что вы просто есть – и мне ничего уже не важно и не нужно, вот мой смысл жизни, такой же и у тебя.» И он оказался прав! Пускай старость подступает ко мне, смысл моего существования на этой земле помогает мне не бояться приближающейся кончины! Люди, которые не имеют смысла жизни, они одинокие, депрессивные и очень раздражительные, они начинают бояться своих лет, пугаются старости, потому что знают, что будут одни, как в тюремной камере, и никто не сможет прижать их к груди или сказать что-то хорошее. Такие люди быстро пожирают себя. Сначала они пытаются найти смысл жизни хоть в чём-то, но все попытки увенчиваются провалом. Чаще всего такие люди это те у которых по каким бы то ни было причинам нет близких и родных, а может и есть, но присутствует своего рода вражда или, может, что-то ужасней и глубже. Может некоторые люди находят выход из запутанной своей жизни, но большинство так и остаются жить в своём мирке обид и гнева, начинают злиться на всё и вся вокруг! Такие люди боятся старости, смерти и болезней, потому что знают, что при любом раскладе они всё равно будут одни, и таких людей сейчас огромное количество. А я несмотря ни на что счастливый человек, у меня есть ради кого жить, даже когда у меня был рак и он чудом оставил меня (до сих пор не могу прейти в себя от этого чудесного исцеления), я и тогда не боялась смерти, поначалу, конечно, был страх, но потом он исчез, я стала бороться, внутренне стала сильнее, я не сдавалась, и это очень важно в борьбе с болезнью! Тебе ещё многое предстоит понять, но ты будешь по-настоящему счастливым человеком, если проживёшь свою жизнь честно, без фальши и грязи! Живи, сынок, так, как нужно жить человеку, дари близким тепло, не обманывай, будь честен с людьми, а главное – будь честен с самим собой.

Значит, я человек без смысла жизни, – нет, то есть у меня есть он, спасти людей от собственноручного уничтожения дело непростое, и оно займёт в моей жизни ключевую позицию. Но вот Ольга Викторовна сказала, люди несчастны, если они одиноки, если душа пуста и не радуется. Так и у меня! Я знаю, что мой смысл всего, что та, которую я люблю, скоро исчезнет из моей жизни, я её потеряю! Выживет она или нет, уже не важно, она исчезнет из моей жизни. Даже Марианна, и то нашла смысл жизни, живёт в другом городе, устроилась на работу, познакомилась с молодым человеком, она вылезла из своей долголетней депрессии, которая чуть не погубила её и не сделала самоубийцей! Я всем должен помогать и оберегать, каждому вставлять мозги и наставлять, а самому как жить? Я даже не могу себе представить, как я это всё буду делать? Встречать на улице человека и силами мысли и прикосновением рук к больному месту вылечивать его? Стану таким экстрасенсом и целителем во всей красе? А может во мне разовьются ещё какие-нибудь качества помимо головной боли, вещей снов и третьего глаза? А вдруг я просто не справ-

люсь с тем, с чем мне придётся столкнуться? Сейчас я поймал себя на мысли, что боюсь начать делать то, чего не знаю, спасение людей и не одного человека, а тысячи, миллиона людей, дело не двух недель! Стать философом и как Иисус собрать учеников и обучать их? А может я силой мысли буду двигать целые города? После этих размышлений я улыбнулся, Ольга Викторовна улыбнулась мне в ответ, считая, что я правильно понял её и она может с чистой совестью заняться своими домашними делами.

– Ты знаешь, а я рада, что тебя интересует такой глубокий вопрос! И рада, что ты тихо и спокойно выслушал меня. Пойду стирать.

Я остался сидеть на кухне, когда Ольга Викторовна скрылась в комнате, на пороге кухни возникла Кристина. Её свежая белая кожа сияла, а розовые, бледные губы были ещё прекрасней чем когда-либо. Она переплела руки, приняв закрытую позу, упёрлась правым плечом о косяк двери и наклонила голову. Снова её грустный и беспокойный взгляд расстраивал меня и тревожил, но я закусил язык, чтобы лишний раз не нарваться.

– Как ты?– спросила она тоненьким, мелодичным голоском.

– Ты забрала этих людей?– без эмоций спросил я.

– Да, хочешь расскажу?

– Потом, не сейчас.– я опустил голову и стал смотреть в чашку, в которой совсем недавно был чай.

– Что-то случилось?– тревожно спросила Кристина.

– Просто мы беседовали с Ольгой Викторовной, она много интересного мне сказала, есть над чем подумать.

– Вот и славно! Она хороший человек, но и ей нужно ещё многому научиться!

– Это понятно.– громко ответил я.

Какое-то странное раздражение появилось во мне, зудела вся грудная клетка, а потом я увидел, как трясётся всё тело Кристины, как она скрывает свою невыносимую боль.

– Тебе больно? Ты должна исчезнуть, чтобы не навредить себе! Последние дни перед битвой мы должны побыть в разных местах!– так же без эмоций говорил я.

– У тебя депрессия, поэтому ты гонишь меня и тебе душевно нехорошо, но я не уйду, не оставлю тебя в таком состоянии, мы нуждаемся друг в друге!

– Да ты бросишь меня, как сделала это моя мать!– воскликнул я, задев рукой чайник, стоявший на столе.– Принесёшь себя в жертву во имя моей жизни, как она! Зачем такие жертвы из-за одного простого человечешки? Зачем тебе умирать, ведь ты необыкновенная, а я кто? Да таких как я пруд пруди, почему именно я, что во мне такого? Я сумасшедший, мне в психиатрическую больницу нужно! И лечь в неё надо было уже в детстве, запереть меня в белой палате с решетками и не выпускать оттуда до скончания дней моих! Я потеряю ниточку счастья, если потеряю тебя, с твоим исчезновением уйдёт и моя жизнь! Ты права, есть вечная любовь, бескрайне сильная, я её чувствую, и не важно, что она относится к ангелу, всё равно любовь есть, в моём сердце она чиста и просится быть всегда с тобой рядом, но понимая, что в итоге мы расстанемся, в груди начинает болеть и я схожу с ума! Я забываю, сколько времени и какой сейчас день недели, я совершенно не хочу есть, мне становится противным практически всё, да я проклинаяю этот мир за то, что он такое гов-

но! Что из-за него я должен стать живым трупом, ведь с твоим уходом я похороню своё сердце, а с ним и душу, которой ты так дорожишь. Пока не поздно, найди кого-нибудь другого, подготовь его и приходи ко мне, к обычному человеку, стань сама человеком и давай просто наслаждаться жизнью, давай проживём эту жизнь вместе! Я больше так не могу.

Крик моей души растревожил её ещё сильнее, при каждом моём вскрике она щурила глаза и подёргивалась, трогала своё ухо и проводила пальцем по губам, она слушала меня и всё прекрасно понимала. Ей даже было тяжело мне улыбнуться, уголки её губ дрожали, ей не хватало только слёз, которых у неё никогда не будет...

Да, я понимал, что она не человек, да, я понимал, что всё чего я хочу не сможет стать явью, мне придётся совершать деяния о которых я сейчас меньше всего думаю. Почему я должен кого-то делать счастливым, кому-то помогать и становится для кого-то тем светом в конце туннеля? Нужно было в тот роковой день знакомства вообще из дома не выходить, ребята и без меня хорошо бы посидели в кафе. Ребята! Как они? Чем занимаются?

– Знаешь, Антон, мы оба понимаем, что находиться теперь рядом мы не можем. Сделаем так, я буду всегда рядом с тобой, но мы не будем общаться и находиться друг к другу ближе чем на пять шагов. Сейчас у нас наступает тяжёлый период, ты знаешь, каково мне переживать всё это, я теряю силы и мне иной раз тяжело говорить. Я открыта перед тобой, я открылась перед тобой. Ты теперь знаешь меня, теперь я для тебя открытая книга и ты прекрасно чувствуешь всё, что происходит во мне! Моя работа поддерживать баланс на земле, о моём счастье и речи быть не может! На то она и запретная любовь, что никогда не станет вольной! Я буду всегда рядом с тобой что бы ни случилось, поверь мне. Ты будешь чувствовать меня и ощущать всюду, в каждом человеке, в каждом дереве, в любом одушевлённом предмете. Я не смогу умереть, потому что моя душа любит тебя, что я раньше знала о ней? Я знала, что вы умеете любить и вот, полюбив сама, порой от боли я кричу, зачем это происходит со мной? Но потом... О какой награде я могу ещё мечтать и чего мне ещё желать, если я люблю? Если испытываю человеческое, великое чувство? Когда я об этом думаю, боль как будто пропадает и мне становится легче. И ещё ты должен знать, что я так и так умру, или же меня победит враг, мы проиграем, ты тоже погибнешь, и земля погрузится в хаос на долгие столетия, баланс будет серьёзно нарушен и восстанавливать его будут новые воины, или же я просто погибну от любви, сердце моё разорвется, моя голубая кровь выйдет из меня и я умру. Но пока мы здесь, на земле, я и ты можем быть вместе, только эти дни и недели мы можем быть вместе, видеть друг друга, смотреть друг другу в глаза и наконец-то чувствовать друг друга! За то, что ты был рядом со мной всё это время, я готова отдать своё бессмертие, потому что оно больше для меня не играет никакой роли! Я отношусь к высшей категории, я ангел-воин, тебе даже неизвестно, как я сражаюсь за мир на земле! Понимаешь, мы только наблюдатели, находимся рядом, только наблюдаем – не более того. Мы рядом с вами и в тоже время нас нет, нам нельзя вмешиваться в ваши судьбы, но у меня всегда была привилегия.

У меня была всегда очень важная миссия – защищать избранных, поэтому я своего рода была везунчик, все мои желания исполнялись. Я видела разные эпохи, я видела, как строились великие империи и как в один день всё пре-

вращалось в пепел. Я видела много легендарных людей, перед которыми вы, люди, преклоняетесь, многих я защищала, они были моими подопечными. Если б ты знал, что я видела и что я знаю! Я знаю все ответы на все существующие загадки природы, науки. В моей голове огромные сокровища, которые умрут вместе со мной, почему вы не можете разгадать многое? Люди глупеют, на их место приходит технологический прогресс. Разве искусственный разум сотворил загадки, поэмы, картины, музыку, а не обычный мозг человека? Всё так просто, но вы, люди, всё осложняете, за вами интересно наблюдать и одновременно больно. И вот пришло время сберечь тебя, я думала, всё пройдёт как всегда, как по маслу, вы иногда так говорите! Я очень сильная, меня тяжело даже ранить, не то что убить! И вот как снег на голову любовь! Пронзила сердце и поселилась во мне, нежданная гостья. Теперь я по другому многие вещи воспринимаю, и это чудесно. Я не боюсь смерти, наверно, она освободит меня от многовековой работы, которая раньше, как я считала, была самой лучшей, а сейчас я понимаю, что можно всё отдать, все эти столетия, ради любви, ради одного невинного поцелуя...

Я не мог слушать всего этого, и под конец слёзы покатались из моих глаз и потекли большими каплями по моим щекам. Кристина внимательно взглянула на них и тихо вздохнула.

– Все мои надежды и вера рушатся, когда я вижу человеческие слёзы, ведь я знаю, что сама никогда не пророню ни капельки...

Мне было невыносимо больно от таких слов, как можно было так вляпаться нам обоим? Я жил в своём мирке, этаким эгоист, но с добрым и чистым сердцем, и спасибо Кристине, что она избавила меня от эгоистических наклонностей. И она жила, великая, бессмертная, непобедимая. Теперь взглянуть на нас страшно. Только на земле мы по-настоящему вместе, мы рядом и мы любим друг друга безумно, сильно, навсегда. Значит, мы должны в сто раз больше ценить всё, что сейчас происходит, даже тишину вокруг нас воспринимать совсем по-другому, быть всему благодарными и ни за что не опускать руки. Она заговорила про поцелуй, а ведь я всегда хотел поцеловать её, но поцелуй убьёт ангела, я знаю это, теперь я знаю практически всё про неё, есть, конечно, закрытая сторона её мыслей, она тщательно блокируется, закрывается от меня, но мне в принципе достаточно того, что я уже знаю, о большем я мечтать уже не могу. Я вообще думал о том, что никогда не узнаю её, что мы расстанемся, так и не узнав друг друга по-настоящему.

– Давай вечером переместимся в какое-нибудь красивое место? Погуляем там, поговорим о чём-нибудь, ты мне снова промоешь мозги?– я еле заметно улыбнулся.

– Давай встретимся, несмотря на то, что лучше этого не делать.

– Как за столь короткое время можно изменить человека до неузнаваемости?

– Ты не менялся, я просто помогла тебе раскрыть твои способности и возможности твоего сердца.

– Ты всем своим подопечным открывала глаза и промывала мозги?

– Конечно, с вами, людьми, нужно проводить огромную работу.

– Кристина, слушай, а давай ты больше не будешь говорить «вы, люди»?

– А что же мне говорить?

– Считай, что ты тоже человек, я считаю тебя таковой! Да, я считаю тебя че-

ловеком!

– Спасибо.– тихо ответила она.– Мне тяжело находиться здесь, встретимся вечером.– и с совершенно грустным и потерянным взглядом она исчезла.

Глава 19. Спасительная ниточка.

С каждой минутой я понимала, что падаю в пропасть, откуда мне нет дороги назад. Я не представляла своего существования без него и было дико больно осознавать, что и он тоже. Конечно, я рада, что меня любят и я нужна человеку, но это всё неправильно, всё запутанно.

Его губы такие влажные, мне иногда так хочется прикоснуться к ним, почувствовать, что такое человеческое тепло. Малейшее его прикосновение вызывает у меня разряд электричества, который прошибает до самых костей, а об поцелуе и речи быть не может. Что может быть смешнее умереть от поцелуя, от любви? Вот и сейчас, ощущая в себе огромную любовь, я пропускаю через себя боль.

Как хочется плакать, ведь людям становится легче, когда выстрадаешь хоть немножко боли, которая как заноза сидит внутри и добровольно не хочет уходить. Вечером я планировала встретиться с Антоном, планировала погулять с ним по Москве, снова увидеть его друзей и быть на расстоянии. Как жаль, что сейчас лето, и Антон не занят учёбой, но разве она смогла бы перекрыть то, что он чувствует ко мне? Скорее всего, нет ничего такого, что бы смогло вырвать меня из его сердца. Он безнадежно влюбился в меня, так люди не любят, за что ему такие страдания, ведь он заслуживает большего и лучшего.

По венам бежала ледяная кровь, силы совершенно покинули меня, тело становилось каким-то мягким и совершенно меня не слушалось. Было странно ощущать свою беспомощность и, если б на меня сейчас напали, то без особого труда одержали бы победу. Я не могу сопротивляться, всё внутри болит, сколько ещё мне предстоит терпеть эту боль? Наверно, лучше умереть, чем жить так, но и жить нужно, чтобы чувствовать эту боль.

Облака быстрыми шагами передвигались по небу, голубое застилало белое, и наоборот. Солнце постепенно подходило к горизонту, и вечерняя Москва оживала на моих глазах. В этом городе живут совершенно разные люди, мне интересно их изучать и понимать, но боль застилала всё вокруг меня, я не могла здраво мыслить и поэтому совершенно ни о чём не думала. Выбросив все мысли из головы, я просто закрыла глаза и стала ждать...

Боль не унималась, крики и стоны не помогали, я уже начинала бояться, что умру раньше чем нужно, оставив Антона совершенно одного. Скорее всего, даже правильней оставить его пока на время и появиться в тот момент, когда опасность нависнет над ним, как огромная паутина, свитая огромным пауком. Сердце разрывалось при такой мысли, но другого выхода я не находила. Или моя преждевременная смерть, либо собирать в кулак все свои силы и в решающий момент ударить по недругу. Конечно, я обрекаю Антона на ещё большие страдания, не видеть меня и не знать, что со мной, приведёт его в ещё более подвешенное состояние, но что мне оставалось делать? Обещание встретиться было нарушено...

Я открылась перед ним, он знал все мои чувства к нему, и я думаю, он догадается, почему я стала от него скрываться. Конечно, я его не брошу, я буду хо-

дить за ним, как невидимая тень, буду оберегать его и так же сильно и трепетно любить его. Сейчас мне гораздо проще любить его на расстоянии, желать его только в своих мечтах и жить, зная, что с ним всё в порядке.

Я стала ещё лучше понимать людей, стала ещё лучше понимать отношения и чувства. Но ради этого понимания я пожертвовала своей силой и бессмертием. Многие люди стали казаться мне одинаковыми, тот, кто любит, до конца не понимает, что любовь это огромное счастье, что жизнь каждого человека – это любовь. Это чувство нельзя купить, а если такое получается, то тот человек, которого купили, становится лжецом и преступником. Ведь что может быть хуже держать в обмане самого себя и заставлять верить сердце в то, чего нет? Это чувство хрупкое и незащищенное, но кто им пренебрегает, получает по заслугам в своё время, в наказание жизнь даёт человеку одиночество. Те люди, которые любят, отличаются от других людей, которые не любят. Любовь даёт такие чувства, как добро, ответственность, честь и уважение. Ощувив на своей шкуре, я поняла, что меня тоже озарило счастье, что маленький кусочек человеческого счастья попал в моё сердце и блуждает в нём, и трепещит, и волнуется. Любовь разливается огромным потоком по всему телу, проникает по венам в любой закуток твоих мыслей, слабостей и желаний. Чистая, возвышенная любовь... Кто может сейчас смело похвастаться тем, что именно так он любит? Что нет обмана в его словах, что он любит всем сердцем? Таких людей не так много, но одного человека я уже знала, это был Антон. Человек, который стал настолько мне дорог, что жизнь моя теперь ничего не стоит, он нужен людям, нужен мне, нужен сам себе.

Раньше я всегда пыталась заговорить с людьми, просто что-то сказать, произвести ошеломляющее впечатление, я всегда восхищалась людьми, но теперь я понимаю, насколько они не ценят что имеют! Ведь любовь не приходит к каждому встречному, она не заглядывает к кому попало! Я знала многих людей, которые проживали свои жизни в одиночестве, которые искали любовь всю свою жизнь, но так её и не находили. Умиряли в страшных муках одиночества и мечтали лишь только об одном, чтобы в следующей жизни они повстречали и почувствовали это священное чувство. С другой стороны, многие люди получают в своё распоряжение любовь, но не берегут её, пренебрегают ею и совершают бессмысленные поступки... Любовь уходит от них, потрепанная, забитая и ошарашенная, и больше никогда не возвращается, а если такое происходит, то её чистота и божественность исчезает, приходит что-то наподобие суррогата. Как же, как же мне жалко тех людей, которые не понимают, что если один раз прогнать любовь от себя, второго раза не будет! Как же хочется, чтобы все, кто живёт на этой планете, чувствовали любовь и становились лучше и добрее. Хранить память, любить до конца, знать, что ты нужен и тебя ждут, быть всегда молодым в глазах своей любви, вот что должен чувствовать человек, вот что чувствую я! Пускай моё сердце разрывается от боли, и пускай мои силы меня покидают, но я счастлива, что прожила эти столетия не впустую, что я чувствую то, что чувствуют люди и что испытали два моих предшественника. Их истории держатся в строжайшей тайне, мы просто знаем, что существовали такие ангелы, что они полюбили и погибли. Но в кого они были влюблены, как жили эти люди, такой информацией никто не владеет, кроме узкого круга тех, кто никогда не расскажет истину, вот и я войду в историю лишь ангелом, который полюбил человека, но как это случилось и

что было дальше – никто не узнает...

Да разве нужно, чтобы кто-то знал обо мне хоть что-нибудь? Моя душа – мой храм! Пускай я исчезну, растворюсь в воздухе, но сердце моё будет существовать, пускай даже глубоко под толщей воды, там, где его никто никогда не найдёт, там, куда даже и не ступала нога человека. Я буду жить в Антоне, он пронесёт меня через всю свою жизнь, я буду жить в его поступках, в его глазах... Знаю, как сильно он будет по мне тосковать, как сильно он будет хотеть меня увидеть и что мечты его никогда не станут явью. Думать о том, что я останусь в живых – абсурд, но даже если это и случится, нам не суждено быть вместе. Какими мы были бы счастливыми, если бы я была обычной девушкой, обычным человеком. Мы бы всю жизнь жили вместе, делили горести и счастье, видели, как растут наши дети и радовались тому, что мы встретились друг другу...

Какая миленькая голубоглазая девочка с пшеничными завитушками сидит на лавочке рядом с мамой и тихо под нос что-то себе напевает. Маленькое, ещё совсем чистое создание, смотрит на этот огромный мир своим наивным и добродушным взглядом. Но что ждёт её через десять лет? О нет! Этой несчастной девочке отпущено слишком мало лет. И как хочется подойти к её маме и сказать: не пренебрегайте своим ребёнком, слушайте его, радуйтесь вместе с ним, уделяйте внимание, ведь пока вы заняты своими делами, это маленькое существо может очень сильно нуждаться в вас, и ещё больше будете нуждаться вы, когда, не отжив положенного срока, вам придётся навсегда расстаться с чадом.

Девочка мотала ножками и гладила своё розовое платьице крошечными пальчиками, они с мамой явно кого-то ждали. Молодая женщина вытащила из сумки сигарету, закурила и положила ногу на ногу. Короткая джинсовая юбка подчёркивала её длинные, красивые ноги, крашенные рыжие кудри придавали её лицу свежесть, а тёмные корни волос как-то не вписывались в её образ. Она сильно затыгивалась и стеклянным взглядом смотрела куда-то вдаль. В её жизни были большие проблемы, на работе ей грозило сокращение, младший брат в письмах писал, что ему плохо в армии, да ещё муж, которого она ждёт, собирается заявить ей о разводе. Её чувства я понимала, моё сердце затрепетало вместе с её, сотни мыслей кружились в голове, но ни одна из них не была связана с маленькой девочкой, которая отживает последнее лето в своей жизни.

В этот вечер меня видели люди, я не стала прятаться, исчезать и наблюдать со стороны. Я была в центре города, наблюдала всё вокруг, меня видели люди и я видела людей, кто-то цеплял меня плечом, с кем-то я встречалась взглядом, но никто не мог даже себе представить, что именно сегодня, вот в эту самую минуту он столкнулся с неземным существом. Суета поглощала людей со страшной силой, все были погружены в свои нужды и проблемы, редко встречался человек, который просто шёл и который замечал, какая хорошая погода и какое голубое небо. Я села на скамейку недалеко от девочки и её мамы. Молодая женщина быстро вытащила сотовый телефон из сумки и стала внимательно слушать чей-то голос, по щекам потекли слёзы, глаза покраснели, она вспомнила о дочери и отвела взгляд в сторону. На другом конце провода был её муж, он холодно поговорил с ней, как будто они были совершенно чужими людьми и не жили вместе пять лет в браке. Эта холодность очень потрясла

женщину, руки затряслись, в этот вечер в её душе теплилась надежда, что муж опомнится, вернется к ней и они проживут долгую и счастливую жизнь.

Судьба преподнесёт ей человека, который полюбит её, но всё будет зависеть от неё, сможет ли она жить дальше после тяжёлого расставания с мужем и после смерти дочери. Судьба лишь только даёт, предлагает, показывает, а человек вправе взять или отказаться от того, что предлагает судьба, поэтому судьбы людей изменчивы, поступки и желания решают всё. Я не могу на все сто процентов увериться в том, что она проживёт счастливую жизнь, сейчас передо мной открывается то, что открывается, я знаю её жизнь и знаю, как она её проживёт, но в то же время что-то может измениться, что-то решающее и очень главное. Поэтому люди в одно и то же время открытые и закрытые, их легко читать, познавать, и я знаю каждого, но что может прийти в голову человеку? Вдруг какая-нибудь идея поселится в голове и человек захочет выбрать красное вместо розового? Всё очень шатко и непредсказуемо, но это интересно, и это жизнь во всех своих проявлениях.

Тихий, тёплый ветер ласкал мои плечи и ноги, я наблюдала за девочкой и её мамой и наслаждалась погодой, которая сегодня была на высоте. Что можно было сделать для этой женщины, которая сейчас находилась на грани самоубийства? Нет, она, конечно, думала о дочери и изредка ей становилось легче, но её большие глаза, курносый носик и такая же родинка, как у папы, навели мать на ещё более печальные мысли. Кинув докуренную сигарету на тротуар, она закрыла лицо руками, прижалась всем телом к спинке скамейки и застыла. Человек всегда находится между выбором, именно от его выбора и зависит его жизнь и построение судьбы, сейчас она думала о том, как бы вернуть мужа в семью, от этих её мыслей идёт цепочка ситуаций, а там и открывается месяц за месяцем, год за годом. Но если она подумает всё бросить, забрать дочь и уехать в родной Питер к маме, то цепочка ситуаций будет строиться по-другому, и уже жизнь будет приоткрывать другую занавесу. Есть люди, которые ничего никогда не меняют в жизни, они просто подчиняются обстоятельствам и существуют, таких людей огромное количество, их, конечно же, я знаю досконально.

Но что решит сейчас эта молодая женщина? Какой путь она выберет для себя? Она думала, голова кипела, она хотела увидеть лицо мужа, хотела разжалобить его, но он не пришёл, как трусливый зайчонок, он просто позвонил, облил её ледяным голосом и пропал, как пропададут корабли в бескрайних просторах водной глади. Маленькая Варя заметила, что с мамой что-то происходит, девочка перестала ёрзать и что-то говорить себе под нос. Усевшись поудобнее, она приняла очень серьёзный вид и затихла. Её мама медленно убрала руки от лица и взглянула в испуганное, серьёзное личико своей маленькой дочки. Она улыбнулась, как хорошо, что она поняла, ради кого и ради чего стоит жить, ведь есть её продолжение, о каком самоубийстве идёт речь, что она впустила в свою голову? Да как она вообще могла до такого додуматься? Обняв своё дитя, я почувствовала любовь матери к ребёнку. В такие минуты у меня сердце сжимается, но слёзы никогда не выступят на моих глазах, я не смогу сполна почувствовать настоящее счастье... Но одно я чувствовала: это любовь... Это и есть настоящее счастье!

Конечно, я чувствую всё, что происходит в душе человека, но теперь, с появлением любви в своём сердце, в своём теле, я как-то по-другому стала ощу-

щать всё. Как будто я заново родилась и посмотрела на мир другими, более глубокими глазами, ещё сильнее и ещё душевней я воспринимаю всё, что происходит вокруг меня и в жизнях людей. И всему, что со мной происходит, я должна сказать спасибо, а именно сказать спасибо одному человеку...

Я чувствовала, что Антон думал обо мне, звал меня, я была ему нужна, но я не торопилась уходить. Свою участь я уже знала наверняка, я не выживу, но я спасу избранного, что могу чувствовать я, зная, что скоро погибну? Наверно, я устала жить вечность, наверно, даже если б не было в моей жизни Антона, я бы уже начала задумываться о покое, почему? Наверно, потому, что я особенный ангел, а может сумасшедший, как говорят люди иногда друг на друга. Мне захотелось, чтобы эта молодая женщина была счастлива, чтобы судьба подарила ей достойного человека, предначертанного судьбой, чтобы её дочь отжила свои шестьдесят семь лет и стала талантливой, прославленной на весь мир скрипачкой. Я могла изменить их жизни, направить их в нужное им русло, смоделировать будущую жизнь за них.

Что мне будет за такое самоволие? Да уже ничего, по крайней мере, хуже смерти не будет, и так как всё равно мне её не избежать, я напоследок сделаю то, что нужно. Не торопясь я встала с скамьи и подошла к молодой женщине и маленькой Варе. Женщина подняла на меня свои заплаканные глаза и, как будто что-то почувствовав, немного выпустила девочку из своих объятий, правой рукой она потянулась ко мне, как будто хотела меня потрогать и удостовериться в том, что я не иллюзия. Она чувствовала, что происходит что-то, что она не может объяснить, по её телу разлилось тепло, ещё с большим напором выступили слёзы на её глазах.

– Ваша дочь через год погибнет от несчастного случая, это будет летом, вечером, через десять дней после вашего дня рождения, постарайтесь уберечь её от гибели в таком нежном возрасте. Судьба подарит вам человека, с которым вы проживёте всю свою жизнь, встреча эта случится через три года. Не опускайте руки, боритесь и любите.

После этих слов я еле заметно улыбнулась и повернулась, чтобы уйти, заплаканная женщина схватила меня за руку и дрожащим еле слышным голосом произнесла: « Кто вы?»

Контакт с человеком был налажен, она прикоснулась ко мне, она заговорила со мной, она смотрела прямо мне в глаза и ждала ответа. В этот момент, в момент моей речи, она не слышала ничего, кроме моих слов, транспорт, голоса людей, звуки природы – всё это на время пропало, осталась только я и странное, подвешенное состояние. Я не торопясь забрала руку и ещё раз улыбнулась, мне больше нечего было ей сказать, всё что я могла, я уже сделала, даже больше.

– Ангел...– ещё тише и с хрипотцой в голосе произнесла она.

– Сейчас я уйду, и вы через пару секунд меня забудете, а мои слова будите считать предчувствием, люди, которые нас видели, тоже забудут всё через пару секунд.

Так и случилось. Через мгновение она снова обнимала свою дочь, но уже с каким-то странным грузом на сердце, странное предчувствие охватило всё её тело. Она вдруг поняла, что нужно отпустить мужа, что, раз он выбрал другую, то пускай с ней и живёт. Что она не кукла для битья и нельзя играть на чувствах так жестоко и холодно. Любовь, настоящая любовь обязательно её най-

дёт, почему-то в этом она была уверена. В этот раз она не ошибётся и не станет доверять животным инстинктам, как это было раньше. Она доверится своему сердцу и своей дочери. Она станет настоящей женщиной и матерью. Странное беспокойство проснулось в ней из-за дочери, теперь, с этого момента, подумала она, я буду ещё больше и лучше приглядывать за своим сокровищем.

Ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах мы, ангелы, не вмешиваемся в жизни людей, только наблюдаем со стороны, можем направить, подсказать, но взять руку и сделать всё за человека мы не можем. Меня ждало наказание, но почему-то я его не боялась, может его и не будет, зная, в каком я нахожусь положении? Что мне всё равно не миновать страшной и мучительной расправы!

То что пару минут назад казалось невообразимым, стало обычным, тихим вечером. Как я и говорила, все забыли меня и заняли свои головы своими насыщенными мыслями. Пройдя ещё пару шагов, я увидела Антона с друзьями, как я поняла, это были его одноклассники, с которыми он учился. На свежем воздухе стояло человек шесть, они оккупировали одну скамейку с потрескавшейся краской, выложили на неё свои вещи, чипсы и пластиковые банки из-под пива. Странно было наблюдать за молодёжью в целом, что бы они ни праздновали, это всегда было море выпивки, куча сигарет и мимолётные связи. Этому я уже не удивлялась, проходя мимо такой сцены, я просто тихо вздыхала, о какой любви и возвышенности может идти речь, когда человек убивает сам себя? Когда своими действия и мыслями он становится похож на дикого зверя, и ему всё равно, что он убивает в себе человека и своё здоровье.

Антон был одет в чёрную рубашку, рукава, которой были засучены по локоть, светлые джинсы и не новые кроссовки, в руке он держал не открытую банку пива, он как-то недоверчиво поглядывал на всех, кто его окружал, мало ел и совсем не пил. В компании были две девушки, Оксана и Лена, обе были симпатичные, но отталкивали от себя молодых людей тем, что хотели получить каждого и сразу, и вместе с тем желательно, чтобы он ещё был при деньгах. Лене очень нравился Антон, давно за ним, грубо сказать, бегают, но результатов никаких, вот и сейчас она вертится перед ним, щеголяет в мини юбке, но не получает должного внимания. Вот она открывает свою третью банку пива, от неё разит им, подойдя ближе к Антону, она что-то говорит, он немного улыбается и отходит на шаг в сторону, она не отступает, смеётся ему прямо в лицо и заигрывает, наступает напряжённая обстановка. Может я зря посоветовала ему встретиться с друзьями? Я чувствую, как его воротит ото всех, Ромы в этой компании не было, поэтому Антон совсем заскучал.

– Да ладно вам, классные у неё буфера, я долго от неё тащился, правда, понял потом, что это бесполезно, ну кто я такой, чтобы претендовать на это богатство?– говорил парень невысокого роста про девушку, с которой он вместе ходил на английский язык.

– А что не подошёл к ней? Сказал бы: «Эй, цыпа, ты классная тёлка и буфера у тебя что надо!»– ответила ему та самая Лена. – Ты что, не знаешь, как нужно с нами? Мы, прекрасный пол, просто обожаем напористых парней, которые не церемонятся: подошёл, привлёк – и дело в шляпе!

– Ну, может с тобой, Ленуся, не нужно церемониться, положил и получил, но она такая классная, хотелось бы мне, конечно, с ней замутить...

– Да проще у тебя рог на голове вырастет, прежде чем она замутит с тобой!– заговорил третий голос.

– Таким девкам как она подавай крутых парней! Ты что, думаешь она глянет на такую коротышку и толстяка, как ты? Такая цыпа себя не для того создавала, чтобы достаться в твои руки, она создана для самого Бреда Пита, ну по крайней мере для Антона!– воскликнула Лена.

Все устремили свои взгляды на Антона, он всё так же стоял с закрытой банкой пива и за весь вечер произнёс всего пару слов. Он не слышал, о чём разговаривали его товарищи, но все взгляды были устремлены на него, он понял, что деваться некуда и пришлось открыть рот.

– Что?– тихо сказал он.

Раздался дружный хохот, его уголки губ тоже дёрнулись, было видно, что он очень рассмешил свою публику. Снова начала говорить Лена.

– Слушай, ведь ты знаешь Ромашову Викторию? В неё наш Славик влюблён по уши, гляди, как бы весь не иссох по ней, бедняжка!

– Ромашову?– переспросил Антон, нахмутив брови.– Видел пару раз, симпатичная.

– Да ты чего, брат, издеваешься?– возразил этот Славик.– Она бомба! Какие волосы, какая грудь, ноги от ушей, глаза огромные, предел женской красоты!

Антон ничего не ответил, снова чуть заметно улыбнулся и потупил свой взгляд.

– Что-то наш красавчик совсем затих!– воскликнула Лена, отпивая из банки.– А расскажи нам, дорогой, какой твой предел мечтаний? Какие девушки нравятся, какие возбуждают до предела, что аж невамоготу?

Все понимали, что Лена перебрала больше других, она чуть ли не вешалась на шею Антона. Поняв, что дело пахнет дурно, Оксана, подруга Лены, оттащила её от него и стала отвлекать, говоря ей, что звонил сегодня её парень и они идут в модный клуб завтра вечером.

– Да мне по барабану, куда ты завтра идёшь, Окси, я вот от Антона хочу услышать ответ на свой вопрос!

– Мне нравятся девушки, которые не пьют пиво, как лошади, и от которых не воняет за километр. Ещё меня привлекают образованные и культурные.– потом Антон на мгновение задумался и продолжил: – чтобы у неё были губы нежные, бледно-розовые, чтобы её волосы ласкали плечи и глаза вмещали в себе океаны.

На какое-то время воцарилась тишина, даже Лена замолчала. Антон окинул всех презрительным взглядом, демонстративно поставил банку пива на скамейку и пошёл от них.

– Эй, Тох!– крикнул ему парень и подбежал.– Ты чего обиделся на нашу Ленку? Ты ведь знаешь, когда она выпьет, то лезет каждому в душу, дотошная и упрямая, но ведь она не специально!

– Да, я знаю!– начал было Антон.– Просто хочется прогуляться, вы тут как-нибудь без меня.

– Знаешь, я вот что хочу тебе сказать! Ты изменился, то есть ты и раньше особо не любил тусить с нами, но сейчас ты совсем от нас отслоился. Тебе что, не хочется повеселиться? У нас отличная компания, в следующий раз пригласим Ромку и Димона, будет ещё веселей, а если бесит Ленка, её не позовём!

– Да, спасибо.

Антон быстрым шагом направился в совершенно другую сторону, он чуть было не рассказал про Кристину, он чуть было не описал её полностью тем, кому меньше всего это было нужно знать. Лена его раздражала, и он был очень недоволен когда увидел её среди толпы. Вложив руки в карманы, он уже медленней шёл по дороге. Сначала виски стучали и кровь бурлила в голове, потом он успокоился и понял, что некрасиво поступать, как капризная девочка, все подумали, что он обиделся и ушёл, но рядом с ними его что-то душило, он не мог переносить запах сигарет, не мог переносить запах алкоголя. Он специально ни к кому не прикасался, чтобы случайно не прочесть мысли или чувства ребят. Через минут десять он снова вернулся к скамейке, где была оживлённая беседа. Когда Лена увидела Антона, она подошла и взяла его под руку.

– А вот мой кавалер пришёл, который надул губки!– громко и уже невнятно говорила она.

– Лен, мне кажется, тебе следует притормозить с пивом.– тихо ответил ей Антон.

– А ты попробуй останови меня!

Лена всем телом прижалась к Антону, и начала правой рукой гладить его широкую спину. Как он ни старался, как ни пытался, а почувствовал всё, что творилось в её голове. Ему стало не по себе от того, что он почувствовал, какое-то омерзение пробежало по его телу, даже выражение его лица изменилось, он как будто разозлился, и зрачки расширились. Не говоря никому ни слова, он взял Лену за талию и отошёл с ней на безопасное расстояние, чтобы никто не слышал, что он ей будет говорить.

– Что ты творишь?– уверенным голосом спросил Антон.– Зачем ты так наливаешься, ведь в тебе живёт жизнь?

Лена распахнула свои залитые пивом глаза и как будто окаменела.

– Разве тебе не жалко, что ты творишь с собой и с ребёнком, который живёт в тебе?

Лена совсем опешила, она положила свою руку на ещё плоский животик и снова взглянула на Антона.

– Если будешь продолжать вести такой образ жизни, то не родишь! Потом заработаешь себе серьёзное сердечное заболевание и будешь всю жизнь работать себе на лекарства. Молодая, красивая, что ты с собой делаешь? Кто отец?

Было видно, что Антон попал в точку, она не могла произнести ни слова, но потом всё таки выжила из себя какие-то невнятные буквы.

– Не знаю...

– Как не знаешь?– ужаснулся Антон.

– Была вечеринка, помню двух, а может трёх парней...

– Ты сумасшедшая!

– Это ты виноват!– вскрикнула Лена, заливаясь слезами.– Ты всегда знал, что нравишься мне, разве я страшная, почему ты так холоден со мной?

– Потому что я не люблю тебя, Лена!– эти слова Антон проговорил по слогам и очень внятно, чтобы пьяные уши его правильно услышали.

– А я?– пролепетала она в ответ.

– Ты тоже не любишь меня, просто тебя задевает, что я не обращаю на тебя внимания! Но это глупо, слышишь? Как просто можно сломать свою жизнь,

ты с этим справляешься просто замечательно! Теперь послушай меня, влюблённая Джульетта: ты беременна, и теперь ты не отвечаешь за себя, ты отвечаешь за того, кто живёт в тебе! Странно, правда? Живи, трудись, учись и прекращай то, чем ты занимаешься, я знаю, что жизнь твоя наладится, если ты послушаешь меня. Перестань быть ничтожеством, приведи себя в порядок, и тогда у тебя родится здоровый ребёнок. Если же ты будешь продолжать полнейшее уничтожение над собой, ты будешь страдать. Тебе всегда будет больно. Понимаешь меня, дура?

Антон говорил так убедительно, что Лена запомнила каждое его слово. Ей почему-то стало легко на душе, она подозревала, что беременна, но не хотела в это верить, думала о аборте и гадала, кто мог быть отцом. Антон как будто смёл с её души толстый слой пыли, ей стало противно за саму себя, слёзы раскаяния подступили к её горлу, она вся пылала. Казалось, её исповедали, влезли руками в её душу и встряхнули как следует, она вдруг поняла, как на самом деле жила, и как на самом деле нужно жить. Подняв свои совершенно ошарашенные глаза, она как будто протрезвела, взгляд стал более осмысленным, серьёзным. Она ещё раз прикоснулась к животу и улыбнулась, только на этот раз не Антону, а себе.

Ещё много разных ощущений почувствовала в эту минуту Лена. Антон пристально смотрел ей в глаза и внушал правильные вещи, она слушала его и слушалась его. Вернувшись обратно к ребятам, они все удивились, видя, какой пришла Лена.

– Что за чудеса?– пролепетала Оксана.– Лен, ты в порядке?

Лена была ещё под влиянием алкоголя, но могла здраво рассуждать, сев на краешек скамейки, она отставила пятую банку пива и, взглянув на всех ребят, тихо им улыбнулась.

– Чё случилось?– спросил Славик.– Нашу Ленку подменили!– воскликнул он, протягивая ей пиво.

Лена не торопясь взглянула на Антона и отодвинула рукой предлагаемую выпивку. Все ещё больше удивились, снова наступила тишина.

На улице уже было совсем поздно, ребята поняли, что пора расходиться. После такой проделанной работы Антон совершенно выбился из сил и устал. Он был рад тому, что его слова попали прямо в душу девушки, чем-то даже она ему напомнила Марианну, улыбнувшись про себя, он побрёл домой.

Глава 20. Кровавая звезда.

Странное чувство одолело меня сегодня вечером. Она дотронулась до меня, потом крепко обняла, и я почувствовал всё, как будто на мгновение стал Леной. Теперь я начинаю верить в то, что я избранный, у кого ещё имеются такие способности, как у меня? Нужно обязательно поделиться этой информацией с Кристиной, но где она? Почему так долго не появляется, ведь она знает, что со мной произошло. Я как будто стал ещё мудрей, и теперь я не боюсь того, что происходит со мной. Ночные кошмары и чувства других людей больше не пугали меня, я научился с этим жить. Казалось, что с души упал огромный груз и теперь я смело могу вздохнуть.

Отец намекал сегодня вечером о машине и о том, что ему нужны деньги, я как мог оттянул этот разговор до следующих выходных, но долго я не мог врать. Марианна недавно звонила мне, точнее, она постоянно мне звонит, но

я только изредка отвечаю ей, ссылаясь на множество дел. Пускай она строит свою новую жизнь, навсегда распрощавшись с прошлым, а меня пускай так сильно не тревожит, я знаю, что она скучает и считает меня своим близким человеком, но пока мне было не до неё. Рано или поздно я встречу с ней, я буду ждать.

Ночь я не мог заснуть, я всё прокручивал в голове вечер, который провёл с одноклассниками. Какое странное чувство, когда женщина беременна, от её живота идёт еле заметное голубое сияние, а если подержать руку около живота, то можно почувствовать тепло. От Лены исходило это сияние и мягкое тепло, я был очень рад тому, что она не успела ещё нанести ребёнку непоправимый ущерб, хотя это действительно удивительно! В этот миг я считал себя спасителем, мне было так приятно, что я спас две жизни, спас мать и её ещё не родившегося малыша. Где же, где же Кристина, что произошло, почему так долго её нет! Может, что случилось? Может, нужна моя помощь? Но на душе у меня было спокойно, и я понял, что она по своей собственной воле не приходит ко мне. Я пару раз громко назвал её имя, потом всю ночь шептал его и под утро не выдержал и заснул. Проспав три часа, я встал, голова гудела, во рту был горький привкус, я пошёл умываться, ледяная вода ошпарила мне лицо, стало как-то легче.

– Ну как твои друзья?– спросила Ольга Викторовна, зайдя в мою комнату.

– Друзья? А, друзья!– воскликнул я прищурившись.– Они хорошо, всё такие же живенькие и активные!

– Ну слава богу! Как они провели лето?

– Кто как! Море, Европа, дача.

– Ну, понятно! Слушай, какой у тебя беспорядок в комнате! Ты когда в последний раз убирался?

– Не знаю, может дня два тому назад.

– А кажется, что недели две! Ты сегодня куда-нибудь пойдёшь?

– Да, а что?

– Прибраться у тебя хочу.

– Я изменился?– спросил я, смотря очень внимательно на мачеху.

– Что?– спросила она, явно не поняв вопроса.

– Я изменился? Характер, поведение?

– Ах, это! Ну да.

– А что конкретно во мне изменилось?

Ольга Викторовна села на краешек моей кровати, окинула взглядом всю мою комнату, потом ласково взглянула на меня. Казалось, она хотела мне много чего сказать, но почему-то не осмеливалась произнести ни слова. Ей было как-то неудобно говорить со мной по душам, раньше я мало уделял ей внимания, мало разговаривал, сейчас, понимая друг друга больше и лучше, я стал осознавать, какой она на самом деле человек.

– Ты очень изменился. Стал более разговорчив, помогаешь мне, общаешься со мной, наверно, тебя напугала моя болезнь и ты решил наверстать упущенное, – смеясь, она произнесла последние слова.

– Наверно так и есть, но ведь произошло чудо из чудес?

– Я уже не знаю, каким богам молиться за своё спасение!– воскликнула Ольга Викторовна, поднимая глаза кверху.

– У меня уже давно назрел один вопрос, который я никак не решаюсь за-

дать...

– Говори, – тихо произнесла мачеха.

– Почему ты так тщательно, аккуратно и с испугом избегаешь со мной разговоров о моей матери?

Я сразу почувствовал, как Ольгу Викторовну этот вопрос застал врасплох. Лицо её побледнело, ладони вспотели и некая ревность в глубине души зашевелилась. Я знал, что к моей матери она хорошо относится, что часто думает о ней, вспоминая только хорошее, несмотря на то, что никогда не знала её и не видела. Когда меня ещё не было на свете, моя мать уже тогда любила меня без памяти. Фотографий с ней у нас было мало, только та, чёрно-белая, связывала меня с ней, и ещё вещь, которую она носила на шее и которую потеряла на долгие годы, чтобы однажды попасть в мои руки. Я сам задумался, но задумчивость моя была недолгой, Ольга Викторовна кашлянула и как-то обиженно посмотрела на меня.

– Ты хочешь поговорить об этом? – тихим голосом произнесла она.

– Да, хочу! – уверенно сказал я. – Или есть что-то, что мне знать нельзя?

– Нет, почему? Всё, что ты знаешь, это вся правда, а если и есть какие-то секреты, то уж их точно знает твой отец, – как-то холодно ответила Ольга Викторовна.

– Ты ревнуешь? – встревожено спросил я.

– Нет! – громко ответила она. – Что ты? Как я могу?

– Тогда почему твои глаза похолодели? И почему ты так не любишь разговаривать о моей матери? Хотя в детстве ты охотно со мной общалась!

– Антон, не мне говорить о твоей матери, Ваня знал твою маму, ведь я появилась в его жизни, когда тебе уже было пять лет! Что я могу о ней знать? Отец безумно любил её, всегда вспоминает, тепло отзывается, рассказывает, как они познакомились и как ждали твоего появления.

При словах «он безумно любил её» в сердце моей мачехи что-то перевернулось. Я понял, почему она так тщательно избегала этой темы. Ей было больно и ревниво осознавать, что она так и не смогла вытеснить мою мать из сердца отца. Она не смогла сделать так, чтобы моя мама стала просто светлым воспоминанием, просто матерью его ребёнка, маленькой частью его жизни. Ольга Викторовна знает, что отец по-прежнему любит маму, любит свои воспоминания, и самое страшное, чего он боится, – это хоть что-нибудь забыть, что-нибудь связанное с ней. Мама выросла в отцовское сердце несмотря на то, что прошло больше двадцати лет. Мне было жаль отца, страдания его были велики, но и Ольга Викторовна чувствовала себя обиженной, обделённой. Конечно, он любил её, но по своему, и сейчас он любит её. Как-то давно, лет десять назад, они ругались на кухне – это был единственный спор за всё время. Тогда Ольга Викторовна назвала себя «кормилицей» – сейчас я понял, что это означало. Она просто была в его жизни, просто растила мальчика, потому что женская рука была необходима.

Ольга Викторовна любила моего отца очень сильно, бог не дал им детей, хотя они и не стремились к пополнению семейства, весь их мир сконцентрировался на мне. Но меня всё равно поразило холодное восприятие Ольги Викторовны, поразила её ревность и некая злоба на мою маму, пускай она хороший человек, любит меня как родного сына и готова за меня жизнь отдать, но я не позволю делать мою покойную мать в чём-то виноватой.

– На будущее, Ольга Викторовна, – так же холодно ответил я, – мне неприятно, что о моей матери вы говорите как-то снисходительно, холодно и с раздражением в голосе. Пускай вы не специально, пускай вы хорошая женщина, но прошу впредь отзываться о ней так же, как вы отзывались обо мне и об отце.

– Ты прав! – воскликнула она. – Мне тяжело говорить о Лизе. – она встала с краешка кровати и подошла к окну. – Мне бы чуть-чуть побольше места в сердце твоего отца, тогда бы я была ещё более счастливым человеком. Я не могу спокойно о ней говорить, потому что мне больно. Может, я эгоистка и жалею себя, но я тоже хочу счастья, обычного женского счастья! Да, собственно, я и счастлива, у меня есть вы, но хочется немножко большего, чем есть сейчас и было раньше. Я люблю твою мать, потому что она родила замечательного сына, я люблю твоего отца, потому что он мой муж, но она... Она встала между мной и Ваней, и до сих пор стоит! Скоро будет четверть века, как она, невидимая стена, разделяет меня и твоего отца. Я чувствую, что когда Ваня о чём-то думает перед сном, долго смотрит на стену, он думает о твоей матери, о Лизе, и мне становится плохо – сколько можно? Сколько можно любить воспоминания?

Это был крик души. Ольга Викторовна зажала крепко руками себе рот и слёзы полились ручьями по щекам. Я был рад тому, что наконец мы во всём разобрались, пускай разговор был не из приятных, но по крайней мере мы докопались до истины. Она испугалась, что я расвирепею, что отец из соседней комнаты услышал её душевные крики. Слёзы текли по лицу и рукам, душа её плакала.

– Эти воспоминания помогают ему жить. – стал говорить я, глядя в заплаканные глаза мачехи. – Мы любим вас, очень сильно любим. Не стоит больше держать на душе такой груз! Вы подарили отцу второе дыхание. Не стоит ревновать и обижаться, если любите, то просто любите.

Ольга Викторовна медленно убрала руки с лица, шмыгнула носом и подседела ко мне. Её мокрые руки обняли мою шею и она вся затрепетала от стыда. Я обнял её в ответ, и мы так просидели минут десять.

– Ты прости меня, Антоша, за то, что я сказала! Ведь я живу, дышу, я любима и люблю и вы у меня есть! Что ещё мне от жизни надо? Какие ещё сокровища должны у меня быть, если вы и есть самые дорогие сокровища во всём мире!

– Моя мать мертва. – продолжил я. Ольга Викторовна ахнула и взялась за сердце. – И я не хочу, чтобы вы таили на неё обиду, она ни в чём не виновата.

– Антон... – тихо простонала Ольга Викторовна. – Ты раньше никогда не говорил таких слов...

– Рано или поздно они должны были прозвучать! – выпрямился я.

– Хорошо и... спасибо...

Она ушла из комнаты с чувством облегчения. С чувством того, что из неё вышел некий червь, который ел её изнутри, создавая при этом отрицательные эмоции. Ей всегда хотелось выговориться, и это случилось, может ей полегчало, а может стало ещё хуже, потому что ей стало стыдно. Ольга Викторовна думала, что отец сидел в комнате и смотрел футбол, когда она зашла к нему он лежал на диване и спал в тишине, она прикрыла дверь и ушла на кухню, но он не спал. Отец слышал каждое слово, произнесённое нами, ему было тяжело слушать наш разговор, три капельки слёз уронил он за то время, пока

мы дискутировали.

Он лежал и думал, думал и лежал. В голове был я, Ольга Викторовна и...

Можно было понять, что происходило внутри нас всех. Воспоминания, чувства, эмоции, справедливость – всё бурлило одним потоком. Два вечера Ольга Викторовна была сама не своя, ходила по квартире незаметно, мало говорила и почти не смотрела в глаза. Я же пока перестал называть её мамой, это обстоятельство огорчало её, но она не показывала вида. Складывая руки у себя на коленях, она садилась на стул, делала себе горячий чёрный чай и сидела молча, неподвижно около двух часов, как будто пробудившись от летаргического, затянувшегося сна, она вскакивала, быстро собирала посуду и шла спать. Отец понимал, что творилось в её душе, да и она понимала, что муж всё слышал и всё знал. Наверно, нужно было расставить все точки над «и»! Каждый из нас скрывал что-то в себе, боялся выразить словами, как-то показать, в отце сидели свои тараканы, в Ольге Викторовне ещё больше тараканов, во мне их уже не было...

Конечно, когда узнаётся правда, ты первое время ходишь как опоённый, как будто тебя ударили чем-то тяжёлым по голове, ты начинаешь думать, как же так? Да такого быть не может! Никогда бы не подумал! Я, например, принял правду своей мачехи, конечно, кое-что меня огорчило, чего-то я вообще не ожидал, но лучше знать всё, без тени сомнения жить и знать, что ты знаешь человека всего, до последнего миллиметра кожи. Если есть хоть одна какая-нибудь тайна, то человек уже становится далёким и чужим.

Наш мозг – это огромная машина, которая постоянно работает. Мы пытаемся скрыть что-то, зарыть поглубже, не понимая, что рано или поздно всё узнается, так не лучше ли вообще не создавать потаённые комнатки в своей голове? Может, проще отказаться от тайн и секретов? Если появился один секрет, за ним появится и другой, потом третий и четвёртый, а там и образуется масштабная тайна, которую человек будет волочить за собой всю свою жизнь. Эта тайна будет висеть, как огромная гиря, как булыжник, будет утяжелять ходьбу, подрывать здоровье. Если что-то один раз сделал, трудно будет не сделать это ещё раз. Так же с тайнами и секретами, не стоит их вообще создавать в своей жизни, потому что это заноза, которая сидит в самом важном жизненном органе человека. Я отрёкся от своего балласта, от своих потаённых комнат, и мне стало намного легче. Кристина полностью вошла в мою голову и познала меня всего, она дала понять мне, что не стоит загромождать себя тем, что так сильно мешает жить. Нужно отпустить все свои тайны и жить дальше с лёгкостью на душе. Я хотел, чтобы Ольга Викторовна именно так и поступила, я хотел, чтобы она освободила себя от своего балласта, от своих оков, которые держат её уже много лет. Своих тараканов я никому не показывал, никто не знал, сколько у меня их и насколько они опасны, я просто в один прекрасный момент решил для себя отпустить их на все четыре стороны, прикрикнул как следует, топнул ногой – и они все разбежались кто куда, а кто прямо на месте поднял лапки кверху. Я освободил свою голову от ненужного мне хлама, который раньше считался для меня чем-то сокровенным и очень важным. Я сам для себя решил все свои проблемы и был этому несказанно рад.

Кристина хотела погулять со мной по городу, о чём-то поговорить, но она не появлялась у меня уже три дня. Я боялся за неё и в тоже время чувствовал, что вдали от меня ей намного лучше, чем рядом со мной. Сердце моё разрыва-

лось на части при такой мысли, но что я мог поделаться?

За окном было уже темно, во дворе лаяли собаки и кто-то ругался около подъезда, обычная жизнь, ничего удивительного. Поужинав в пол-одиннадцатого, я пошёл к себе в комнату, нашёл старую большую тетрадь со своими рисунками, эскизами и чертежами. Перелистывая странички, я воодушевлялся тем, что я делал. Во мне играл потенциал, я был талантливым человеком и мне захотелось сделать что-нибудь неопишное, что-нибудь грандиозное, что-нибудь такое, от чего у меня в душе всё будет kloкoтaть. В часы такого приятного умозаклoчeния в голову пришла удивительная идея нарисовать Кристину, оставить её рядом с собой хотя бы на листке бумаги, который будет хранить в себе частичку её тепла. А что если я забуду её после того как всё закончится? Жить в неведении и не помнить, кого так сильно любил? На это я не согласен, пускай её образ останется навсегда со мной, хотя куда он может деться? Она в моей голове постоянно, её лицо перед глазами постоянно. Кажется, что пройдёт лет двести, а я всё равно буду помнить её отчётливо и живо.

Я нашёл карандаш для рисования, острый, чёрный, я сжал его в руках и долго ничего не делал. Передо мной лежал лист А4, белый как снег, он ждал пока я нанесу на него хоть какую-нибудь точку, но я медлил. Рука боялась прикасаться к бумаге, инструменты ждали начала работы, а я всё медлил. Где-то в два часа ночи я начал работать, рука скользила уверенно по бумаге. В окно светила луна, своим серебристым сиянием она озаряла мою комнату и процесс моей работы. Овал лица, наброски носа и губ, прекрасные глаза и грустный взгляд. Всё это я пытался воспроизвести одним карандашом, божественное явление, неземное существо найдёт своё место на этом листе бумаги, который я буду хранить как своё самое дорогое сокровище. Волосы лежали на правом плече, тонкая, нежная шея перетекала в красивые плечи.

Такое ощущение, как будто сама Кристина смотрела на меня с рисунка. Её выразительные глаза получились у меня особенно явственно, она была прекрасна. Найдя цветные карандаши, я стал превращать её бесцветные губы в розовые лепестки роз, её глаза – в голубые океаны, её волосы – в коричневые пряди шоколада, на моих глазах она стала оживать, она стала превращаться в нечто живое. Было уже где-то часов семь, за ночь я нарисовал портрет своей любви. После долгой, сидячей работы я встал к окну и несколько раз потянулся и зевнул. На улице было тепло и солнечно, оглядев всё по сторонам, я остановил свой взгляд на горизонте, о чём-то задумался, а может и вовсе ни о чём не думал, просто стоял и всматривался стеклянным взглядом куда-то вдаль. Незаметно в комнату вошла Ольга Викторовна, по всей вероятности, она поняла, что я не сплю, и решила зайти, чтобы предложить позавтракать или просто сказать доброе утро. Я не спеша повернулся к ней и увидел её остолбеневший взгляд, она смотрела точно на портрет Кристины, я быстро схватил лежавшую рядом майку и накинул её на портрет. Ольга Викторовна как будто пробудилась ото сна и мило на меня взглянула.

– Чудесная девушка. – тихо произнесла она. – Кто она?

– Одна очень хорошая знакомая, решил воплотить её образ на листе бумаги.

– Очень интересно...

– Что?

– Такое чувство, как будто я её знаю, а может где-то раньше видела, но её глаза... определённо мы где-то встречались!

По спине пробежался холодок, неужели она могла знать Кристину? Где она могла её видеть и при каких обстоятельствах?

– Возможно, в университете? Или на общих фотографиях с друзьями? Да, где угодно!

– Может быть, я не отрицаю...– ответила Ольга Викторовна, домысливая что-то в своей голове.

Вообще я не ожидал, что кто-то так рано ко мне зайдёт в комнату, и тем более меньше всего мне хотелось, чтобы кто-то увидел мою работу. Но раз это произошло, теряться не было смысла, пришлось импровизировать. Ольга Викторовна встрепелась, снова улыбнулась, ещё раз бросила взгляд на портрет и ушла из комнаты. В голове сразу же назрели вопросы, которые так хотелось задать Кристине, но её не оказалось рядом, я чувствовал, что она со мной, где-то здесь, но прямого контакта она явно избегала. Я не пытался и не хотел сделать так, чтобы она узнала о моей работе, по двум очень простым причинам. Первая причина заключалась в том, что она запретит мне сохранить портрет и уничтожит его, так как ангелов нельзя запечатлевать. Помню, однажды она мне рассказала, что один человек попытался нарисовать её, чтобы потом вспомнить и не забыть, конечно, ангел всё узнал и уничтожил несчастный клочок бумаги. Вторая причина в принципе была уже озвучена в первой – это то, что ничего нельзя скрыть от глаз ангела, и Кристина так или иначе узнает о моём художестве, но вопрос: уничтожит ли она рисунок или всё таки помилует?

Всё утро и весь день Ольга Викторовна была сама не своя, портрет Кристины показался ей настолько знакомым, что она никак не могла вспомнить, где и когда видела эту девушку? В задумчивом состоянии она ничего не слышала и никого не замечала и находилась в странном полугипнотическом сне. Портрет я спрятал в своём столе, среди прочих вещей, уж туда она точно не заглянет, она никогда не ковырялась в моих вещах, хотя, может, мне всегда так казалось?

Я не спрашивал Ольгу Викторовну, что с ней, она бы всё равно не дала никакого вразумительного ответа. Всё, что она знала, это то, что когда-то и где-то видела эту девушку с портрета, что это было очень давно и вполне могло забыться, но какая-то тоненькая ниточка держит их, соединяет, и это было для меня безумно интересно. Всё, что я хотел узнать, это правду, но не от шокированной женщины, а от своего ангела, который знает все ответы на мои вопросы.

Вечер был прохладный, август постепенно заканчивался, не за горами осень и аспирантура. В школе учился я всегда отлично, поэтому редко и мало уставал от уроков, заканчивал их всегда очень быстро и по несколько часов ждал своих одноклассников на улице, те ещё решали задачки, читали рассказы, учили географию. Так и в институте, красный диплом и лёгкая, ни к чему не принуждающая учёба. Поэтому я всегда был большее время свободным человеком, у меня всегда находилось время на что-то новое, но головные боли и кошмары часто пугали меня и обламывали на ходу. Сейчас же, научившись ими управлять, я многое стал осуществлять и всерьёз задумался о будущем. Одев на голову капюшон толстовки, я медленно, не спеша бродил по моему

району. Встречал знакомых, девушки улыбались мне, я скучал по своей машине. Марианна не забывала обо мне, я был в курсе её дел и знал, что всё у неё хорошо. Как это здорово знать, что ты кого-то можешь спасти, вытащить из этой гнилой ямы, помочь встать с колен, но этого бы не случилось, если бы не Кристина. Без неё я бы не нашёл себя, не смог помогать людям, не смог бы помочь Ольге Викторовне, Марианне, я бы просто жил вместе со своими кошмарами и рано или поздно сошёл бы с ума.

Лет в шестнадцать я чуть не убил себя, висел на грани жизни и смерти. Тогда, помню, был пик моих бессонниц и болей по всему телу, тонкая проволока обтягивала все мои внутренности и они кровоточили и кричали от невыносимой боли. По ночам я часто задыхался, часто испытывал тупые боли в сердце и в других частях тела, часто всё невыносимо больно горело, сейчас я понял, что это было, я испытывал боль других людей, кто-то тонул, кого-то убивали, кто-то горел. Конечно, всё это ужасно и об этом очень тяжело думать, но это происходило и происходит со мной. Сейчас я научился испытывать и позитивные эмоции людей, от этого внутри меня воцарился некий баланс, который делает меня сильнее и заряжает положительной энергией на много-много часов. Но тогда я ничего этого не понимал, был просто подростком, переживал переходный период, страдал и мучился. Пытался наглотаться таблеток и, честно сказать, не помню, почему я этого не сделал? Всё было как в тумане, ночь была тяжёлой, не помню, как заснул, но помню, что проснулся, и таблетки аккуратной горсточкой лежали на тумбочке, мог ли я сам дрожащими от страха руками положить их так аккуратно? Или может боль на время отпустила меня, разум и чувства проснулись и я опомнился? Наверно, это уже не так важно, важно то, что я не убил себя, что в ту ночь произошло чудо...

Но почему-то я до сих пор помню тот горький вкус во рту, как меня тошнило и сердце билось со страшной скоростью, как я, такой ещё не мыслящий жизни парнишка, хотел сделать свою жизнь мыслящей. Насколько, должно быть, я мучился большую часть своей жизни. Насколько мне было тяжело и насколько было невыносимо молчать об этом, так как окружающие отреагировали бы на меня стандартно, поставили бы на мне клеймо ненормального, а жить с таким я бы точно не смог. Теперь, когда я могу поделиться своим внутренним миром, хоть делюсь я с ангелом, мне стало легче жить. Воздух теперь для меня не тяжёлый и не свинцовый, а лёгкий и чистый, я даже вижу его, огромные, прозрачные потоки обвивают всё вокруг, живёт всюду и везде тёплый и ласковый воздух. Теперь даже хожу я более уверенней чем раньше, не сутулюсь и не боюсь поймать какую-нибудь бредовую галлюцинацию, ведь видения меня посещали всегда, и они особенно сильно пугали меня...

Вспоминать тяжело своё детство, так как оно было прожито впустую. Хотя, возможно, эта была начальная школа, закалка для моего не менее тяжёлого будущего. Я выбрался из вакуума, расправил крылья, теперь я не боюсь, я свободен, и как бы мне хотелось, чтобы Кристина увидела меня сейчас таким, чтобы она гордилась мной и была довольна своей работой. Я ходил кругами, раз пять обошёл свой дом, потом два соседних и вышел на дорогу. Накрапывал дождь, и стало совсем темнеть. Если видел знакомых, старался обойти их стороной, чтобы не напороться на шквал совершенно не нужных мне вопросов, конечно, возможно кто-то замечал меня, но кому нужно за мной бежать? Я уходил быстрыми шагами, пускай я казался чудаком, но именно сейчас, пер-

вый раз в жизни, я чувствую себя по настоящему свободным человеком. Что же ещё можно вспомнить? Какие ещё воспоминания так чётко закрались в моё сознание? Конечно, в моём детстве были и простые вещи, я падал с велосипеда, любил лазать по деревьям, летом мастерил себе рогатку и стрелял по банкам. Правда, однажды я попал в голубя, зрелище было не из приятных, я даже сам испугался и удивился своей меткости, слава богу, голубь не погиб, но после того случая я навсегда отказался от такой игрушки, как будто кто-то отшиб у меня всю охоту хулиганить. Любил прятать папины вещи куда-нибудь и смеялся, когда он их не находил, а нужно было бежать на работу, правда, пару раз он меня здорово наказал, но было за что, и я никогда не обижался на него. Что касается Ольги Викторовны, то та никогда меня ни то что пальцем не тронула, она даже боялась взглянуть на меня как-то злобно или укоризненно, конечно, пользовался я этим ещё как, просто вил из неё верёвки, но всё равно старался за грани дозволенного не заходить. Наверно, родная бы мать не позволяла бы такого, а хотя кто знает? Я шёл и сам себе улыбался, вспоминал своё детство и в принципе не мог ни на что пожаловаться. Раннее детство было как у всех, но после того как я пошёл в школу, всё стало меняться. Переломный момент случился, когда мне стукнуло двенадцать лет.

Я остановился возле лавочки, которая находилась в соседнем дворе. На улице не было ни души, видно, мелкий дождик всех разогнал, а мне почему-то было так приятно под ним мокнуть, что я просто сел и стал дальше думать. Вспомнилась мне и пожилая пара, два светлых человека готовились уйти из этого мира, уходили чистыми и верными друг другу. Конечно, в голове возникали вопросы, но кому я их мог задать? Только этой странной тишине? Или надвигающейся ночи? Сотовый периодически вибрировал в заднем кармане джинс, я откинул голову и почувствовал, что дождь почти прекратил свою грустную песню, ещё капало, но редко и хиленько. Подняв глаза в небо, я увидел проступающие звёзды, они светили яркими серебристыми мошками, с каждой минутой появлялась ещё одна новая звезда, за ней ещё и ещё одна новая звезда. Когда я посмотрел в сторону своего дома, то краем глаза заметил яркое красное пятнышко на небе, я зажмурил глаза, в голове стало что-то нервно пульсировать. Собрал силы в кулак, я открыл глаза и увидел красную звезду – это было предзнаменование...

Это означало, что за мной пришла смерть, что она нашла меня и что скоро Кристине предстоит столкнуться с этой материей. Она забирала кого хотела, сеяла мрак на земле и хаос, и только я был занозой для этих чёрных дел, только я, маленький человек, мог противостоять этой силе, но без своего ангела я не смогу, именно ей предстоит спасти меня, расчистить мне дорогу, сделать меня сильным, чтобы никто больше никогда не посягнул на мою жизнь. Видел ли кто-нибудь эту звезду кроме меня? Как назло поблизости никого не оказалось, я снова поднял глаза в небо, и всё моё нутро задрожало. Было непривычно и неприятно лицезреть на небе кроваво-красную звезду, она как рубин блестела и переливалась кровавыми красками. По размеру она была намного больше, чем остальные звёзды, и висела над моим домом, как большая люстра. Почему-то на мгновение мне показалось, что кто-то стоял рядом со мной, я как будто чувствовал чьё-то тихое дыхание, когда я резко обернулся, то конечно же никого не увидел. Только лёгкий ветерок качал рядом растущие кусты и деревья, как и пару минут назад, не было ни души. Но с этого

мгновения я стал ощущать на себе холодный взгляд, спину жгло, появился непонятный страх, губы стали синеть, такое чувство, как будто со мной находилось так близко нечто настолько ужасное, что представить себе было невозможно. Значит, моя добрая и интересная сказочка подходила к концу, маяк загорелся на небе, Кристина не появляется, наверно, готовится к битве, а не только страдает из-за любви ко мне.

Вот именно сейчас я должен дрожать от страха, я должен бежать изо всех сил домой, закутаться в простыню и не высовываться до следующего тысячелетия. Но я, себе на удивление, был совершенно спокоен. Я неторопливо побрёл домой, не боясь этого странного чувства, которое только что родилось в моей груди, улыбка всё так же играла на моих губах, я ничего не боялся. Меня не пугала моя незапланированная смерть и что сейчас я практически уязвим, что-то внутри говорило мне: будь спокоен, – как будто мне ввели в вену лекарство, которое отключает все мысли и чувства, я просто шёл домой...

Глава 21. Любовь в сердцах людей.

Я ждал...

То, что я увидел ночью на небе, очень сильно меня впечатлило. Было такое ощущение, что и Кристина увидела то же самое, что это её дыхание я чувствовал за своей спиной, это она защищала меня от нечистой силы, которая в ту самую ночь нашла меня в соседнем дворе. И снова в голову пришла мысль написать письмо своему ангелу. Я безумно скучал, безумно любил и безумно боялся за неё. Кристины не было рядом, и я ощущал себя брошенным и одиноким. Взяв листок тетрадной бумаги, я стал набрасывать предложение, оно получилось, следом пошло второе, и так получилось письмо:

«Не знаю, с чего нужно начать, как-то переживаю и чувствую себя странно, наверно потому, что дико скучаю по тебе и хочу поскорей увидеть тебя... Но речь сейчас не об этом и ты, наверно, этому очень рада... Я видел кровавую звезду на ночном небе, она висела, как люстра, над моим домом, и возможно ты тоже видела её, если же нет, то спешу сообщить тебе эту новость. Знаешь, ты можешь не волноваться, я совершенно не боюсь, мне не страшно, если на меня наедет машина или кто-нибудь встретит меня в тёмном переулке. Я бы всё отдал, лишь бы тебе не пришлось столкнуться с этой тёмной силой. Если нужно, заberi все мои силы, заberi всё, что у меня есть, но останься со мной, останься в живых, радуй меня и радуйся сама жизни. Что я пишу? Наверно я схожу с ума, думаю о тебе и схожу с ума, не могу здраво рассуждать, мне тяжело понимать, что тебя нет со мной сейчас, что ты где-то страдаешь, а я тут сижу, не ведая, что с тобой и где ты вообще? Прости меня, я почему-то хочу попросить у тебя прощение за всё, что делал не так и хоть как-то тебя огорчал, я чувствую, подходит конец нашей неземной истории, и время расставлять все точки над «и»...».

Антон.

Снова писал и думал об одном и том же, когда что-то касалось Кристины, я не мог не говорить о своих чувствах к ней, из меня всё лезло, пёрло, я не мог молчать. Я сложил аккуратно листок тетрадной бумаги и положил на подоконник, так чтобы его не было заметно. Сев снова на край кровати, я начал

думать, снова поток информации вихрем ворвался в мою голову, сколько всего разом приходило в голову, трудно сосчитать. Красная звезда стояла перед глазами и теребила всё моё нутро, я не боялся, напротив, я был уже рад встретиться с этой тёмной материей, я уже ждал с нетерпением, когда же она покажет своё лицо. С одной стороны, я ждал развязки, с другой стороны, хотел, чтобы она наступила ещё не скоро. Ждал, потому что уже устал жить в ожидании чего-то страшного и рокового, устал ждать горя и расставания, уж лучше всё решится сейчас, чем жить ещё какое-то время в таком непонятном состоянии. С другой стороны, я не хотел появления этого знамения, так как это предвещало наше с Кристиной расставание. Сейчас хоть нам и нелегко, но мы вместе, я могу увидеть её, поговорить с ней, услышать её голос, а что будет потом? Но что же выбрать? Первое или второе? Да о чём здесь можно думать – ни секунды не мешкая нужно выбирать второй вариант! Пускай смерть нависает надо мной хоть всю мою жизнь, главное, чтобы мой ангел был рядом со мной, чтобы в любую минуту я назвал своё любимое имя, и она появилась, улыбнулась и пропела своим звонким, мягким и родным голосом что-то доброе и приятное.

Я действительно безумно скучал по Кристине, я чувствовал, что ей сейчас особенно тяжело и именно в этот момент я должен быть рядом с ней. Положив голову на подушку, я рукой прикрыл себе лоб, сначала долго смотрел в потолок, довёл себя до такого состояния, что голова стала кружиться, а вместе с ней и вся комната, зажмурив сильно глаза, я медленно погружался в сон...

Такого количества людей я ещё нигде не видел, даже по телевизору. Все куда-то спешили, женщины, мужчины, дети и пожилые люди. Серая одежда наводила тоску и скуку, а чёрные повязки на глазах приводили в ужас. Я шёл с ними и не понимал, как они могут идти с завязанными глазами? Так чётко и уверенно, наступая ногой на землю, все шли как солдатики к намеченной цели. Меня толкали, и я всё больше протискивался через всех к центру. Когда я пробирался через эту огромную толпу, я столкнулся с женщиной, у которой помимо повязки на глазах был зашит рот еле заметной нитью, она была бледная и очень уставшая, они все, все люди были бледными, уставшими и с зашитыми ртами. Слышался только топот ног и больше ничего.

Мы шли по какой-то открытой местности, я ощущал запах чего-то непонятного, мне явно он не нравился. Обернувшись назад, помимо людей я увидел город, который с каждым шагом становился всё меньше и меньше. Мы уходили из него, ускорив шаг, все ещё быстрее пошли вперёд, как будто зная, что там их ждёт. Я стал почти бежать вперёд, опережая человека за человеком, я уже не волочился где-то в середине, я уже был почти в первых рядах, люди как куклы всё шли и шли, как будто неживые, как зомби они передвигались, не было слышно ни дыхания, ни других звуков, кроме тяжёлых шагов всех и сразу. Было такое чувство, как будто на их ногах были надеты невидимые кандалы, которые мешали идти лёгкой, непринуждённой походкой. Они шли и волочили за собой своё жалкое существование, молча, не жалуясь, они передвигались одинаково тяжело и обречённо. Я понимал, что мог говорить, видеть и идти совершенно легко и спокойно, из этой огромной толпы, которой не было конца и края, только я был свободным, только я один мог дышать полной грудью, я мог крикнуть, я мог делать всё что было угодно моей душе, но, глядя на людей вокруг себя, мне совершенно не хотелось выделяться из об-

щей толпы, я притих и просто пробирался через всех к началу этого шествия. Даже при виде маленьких детишек у меня бегали мурашки по всему телу, так же, как и взрослые, они шли тяжело и вслепую, – правда, у большинства из них рты были не защиты, не было этой еле заметной нити, которая проникала в губы людей и заставляла их вечно молчать. Мы шли всё дальше и дальше, город почти исчез из вида, серые тени всё крепче и крепче прижимались друг к другу.

Яркое свечение впереди меня сильно испугало и в то же время заинтересовало, я и боялся и сторал от любопытства: что там впереди? Спасительный огонь или смерть? В моей голове раздался знакомый голос, слов я не понимал, но точно знал, что это Кристина! Сердце застучало быстрее, я ускорил шаг, расталкивал всех и шёл к этому свечению. Когда я был уже совсем близко, кто-то схватил меня за руку, обернувшись, я увидел маленькую девочку лет пяти, её глаза были завязаны чёрной тканью, но рот был свободен, она подняла голову вверх и испугано спросила:

– Где моя мама?

– Малышка, я не знаю.– спокойно ответил я, высвобождая свою руку из её тисков.

– Мне здесь страшно, куда мы идём, я устала.

Я хотел было что-то ответить, хотя, если честно, я не знал, что ответить, утешить ребёнка я не знал как, только погладил её по белокурой головке.

– Скоро свершится великая битва.– сказала девочка, снова схватив меня за руку.

Но её голос не был детским, милым и звонким. Из её горла вырывался загадочный, воинственный голос мужчины, он эхом раздавался повсюду, все люди разом остановились и уставились на меня. Как будто на их глазах не было повязок, ощущение было таким, что они видят меня насквозь. Я почувствовал в душе волнение, я оглядывал всех и они оглядывали меня, потом все разом стали кричать: «Спаси нас!». От этих криков мои уши стало закладывать, тысячи криков незнакомых людей вонзились в мою голову, люди протягивали ко мне свои бледные руки, и я чувствовал, как они прикасаются к моему телу. Меня как будто шибало током, я чувствовал боль, но она была терпима до тех пор, пока девочка снова не схватила меня за руку.

– Пришло время принять великое спасение. Ты человек, который избран вершить божественную миссию, к тебе на помощь пришёл ангел, который отдаст свою жизнь ради тебя. Посмотри, как он погибнет!– проговорил всё тот же загадочный голос.

Люди, которые окружали меня, расступились, и я увидел то самое свечение, к которому так стремился, я подошёл поближе и увидел, как на сырой земле лежит раненный ангел, от его огромных белых крыльев исходило то самое мягкое свечение, перья как будто были намазаны серебром, всё слепило глаза, пахло какой-то свежестью. Крылья закрывали ангела, и я аккуратным движением отодвинул одно крыло в сторону и увидел Кристину. Она лежала с широко открытыми глазами, в груди была большая дыра, из которой сочилась голубая кровь. Белые родные руки неподвижно лежали на животе, лишь только кончики пальцев дотрагивались до раны. Слёзы покатались из моих глаз градом. Сияние её необыкновенно красивых крыльев постепенно затухало, я нагнулся к её лицу, которое не дышало, и стал всматриваться в её глаза, в её

голубые океаны, которые всегда излучали спокойствие и в них виднелась морская гладь, голубая вода, манящая глубина.

Глаза застыли, и та голубизна, которую я так любил, исчезла. Они приобрели серый цвет, тёмные глаза устремили свой взгляд в небо, как я ни пытался, не мог сделать так, чтобы её мёртвый взгляд посмотрел и на меня. Огромные крылья, с серебряными и белыми перьями, тоже теряли свой блеск. Они росли из её спины, огромные, величественные крылья. Я провёл пальцем по её губам, душа разрывалась от нестерпимой боли, я кричал, бил себя, ругался, но не мог прикоснуться к ней. Я боялся, что если начну тормозить её, чтобы она ожила, этого не случится, и мне придётся убить себя, так как больше чем есть я уже не переживу.

– Ты даже не можешь себе представить, кто сражался с тёмной материей за твою душу! Она победит, но умрёт от любви, сердце её вырвется из груди и нечеловеческая боль пронзит её и убьёт.

Этот голос разорвал пелену боли и отчаянья. Я поднял заплаканные, красные глаза и увидел девочку. Она была самой обыкновенной девочкой, её глаза больше не стягивала чёрная повязка, на ней не было серой одежды, все люди вокруг стали свободными. Одежда была яркой, они улыбались, разговаривали, смотрели друг на друга, обнимались, было видно, что всё вокруг светило от счастья.

– Будет точно такой конец?– спросил я хриплым голосом эту девочку.

– Будущее никому не известно.– ответила она своим детским, звонким голосом, потом искренне и по-доброму мне улыбнулась.

Люди ожили от долгосрочного сна, все жили только благодаря смерти Кристины. Одна ангельская жизнь во имя спасения всего человечества. Никто как будто нас не замечал, все проходили мимо и если вдруг обращали внимание на меня и на ангела, то сразу же отводили глаза в сторону.

– И ради них ты погибла? Ради того, чтобы через считанные секунды тебя все забыли?– стал шептать я, взяв в свои руки её лицо.– И я тоже не стою этого, я не стою этой жизни!– закричал я.

Голова безумно болела, казалось, что ещё какое-то время – и она разорвётся. К глазам хлынула кровь, я дико устал, изнеможенный от эмоционального переутомления, я лёг рядом с Кристиной. Страшное зрелище была эта рана в её груди, голубая кровь и почти тёмно-синяя дыра. Тело не двигалось, ангел был мёртв и казалось бы нужно это принять, понять, что Кристина умерла, что больше её не будет рядом, но мой мозг не мог этого ни принять, ни понять. Я всё ждал, когда она дёрнется, откроет глаза, которые я только что закрыл, шевельнёт своими белыми, застывшими губами, на худой конец снова появится её свечение от крыльев, но этого не происходило.

Я хотел в последний раз насладиться её присутствием, смахнув слёзы с глаз, я стал осматривать её тело, чтобы запомнить её красоту, хоть и посмертную. Её крылья начали сереть и перья стали постепенно выпадать, как будто пришла осень, после красивого и тёплого лета.

Неожиданно её тело стало исчезать в воздухе, она становилась прозрачной, и я не на шутку растерялся.

– Эй, не уходи.– прошептал я полупрозрачной Кристине.– Что я без тебя? Ты открыла мне мир, о котором я и не знал, о котором даже не мог и мечтать. С тобой я понял, что такое любовь, настоящая, без пошлости и предательства. С

тобой я обрёл смысл жизни, ты открыла мне глаза на мир. С тобой страха нет, ты знаешь меня насквозь, мне так легко с тобой, это всё, что мне нужно.

Я прижался к её почти прозрачному лицу, и вместо её мёртвых глаз я видел чёрную землю, от которой пахло смертью, этот запах вцепился мне в нос и не отпускал меня ни на секунду. Было такое чувство, как будто я тоже умер вместе с ней, внутри ничего не билось, сердце почему-то молчало в груди, раздалась только зловещая тишина, щёки и руки были холодней льда, я умирал вместе с ней. Тело слушалось меня, я моргал, многое понимал, мог плакать и что-то говорить, но душа, что-то внутри затихло навсегда. Поначалу я испугался, но потом почувствовал некое облегчение, я ничего не чувствовал, кроме пустоты, которая не давала никаких эмоций. Когда я стал осознавать всё, что со мной происходит, я снова взглянул на пустое место, земля ещё была тёплой, но постепенно и она станет холодной. Я потерял её навсегда, я потерял то, что люди никогда бы не нашли, я потерял сокровище, свою жизнь. Я знал, что она погибла ради моего предназначения, и оступиться, повернуть назад я не имел права, иначе я оскверню память своей любви и великого воина. Я буду делать то, что хотел от меня мой ангел, но буду мёртв, поскольку жить без него я не мог и не хотел.

Она победила зло, но умерла от любви, от этого чувства, которое так противоречит этому миру людей. Каждый день сотни тысяч людей влюбляются, расстаются, ненавидят, женятся, предают, и казалось бы, всё так просто, такое обычное чувство, но именно оно управляет всем миром, именно из-за него умерла та, которую я любил больше всего на свете. И это не искажённое чувство, это настоящее чувство любви! Мне было всё равно, что она умерла, в голове моей жил её образ, её волосы, глаза, губы. Она жила во мне, и пусть я никогда больше к ней не прикаснусь, я пронесу свою любовь через всю свою жизнь и обязательно встречу с ней, даже если мне придётся ждать этой встречи сотни лет. Кристина говорила, что я женюсь и у меня будут дочки, всё это бред! Это было сказано специально, для отвода глаз, теперь же я всё знаю и всё понимаю, нет других женщин, нет других людей, нет никого, есть только она и я.

Она умерла, и я вручил ей свою душу, ангел унёс её вместе с собой в долину вечности, она уже ждёт меня там, я верю в это. Её бездыханное тело стояло перед моими уставшими и безликими глазами. Даже в такой печальный момент она была божественно красива и воинственна.

Её никто не мог победить тысячи лет, с кем только она ни сражалась и всегда выходила с поля боя победителем, и ведь тогда Кристина совершенно не знала, что такое любовь. Точнее, знала, она видела её в людях и рядом с ними, но сама никогда не испытывала это чувство, и тут появился я – избранник! Она полюбила, и это чувство разрушило её, оказывается, ни зло, ни другие материи не могли её убить, только земное чувство могло убрать её с лица земли. Получается, я стал её проклятием, я был повинен в её гибели, но ведь мы друг другу подарили то, что никогда бы не смогли иметь. Мы подарили друг другу чистую любовь, свободную от оков, она как белая птица парила в облаках и только иногда спускалась на грешную землю. Мы подарили друг другу счастливые мгновения, которые были для нас важнее всего на свете, важнее даже нас самих. Она погибла из-за любви ко мне, она покинула землю и небо из-за человеческого чувства, которое жило в ней. Как я хочу, чтобы люди чувство-

вали то же самое друг к другу. Как я хочу, чтобы все мы ценили тех, кто рядом, и тех чьи сердца отданы нам. Нельзя забрать сердце человека и играть с ним, закрывать его в тёмной комнате или втыкать иголки болезненно и специально. Этого делать нельзя! Поэтому мы все так несчастны, поэтому нам нужно любить и верить в это чувство. Нужно любить и не бояться подарить своё сердце другому человеку, чужим рукам, которые со временем станут роднее, чем свои.

Люди привыкли постоянно жертвовать собой и в то же время они эгоистичные и безумно завистливые существа. Любовь не измеряется тем, какая у тебя зарплата и на какой работе ты работаешь, любви всё равно, какие у тебя глаза, карие или серые – это не важно. Любви всё равно, какой у тебя цвет кожи и к какой религии ты себя относишь, она просто есть, существует в этом мире и парит среди людей, а люди в свою очередь не замечают её, редко впускают в свой дом, а иногда и вовсе вышвыривают вон. Из-за этого любовь ожесточилась, она стала намного сдержанней и не светится больше ярким небесным светом. Теперь любовь стала приходить к малой кучке людей, считая оставшихся недостойными её благословения. В мире дефицит этого чувства, любовь больше не защищает людей от их же комплексов, недостатков и пороков. Она видит, что в сердце почти каждого человека есть чёрное пятно, которое со временем заражает всё сердце и в итоге оно чернеет, я тоже это отчётливо вижу. У кого-то пока нет этой черноты, у кого-то еле заметное пятнышко, а кто-то уже много лет живёт с червоточиной внутри. Моё сердце, как говорила Кристина, чистейший алмаз, неужели я настолько идеальный? Но почему тогда у меня такая несчастная любовь? И с родными я бывал раньше жесток, разве я идеален? И ещё, если моё сердце такое чистое и при этом моя жизнь не фонтан, то что можно сказать про других людей, у которых сердце уже заражено? Какие у них проблемы и какие жизни? Наверно, не везёт на каждом шагу и, наверно, поэтому сейчас идут сплошные войны, сплошные разбирательства, поэтому сейчас люди потеряли свои ценности и традиции. Мне тяжело об этом думать, ведь я живу в таком мире, и мне же его и спасать. Но когда я начинаю думать о людях, то руки опускаются, а иногда мне даже не хочется оказывать помощь никому, так как никто этого не заслуживает. Но Кристина всегда любила людей, она верила в то, что можно что-нибудь поправить, что можно ещё спасти, поэтому только ради неё, только ради её памяти я буду делать то, что от меня требуется. Я уже понимал, как буду действовать. Запущу свои силы в социальные сети, буду постоянно общаться с людьми, видеть их, изучать их и помогать им, буду находить единомышленников и саморазвиваться. Ведь я уже помог своей однокласснице, она чуть было не совершила детоубийство, и только я открыл ей глаза на то, что происходит вокруг неё. Алкоголь, случайные связи скорее всего унесли бы её жизнь, и любовь ко мне – всего лишь физическое влечение, которое она никак не может получить и делает из этого ложную любовь. Я сумел помочь своей мачехе, она обрела покой, несмотря на то что всю жизнь конкурировала с моей матерью, я сумел вылечить её от рака, чему до сих пор не могу поверить. Я ещё не могу поверить в то, что я вообще могу исцелять, что мои руки могут принести кому-то счастье.

Ночные кошмары, которые перелились в пророчества, больше меня не пугали. Я проснулся, сидел на кровати и слушал своё сердце. Оно колотилось в

груди, оно пока ещё жило. Я понял, что всё, что сейчас я перенёс, был мой кошмар, мой реальный сон. По ногам пробежался лёгкий холодок, чувство пустоты не отпускало меня и в реальном мире. Я слышал, как Ольга Викторовна стучалась ко мне в комнату, что-то спрашивала, я ей на автомате отвечал бессвязно, и мои ответы успокоили её. Она затихла.

Глава 22. Встреча с неизбежным.

Я ждал, мне катастрофически не хватало её присутствия, глаз и голоса. Она скрылась от меня, исчезла, но на какое время? Неужели до решающего боя с врагом? Я так не мог, мне нужна была она, мне нужно было знать, что мой ангел жив, что пророчество, которое мне приснилось, сегодня не исполнилось! А вдруг она погибла? И её смерть прошла мимо меня? Мне необходимо проститься с ней и отдать своё сердце навсегда, похоронить его вместе со своей любовью. Зачем она позволяет думать о таком? Зачем не развеет все мои сомнения, ведь я схожу с ума.

Через пару часов я поехал на Старый Арбат, никому ничего не сказав, я поймал такси и поехал. Отец уже знал о том, что машины нет, скрывать этот факт было уже бессмысленно, он понял меня. Я не стал придумывать небылицы, рассказал как есть! Что познакомился с бедной девушкой и решил ей помочь, почему и что на это меня подвигло – отец не спрашивал. Ольга Викторовна немного возмущалась моему поступку, но что выяснять, когда уже всё сделано?

Я не хотел встречаться со своими друзьями и знакомыми, пить мне не хотелось, зависать у кого-то на квартире я не любил, я просто хотел отдохнуть, но ничего не получалось. Прогуливаясь по старому Арбату, я впитывал в себя это миленькое местечко, присматривался к иностранцам и смотрел, как уличные художники рисовали людей. Кто-то подходил и садился напротив художника, кто-то подходил с фотографией, а кто-то просто стоял и смотрел, в основном это были молодые пары. Их энергетику я ощущал, но она не впечатляла меня, было слабенько и скучно, люди держались вместе по непонятным причинам, которые я совершенно не понимал: жалось, расчёт, неуверенность? Разве можно жить с человеком из-за жалости или только по расчёту? Что случится в итоге с твоим сердцем, оно превратится в камень и ты умрёшь. Только одна пара меня заинтересовала, вместе они были уже три года, она, как я почувствовал, была беременна, но пока не знала об этом. Молодой человек и девушка любили друг друга достаточно крепко и преданно. Они даже как-то по особенному держались за руки и смотрели друг другу в глаза. Хоть какая-то положительная эмоция за всё время. Я понимал, что живу в огромной пропасти и тьме, и я понимал Кристину, когда она говорила, что ангелы ослабли из-за того, что им не хватает положительной зарядки. И я тоже слабел и падал духом от того, что получал малую часть от большого пирога. Пройдясь ещё дальше, я увидел небольшую толпу, а в середине танцевали танцоры, их было трое. Музыка немного била по ушам, подростки развлекали публику и улыбались, они кайфовали от своего мастерства и от того, что людям нравится. От них исходила положительная энергия, так они выпускали свою внутреннюю энергию. Я тоже стал наблюдать за происходящим. Одна девушка стояла около меня, она что-то напевала, большие красные губы что-то бормотали себе под нос. Я как бы нечаянно задел её, глаза вспыхнули, обратили на меня своё

внимание, губы перестали что-то бормотать и она застыла, сосредоточенная. В свою очередь я почувствовал странное ощущение, что над этой девушкой нависла опасность, не смертельная, но опасность. Мне стало жаль её.

– Вы в опасности, будьте осторожны.

Я не стал наблюдать за реакцией девушки и просто ушёл, возможно, я спас ещё одну жизнь, по крайней мере попытался это сделать. Я почувствовал, как она смотрит мне вслед, как её глаза полны испуга и удивления, а ещё она понимала, что я имел в виду.

Многие люди, которых я сегодня видел рядом, были несчастны, кто-то знал о своих проблемах, но никто не мог себе помочь, ни у кого не было сил стать лучше, все жили со своим грузом на душе, внутри организма всё было тесным и зловонным, это можно было назвать добровольным рабством своей души. Так же и эта девушка, она тоже относится к этой категории людей и, конечно же, мои слова удивили её, и заставили задуматься хотя бы над малой долей своей жизни. Люди были безумно ленивы...

Я молча бродил по Старому Арбату. Шагал я медленно, со стороны я казался задумчивым пареньком, у которого глаза, как у преданной собаки, меня мало кто замечал. Но в целом я производил грустное впечатление, и это впечатление было самым правдивым. Я понимал каждого и чувствовал всех вокруг, но стал постепенно снова терять себя, без Кристины я растерялся не на шутку, снова в голову ударил поток ненужной мне информации, виски заколотила тупая боль, голоса ворвались в неё, и я снова стал испытывать страшный дискомфорт. Без неё я снова становился тем Антоном, который был раньше. Запуганный, ничего не знающий мальчик, я жил и мечтал умереть, потом появился ангел, её чудеса, перемещения в пространстве, открытие новых сторон жизни и знакомство на расстоянии с чужими людьми, о которых я узнавал многое, потрясало меня. Я начинал контролировать своё тело и разум, и это продолжалось до сегодняшнего дня. Во мне снова проснулся тот страшный, пугающий меня мир.

Но тут в голову ворвался странный женский голос, она как будто что-то нашептывала, я не мог сразу разобрать её слов, но голос этой девушки пугал меня, я холодел. Я не могу сказать, что это ужасный голос, хриплый или картавый, это красивый, мелодичный голосок, но с каким-то холодом в интонации, от него веяло смертью, я чувствовал это, изо рта валил пар, притом что на улице было плюс двадцать три. Со мной связалась смерть, она поймала мою частоту, поймала поток моих мыслей, нашла брешь в моей голове и закачала себя как вирус.

– Я нашла тебя... Ты мой...

– Кто ты?– мысленно отвечал я ей.

– Я нашла тебя... Скоро ты будешь моим...

Холодный, пугающий и красивый голос гипнотизировал моё сознание, мне вдруг захотелось спать, погрузится в сладкий сон. Я облокотился рукой на стекло витрины магазина и медленно взглянул на своё отражение. Увидев себя, я оторопел: глаза были красные, губы белые и кожа лица приобрела болезненный цвет. Тут ни с того ни с сего вместо моего отражения появился мутный женский силуэт. Постепенно её лицо приобретало чёткие очертания, и я увидел очень красивую девушку, с огромными чёрными глазами и с очень длинными чёрными волосами. От её взгляда веяло смертью, губы были фио-

летово-белые, такое ощущение, как будто она мертва, но в то же время жива. Сердце её не стучало, внутри ничего не говорило о жизни, чёрное длинное платье скрывало всё её тело, были видны только пальцы и голова. Её строгая и неприступная красота была всего лишь маской, которая служила ловушкой. Но мне хотелось остаться с ней, я прислонился к стеклу и слова вырвались из моих уст.

– Ты моя смерть?– спросил я шёпотом.

– Я нечто большее, чем смерть, узнаешь потом, кто я на самом деле.– ответила она, кладя свою руку параллельно моей на другой стороне стекла.

– Зачем я тебе?

– Тебе нельзя жить, ты паразит, которого мне нужно ликвидировать.

Я понимал, с кем разговариваю, и от этого становилось жутко, но я хотел общаться, хотел понять эту смерть, которая находилась совсем рядом со мной, только тоненькое стекло разделяло нас.

– Почему же ты не убиваешь меня?

– Сначала я должна убить...

После слова «убить» последовали странные слова, которые я раньше никогда не слышал, и были они сказаны грозно и гневно, и я понял, о ком идёт речь.

– Почему образ девушки?

– Сейчас миром правит соблазн, ты юноша – я девушка, скрепим же наш союз поцелуем?

Она как будто потянулась ко мне, вытянув свои мертвенно бледные губы, всё с той же холодностью в глазах, она хотела прикоснуться ко мне. Но резкий рывок из нереальности в реальность отрезвил меня. Я как будто вынырнул из болота, я не мог надышаться, казалось, я совсем не дышал, когда был рядом со смертью. Лёгкие болели, я стал кашлять, грудь раздирала боль. Меня толкнул охранник магазина, он давно заметил странного парня около витрины, сначала он почти не обращал на меня внимания, потом, увидев странные действия с моей стороны, он понял, что я опасен. Подойдя ко мне, он откинул меня и я рухнул на землю.

– Больной! Развелось наркоманов, обкуренный идиот! Решил приглядеть себе что-то, чтоб потом обменять на дозу? Погляди на себя, ты выглядишь как смерть! Ау! Парень! Ты меня слышишь?

Я провалился... Голос охранника был где-то далеко, я летел в огромную, чёрную дыру. Эта тёмная материя была сильнее меня в сто раз, я не мог контролировать себя, я забыл о том, кто я и кто она...

Я предал Кристину, забыв всё, о чём она мне говорила, где была она? Почему посмела допустить то, что произошло? Ведь я ещё не до такой степени готов, чтобы отражать такую силу.

Проснулся я в больничной палате, рядом сидела Ольга Викторовна и любя смотрела на моё лицо. Распахнув широко свои глаза, она обрадовалась, затрепетала и пустила слезу.

– Ну наконец-то! Я так за тебя волновалась, что случилось?

Отец стоял около окна и задумчиво куда-то смотрел, потом произнёс:

– Тебя видели люди, твои странные действия были запечатлены на видеокамеру наружного наблюдения этого магазина. Это позор! Позор для меня, потому что я не усмотрел за тобой, я проглядел тебя уже в далёком прошлом. И

что теперь? У моего сына проблемы с головой? Я поверить в это не могу, и в страшном сне такое не приснится.

Отец закрыл лицо руками, потом медленно повернулся и пошёл к выходу из палаты.

– Мне нужно было уже давно положить тебя в клинику и может быть ничего бы и не произошло! Ведь я видел, что с тобой творится что-то дурное, но не вмешивался, боялся тебя разозлить или окончательно тебя отдалить от себя. Но теперь я понимаю, что совершил самую большую ошибку в своей жизни.

После этих слов он скрылся в коридоре и больше не появился. Люди, которые лежали в палате, всё слышали и видели, воцарилась гробовая тишина, я умирал со стыда и от обиды. Сколько боли и страданий я принёс своей семье. Каждый день я наносил им укол, а они терпели и просто жили с этим, безгранично меня любя. И вот сейчас рядом сидит мама, вытирает свои слёзы, которые льются ручьями и глухо постанывает. Кто-то вышел из палаты, кто-то притворился, что спит. Мой организм был, как потрёпанная кукла, я был слаб. Я понял, что врачи, получив меня в свои руки, сразу поставили диагноз. Странное поведение на улице, обезвоживание организма, плохая кровь, хроническая усталость – всё говорило о том, что я повернут на голову. Я больной, шизофреник, наркоман, и этот диагноз просто убил мою семью. Отец всегда всё переживал в себе, никогда не показывал своих эмоций, всегда был человек-скала, наверно поэтому я всегда считал, что ему всё равно на меня, но это оказалось не так... Ольга Викторовна – это совершенно другая песня, с ней всё обстоит гораздо хуже, она ранимая и очень чувствительная женщина и всегда всё переживает со слезами на глазах и с комом в горле. Я часто видел и слышал её слёзы, но почему я их не замечал и не ценил? Ведь самое дорогое, что всегда у меня было, это именно они, моя семья. И именно им я причинял дискомфорт, всю жизнь я заставлял их страдать и переживать боль. Я заставлял их гадать, какое у меня настроение, можно ли зайти ко мне в комнату, можно ли вообще что-нибудь спросить? Это было ужасно, я был эгоистом, я был чудовищем и просто ничтожеством.

Всё моё тело ныло от боли, казалось, через него пропустили ток. Мне было больно даже поднять руку. Всему этому было объяснение, но кто поверит мне? Кто поверит этому бреду? Конечно, после моего откровения меня сразу упекут в психиатрическую больницу, и, конечно же, во благо моему здоровью и моей жизни. Мне нужно было успокоить Ольгу Викторовну. Нужно было сделать так, чтобы она была на моей стороне, нужно «открыться» перед ней, именно этого она всегда хотела, но я не мог. Сейчас не подходящее время шокировать её ещё больше, нужно было наврать, красиво и правдоподобно.

– Ты веришь в то, что я такой, каким меня сейчас все видят?

– Я верю врачам.– сухо ответила она.

– Это всё неправда, я просто устал жить так.

– Как жить?

Нужно было что-то соврать, пока её глаза смотрели на меня, пока её сердце ещё мне доверяло. Я не мог быть в её глазах больным сыном, это самый большой удар, это всё равно что я идиот или придурок, у меня не может быть нормального будущего, семьи, я овощ. И как я могу быть таким? Стыдно было до ужаса, я то краснел, то бледнел, мне не хватало воздуха.

– Я люблю одну девушку и жить без неё не могу, схожу с ума и понимаю,

что сойду! Сейчас она уехала, её я не вижу и просто голову рвёт на части. Ведь ты же знаешь, что я раньше ни в кого не влюблялся. И вот появилась она, моя первая любовь. Я к ней со всем сердцем и душой, а она только смеётся надо мной и не воспринимает меня всерьёз. Мне тяжело без неё.

Сейчас по задумчивым глазам Ольги Викторовны я прочёл много мыслей, она то хочет поверить, то отступает. Теребя в руках заплаканный платочек, она думает, всё в голове кипит. Но что я, наверно, никогда не смогу сказать, это то, что ту, которую я люблю, нельзя назвать человеком, она ангел, высшее существо. Мне хотелось намекнуть, как-то побольше приоткрыть занавесу, но я испугался и не стал перебарщивать. Ей и так сейчас трудно принять всё то, что произошло со мной, это откровение не сыграет мне в плюс.

– Эта та девушка, которую ты рисовал?– спросила Ольга Викторовна, после небольшой паузы.

– Да.– покорно ответил я.

Её сердце билось со страшной силой, вроде как она успокаивалась, понимала, что я открываюсь перед ней, что упускать такой возможности нельзя.

– Разве можно так любить, чтобы потом превратиться в больного человека? Разве эта любовь?– говорила Ольга Викторовна, смотря на меня своими уставшими глазами.– Это прямо какое-то разрушение! Если всё то, что ты сказал, правда, то нам нужно постараться вырваться из этого замкнутого круга, я не позволю тебе погибнуть!

– Я не погибну.

– Откуда тебе знать? Посмотри на себя! Где тот красивый мальчик? Где эти серые глаза и милая, открытая улыбка? Почему я вижу испуганного и измученного мальчишку?

– Потому что я устал...

Я устал... Я устал жить, зная, что другого не будет. Я устал постоянно думать о том, что я должен спасти весь мир от неминуемой гибели. Я должен их любить и чтить, просто отдать им свою жизнь, которая дороже, чем вечная жизнь самого сильного небесного ангела. Я устал постоянно бороться, я устал постоянно бояться, я устал так любить...

– Может, нам куда-нибудь съездить? Давно нигде не были, тебе пойдёт на пользу свежий воздух, ягоды, овощи. Поехали в деревню к Зинаиде Петровне? Хотя мы не общались несколько лет, я думаю, она нас помнит и примет, тем более она тебя всегда очень любила! Как думаешь?

– Что хочешь, то и делай, но я не шизофреник! И откуда так быстро можно поставить такой страшный диагноз?

– Ты бы себя видел, сынок! Ты был похож на ненормального, опасного человека. Я тоже, как и отец, просмотрела запись камеры наблюдения и ужаснулась, я тебя просто не узнала! Ты был там, на плёнке совершенно чужим для нас человеком, я не чувствовала своего Антошу, я не чувствовала своего мальчика. Мне даже показалось, что ты был на грани какого-то безумного поступка! Послушай, я не хочу тебя сейчас нервировать, ты и так слишком слаб, но всё-таки рискну: возникали ли в твоей голове мысли о самоубийстве?

Самоубийство, сумасшествие, чужой, опасный... Вот каким меня на самом деле видят люди, вот на самом деле какой я. Я представляю, чего они там насмотрелись и что им там наговорили. Но кто бы только знал, что со мной тогда происходило?! Сама смерть обвивала меня, захватывала в свои тиски, и

только благодаря этому охраннику я спасся, хотя снова попал в тиски, только на этот раз не мистические и не менее печальные. Я не мог сказать: «Мам, а ты знаешь, там, стоя около магазина, я видел саму смерть, она говорила со мной, я слышал её голос, она манила меня и хотела прикоснуться ко мне своим мертвенным поцелуем». Конечно, от такого семья сразу запечёт меня в психиатричку, и это во благо мне. А может пусть лучше будет так? Пускай обколют своими лекарствами, и я умру в неадекватном состоянии... Но опять же, я знаю, как должна пройти моя жизнь, я должен жить и хотеть жить, мне нельзя умирать и тем более становиться психом.

Ну где же ты? Смотри, что со мной происходит! Неужели ты меня больше не любишь? Не ужели я тебе больше не нужен? Тёмная материя сказала, что ей предстоит ещё с тобой сразиться, поэтому я знаю точно, что ты жива, что где-то обитаешь, но не появляешься. И ещё я знаю, что ты меня слышишь, что знаешь каждую мою мысль и что сердце твоё неспокойно. Почему-то именно сейчас я как будто тебя чувствую рядом, ты здесь, но в то же время тебя нет. Ты то спокойна, то я ощущаю всплеск эмоций, не покидай меня, будь рядом, ведь сейчас мне трудно как никогда.

– Я похож на совсем чокнутого человека?

– Нет-нет, я не хотела тебя обидеть, просто пойми, после того, что я увидела, в голове настоящая каша, уже не знаешь, о чём думать и где находить ответы...

– Давай ты не будешь задавать такие бредовые вопросы?– ответил я, боясь развить эту тему, поскольку она для меня тоже имела болезненный характер.

– Сынок, тебе врач будет задавать вопросы похожие на мои, даже ещё хуже, может тебе стоит подготовиться?

– Подготовиться к чему? К допросу? Ага, разбежались! Как только окрепну и смогу нормально ходить, сразу же отсюда уйду, и не нужно мне ничего говорить. Нигде нет доказательств того, что я опасен для общества, а если я даже и опасен, то только для самого себя, поэтому давай отложим этот руководящий тон. Такое ощущение, как будто я убил человека, и теперь вы все проверяете меня, вменяемый я был, когда убивал, или нет.

– Ну, что за глупости ты говоришь? Никто тебя насильно держать здесь не будет. Ты совершеннолетний, взрослый юноша, распоряжайся своей жизнью как тебе хочется, но вот папа попросил одного врача...

– Не нужен мне никакой врач! Если мне понадобится помощь, я попрошу. Просто это я так переживаю из-за любви к девушке, которой я не нужен. Кажется всё таким банальным, что мне даже стыдно...

– Это вовсе не банально, – ответила Ольга Викторовна, чуть повышая голос.

– Почему?

– Из-за любви чаще всего люди и совершают неправильные поступки. Любовь может дарить новую жизнь, может окрылять, вдохновлять, а может ударить об самое дно, потопить, разрушить всю твою душу и забрать рассудок. Ведь я не маленькая девочка, а взрослый человек, и как никак с жизненным багажом. Я видела, как любовь давала жизнь, делала людей счастливыми, и видела, как убивала каждого по отдельности или всех вместе. Так было между моими родителями, разрушались они оба, пока не случилась долгожданная трагедия. Они оба постепенно тонули, и мы с сестрой это видели, но ничего не могли поделать. Так же и ты! Разрушаешь себя и превращаешься из талантлив-

вого будущего архитектора и художника в обычного больного парня, с такими завихрениями, что даже страшно о них говорить. Эта девушка хочет жить так, как она себе запланировала, ты же ей препятствуешь, ты как заноза, как шлагбаум, и конечно же ей хочется поскорей от тебя избавиться, и меньше всего она думает о твоих чувствах, она занята другими делами, тебя она не хочет. Может быть, тебе стоит подумать над тем, как забыть её, чтобы снова не оказаться в больнице или где ещё похуже? Я понимаю, что это трудно, но это пока так. Любовь проходит, приходит новая, и у тебя будет новая, обязательно. Невзаимная любовь живёт недолго.

– Долго.

Она поняла мой ответ и потупила взгляд, потом еле заметно улыбнулась сама себе и подняла голову.

– Неужели ты настолько влюбился в эту девочку? Знаешь, а если так подумать, то мне нечего тебе сказать.. Мне просто страшно за тебя!

– Не бойся.

Прошло ещё пару дней, и я оказался дома. Проспав несколько ночей как убитый, я зарядился, как батарейка, и мог кружиться, вертеться и скакать. Ольга Викторовна постоянно приносила мне фрукты: персики, яблоки, груши и апельсины, я ел и спал, спал и ел. После долгих уговоров отец всё-таки немного оттаял и не стал настаивать на врачебной помощи, только выдвинул мне свои условия, они заключались в том, что я должен посвящать родителей в свои планы и вообще рассказывать всё, быть всегда как на ладони и даже не запирает ванну, когда моюсь. Следующим условием было пить таблетки, которые мне назначили, и раз в месяц посещать врача. Впустить родителей в свою жизнь, в свой мир было гораздо трудней, чем пить таблетки и ходить к врачу, который будет следить за моим здоровьем. Я был рад, что всё закончилось именно так, как закончилось, без особых нервных срывов, сюрпризов и слёз. Начинать родителей впускать в свою жизнь мне нужно было уже пару дней назад. Пока приходилось врать, но мне больше всего на свете не хотелось врать самым близким людям, ложь – я точно это знал – затягивает как болото, раз оступишься, соврётся, потом не выбраться. Это я прекрасно понимал, но правду был не готов открыть.

Ночью, когда все спали тихим и мирным сном, я лежал на кровати и смотрел в окно, на небе горела яркая, белая луна, она не светила мне прямо в окно, но я старался поймать её своим взглядом. Потом я услышал какое-то движение в комнате, похожее на шаги, быстрым рывком я включил настольную лампу и увидел, как в ногах стоит Кристина...

Её длинные каштановые волосы спадали с плеч, губы нежно улыбались, она была одета снова во всё белое. Снова я почувствовал тот самый запах, такой тонкий и уже настолько родной. Так люди не пахли, это я знал точно, она села рядом со мной и взяла меня за руку. Я почувствовал, как всё моё тело поднимается, как каждая клеточка шепчет ей, что любит. Милая, дорогая моему сердцу девочка была рядом со мной. Я пропустил тот момент, когда пустил слезу, а когда это заметил, даже испугался, Кристина тихо засмеялась.

– Тихо, нам нужно совсем не подавать никаких сигналов, ведь за тобой уселили заботу.– сказала Кристина, прислоняя свой беленький пальчик к губам.

– Так ты всё знаешь?– тихо спросил я, немного приподнимаясь.

– Да.– виновато ответила она.– Прости меня, что оставила тебя, что отдала в руки тёмной материи, она бы тебя не тронула, но пострадал ты здорово. Почти все силы из тебя высосало, даже в больнице лежал, набирался сил, и как – набрал?

– Потихонечку, усилиями родных я поправился.– я замолчал и пристально взглянул в глаза Кристине.– Где ты была? И неважно, что со мной случилось, где ты была?

Она молчала, как-то даже отвернула голову в сторону и дала мне лицезреть вблизи её бархатную шею и блестящие пряди её шоколадных волос. Я ждал ответа, она ничего не отвечала. Оттого, что я не получал желаемое, я не стал так пристально сверлить её взглядом, я то отводил в сторону взгляд, то снова смотрел на неё. Но когда я в очередной раз взглянул на Кристину, я увидел, как из-под белоснежной кофточки виднеется что-то синее, как небольшая часть большого синяка. Я набрался храбрости и потянул к этому месту руку.

– Что ты делаешь?– схватила Кристина мою руку и испуганно отодвинулась от меня.

– Что там?

– Где?

– Под твоей блузкой? Я видел синий синяк, откуда он?

– Тебе показалось.

– Кристина, ведь я не отстану.

В её глазах читался непомерный страх, было такое выражение лица, как будто она сейчас расплачется, но я знал, что такого быть не может. Она подседела поближе и снова взглянула на меня, её голубые глаза, голубые океаны, были спокойны, но всё её нутро трепетало. Она потянула руки к пуговицам и стала их расстегивать.

– Моё исчезновение было вынужденным...

Она приоткрыла руками верх кофточки и я увидел большой сине-фиолетовый синяк. От него ответвлялись тоненькие голубенькие сосудики, она думала, что я не увижу этот кошмар. Но именно эти сосудики мне и бросились в глаза. Я протянул руку и еле дотронулся до горячей плоти, до этой раны, всё тело Кристины дрожало, она закрыла глаза и дала мне ещё несколько раз прикоснуться к ней. Потом она аккуратно отвела мою руку и застегнула кофточку.

– Я умирала, сердце внутри меня разрывалось и пульсировало. Было ужасно страшно в это мгновение не видеть тебя. Когда я почувствовала, что у меня началось внутреннее кровотечение, то я поняла, что мне настал конец, но я всё таки смогла отсрочить эти боли, я смогла прейти к тебе. Я побуду с тобой, несмотря на то что нам нельзя находится рядом, это спровоцирует новый приступ, но мне лучше рядом, с тобой, не хочу умереть без тебя, хочу, чтобы ты держал меня в своих объятьях и отпустил только тогда, когда я исчезну.

– Любимая моя, неужели это всё из-за меня? Прости!– стал нервно и виновато шептать я ей.

– Что ты! Ты не виноват! Мы оба друг другу причиняем нестерпимую боль, но и любовь тоже дарим друг другу.

– Но ты испытываешь боль в два раза больше, чем я! Так нечестно!

– Всё честно, тише, а то Ольга Викторовна проснётся.

Я стал прижимать Кристину к себе, и она не сопротивлялась, она так испу-

галась умереть одна, что этот страх одолел всё её тело, я мог обнять её крепко-крепко и вдыхать аромат её шеи и губ.

– Мне недавно снился настолько реальный сон, что я, когда проснулся, ещё долго не мог отойти от него.

– Тебе снился вещей сон.– тихо ответила Кристина, прижимаясь ко мне всем телом.

– Мне приснилось, что ты умерла, что в груди у тебя огромная дыра и из неё сочится тёмно-синяя кровь, снились твои огромные, с серебристыми перьями крылья, снились твои тусклые глаза, и в конце концов ты исчезаешь... Я испытал нереальный шок, я ощущал всё живо и правдоподобно, испытывал настоящие чувства, тело моё всё болело и ныло и в конце концов моё сердце тоже остановилось. Но знаешь, я продолжал жить, но в то же время уже не жил, моя душа умерла в тот самый момент, когда ты почти исчезла. Понимаю, что тебе неприятно это слышать, ведь наверно именно тогда, когда мне снился этот сон, ты крЮчилась от боли, но ты должна знать.

Я прижал её ещё сильнее, моё тело чувствовало её тело, и я был самым счастливым человеком на всём белом свете. Я не мог поцеловать её, но по крайней мере я мог прижаться к ней, дышать с ней одним воздухом.

– Когда ты дотронулся до меня, я увидела этот сон. Ты чувствовал, что мне плохо, и тебе приснилась я. Антон, я неминуемо и бесповоротно погибну, мы оба уже это знаем, так давай эту ночь проведем вместе, насладимся этими сладкими минутами. Я хочу пролежать всю ночь рядом с тобой, слышать твоё сердце и слышать, как ты тихо посапываешь, хочу согреться в твоих объятьях и навсегда унести с собой это тепло, я хочу быть сейчас только с тобой, обнимать тебя, любимый мой...

От этих ласковых слов я сходил с ума, я понимал, что мне ничего не нужно больше в жизни, лишь бы рядом со мной была она, любовь и жизнь моя. Я понимал, что, находясь рядом со мной, она испытывает боль, которую я даже не могу представить себе, но лучше вместе, лучше я возьму на себя часть её ноши и буду нести молча и долго. Пускай она только почувствует, что я готов разделить с ней боль, пускай поймёт, что мне не страшно.

– Я так боюсь тебя потерять, что нарисовал твой портрет.

– Я знаю.

Я так и знал, что от неё нельзя ничего скрыть, она всё видела и чувствовала. Скрыть от неё хоть что-нибудь было просто абсурдом. Я боялся, что мне придётся уничтожить рисунок, что сейчас она начнёт причитать и говорить, что так нельзя, таковы правила, но она молчала. Её сердце колотилось, озноб прошибал её тело, она бледнела и всё сильнее и сильнее прижималась ко мне, у неё начиналась ломка...

Я немного приподнялся и увидел слабое, маленькое тельце, которое лежало рядом со мной, мне стало непомерно жалко её, и я встал с постели и подошёл к окну.

– Лучше бы меня поцеловала смерть и всему настал бы конец!– выпалил я.

– Ты бы не умер...– еле слышно ответила Кристина.– Сначала я, а потом ты.

– Почему ты? Ну почему?

– Так надо!

– Глупые правила?

– На то они и правила!

- Кому они нужны?
- Всем!
- Зачем?
- Чтобы жить...

С ней было бесполезно спорить, на любой вопрос она находила ответ, и опровергать его было крайне сложным занятием. Я не мог смотреть в её сторону, меня одолевали тоска и вина, я готов был выпрыгнуть из окна, лишь бы избавить её от таких страданий.

– После этого случая и после больницы, – начала Кристина, – ты сблизился со своими близкими, я думаю, это сыграло тебе на руку, нежели наоборот! Ты увидел, как сильно родители тебя любят и как сильно переживают за тебя. Несмотря на то что Ольга Викторовна всегда ревновала тебя и отца к твоей покойной матери, она любит и её тоже, а вас – так это не обсуждается. Любовь её непомерно поможет тебе в будущем, она примет тебя таким, какой ты есть, она узнает правду ещё задолго до того, как ты начнёшь творить чудеса. Прошу тебя, люби людей вокруг себя, как своих близких!

– Почему ты так хочешь спасти эту планету? Что хорошего, в конце концов, сделали люди, чтобы получить твоё расположение?

– Понимаешь, я всегда любила людей за их уникальность и за то, что они творение божье. С годами и столетиями эта любовь только усиливалась, а потом и вовсе переросла в манию. Но сейчас я просто люблю людей, просто хочу вам всем счастья, чтобы и мы, ангелы, радовались за вас и впитывали ваши положительные эмоции, заряжались вашей доброй энергией. Внешне я человек, но внутри я неземное существо с голубой кровью вместо красной, я ангел, но в то же время – частичка человека, частичка вашего мира. Я могу сказать, что мечта моя сбылась, мечта, которую я желала больше тысячи лет, свершилась, я полюбила. Полюбила так, что просто донельзя! Вместо наслаждения и сладости я получаю одну лишь боль! Я умру от этого чувства, к которому стремилась практически всю свою жизнь, но я не жалею об этом! У меня есть ты, в твоей памяти и воспоминаниях я буду жить вечно! Когда я умру, я всё равно буду рядом с тобой, ты должен будешь меня ощущать... Любовь моя уже живёт внутри тебя, она горит в твоей груди голубым светом – это я! – Кристина приподнялась. – Антон, прости меня за то, что я причиняю твоему сердцу страдания, прости, что не могу подарить тебе человеческое счастье.

– Не проси прощения! Я, наоборот, должен сказать тебе спасибо! Ты научила меня любить, и прежде всего любить самого себя! Ты можешь утешать меня сутки напролёт, но ты ведь знаешь, это мне не поможет! Я люблю тебя, и жизнь без тебя не будет мне казаться живой и красочной, с тобой я был бы ангелом, без тебя я существо без души, только тело. И не нужно ничего мне сейчас говорить, ты очень слаба! Просто выслушай меня! В моей жизни происходили такие вещи, которые не могут в принципе происходить с человеком, и за эти явления я говорю спасибо, без них я бы не понял, что такое прожить всю жизнь вместе и не бояться смерти, без них я бы не понял, что никого и никогда нельзя бояться, и даже когда ты тонешь, погружаешься на глубину, ты можешь дышать и можешь не волноваться, что тебе осталось жить несколько секунд. Я стал мудрей, стал добрей, и всё благодаря чудесам, чудесам, которые ты мне показывала. Ты научила меня многому, и за это я должен сказать тебе спасибо! Ты научила меня любить тебя без памяти, и другой любви мне про-

сто не нужно!

– Тогда и я должна сказать тебе спасибо за то время, что ты мне подарил. Знаешь, я чувствовала, что тьма нашла тебя, и более того – вступила с тобой в контакт, мне было больно это понимать, но я знала, что она не причинит тебе зла, сначала ей нужно вступить со мной в бой, а потом уж дело покажет. Я для неё самая страшная опасность, пока она не знает моего изъяна, моего слабого места, она не станет провоцировать, больно кусать и трепать как куклу. Сейчас я для неё угроза, истребитель, могущественный воин, и именно сейчас она взвешивает свои шансы «за» и «против». Это наш самый большой плюс, но помни, Антон! Запомни одну важную вещь! Она ни в коем случае не должна прикоснуться к тебе, иначе наш единственный козырь исчезнет.

– Она прочитает меня?– спросил осторожно я.

– Досконально. Ей не нужен ты, я ей интересна, ведь мы давние враги, и убить меня для неё высшая награда. Поцеловать тебя или дотронуться ей необходимо, чтобы уловить мои недостатки, чтобы найти во мне брешь, и как только она её найдёт, неминуемый конец свершится сразу же. Она не будет меня бояться, всего лишь один мощный удар убьет меня.

– Ты должна противостоять ей! Должна победить!

– Тише, а то своих разбудишь... Я постараюсь выжить и спасти тебя, это моя миссия, главное – чтобы ты остался в живых, это самое главное, моя жизнь ничего не значит, твоя же наоборот...

– Ты что-то скрываешь! Я это чувствую!

– Скрываю, но ты потом всё узнаешь, всему своё время...

Я не хотел более допытываться, действительно, рано или поздно я узнаю всё, так почему же не подождать? Постепенно светало я снова лёг рядом с Кристиной. Она была холодна как лёд, даже моё тело прошиб озноб. Её тоненькие, беленькие ручки обвили мою шею и холодное, свежее дыхание ласкало меня. Не было большего блаженства, чем чувствовать её рядом с собой, ощущать её сердце и слышать, как оно бьется. Вспоминая тот страшный сон, я всё больше и больше проваливался в пустоту и горе, но как только я слышал стук родного сердца, я просыпался, трезвел, понимал, что сейчас в реальности она пока жива и рядом со мной.

Каково это – понимать, что скоро ты умрёшь? И каково двум любящим сердцам осознавать это? Такой адской боли мы оба никогда ещё не испытывали, спустя ещё немного времени я уже ощущал всю её боль. Поделившись со мной, ей стало немножко легче, зато меня пробила такая боль, что казалось, сейчас заплачу кровавыми слезами. Теперь я знал, что такое настоящая боль, и я чувствовал на себе и внутри себя боль ангела. Сейчас, в эту минуту, мы стали единым целым. Потерялись где-то человек и ангел, было что-то целое, что-то огромное и живое, это были мы. Хрипение в её лёгких заставило меня очнуться, и я испуганно посмотрел в лицо Кристины. Увидев её глаза, я понял, что смерть уже схватила её за плечо, голубые океаны тускнели, губы были почти белые, а из носа текла маленькая струйка голубой крови. Из моих глаз посыпались слёзы, несколько капель упали на щёку ангела, она широко открыла глаза и улыбнулась мне.

– Похоже, что я плачу?– тихо спросила она.

– Да, похоже...

– Значит это мои слёзы, и я плачу...

– Да, это твои слёзы и ты плачешь...

Я обнял её крепко-крепко, впился своим лицом ей в шею и зарыдал. Больше терпеть я не мог, всё внутри меня перемешалось, я не знал, куда мне деваться и что делать. Любовь, страх, вина, боль – всё бродило во мне, как вино в бочке, я не понимал реальность, туман гулял в голове, я сжимал её всё сильнее и сильнее, не давая своим губам прикоснуться к её.

– Кристина? – тихо прошептал я.

– Что? – ответила она.

– Ты когда-нибудь появлялась перед Ольгой Викторовной?

Я понимал, что этот вопрос был совершенно не к месту, но вдруг на мгновение я вспомнил выражение лица мачехи, когда она зашла ко мне в комнату и увидела портрет Кристины. Тогда её глаза сказали: «Где я могла её раньше видеть? Нет, определённо, я её знаю!» И что больше всего поразило меня, Ольга Викторовна как будто узнала моего ангела, и я хотел всё-таки убедиться, что мне всё это не привиделось и в этом есть какой-то смысл.

– Я всегда была рядом с тобой и, возможно, Ольга Викторовна чувствовала моё присутствие, ощущала мою энергетику. Люди чаще всего нас не ощущают и даже многие не верят, что мы существуем, но твоя мачеха очень чётко меня чувствовала и, возможно, когда она увидела мой портрет, от него повеяло той же энергетикой, какую она чувствовала раньше. Её подсознание хранит маленький отрывочек меня.

– А можешь что-нибудь рассказать про мою мать?

– Елизавета... Она была удивительным человеком, её чистое сердце передалось тебе, да и внешность ты у неё тоже позаимствовал. Антон, не думай, что она умерла и её нет, это не так. Она умерла, но её любовь и материнская забота с тобой всегда. Лиза отдала свою жизнь ради тебя, чтобы заботиться о тебе, она там, куда не сможет проникнуть ничего плохого, она там, где всегда видит тебя, её любовь – это твой щит. Ты думаешь, почему тьма раньше тебя не нашла? Почему в шестнадцать лет ты не наглотался таблеток? Почему, когда всё плохо, всё равно в итоге тебе становится легче? Она всегда была и есть, когда она умирала, в свой последний вздох она вложила всю свою любовь, и произошла некая связь, которая связывает вас, несмотря на то, что ты здесь, она там, за гранью жизни. Твоя мать выбрала самый надёжный путь для твоей защиты, она выбрала смерть ради твоей жизни.

Эта ночь была ночью сплошных откровений. Всё было очень серьёзно, Кристина понимала, что скоро настанет её конец и исповедовалась передо мной, отвечала на любые мои вопросы. Когда она говорила, то немного забывала о боли и её лицо немножко светлело, но как только она заканчивала свой рассказ, то становилась хмурой и приобретала серый оттенок лица. То, что сейчас поведала мне моя любовь, было для меня уже не шоком и не удивительным, я постепенно привыкал к таким шараханьям по голове, мои душу и сердце уже невозможно было удивить.

– Тебе нужно отдохнуть, милая, ты слишком много говоришь. – прошептал я, глядя её белую руку.

– Мне хорошо, когда я говорю, боль тогда отступает от горла, и я не чувствую этого странного ощущения, когда ты тонешь и вода затекает в горло.

– Прости, что не могу разделить полностью с тобой твою боль, она невыносима...

– Не нужно просить прощения, всё в порядке! Тебе не под силу выдержать такую боль, да и я, как видишь, с трудом справляюсь...

– Уже светает...

– Темнота уступает место свету...

– Скажи только честно, ты веришь в меня?– тихо спросил я, всматриваясь в её уставшие и измученные глаза.

– Поначалу я мало в тебя верила, боялась, что ты не такой, каким я тебя представляла, но ты постепенно, невероятными шагами давал мне понять, что ты именно тот человек. Антон, милый Антоша, не подведи меня, живи и делай добро людям, помогай им, вытаци их из тисков этого рабства, прошу, спаси их!– под конец Кристина разволновалась и кровь снова хлынула из носа.

– Тише-тише!– встревожено ответил я.– Ты можешь не волноваться, всё, что от меня требуется, я сделаю.

Ангел еле заметно улыбнулся мне, и на время закрыл глаза. Я провёл рукой по её лицу и слёзы навернулись на глазах. Я не мог глотать, ком в горле стоял, мне хотелось плакать, но я боялся, что потревожу её и она распахнёт свои огромные глаза, снова еле заметно мне улыбнётся, а потом погрузится в свою боль...

То, что мне рассказала Кристина, было для меня не новым, я имею ввиду откровение про мою мать. Мне всегда казалось, что рядом со мной кто-то есть, чьё-то незаметное присутствие всегда ощущала моя спина. Я жил за двоих, проживал свою жизнь и жизнь матери. Теперь не только ангел был моим хранителем, но и душа родной матери была всегда рядом со мной. Я ещё долго думал, но потом глаза стали слипаться, сначала я боролся со сном, пытался что-то себе напевать, прижимал всё сильнее к себе измученную Кристину, но в итоге сдался и погрузился в бездну сновидений...

Туман обволакивал всё вокруг меня, не видно было практически ничего. Я понял и разглядел только одно, что стоял на берегу какой-то реки, слышал шум воды и запах природы. Сделав шаг вперёд, я угодил в воду, ледяные осколки вонзились в ноги, настолько она была холодна, тело пробрал холод, руки сразу же замёрзли и мне пришлось их греть своим дыханием. Крикнув пару раз «ау» и «кто здесь», я закрыл глаза, туман был едким, смотреть куда-то было бесполезно.

Игра птиц, кузнечиков, шелест травы и листьев деревьев – всё приводило меня в гармонию с самим собой, я неподвижно стоял и впитывал в себя это прекрасное, что влетало в мои уши. Но внутри я понимал, что как только я открою глаза, я окажусь бог знает где, в каком-то месте и в какой-то реке, о которых ранее я ничего не знал и не слышал. Чтобы не пугать себя и не терзать разными мыслями, я не открывал глаза достаточно долгое время. Но рано или поздно я должен был это сделать, двигаться вперёд было необходимо, так как ноги и всё тело замерзло окончательно. Я открыл глаза и обнаружил, что туман немного разошёлся, и я хотя бы мог осмотреть местность. Стоял я в пяти шагах от берега в воде, было не глубоко, но сама вода была тёмно-зелёного цвета, а местность вообще напоминала болото. Деревья вокруг были старые и дряхлые, было страшно всматриваться в них, как будто между стволов кто-то бежал, тёмные фигуры незаметно передвигались. И я удивлялся, как я мог вообще слышать такую прекрасную мелодию природы? Здесь всё было мёртвым

и неприметным. Где-то вдалеке трещали старые сосны, не очень приятные звуки издавали птицы и кажется, это были совы. От непонятного страха я не мог пошевелиться, стоял в воде, боялся и ни о чём не думал...

Тут откуда ни возьмись появилась старая лодка, она еле держалась на воде и с треском подплывала к моим ногам. От удивления я чуть пошатнулся, но не упал, рядом с лодкой вынырнула черноволосая девушка, увидев только её голову, я сразу узнал, кто она.

– Здравствуй, заплутавший странник...– ласковым голосом пропела мне она.

– Ты проникла в мой сон?– чуть хрипя, ответил я ей.

– Нет, это же твой сон, как я могу в нём участвовать без твоего ведома?

– Что тебе нужно?

– Ничего, просто хотелось увидеть ещё раз избранного выродка...

От воды несло таким холодом, что я боялся, что просто отморожу себе ноги, изо рта валил пар, она тянула за собой лодку, приближаясь всё ближе и ближе ко мне. Я стал пятиться назад, черноволосая голова, торчащая из воды, заметила это и остановилась. Мокрые, длинные волосы плавали вокруг неё, как ядовитые змеи, её обнажённые плечи были белее снега, только глаза выдавали её страшные намерения. У неё была холодная, мертвенная красота, от одного её взгляда сжималось сердце, она прожигало всё своим взглядом.

– Знаешь, кто я?– спросила она, оставаясь на одном месте.

– Смерть?– выпалил я.

– Не-т...– сказала она, тягуче произнося слово.– Я больше, чем смерть, я есть тьма...

– И ты пришла убить меня?

– Для начала я пришла посмотреть на тебя! Чего ты стоишь и опасен ли ты?

– И что ты видишь?

– Я красивая?

– Что?– переспросил я.

– Я для тебя красивая? Ты хочешь меня?– задала она вопросы, проводя пальцами по своей длинной шее.

– Нет.– отрезал я.

Она громко рассмеялась и снова направилась ко мне.

– Не бойся, я не пришла тебя убивать! Напротив, я хочу подружиться! Садись в лодку, я тебя отвезу в свой мир и покажу всё, что ты хочешь увидеть, и ты поймёшь, что я не желаю тебе зла.

– Ты думаешь, я поверю тому, что ты сказала?

– Ах, да! Над тобой уже провели воспитательные уроки, а я совсем забыла, вот дурочка!

– И кто же провёл эти уроки надо мной?– недоверчиво спросил я.

– Ну, твоя заступница, которая решила при помощи тебя присмирить меня... Расскажи мне о ней!

– Может, сначала расскажешь о себе?

– Умный мальчик.

Я понимал, что она ничего мне не расскажет, что сейчас главное для неё это найти ко мне ключ, чтобы всё узнать о Кристине и найти её слабые места. Для того чтобы этого не случилось, мне нужно было мало говорить и держаться как можно дальше от неё. И самое главное, это стараться не смотреть ей в

глаза, её гипнотический взгляд мог покорить меня и я бы превратился в живую марионетку.

– Ещё какой умный.– фыркнул я.

– Ну что? Сядешь в лодку или снова будешь пятиться назад?

– Мне лодка твоя не нужна, да и сама ты тоже.

Я разозлил её, казалось, вода начнёт бурлит и меня утащит на дно, я что есть силы побежал к берегу, холода я не чувствовал, настолько боялся попасться ей в руки, что абсолютно ничего не замечал вокруг. Как только я выбрался на берег, сразу же рухнул на мягкий песок, обернувшись, я увидел, как почти рядом, почти в двух шагах стоит она, длинные волосы прикрывали её грудь и что пониже. Вскочив как ошпаренный, я не знал, куда мне бежать.

– Ты не бойся меня, сладкий, я не причиню тебя зла, вот только узнаю кое-что и сразу же отпущу.– говорила она, протягивая ко мне свою белую руку.

– Ты ничего не узнаешь о Кристине!– выпалил я.

– Кристина? Вот какое имя, ну ничего, красивое, а меня тогда как зовут?– сказала она, потом наигранно стала думать.– Придумала, давай меня будут звать Аида? Оно ведь мне подходит?

– Несомненно.

– Знаешь, я долго тебя искала, хорошо тебя прятали, однако, ценный ты человек, ну ничего, это мы исправим, это мы быстренько исправим.

Я не мог убежать от неё, мои три шага были как её полшага, я уже чувствовал, как её рука почти прикоснулась ко мне, но тут случилось то, чего я никак не мог ожидать. Откуда ни возьмись появилась Кристина, она была одета в ослепительно белое, закрытое платье, рукава до запястий, воротник почти до подбородка. Ей ни в коем случае нельзя было показывать свою рану, и она закрыла всё своё тело. Казалось, победа уже была близка, и этой Аиде оставалось лишь ликовать от того, что она могла узнать, но сильная, непреклонная рука Кристины схватила её в крепкие тиски и, взглянув своими огромными голубыми глазами на неё, я понял, что сейчас произойдёт что-то невообразимое.

Я стоял между двух существ, которые могли сотворить всё что угодно. Сейчас я очень отчётливо понял, что Кристина никак не могла стать человеком или называться этим словом. Впервые за долгое время я увидел её воинственный, непокорный взгляд. От их рук шёл белый дым, как от закуренной сигареты, в обоих этих существах читалось только одно, и это одно было сильнейшая неприязнь друг к другу, сильней всего это выражалось на лице тёмной девушки. Одно меня настораживало: тьма – сильнейшая тёмная материя чёрного мира и ангел света – сильнейший воин, который веками сражался за мир на земле, встретились снова благодаря мне. Что-то мне подсказывало, что я был больше чем избранный, но сейчас, в данный момент мне не хотелось узнавать ничего нового.

Они отпустили друг друга, и между ними прокатилась волна, она была похожа на невыносимо сильный поток энергии воздуха, цвет был прозрачный, но всё равно его можно было увидеть. Моя кожа чувствовала, как всё, что нас окружало, было напряжённым и нервным, и вдруг ни с того ни с сего всё вокруг нас затихло и стало совсем тихо. Те, кто здесь обитал, исчезли, испарились, а может просто затихли. Я больше не слышал звуки деревьев и пение птиц, я больше не видел чьи-то тени, которые шныряли то в одну сторону, то

в другую. Лес опустел, вымер, скорее всего это случилось из-за Кристины, чужой появился в мире тьмы, и этот чужой наводил страх и вводил всех, кто здесь обитал, в напряжение. Даже вода, которую окутывал серый туман, как будто стала стоячей, она не двигалась, застыла, как при мгновенной съёмке фотоаппарата, и мне казалось, что и сердце моё тоже остановилось.

Я имею прямой контакт с тёмной стороной мира, с тысячелетней силой, которая постоянно вводила мир в хаос и войны, дарила насилие и уродство, вводила в искушение и дарила пороки и предательство. Эта сила была безгранично властна, и сейчас она стоит передо мной и пытается убить меня. Она выше, чем ангелы смерти, и выше другой нечисти, это что-то настолько главное, что об этом я не мог не думать со страхом и опасением. Её неживые глаза пугали, это тело, которое, по всей вероятности, она позаимствовала, было как кукольное, не чувствовалось ни души, ни сердца. Как будто умерла красивая девушка, но по каким-то причинам она ожила примерно через пару дней после своей кончины, внешне вроде бы она ещё нормальная, но что-то изменилось, умерла вся жизнь, которая жила в ней, из неё её вынули, и она стала похожа на восковую куклу. А Кристина, наоборот, была похожа на человека, она была даже человечней, чем любой человек, живущий на этой планете. У неё были живые черты лица, живая мимика и главное – живые глаза, в них отражалась её жизнь, она была самым настоящим произведением искусства, в отличие от её оппонента.

Кристина и эта восковая кукла, которая назвала себя Аидой, непрерывно смотрели друг другу в глаза, в мире тьмы встретились два самых древних воина, которые решали мою судьбу, и всё это происходило в моём сне – по крайней мере, я так считал.

– Как долго я ждала этого момента!– начала первой говорить Аида.

– Дождалась.– сухо произнесла Кристина.

– Это он?– громко спросила восковая девушка, кивая в мою сторону.

– Да, это именно он.– опять так же сухо ответила Кристина.

– Не вижу в нём ничего совершенного, обычный человечек, таких, как он, миллионы!

– Возможно.

– Да, возможно.– с прищуром ответила Аида.

– Я вижу, ты начала играть нечестно...– стала говорить Кристина, подходя ко мне.

– Был ужасный соблазн повидаться с ним, перед тем как я убью его.

– Но прежде чем убить его, ты должна будешь победить меня.– спокойным голосом ответила Кристина, вставая рядом со мной и давая понять врагу, что она защищает меня.

– Да-да, знаю,– сказала Аида, натягивая на своё лицо довольную улыбку.

– Я думаю, что нам пора разойтись.– произнесла Кристина и сделала шаг вперёд.

– Конечно, время пока не пришло, но оно уже наступает нам на пятки, песочные часы твоего выроodka вот-вот истекнут, и я буду готова напасть и разорвать вас обоих.– сказала Аида, потом резко повернулась и пошла в тёмный лес.– Кстати, человечек, ты знаешь не всю правду, раз так спокойно стоишь.

Она окинула меня холодным взглядом, пристально посмотрела на Кристину и пошла ровной, плавной походкой в лес. Обнажённое тело исчезло среди

деревьев, и мы остались одни с Кристиной. Она спокойно взглянула на меня, взяла за руку, сказала что-то себе под нос, чего я не разобрал, и мы исчезли.

Проснулся я в своей постели, передо мной сидела встревоженная Ольга Викторовна, я оглядел всю комнату – Кристины нигде не было. Именно сейчас я отчётливо понимал, что это был не сон, так как от меня пахло лесом и болотом, щёки горели и ноги были ледяными, всё это видела и Ольга Викторовна, окинув меня взглядом, она приплюсовала все мои изменения к симптомам. Сначала она померила мне температуру, потом дала выпить таблетки, о которых я никогда не слышал, но которые, по её словам, должны были мне помочь. Она была встревожена, по всей вероятности, она сидела здесь уже довольно давно и могла что-то заметить странное с моей стороны.

– Кошмар приснился.– выдавил я из себя.

– Ты спишь так напряжённо! Ты всегда так спишь? Это же ненормально, твой организм совершенно не отдыхает!

– Нет, обычно я сплю хорошо, но бывает и такое...

– От тебя пахнет так, словно ты пришёл с прогулки, даже, по-моему, я уловила запах реки.

– Я вчера вечером долго гулял, а когда пришёл домой, лёг так, не мылся и не переоделся, устал!

– Правда? Не могу сказать, что ты долго гулял вчера, но речка у нас рядом есть, правда, до неё идти две остановки, но ты парень молодой, возможно, быстро сбегал туда-сюда.

– Да, вроде пошёл сначала медленно и получилось долго, а когда шёл уже обратно, то прилетел, как стрела.

– Так всегда бывает, сначала всё делаешь медленно, а потом стараешься ускориться и получается быстро. Ну хорошо, если всё именно так, как ты говоришь. И вообще я рада, что ты вчера погулял, прошёлся, возможно, даже кое о чём подумал.– многозначительно ответила Ольга Викторовна.

– О чём я должен был подумать?– спросил я.

– Как разлюбить...

Я не был удивлён такому вопросу, очевидно было, что она, скажет мне именно это. Ведь все знают, что со мной творится что-то не то из-за невзаимной любви, которую я сейчас испытываю и от которой не могу избавиться. Ольга Викторовна хотела мне добра, я понимал это, но разговаривать о самом дорогом с кем бы то ни было я не был готов.

– Для начала тебе нужно выбросить тот потрет, который ты рисовал буквально недавно. Есть у тебя ещё какие-нибудь вещи этой девушки? Я не спрашиваю тебя о ней и даже не хочу этого делать. Наша главная задача вычеркнуть её из твоей жизни, и для начала мы должны выкинуть все её вещи.

– У меня ничего нет, что бы связывало меня с ней.

– А рисунок? Он находится у тебя в комнате! Сейчас может ты про него забудешь, а потом? Пройдёт какое-то время, ты будешь, что-нибудь искать и как нарочно наткнёшься на рисунок, той, из-за которой чуть не лишился рассудка! Ведь ты со мной согласен? Вдруг ты снова начнёшь переживать, захочешь попытаться снова с ней встретится, заговорить! Знаешь, когда я увидела этот рисунок, мне она показалась очень знакомой, может где виделись, или просто мне внешне она очень понравилась, но не нужно ломать её и заставлять любить тебя, это жестоко! Если она хочет жить и быть счастливой, но без тебя,

тогда отпусти её, ведь ты хочешь ей счастья?

– Я выброшу рисунок и потихонечку начну приходить в нормальное русло.

– Тебе ведь скоро учиться, да и работать тебе пора! Я не хочу, чтобы парень в двадцать два года сошёл с ума!

– Ну, я работал раньше, просто бросил из-за учёбы.

– Это я знаю! Я не трогаю прошлое, я говорю о будущем! Сейчас ты найдёшь себе работу по специальности, ты талантливый художник. Твои рисунки, чертежи, архитектура – всё безумно красиво и живо, но что будет, если ты таким останешься, как сейчас? Что случится с твоим талантом?

– Я не собираюсь сдаваться, и я буду тем, кем хочу стать.

– Вот и замечательно! Я так хочу тебя видеть успешным архитектором, как годам к сорока ты уже будешь иметь свою кампанию, как у тебя будет куча заказов, и ты будешь счастливым, успешным мужчиной.

– И только?– с грустью в голосе спросил я.

– Конечно нет, ещё семья и дети, но сейчас речь идёт о твоём становлении как успешного человека, если будут средства, можно смело жениться и рожать детей!

– Отлично, буду заколачивать деньги.

– Ты умный мальчик, и у тебя всё получится, – сказала Ольга Викторовна, потом взяла меня за руку.– Отец очень за тебя переживает, я его успокаиваю, но он винит себя в том, что с тобой произошло. Когда немного эта тема уляжется и вам обоим станет полегче, поговори с ним, может, когда ты сам пойдёшь с ним на контакт, он отгадает и всё поймёт. Меня же он особо не хочет слушать, считает, что я пляшу под твою дудку и всему верю, может, это и так, но лучше пускай будет так, иначе ты совсем закроешься от нас.

– То есть ты хочешь сказать, что я вам постоянно вру?– возразил я.

– Нет, твоя ложь иной раз бывает вынужденной мерой, возможно, ты не хочешь нас обременять своими проблемами, возможно, считаешь себя уже достаточно взрослым и можешь со всем разобраться сам. Или просто не хочешь делиться с нами, потому что мы тебя не поймём, но я верю, что ты никогда не врёшь специально!– она улыбнулась и встала с постели.– Знаешь сегодня ночью Ваня озвучил совершенно бредовую мысль! Я, конечно, не поверила, но тебе скажу. Он считает, что ты продал машину ради наркотиков, что все твои странные выходки именно из-за них! Я ему сказала, что в крови ничего не нашли и что ты чист, просто голова переутомилась, и тебе нужен покой. Но он как-то всё равно не доверяет и держит эту мысль в голове. Ты ему объясни, где деньги? Иначе он вместе с тобой чокнется!

– Отец всегда придумывал всё втройне, разве я могу вызывать такое недоверие?– возмутился я.

– Он хочет тебе добра, пойми это! И, конечно, у него бродят в голове десятки мыслей по поводу того, что с тобой стряслось, и эта идея тоже подходит, правда, я в неё не верю...

– А как насчёт невзаимной любви?

– По поводу того, что ты сходишь с ума по девушке, он особо тоже не верит, считает, что здесь зарыто поглубже, что ты скрываешь что-то, вплоть до убийства человека! Он так за тебя переживает, что просто волосы рвёт на голове, ты уж постарайся ради него стать прежним и забыть эту девушку. Пускай живёт своей жизнью, а ты будешь строить свою!

После нашего разговора я долго думал. Для начала размышлял о том, что произошло со мной ночью? Где я был и куда потом подевалась Кристина? Думал над тем, как всё хорошо и гладко у Ольги Викторовны – разлюби, выброси всё, зарабатывай деньги, и к сорока годам ты станешь полноценным человеком. Возможно, она просто пыталась меня отвлечь от мыслей, которые делают со мной нехорошие вещи, но почему-то от её слов мне не стало лучше. Если бы я мог, я бы разлюбил Кристину, но это было мне не подвластно. Да и захотел бы я разлюбить её? Выбросить рисунок? Никогда! Нужно сегодня его куда-нибудь перепрятать, чтобы потом не было лишних разговоров. С отцом, конечно, предстоит отдельный и тяжёлый разговор, сейчас я не был готов, но потом, через небольшой промежуток времени, я думаю, мы пообщаемся и поставим все точки над «и».

Весь день лил дождь, на небе висела одна огромная серая туча и гром гремел и бил по облакам, я любил такую погоду, под неё думалось хорошо и на душе становилось как-то по особенному легко и свободно. Капли дождя разбивались о подоконник, и этот звук вводил меня в сонное состояние, пузыри воды лились по дорогам, снова пришла непогода в Москву. Наверно, многие люди любят такую погоду, под неё думается по особенному, можно читать, творить всё, что хочешь. Но в то же время, когда такая погода, мало думается о чём-то хорошем, вода заставляет плакать, расстраиваться, и чаще всего ты вспоминаешь своё прошлое и ошибки, которые ты тогда совершал. И вот я тоже начал об этом думать и понял, что раньше я был большим эгоистом, цеплялся за вещи, не очень любил людей, может, даже и боялся их, потому что считал себя не таким как все! Я делал страшные вещи по отношению к своим близким, нет, это не было что-то жестокое, о чём можно подумать, я делал непростительные вещи в пределах нормы, но и они для меня неприемлемы. Я часто пропускал мимо ушей, что мне говорили, игнорировал всё и всех, не открывался для родных и совершенно забывал о них самих! Жил как-то безразлично, как-то отрешённо, и если бы это продолжилось, я бы наверно умер, не дожив до тридцати лет. И как я мог так жить? Как вообще мог допускать такие вещи, как нелюбовь и безразличие? Сейчас произошёл переломный момент, после больницы я стал ближе к своей семье, и они потянулись ко мне ещё больше, ещё с большей любовью и опекой. Тяжело вот так впускать в свою душу людей, от которых ты постоянно прятался, тяжело открыться им и сказать, что раньше вы были мне не нужны и спасибо вам за то, что сейчас вы рядом со мной и не бросаете меня на произвол судьбы, не бросаете на верную гибель, ведь без вас я никто! Только ваша забота и твёрдое плечо всегда спасали меня, и как я этого не чувствовал? Как не понимал? Я всегда был зациклен на себе, долгое время не признавал Ольгу Викторовну, ревновал, пытался сделать из неё идеальную, но ничего не выходило и, посчитав, что она недостойна меня, я просто вычеркнул её из своей никчемной жизни. Как я мог вообще позволить так вести себя с теми, кто был мне дороже всего? За что я так их не любил? И почему именно сейчас я начал осознавать все свои ошибки прошлого...

Я не отличался ничем от других людей, был таким же эгоистом и думал только о том, как мне плохо и что никто не может меня понять. Я влился в эту многомиллионную массу, не понимая того, что это не выход, что я не должен погружаться в этот водоворот, и вот теперь, понимая всё это, понимая, как я

жил и кем стал теперь, я мог вздохнуть с облегчением. Пускай всё усложнилось в несколько раз, я многое знаю и от этого мне не сладко, но по крайней мере я нашёл себя. Благодаря Кристине я понял, какое несу предназначение на этой земле, что все мои страдания и тревоги были не напрасны. Я знал, какое место занимаю здесь, и знал своё место в этом мире. Наверное, самое главное для человека это найти своё место в жизни. Нужно обязательно стать полной картинкой, и если вдруг ты где-то потерял одну часть от неё, то нужно искать, стремиться её найти и собрать полностью свою жизнь. Тогда ничего не будет в жизни плохого, ты будешь знать, кто ты и что тебе нужно делать, и душа будет спокойна за тебя. Сейчас многие же люди живут, не зная, кто они и зачем вообще живут! Проживая пол жизни, у многих так и не складывается картинка жизни, и до смерти человек мается и ищет в своей жизни и судьбе разные подвохи, спихивая всё на рок, проклятье, несправедливость и так далее. Но если задуматься, правильно ли это? Никто твою жизнь за тебя не проживёт, никто не внесёт в неё счастье, любовь и доброту, ну и на десерт – деньги. Человек привык чего-то ждать от судьбы, сидеть тихо, неподвижно, как рыбак на рыбалке. Думает и мечтает о том, как он будет тем или тем, или просто желает для себя каких-нибудь приземлённых вещей, но всё это не плывёт в руки и не говорит: «Эй, мы пришли, твои деньги! Погладь нас, а то мы устали!» Теперь и я понимаю, что жил не двигаясь и лениво. Страдал, но ничего для облегчения не делал, хотя рядом всегда находились люди, которые могли мне помочь. Я всю жизнь злился на мать, за то, что она умерла так рано, и злился я на неё просто потому что боялся открыться перед людьми, и мама стала как груша для битья, на ней я срывался, вместо того чтобы пошевелиться и помочь себе. Тебя не устраивает твоя работа? Найди другую, пробивай себе дорогу! Я понимаю, что нужно постоянно жить в движении, нужно всего хотеть и стремиться к этому! Тогда судьба и случай подарят тебе то, что ты хочешь. Они увидят, что твои старания искренни и полны решимости, тогда волноваться незачем, всё, считай, в твоих руках. Хорошо, что я это понимаю теперь, понимаю, насколько ничтожно жил и насколько ничтожно живут люди вокруг меня. И теперь мне очень хочется заставить всех жить по другому. Если появится искренняя любовь ко всему, что нас окружает, тогда не будет этой тьмы, настанет, как говорится, «рай на земле». И нужно всего-то просто начать искренне любить, ценить и понимать, зачем мы все здесь находимся...

Несколько дней я безвылазно сидел дома, читал книгу, много спал и как-то, как мне показалось, набрался той силы, которой мне так недоставало раньше. Тёмные круги под глазами почти исчезли, лицо снова приобрело нормальный цвет, всё становилось на свои места. Чего я больше всего не хотел делать, это смотреть в зеркало, в котором давно я заметил силуэт тёмной женщины, и сейчас, зная, кто это был, мне не хотелось снова что-то увидеть. Мой организм отдыхал, это было странным чувством. Я спал, не чувствуя боли, и меня ничего не тревожило, я проваливался в сон и глубоко исчезал, потом выходил из этого сна и не помнил, что мне снилось, так обычно происходит у обычных людей.

– Пап, ты как?– тихо спросил я, заходя в большую комнату.

На подоконниках стояли цветы, какие-то цвели цветочками, а какие-то просто стояли и зеленели. Разноцветный турецкий ковер висел на стенке и сочетался с обоями цвета крем-брюле, около телевизора стоял ночник, и он уже

был включён. За окном совсем темнело.

– Я нормально, собираюсь спать, ты чего хотел?– спокойно ответил отец.

– Хочу сказать, что у меня всё в порядке! Вроде как получше мне стало после этих чудодейственных таблеток!

– Главное, чтобы после прекращения приёма этих таблеток тебе было так же хорошо.

– Я думаю, что я поправлюсь быстрее, чем ты думаешь!

Отец слегка улыбнулся и постучал по дивану, давая понять, что мне нужно сесть рядом. Ольга Викторовна забежала в комнату, увидела нас вместе и поспешно вышла из комнаты на кухню, где сидела до конца нашей беседы.

– Пап, что касается машины, то ты не думай, деньги я не пустил на наркотики и тому подобное! Ведь ты же знаешь меня, да и видишь! Разве это нельзя заметить?

– Хорошо, допустим, не на наркотики, но тогда куда? Помочь той девушке, про которую ты рассказывал? Это точно сынок? Это правда?

– Да.– тихо ответил я.

– Больше не будет таких необдуманных поступков? Ведь у тебя ещё есть мы, не забывай об этом. И скажи мне, ты всё-таки продолжаешь сходить с ума по своей красавице?

– Нет! Я всё обдумал и понял, что нужно жить дальше, пора уже забыть эту девушку и просто идти вперед..

– Как её зовут?

Вопроса такого характера я не ожидал, ему интересна она, тогда когда Ольге Викторовне она была совершенно безразлична.

– Кристина...– произнёс я, понимая, что за долгое время сказал правду.

– Красивое имя, и что тебя так привлекло в этой Кристине?

– Пап, моя первая любовь получилась несчастной, стоит ли вспоминать это?

– Стоит.– глубоко вздохнув ответил отец.

– Почему?

– Потому что такая любовь, которую испытываешь ты, так просто не уйдёт, уж поверь мне!

– Ты так говоришь потому, что к маме испытывал такие же чувства?

– Конечно, я не сходил с ума, как ты, но любил сильно и взаимно.– ответил он, всматриваясь в меня своими тёмно-серыми глазами.– Это чувство не исчезает бесследно, сынок. Оно живёт в нас, правда, с годами оно уходит в глубь души и ты начинаешь жить дальше и строить отношения. Но иногда то, что зародилось в тебе однажды, вылезает наружу и с этим невозможно справиться. Вот сейчас ты испытал на себе то самое чувство, которое испытал я, но в отличие от меня у тебя всё сложилось печально. Так, может, мне стоит поговорить с ней? Может она послушает совет зрелого мужчины и прислушается ко мне?

– Ты хочешь поговорить с ней обо мне? Это ж детский сад!– воскликнул я.

– Пойми, тебе с этим жить, раз у тебя была такая ломка, что будет дальше? Ты думаешь, легко влюбиться, потом так же легко можно разлюбить? Если любовь проходит, значит её и вовсе не было, так, какое-то чувство, которое выдавало себя за любовь, но если ты полюбил, то не так- то просто разлюбить, а иногда это вообще невозможно сделать! Если ты полюбил, не думай, что за

два дня вся твоя любовь выветрится из тебя и ты продолжишь жить дальше, позабыв обо всём на свете! Тебе предстоит ещё так мучиться, что ты возненавидишь мир и её, в том числе! – отец опустил свои глаза на мои руки. – У тебя до сих пор трясутся руки, помню, как зашёл к тебе в палату и увидел не своего сына, а что-то покалеченное, больное и уставшее. Я тогда испытал такую боль, что описать даже не могу, но это было страшно! Я боялся потерять тебя, боялся, что ты или умрёшь, или не выйдешь из этой больницы, я злился на себя, что упустил тебя, что не участвовал в твоей жизни. Но как мне было в ней участвовать, когда ты не пускал меня в неё? Я люблю тебя очень сильно, сын мой, и боюсь тебя потерять, потому что ещё одной смерти в своей жизни я просто не переживу.

– Пап, ну что ты! Я с тобой и всегда буду с тобой! Мы справимся, ты мне можешь!

– Обязательно помогу, только, прошу тебя, не делай поспешных поступков, поговори с ней ещё разочек, может, она тебя не до конца поняла, может, чего-то ты упустил или сделал что-то не так, что ей не понравилось, или она что-то приняла на свой счёт, какое-нибудь оскорбление? Попытайся снова вступить с ней в контакт, если ты почувствуешь, что снова слетаешь с катушек, я буду рядом и всегда смогу тебя вытащить за уши, но главное – держи меня в курсе всего, не скрывай от меня ничего, иначе я не смогу тебе помочь и мы оба погибнем.

– А, Ольга Викторовна говорит всё с точностью наоборот!

– Ты слушай меня, я твой отец, и это не обсуждается. Она по-своему права, но я лучше знаю.

Мне оставалось только сидеть и удивляться, я вылупил глаза на отца, он это заметил и рассмеялся вполголоса. Я не мог поверить в то, что сейчас мне говорил отец. И как же стало на душе спокойно после его слов, которых я раньше никогда не слышал. Я крепко обнял его и почувствовал огромную тревогу за меня, его сердце болело по мне, и от этих чувств я ещё больше прижал его к себе.

Ольга Викторовна просила меня забыть эту девушку, она не спрашивала про неё ничего, как будто её и во все нет, у неё была своя методика моего лечения от сумасшедшей любви. Отец же, наоборот, просил не сдаваться, идти дальше и пообещал мне поддержку в любой ситуации.

– Пап, значит ты до сих пор так сильно любишь маму? – нерешительно спросил я.

Отец внимательно посмотрел на дверь, потом подошёл к ней, удостоверился, что за ней никто не стоит, и ответил мне.

– Я же тебе сказал, что любовь не уходит никуда, она лишь уходит вглубь души, туда, где она спит и не тревожит тебя, но бывают такие моменты, когда она выползает наружу и оживляет в твоей памяти всё, что было когда-то таким прекрасным и светлым. Я сам не думал, что смогу любить твою мать так сильно после её смерти, и ведь прошло больше двадцати лет, а я всё ещё ищу её глазами, думаю, что она жива. – отец снова сел рядом и взглянул на меня своими мокрыми глазами. – Ты похож на неё, особенно ямочкой на подбородке, когда я смотрю на тебя, я вижу её, она живёт в тебе, я это чувствую. – отец положил свою руку мне на грудь. – Только ради тебя я живу, но я не хочу и не могу видеть тебя несчастным! Пообещай мне, что теперь мы станем настоя-

щими друзьями!

– Обещаю, отец.

Глава 23. Моя нирвана.

Мы держались за руки, это было как в сказке. Под огромным деревом, у которого была густая копна ярко-зелёных листьев, я и Кристина сидели и отдыхали. Можно сказать, провожали почти ушедшее лето небольшим миленьким пикничком где-то в Ирландии. Природа в этой местности была просто великолепна, Кристина никогда мне не говорила точного названия места, название города, она считала, что эта информация для меня лишняя, вдруг когда-нибудь я вспомню про них и захочу побывать в тех местах, где мы были вместе, а так я не буду их знать, и тем самым не буду чувствовать ту боль, которая может возникнуть при оживлении тех или иных воспоминаний. Поэтому я наслаждался неизвестностью, с примесью страха и любопытства. Погода здесь стояла сухая, но уже ветреная, в Москве были дожди. Иногда ветер стряхивал бархатистые листочки с ветвей деревьев, и они медленным танцем ложились нам на плечи или летели прямо в руки. Пахло необычайно вкусно и дышалось уж слишком легко и сладко. Кристина сидела рядом, прислонившись спиной к стволу многовекового дерева, я же сидел рядом, но прикасался лишь плечом.

На душе было особенно спокойно, не было той тягучей тревоги и исчезла ноющая боль. Мы как будто попали в место, куда не проникает отрицательная энергия.

– Деревья общаются с вами, они вас слышат. Мудрые учителя...

– Я чувствую это.

Я ощущал, как в меня вливалась энергия, как дерево стало для нас обоих с Кристиной главной артерией сердца. Она сидела практически неподвижно, длинные волосы развивались на ветру, она снова пахла необыкновенно, и из её глаз сочился добрый и приятный свет. Я взял её руку в свою, а она даже этого не почувствовала, Кристина вошла в контакт с деревом, и оно отвечало ей. Слышался шелест листьев и скрежет ветвей, которые пропускали через себя еле заметные лучи слабого солнца. Мы находились под куполом, под защитой от всего плохого, и наши души отдыхали, в этот момент они слились в единое, и не было ничего прекрасней, чем то что мы сейчас испытывали. В эту минуту больше всего на свете я хотел поцеловать Кристину, прикоснуться своими губами к её губам, но это было невозможно, понимая это, я только и мог закрыть глаза и просто наслаждаться тем, что её рука сейчас в моей, и мы вместе здесь и сейчас.

Впервые за всё время, что мы вместе, мне не хотелось разговаривать с ней, всё, что требовала моя душа, это просто наблюдать за Кристиной. За тем, как она сидит и как думает, наблюдать, как подрагивают её тёмные длинные ресницы, и больше всего наблюдать за её приоткрытыми губами, которые что-то шептали себе под нос.

Привет, я твой ангел,

Прости, ты долго ждал.

Сейчас мы вместе,

Но будем далеко.

Я знаю твои тайны

И буду знать их всегда.
 С тобой моё сердце,
 В тебе моя душа.
 Умрёт всё живое,
 А я буду жить
 И в небе яркой звездой
 Буду кружить.
 Я здесь, рядом, не бойся,
 Моя любовь с тобой.
 Согреет тёплой ладонью,
 Укроет белым крылом.

Мне показалось, что я где-то раньше слышал эти слова, но совершенно не мог вспомнить, а может и вовсе мне просто так показалось, но это меня завораживало, её нежный шепот разносился по всей округе, листья на дереве подыгрывали ей в такт, она говорила тихо и еле слышно, но вся её речь была отчётливой и громкой, вся природа её слышала и чувствовала. И в этом странном потоке участвовал и я. Что это были за слова и кому они были посвящены, я в принципе догадывался, но боялся потревожить её.

– Вы, люди, забываете общаться с природой, и эта ваша главная ошибка!

– Сейчас век технологий, люди уже оторвались от природы...

– Именно об этом я больше всего жалею. Всё, что вас окружает, это божественно! Именно природа осталась такой, какой была изначально. Природа в себе несёт то, что вы, люди, с веками растеряли. Знаете, что вы делаете? Вы уничтожаете природу, а значит убиваете сами себя, скоро круг замкнётся и человечество погибнет.

– Откуда такие нехорошие мысли?

– Сейчас идёт самоуничтожение, вы исчерпали себя и скоро исчерпаете всю природу и что в итоге останется?– тихим голосом говорила Кристина.– Нужно сохранить то, что у вас осталось.

– Меня отец постоянно учил: просто так не рви листья, просто так ничего не выдёргивай, наверно поэтому я никогда и не трогал всю эту зелень.

– Да, ты не трогал, но ты был безразличен к ней, это всё равно, что трогал. Твой отец мудрый человек, по крайней мере, он тебе говорил, что этого делать нельзя. И таких, как он, достаточно мало.

– И вот сейчас он мне выдал свои мысли, и я в недоумении!

– Я знаю.– спокойно ответила она.

– И что скажешь?

– Он любит тебя, и это счастье! Только любящий человек скажет такое и никогда не будет упрекать, только любящий человек посоветует, но никогда не навяжет своего мнения. Цени то, что ты имеешь.

– Спасибо.– ответил я, снова взяв за руку Кристину.

– Я вспомнила, как одной женщине открыла глаза на то, что её дочь – это центр её мира, и как бы было здорово если бы каждая женщина это понимала, тогда не было бы проблем с воспитанием детей, и ваше будущее было бы в надёжных руках. Посмотри вокруг! Разве то, как женщины воспитывают своих детей, правильно? А отцы? Вы самоисчерпали себя, погрузившись полностью в информационные каналы, вы забыли о своей душе, а этого делать нельзя.

– Почему ты и меня приплюсовываешь к людям, которые так живут?

– Не обижайся, просто не хочу, чтобы ты расслабился и посчитал себя идеальным человеком. Несмотря на то что ты во многом отличаешься от других, ты был раньше очень похож на людей, живущих неправильно. И я хочу, чтобы прошлое выветрилось из тебя и ты не мог больше к нему вернуться.

– Я и не собираюсь возвращаться, сидя с тобой здесь и сейчас, я ощущаю всем своим телом, насколько я жил неправильно, и теперь я полон решимости всё изменить и изменить людей вокруг себя!

Она сжала мою руку, и мы друг другу улыбнулись. Я больше не хотел ни о чём говорить, только слушать мир и впитывать его в себя.

Горизонт превращался в малиновое варенье с разводами из молока и сливок. Всё вокруг приобрело розоватый цвет, ветер стал прохладным, и я прижался к дереву. Думать я не мог, ничего в голову не лезло, даже потусторонние звуки не влетали в мою голову и не оставались там на долгое время. Я как будто попал туда, где не бывает бед и злости, где ты совершенно спокоен за себя и за свой внутренний мир. Внутри ничего не кипит и не болит, наоборот, всё пугающе молчало. Тишина жила в моём теле, я чувствовал лёгкость, но постепенно стали появляться картинки в голове. Я не пытался их отпугнуть, наоборот, пытался понять, что преследует меня, что и здесь меня нашло. Когда я увидел лицо тьмы, лицо этой Аиды, еле заметно встрепенулся, открыл глаза и сильно сжал губы. Поначалу я немного расстроился, что и здесь, в этом прекрасном, тихом месте меня нашла эта тёмная материя, но потом я просто постепенно стал вживаться в мир вокруг себя, и её образ стал растворяться в воздухе. Было много вопросов, которые я так хотел задать Кристине, и время и место было как раз подходящим, но мне почему-то не хотелось нарушать эту редкую идиллию, когда мы вместе, когда мы рядом, как самые обычные люди. Какой толк от этих ответов, которые я жду? Ну, узнаю я что-нибудь новое и шокирующее – и что дальше? То, что я уже знал, для меня было слишком, поэтому я не пытался узнать что-то ещё, я чувствовал, что своими вопросами я забегал далеко вперёд, не переваривая ту информацию, которую получал до этого момента. Я знал, что тьма будет преследовать меня, что будет вторгаться в мою реальную и нереальную жизнь, и я знал, что скоро, совсем скоро настанет конец всему. Почему время летит так быстро? Почему нам нельзя жить бесконечно долго, чтобы каждая минута равнялась десяти часам? Время – вода, утекает сквозь пальцы, и ты ничего не можешь с этим поделать.

Есть ли ещё жизни, после смерти? Что там за гранью? Какое будущее ждёт человечество? Правда ли, что существовала Атлантида? Кто построил великие пирамиды? Откуда мы пришли? Как много вопросов, и я могу их узнать, потому что рядом со мной сидит существо, которое знает ответы, и не только на эти вопросы, но ещё и на сто тысяч вопросов. В её глазах живут все тайны сотворения мира, на её губах лежат печати языков всех времён и народов, она совершенство, она ключ для человечества, и я рядом с этим ключом, люблю и сам любим...

Возможно, на многие вопросы я не получу ответы, но её глаза говорят гораздо больше, чем её губы, достаточно только захотеть, и ты можешь получить от неё всё, что хочешь, но нужно ли мне это? Зачем мне знать всё это? Даже если я буду владеть всеми тайнами мира, что получу в замен? Всего лишь пустоту, потому что как только ты будешь знать всё, цикл твоей жизни замкнётся. Что ещё можно постигнуть, когда ты итак всё постиг?

Наверно, хорошо, что люди живут под занавесом, и я вхожу в их число тоже, скорее всего, всё правильно, тем слаще эта жизнь и тем интересней проживать её. К примеру, есть на свете человек, от которого ничего нельзя скрыть, он знает всё, вплоть до даты рождения и даты смерти. Он живёт, и мир для него открытая книга, в которой больше миллиона страниц, ему ничего не страшно он на всё знает ответ, секреты для него – сущие пустяки, тайны он раскусывает как орешки, и живёт он так много-много лет. Потом он начинает искать что-то, чтобы в нём проснулся интерес, чтобы ему стало интересно, и он чего-то мог не знать. Это «что-то» он искал всюду, но так и не мог найти, всё, что становилось перед ним туманом, рассеивался в ту же минуту, он знал всё, и не было ничего, чего бы он не знал. Ему становилось тяжело жить, интерес к жизни и ко всему вокруг пропадал, он знал итог любого события, и знал по дням и часам, что происходило в далёком прошлом и что будет происходить, это всё его душило, он становился молчаливым, комплексовал и совершенно ушёл в себя. Иногда он подумывал о самоубийстве, ведь жить так, как он жил, уже не было сил, его энергия и жизнь висели на волоске, единственное, о чём он мечтал, это найти хотя бы одну тайну или малюсенький секрет, который он не сможет разгадать, который для него будет неизвестностью, которая манила бы его со страшной силой. Он шёл по свету и искал эту неизвестность. Шли месяцы, годы, десятилетия, и он никак не мог найти хоть что-нибудь, что напоминало бы ему о своей мечте, внутренней силы почти не осталось, от горя и печали он упал на землю и умер. Как бы развивалась дальше эта история, я не знаю, вот она, неизвестность, я не знаю – и это чудесно, что я чего-то не знаю! Значит я жив!

Поэтому сейчас, понимая, что я могу спросить у ангела что угодно, я молчал. Наверно это было некое испытание, она проверяла меня, и я, по всей вероятности, прошёл его, сдал экзамен на отлично. Молчание ещё больше скрепило нас, мы стали в сто раз ближе друг к другу, я ощущал её боль и трепетание её души и разделял с ней её недуг, несмотря на то, что сам был безгранично слаб. Измотал я себя, конечно, здорово, но что можно было поделаться? И что сейчас можно исправить? Я не жаловался Кристине, что мне титанически тяжело, да, собственно, зачем жаловаться, когда она сама всё знала. Так, постой, а как живёт тогда Кристина, зная всё на свете? Да, есть одно отличие – она не человек, но насколько ей тяжело? Или всё намного проще и легче? Помню, мы как-то заводили с ней разговор на подобную тему, правда, я ничего уже не помню, возможно, тогда я ещё не мыслил так глубоко, как сейчас.

Если быть откровенным, я стал всё осознавать буквально на днях. Что происходило со мной раньше, влетало мне в голову, но не всегда в сердце, сейчас я как будто стал мудрей, перешёл в старшие классы, начал всё понимать и душой, и сердцем и, конечно же, головой. Теперь, анализируя всё то, что происходило со мной раньше, я понял суть и корень только сейчас. Наверно, это должно было случиться именно сейчас, в начале пути я находился в шоке, потом старался всё улавливать налету, и тем самым ничего не понимал, потом вроде как начинал понимать, но быстро забывал или в итоге мало что понимал. Сейчас же я как будто вышел на новый уровень, я сам себя не узнаю, всё так отчётливо и так аккуратно, по порядку расформировано в моей голове, что этот порядок начинал немного пугать меня. Даже выражение моих глаз стало каким-то другим, более взрослым и более тяжёлым, Кристина гордилась

мною, и поэтому сейчас, сидя под этим огромным деревом, она еле заметно улыбалась. Она вообще всегда улыбается еле заметно, краешки её губ незаметно двигаются, и кажется, что на её лице образовалась хоть скудная, но улыбка. А может, это вовсе не улыбка, а что-то совершенно другое? Хотя нет, всё правильно, просто еле заметная улыбка на её розовых, бледных губах...

Я много могу думать о ней, несколько суток подряд могу держать в голове только её образ и больше ни о чём не думать. Вся она живёт внутри меня, нет родней для меня человека, чем она, всё, что есть у меня, без каких-либо разговоров я мог ей отдать, и даже жизнь. Что останется у меня от неё после того, как всё закончится? Всю жизнь меня будет преследовать её образ и запах, от которого я просто сходил с ума. Воспоминания навсегда останутся со мной, несмотря на то, что теоретически я должен буду всё забыть! Да как тут забудешь, если ты любишь? Разве можно не помнить и не думать о своей любви? Жить и хранить её, как самое огромное сокровище, как самый дорогой камень на всём белом свете. Мы любили друг друга, и это было счастьем для нас обоих, несмотря на то, что эта любовь приносила одну лишь боль. Но лучше жить с этой болью, она стала уже как родная, чем жить без неё и без любви. Пускай мы постоянно будем висеть на волоске, но мы всё преодолели бы вместе, и в конце концов все тревоги и невзгоды ушли, испарились, пропали...

Иногда я думаю, и мысли мои меня пугают. Недавно я надумал такое, что сейчас было страшно об этом вспоминать. Мысли были совершенно бредовые, но они были. Думалось мне о том, что после всего, что должно случится, я должен пойти на шантаж и поставить ультиматум небесам. Или мне вернут моего ангела, если она погибнет, или я покончу с собой, тогда мир точно погрузится во тьму. От этих мыслей Кристина встрепенулась, выдернула свою руку из моей и испуганно посмотрела в мои глаза. Я понял, что не стоило об этом вспоминать, но было уже поздно сожалеть.

– Как ты можешь думать о таком?– встревоженным голосом сказала она.

– Прости меня.– ласково ответил я, пытаюсь снова взять её руку в свою.

– Это неправильно! Больше не думай об этом! Не хочу больше слышать это!

Её встревоженные глаза ещё долго смотрели на меня, вместо еле заметной улыбки, появилась гримаса печали и тревоги. Я стал ругать себя, что потревожил её покой, мне приносило огромную боль видеть её страдания, особенно когда они касались меня.

Постепенно приходила ночь, небо становилось тёмно-синим, появлялись звёзды, всё вокруг стало каким-то волшебным и необыкновенным. Именно в эти минуты мы были близки как никогда, больше не нужно было скрывать своих чувств, больше не нужно было маскироваться и натягивать сладкую улыбку, всё, что происходило с нами, было настоящим и реальным. Глаза ангела блестели в тёмном пространстве, под кроной дерева было трудно разглядеть мимику её лица, она еле дышала, казалось, она вовсе срослась с природой.

– Знаешь, я только сейчас чувствую себя по-настоящему счастливой, прожив столько веков на свете, я никогда не могла сказать этого, но сейчас я могу смело заявить: я счастлива! И неважно, что будет впереди, неважно, какие ещё испытания лягут на наши плечи, я ничего не боюсь, мне не больно, я как будто маленькая пушинка, маленькая частичка этого мира, которую никто не замечает и она не видна. Сейчас, находясь здесь, с тобой, я впервые за долгие

столетия отбросила все свои мысли, действия, размышления, всё встало на второй план, есть только мы и бесконечность...

Её лицо озарила весёлая улыбка, никогда раньше я не видел её такой счастливой, она могла маскировать свою боль, могла этим спектаклем подбадривать меня, могла просто делать вид, но я чувствовал, что всё, что она говорила, было правдой.

– Я рад твоему счастью! Ведь если тебе хорошо, то и мне тоже, любимая! – мне было безумно приятно называть её любимой, в сотый раз признаваться ей в любви, дарить ей всё своё сердце без остатка. Я ничего не боялся с ней, мы могли вместе совершить невероятные поступки, могли любить друг друга вечно, и никто не мог бы разлучить наши сросшиеся души...

Так всегда, как только я начинал думать о чём-то наподобие этого, после приходили грустные, обламывающие мысли. Эта грусть и тоска вонзалась прямо в сердце и пускала кровь, я чувствовал этот холод, но ничего не мог поделать, во мне кричала и плакала душа. Я переживал безумно сильные эмоции, мне было настолько тяжело, что я не мог ничем передать своё состояние. Я как будто уже был мёртв, представить её смерть я не мог, тот страшный сон, где она умерла, преследовал меня постоянно. Как только я начинал наслаждаться минутой, проведённой рядом с ней, как только я расслаблялся и вбирал в себя всю сладость её присутствия, что-то вмешивалось, не давало покоя, как будто как какой-то следопыт моя боль преследовала меня, находила в любом месте, куда бы я ни спрятался, она находила меня, разрывала мою душу и снова пускала кровь...

Но моя боль по сравнению с болью ангела – не боль, а так, царапина на коленке. Её страдания были в тысячи раз сильнее моих, что творилось с ней, когда её грудь разрывало в прямом смысле этого слова? Этот огромный фиолетовый синяк с кровоподтёком приводил меня в оцепенение, я как будто проглатывал язык, не мог ничего сказать, только думал о её боли и всё. Какие муки она приняла на себя из-за меня! Разве я достоин этого? Почему из-за меня должно страдать самое дорогое, что есть у меня, что дороже мне всего на свете и будет таким до последнего моего вдоха! Я пытался перенять её боль, пытался как-то ослабить эту силу, как мог, так и помогал, но моих стараний было мало, катастрофически мало.

– Ты не волнуйся за меня, неважно, что будет дальше и какой у меня будет конец, важно то, что сейчас, в эту минуту, не живя прошлым и будущим, мы вместе! – прошептала Кристина.

– Пообещай мне! – выпалил я. – Пообещай мне, что я всегда буду помнить тебя! Не нужно забирать мою память, не оставляй меня совсем одного! – я сжал её руку и поднес к губам.

Своим дыханием я омывал её пальцы, я чувствовал её нежную кожу и мягкость руки, меня пленил её аромат, я закрыл глаза, и слёзы самопроизвольно выступили на глаза.

– Я ничего не могу тебе обещать, но если твои чувства настолько сильны, то никакие правила не смогут забрать меня у тебя.

– Я люблю тебя.

Глава 24. Я вижу всё насквозь.

Началась учёба. Я не мог с головой уйти в неё, да и не хотелось. Понимая,

что впереди диссертация, какие-то здравые мысли проявлялись в голове, но потом ветром, вихрем всё куда-то улетало. Может быть я стал безразличен к своей карьере и профессии? Голову занимали только вопросы, связанные с людьми, с будущим и с другими глобальными проблемами, места для себя и своего конкретного будущего я не видел. Ольга Викторовна постоянно переживала за меня, с отцом отношения совершенно наладились, и он был этому очень рад. Препараты, которые я пил, не помогали мне, но мне приходилось врать, маскировался как мог. Время летело совершенно незаметно, Кристина снова перестала появляться, если приходила, то только на пару минут, и то ночью, когда я сплю. Просыпаясь по утрам, я всегда ощущаю её запах, который держится всю ночь и всё утро, иногда пахнет просто холодом и комнатой с вещами, тогда я уже знаю, что ночью я был один.

Портрет Кристины я хранил в большой книге, которая называлась «Архитектура 19 века», наволочку, на которой она спала, я тоже спрятал в надёжное место, вся эта конспирация была нужна, чтобы Ольга Викторовна ничего не пронюхала. Иной раз её забота напрягала меня, в конце концов, я не мальчик, да и отец так считал, но разве можно переубедить человека, который так напуган состоянием твоего здоровья? Как-то прохладным, дождливым вечером мы решили прогуляться.

Деревья стояли в ожидании холодов, листья уже пожелтели и покраснели, осенняя палитра была для меня несомненно прекрасней, чем летняя, но бесконечные дожди и холодный ветер всё портили. Ольга Викторовна одела свой любимый синий плащ, жёлтый тёплый шарф, и взяв с собой зонт, мы вышли на улицу. Не знаю даже, почему захотелось прогуляться с ней, я знал, что начнётся какой-нибудь серьёзный разговор, но всё равно нужно же иногда уделять внимание домашним, иначе опять заподозрят во мне что-нибудь неладное. Когда мы шли рядом, то я неоднократно обращал внимание на лицо мачехи, точнее, уже действительно больше чем мачехи, она с каждым днём становилась всё родней и родней, и от этого чувства в моём теле появлялась новая сила, заряд огромной энергии. Вспоминая, как она боролась с болезнью и как переживала мой недуг, непроизвольно начинали дёргаться губы и холодели от дрожи руки. Её морщинки около глаз и всё такой же молодой, игривый взгляд не давали мне погрузиться в океан своих бездонных мыслей, своим светом она отводила от меня грусть и тоску, так было и сейчас.

– Как быстро бежит время, только недавно было лето, и вот осень, и опять дожди!– начала говорить Ольга Викторовна, перешагивая через большую, глубокую лужу.

– Будем надеяться, что следующее лето будет без единой капельки воды!

– Ну, без дождя тоже плохо, давай зайдём в магазин, хочу купить что-нибудь поесть на завтра.

Насколько тщательно она умела маскировать свои эмоции и чувства, но я ощущал, что её что-то сильно тревожило, это в прямом смысле не давало по ночам ей спать, я ждал серьёзного разговора, но ничего не происходило. Она только и делала, что смотрела на меня многозначительным взглядом и иногда, когда я на неё не смотрел, она пожирала меня своим взглядом. Осенний дождливый вечер, странное поведение Ольги Викторовны, ещё магазин с огромным количеством людей, которые после работы решили забежать купить что-нибудь из еды. Всем нужна еда, все копошатся, что-то ищут, находят

какие-то колбасы, сыры, мясо, без вина и пива вообще нельзя выйти из магазина. Все жили в своих мирках.

Так же, как и в церкви, я почувствовал огромную энергетику людей, и она была очень схожа, большинство людей думали только о еде, о том, что можно купить подешевле и как вообще не хочется готовить! От замороженного мяса веяло страданием и агрессией, рыба пахла пустотой. Я, конечно, выглядел глупо, потому что рассматривал всех очень внимательно и впитывал практически все чувства, которые царили в этом помещении. Но меня поражало, что все были, как роботы, люди уже не преподносят даже поход в магазин как нечто приятное и полезное, разве сложно или лениво приготовить вкусный обед для своего мужа, который тоже, как и жена, спешит домой? Разве составляет особый труд выбрать между полезной пищей и не очень? Разве не смешат все эти цены, почему именно огорчают и приводят в грусть? Почему нужно и в поход по магазинам тащить с собой лишний багаж своих бед и переживаний. Лампочки накалились до предела, суета начинала меня тревожить, стало не хватать воздуха. Чтобы не напугать Ольгу Викторовну, я нашёл её в зале, сказал, что мне нужно выйти на улицу сделать важный звонок, она улыбнулась и ничего не ответила.

Поток свежего воздуха ошпарил меня, я стал большими глотками ловить кислород, кто-то подумал, что у меня астма, кто-то просто пробежал мимо, и даже был один человек, который позлорадствовал. И тут я увидел знакомое женское молоденькой лицо, эта была та самая девушка, которую я почувствовал, когда гулял по Арбату. Она испуганно взглянула на меня, я не отрывал от неё глаз, когда она зашла в магазин, то медленно обернулась, увидев, что я смотрю на неё, она резко отвернулась и исчезла в толпе. «И чего она меня так боится?», – спросил я сам себя.

Вернувшись обратно, я быстро нашёл Ольгу Викторовну, на кассе мы стояли минут тридцать, но это были незабываемые минуты! Вот она, клоака жизни! Люди ждут своей очереди, нервничают, про себя сквернословят, матерятся, что аж уши режет, хотят ударить впереди стоящего или сразу растолкать всех своей тележкой и лечь плашмя перед кассиршей. А кассир в свою очередь всех тихо ненавидит, наблюдая за тем, что берут красивые и хорошо одетые молодые женщины, смотрит и поражается: откуда у этой белокурой вешалки деньги на икру? Ты глянь-ка, сколько набрала средств для кожи, да тебе уже ничего не поможет, уродина! Я удивлялся и краснел за эту девушку, которая сидела на месте кассира. Она была полненькой брюнеткой с приплюснутым носом и заячьей губой. Конечно, природа не наградила её внешностью и хорошей перспективной работой, но это не означало, что все люди вокруг виноваты в её неудачах, она стала меня смешить...

Мужчина, который стоял сзади нас, постоянно причмокивал, давая понять, что он недоволен тем, как медленно двигается очередь. От его серой куртки, которая на размер была больше его, пахло кошками, кто-то, кто стоял рядом, начал чихать, его это просто взбесило. Как он не хотел признавать, что это именно от него пахнет! Пускай откуда угодно несёт чем угодно, но только не от него! Этот момент меня тоже рассмешил. Ольга Викторовна стояла совершенно спокойно, в её голову я не пытался лезть, как-то было неудобно, тем более всё, что мне нужно знать, я узнаю от неё, но не сейчас. Ещё пару женщин стояли совершенно спокойно, одна думала о работе, другая была беременна,

ну а третья просто радовалась тому, что приобрела покупки, о которых давно мечтала, несмотря на то, что на маршрутку денег у неё оставалось впритык. Когда подошла наша долгожданная очередь, кассирша искусственно нам улыбнулась и бросила презрительный взгляд на Ольгу Викторовну. Когда я забирал сдачу с покупок, а там оставалось тридцать два рубля двадцать копеек, я как бы нечаянно дотронулся до руки девушки, на бейджике было имя «Анастасия», она как-то странно дёрнулась, покраснела и тоже одарила меня неуважительным взглядом.

Несмотря на то, что она считалась обычной кассиршей, которая работала за небольшую зарплату, это не мешало ей считать себя необычной девушкой. Через неё проходили люди с покупками, она считала, что только от неё зависит, придёт ли человек с этими покупками домой, она считала, что распоряжается всеми товарами, которые берут эти жалкие людишки. Анастасия считала себя королевой «Перекрытка». Настолько её жизнь была сера и скучна, что она превратила её в иллюзию своего господства здесь. После чего бедная девушка стала смотреть на всех с высокомерным взглядом, но, конечно, не без оценки людей. Ведь многие девушки ей нравились внешне, и одежда их привлекала, а стройная фигура была её мечтой с самого детства, и конечно же, она вконец зачерствела. Но один непростительный минус я всё-таки увидел – это воровство на её совести и руках, пускай это воровство незначительное, но по крайней мере регулярное и очень профессиональное. Чтобы как-то опустить её на землю, мне пришлось её унижить. Зачем я это сделал? Мне показалось, что совершенно незнакомые люди не должны уносить с собой чью-то необоснованную зависть, тысячи проклятий себе в спину и так далее. Анастасия была именно тем человеком, которая только этим и занималась, и сила её мыслей была сильна. Мы уже почти отошли от кассы, мужчина с запахом кошечек уже начал выкладывать свои продукты, как я снова подошёл к кассе.

– Вы что-то забыли?– грубо спросила девушка.

– Да, забыл!– радостно ответил я.– Хотел сказать вам, Анастасия, что воровать плохо, тем более в месте, где вы непосредственно работаете. Стыдно, очень стыдно!

Девушка моментально побледнела, да так, что появились тёмные круги под глазами. Она стала смотреть по сторонам нет ли поблизости администратора и не слышал ли он? Убедившись, что опасности нет, она тихо вздохнула. Потом строго посмотрела на меня и как-то странно прищурила глаза.

– Чем докажешь?– выпалила она.

– Есть доказательства, ведь для тебя достаточно того, что я знаю о твоих проделках.

– Стучать пойдёшь?– испуганно спросила она.

– Пойду.– отрезал я, и быстрым шагом направился к выходу.

Через пару секунд я услышал за собой быстрые шажочки, обернувшись, я увидел Анастасию, стоявшую почти впритык. Она хотела что-то мне сказать, как-то попросить о том, чтобы я молчал, но я не дал ей договорить. Прикоснувшись одним пальцем к её лбу, я сказал ей слова, которые долетели до её сердца, ну, а после ей самой придётся решать – принимать мой совет или забыть, но забыть она уже не сможет. То, что влетает в сердце или душу, действует безоговорочно, достаточно всего лишь достучаться до них.

– Люди не виноваты в твоих неудачах, ты лишь притягиваешь эти неудачи

из-за того, что винишь людей в том, что они не совершали по отношению к тебе.

Ей уже кричали покупатели, что она совсем охамела, что люди ждут, стоят, спешат домой, а она там занимается шашнями! Анастасия вернулась на своё место, на глазах выступили слёзы, белки сразу покраснели. Она стала пробивать продукты и почувствовала, как внутри груди стало как-то легко, что она как будто не сидит на стуле, а парит в воздухе. Посмотрев на людей вокруг, она поняла, что у каждого своя жизнь, своя история и что она такая же, как и все, и что коллеги её тоже ничем не отличаются от неё. Ей стало стыдно, что она постоянно обзывала людей и её сердце становилось чёрным и злым, ей хотелось крикнуть всем, что она всё поняла, но не могла, боялась. Глаза бедной девушки стали кого-то искать около выхода, она периодически отвлекалась, привставала со стула, но не могла найти того, кого так жадно хотела увидеть.

– Что смотришь? Ушёл твой ухажер!– воскликнула пожилая женщина, которая наблюдала за всем происходящим.

– Да, знаю... но кто это был?

Ольга Викторовна уже стояла на улице и дожидалась меня, от дождя всё её лицо было мокрым, она удивлённо посмотрела на меня, я улыбнулся ей, взял сумку, и мы пошли не спеша домой.

– Что за спектакль только что был в магазине?– немного взволновано спросила она.– Раньше ты не был таким...

– Каким?– любопытно спросил я.

– Ну, ты как-то людей всегда игнорировал, старался их не замечать, а чтобы заставить тебя хоть с одним человеком заговорить, это стоило огромных усилий! И что я сегодня наблюдала? Совершенно противоположную ситуацию, прямо как-то стало не по себе...

– Ну, может, я меняюсь?

– В хорошую ли сторону?

– А разве я меняюсь в плохую? Разве моё отношение к вам стало плохим?

– Нет, не плохим, оно пугает меня.

Мы остановились около подъезда, Ольга Викторовна стряхнула с зонта капли воды, потом поспешно собрала его и, собравшись с мыслями, начала говорить. По её виду и мимике лица я понял, что дождался этого момента, этого главного момента, о котором она так долго молчала, прятала в себе, её губы тряслись, но не от холода, а от того, что она боялась обидеть меня своими мыслями и выводами. Мне же, напротив, было спокойно и весело, не знаю почему, но я чувствовал себя очень легко и непринуждённо.

– Я думаю, твоё изменение как личности и как человека произошло из-за психического расстройства, которое, как я полагаю, всё ещё живёт в тебе полной силой! Может, нам следует снова обратиться к врачу? Я так привыкла к тебе совершенно другому, отчуждённому, закрытому, вечно в своих мыслях, что сейчас мне трудно принять тебя таким, какой ты стал! Не может быть, чтобы человек в один прекрасный момент взял да и изменился! Такое бывает только в сказках! То, что с тобой случилось, твоё пребывание в больнице, твоя странная, безответная любовь, ещё странные звуки, которые я иногда слышу по ночам из твоей комнаты, всё это повлияло на тебя! Твоя перемена – от болезни!

Я бы мог принять это за оскорбление, повернуться и уйти, потому что на са-

мом деле все эти разговоры начинали напрягать и утомлять. Она прекрасно знала, что постоянно одно и то же в «моём состоянии» пережёвывать не надо, тем более мою «болезнь», которую в большей степени раздула именно Ольга Викторовна, даже врач был намного сдержанней и спокойнее, но она как будто не хотела ничего понимать, в её глазах я был болен очень тяжёлой и неизлечимой болезнью под названием шизофрения. Может, я был схож с шизофрениками, со стороны казался чудиком, своим стеклянным взглядом не раз пугал отца, но это не было доказано на бумаге и в действительности! Вот что было самым главным, даже чисто для себя я понимал, что не больной, но просто случился нервный срыв, маленько переколбасило, ну со всеми может такое случиться. Тем более как я мог среагировать на то, что видел в отражении смерть, которая тянула ко мне свою холодную руку? Что я должен был делать? Все мои анализы, моё поведение в больнице, мои ответы врачу – всё показало, в конечном счёте, что я здоров, и это поняли все, кроме неё... Постоянно говорить мне о том, что я болен, было крайне жестоко с её стороны, моё сияние на лице медленно стало угасать, улыбка сползла, я напрягся.

– Сколько ещё можно мусолить эту тему? Когда ты уже отпустишь эту иллюзию своей правоты?

– Иллюзию?– удивилась Ольга Викторовна, потирая руки.– Ведь я всё вижу и очень беспокоюсь за тебя!

– Может, нужно не очень беспокоиться, а просто беспокоиться и не забывать голову ненужными мыслями? Или, быть может, тебе хочется видеть меня больным?

– Что ты! Как могла такая мысль прийти тебе в голову? Уж что-что, а о таком я никогда не думала!

– Тогда я не понимаю...– ответил я, засовывая поглубже руки в карманы толстовки.

– Наверно, ты прав, хватит мне уже надумывать разные небылицы. Ты с нами, учишься, интересуешься жизнью, что мне ещё надо?

– Самой жить.

Мы поднялись на лифте домой, сначала мы минут десять не разговаривали, каждый обдумывал своё, потом оживились, поужинали и легли спать. Я стал засыпать, дождь барабанил по подоконнику, для меня это своего рода была колыбельная, я стал исчезать, но меня разбудило странное движение в другой комнате, я вышел и понял, что домашние о чём-то спорят и ругаются.

– Хватит его доставать! Сколько можно парню напоминать о том, что с ним приключилось? Пришёл с вашей совместной прогулки, а на нём лица нет! Опять ты его обидела?– говорил отец, сидя на краю разобранного и застеленного дивана.

Ольга Викторовна уже лежала под одеялом и держала книгу, сняв очки, она как-то странно взглянула на отца и опустила глаза.

– Нет, ты не опускай глаза! Смотри на меня! Зачем ты ему постоянно напоминаешь о том случае?

– Ты говори тише, а то Антон проснется.– тихо проговорила жена.

– Да, спит он уже, наверно, – ответил отец шепотом.

– Вань, прости меня.

– Ладно, Оль, будем считать, что этого разговора не было, но ты и так всё понимаешь?

– Я наверно правда своей чрезмерной опекой совсем его задушила! А ведь он уже не мальчик, взрослый парень, сам уже отцом может стать...

– Вот именно, что задушила! Только стало всё налаживаться, тут на тебе, опять у Оленьки нашей возникли подозрения, тревога какая-то, боли в сердце! Ты себя, в первую очередь, не бережешь!

– Ну, ладно, ладно.– нежно улыбнулась Ольга Викторовна.

Через пару минут отец тоже забрался под одеяло, выключив свет, комнату разразила гробовая тишина, я стоял в коридоре и боялся пошевелиться.

– Дождь барабанит по окнам...– сказала Ольга Викторовна.

– Оль, давай спать.– ответил отец, зевнув.

– Сейчас, сейчас, Вань.

– Ну что ещё? Что ещё придумало твоё воспалённое воображение?

– Но ведь голоса из его комнаты мы оба слышим? И не только голоса, какие-то движения, шаги, иной раз аж ноги замерзать начинают от волнения и страха.

– Ну, лунатик, может, он? Я помню, сам в молодости лунатил, так что это не смертельно, спи.

– Думаешь? Не похоже это на лунатизм.– прошептала Ольга Викторовна, поправляя подушку для удобного сна.

– А ты что, эксперт? Похоже – не похоже, спи!– буркнул отец и перевернулся на левый бок.

Ещё минут десять я стоял не двигаясь, потом потихонечку вернулся к себе в комнату, запрыгнул в постель и закрыл глаза.

Я не думал, что засну быстро или вообще засну, я лежал с закрытыми глазами и думал о том, что сделал сегодня в магазине. Правильно ли я поступил? Когда утром проснулся, почувствовал, что нижняя губа была вся обкусана, и запёкшаяся кровь не давала пошевелить ртом. Конечно, выйдя на кухню, первым делом все заметили изменение в моём лице, Ольга Викторовна ахнула и села на стул, отец глянул на меня грустными глазами и тяжело вздохнул. Я, ничего не говоря, выпил зелёного чая и пошёл на улицу. В университете я стал сам не свой. Поначалу все, с кем я дружил и был знаком, старались со мной общаться, звали меня в свои компании, радовались мне и всегда пытались вспомнить со мной какое-то совместное прошлое. Я отстранился от них, совсем одичал, и мне это шло только на пользу. Один я отдыхал ото всего.

Можно представить, как вокруг меня собрались знакомые человек шесть, стоят, смеются, о чём-то разговаривают, и я стою вместе с ними, глухой и немой, только чувствую их эмоции и знаю их секреты, – разве это не мучительно для меня, а для них не страшно? Так и пошло, прошло совсем мало времени, а я стал белой вороной, теперь со мной неохотно здороваются, практически перестали меня куда-то звать, и, самое главное, я был очень рад тому, что никто из них не знал про то, что я лежал в больнице. Лица, имена и телефоны я не помнил, я не пытался никого запомнить или попытаться вспомнить. Людей было так много, что я не успевал до конца того или иного человека почувствовать. Часто сбивался и не понимал кто только что пробежал мимо меня и кому принадлежат такие грязные и сальные мысли, или, наоборот – прекрасные и добрые...

Вот и на улицу я выбежал совершенно один, одинокий странник, который накинув, синюю ветровку и натянув капюшон по брови, стал бродить по дво-

рам. Куда-то идти мне не хотелось, узнавать новую обстановку тоже не хотелось, видеть своих соседей и людей, живших в ближайших домах, мне было легче, я уже многих знал и для меня ничего не было удивительным. Но однажды случилось то, о чём я даже и не мог предполагать.

В субботу после обеда я вышел на улицу, с самого утра как-то ноюще болела правая рука, и настроение было какое-то неважное. Вокруг всё казалось каким-то серым. На улице светило солнце, и я решил, так сказать, подзарядиться им. Проходя мимо соседнего четырнадцатизэтажного дома, в котором мне не нравилась планировка квартир и возмущало, что балконы в этом доме до смешного маленькие, я проходил мимо него особенно быстро, в этот раз не поднимая даже глаз на него. Такое ощущение, как будто меня гнали взащей отсюда, как будто какая-то сила меня подталкивала, мне стало как-то не по себе, раньше я проходил мимо этого дома спокойно, он не возбуждал у меня никакого внимания, обстановка была самой обычной, но сегодня случилось что-то особенное, что-то странное...

Я почти дошёл до торца дома, как вдруг в ноздри вонзился едкий, солёный запах человеческой крови. В глазах и в голове потекли реки красной краски, я стал тереть нос, запах был невыносимым. Голова стала кружиться, небо свисало надо мной голубым облаком, я покачнулся и присел на бордюр. В лёгких стало хрипеть, руки стали трястись, во рту вместе со слюной вышла и кровь, я глотал её и морщился, всё это приводило меня в тошнотворное состояние. Деревья в этот, казалось бы, солнечный день были страшные и корявые, они тянулись ко мне скрипя и стоная. Всё внутри сжималось, поражала боль в груди, что-то вырывалось из неё, какие-то всхлипы, урчание, я стал захлёбываться. Ко мне подбежал молодой парнишка, он ловко схватил меня под руку и посадил на недалеко стоящую лавочку, я откинул голову назад и просто стал быстро и глубоко дышать.

– Да ты наркоман! – взвизгнул он и ушёл от меня быстрым шагом.

Его я не почувствовал, было не до него. Я ужасался своему состоянию, постепенно грудь стало отпускать, кровавый запах улетучивался, и мне стало намного лучше. Руки практически не тряслись, во рту больше не стоял привкус крови, покрывшийся весь потом, я сидел на лавочке и просто был рад тому, что пережил этот момент. После меня как ошарашило, как будто молния ударила мне в голову, я чувствовал чью-то насильственную смерть, именно сейчас в этом доме кто-то умер. Я чувствовал, что эта была женщина, но не мог ничего больше почувствовать, так как был сильно истощён. Из меня за один присест выкачали всю энергию. Я сидел как тряпичная кукла, ветер становился всё сильнее и холоднее, а я, весь мокрый и потерянный, сидел и тихо, даже покорно принимал его удары в спину.

Где бы наверно я сразу же умер, так это на кладбище. Запах крови сразу выбивал меня из колеи, земля из-под ног уходила, я терялся, а что можно сказать про кладбище, от которого просто невыносимо ужасно пахнет гнилью и разложением? От этих мыслей мне не стало лучше, а наоборот. Потянуло рвать, я нагнулся перед собой, прижал живот к ногам и остался так сидеть. Внутри меня чувствовался лёгкий холодок, мурашки пробежались сначала по ногам, потом добежали до головы. Я боялся глотать слюну, боялся, что снова будет этот привкус совершенно невкусной крови, я плевал перед собой, стараясь это делать, когда мимо меня никто не проходил. После такого «релакса» я медленно

разогнулся и снова откинул голову назад. И вновь затянуло неприятным запахом, стало пахнуть смертью, в голове звенело, тошнило, хотелось закричать что есть мочи, но я не мог выдавить из себя ни звука. Из последнего подъезда вышел мужчина, достаточно плотный, в чёрной куртке и серой кепке, пробегающая мимо меня, я сразу понял, кто это. Его руки были испачканы кровью, для всех они были вымыты до блеска, для меня же они были по локоть в крови. От него тянулся шлейф, отрицательная энергия заполонила весь двор, я быстро вскочил, думая, что успею догнать его или проследить за ним, но сразу же рухнул на землю. Крикнуть я не мог, из груди вырывалось тихое мычание, перед глазами встала картина убийства, и волосы на голове стали шевелиться, от ужаса заслезились глаза. Я снова попытался встать, стал перебирать ногами как пьяный, облакачиваясь на всё, что попадалось мне по пути, я не спеша начал двигаться.

Снова во рту стоял вкус крови, кто-то из знакомых шёл мне навстречу, я натянул капюшон совсем на глаза, чтобы меня никто не узнал. Мне не нужно было видеть этого человека, который всё дальше и дальше уходил от меня, достаточно было идти по запаху. Когда я дошёл до него и увидел его узенькие, почти крошечные глазки, я почувствовал такое омерзение, которое никогда ещё не чувствовал. Я не пытался привлечь его внимание к себе, я был так близок к нему, но что я мог сделать? Как я мог уличить его в убийстве? Если по факту его не видел...

Я не мог угнаться за ним, казалось, его ноги реактивные, он летел по воздуху, слишком всё быстро, мне не успеть. Я забрёл в какой-то двор, он был до безобразия некрасив и сер. Кроме дряхлых качелей и небольшой песочницы, ничего не было для детей. Лавка, на которую я с трудом упал, качалась и трещала, но я не мог больше идти, я чувствовал, что она рухнет подо мной, но не мог больше двигаться. Сердце поразила тоска, я мог что-то сделать, мог остановить его, поймать, я мог хоть что-то совершить, а вместо этого я забрёл куда-то и от изнеможения схожу с ума. Стало темнеть, на небе стали появляться первые звёзды, в голове по-прежнему было мутно и темно, больше всего на свете в эту минуту я хотел ничего не чувствовать, вернуть время назад и не выходить сегодня на улицу. Из рта стал валить обильный пар, сразу почувствовал странное состояние, ещё одно непонятное чувство, которое ударяло меня, причиняя ту же боль, что была до этого. Кто-то подсел ко мне, я видел только тёмные очертания, когда я пригляделся, то увидел, как на меня смотрят два чёрных глаза, из которых сыпались искры ликования и злобы.

– Бедняжка, и как ты терпишь всё это?– прозвучал женский голос в темноте.

– Стараюсь.– выпалил я, зная, кто сидит рядом со мной.

– Как же ты теперь жить будешь, зная, что упустил этого человека?

– Переживу.– выдавил я из себя.

Я знал, к чему она клонит, – разжечь во мне чувство вины сейчас было невозможно, я слишком сильно был погружён в это обстоятельство, которое случилось сегодня, чувствовал многое, болело тело, даже с трудом думалось.

– Убить меня пришла?– прохрипел я, уже не боясь её.

– Нет, пришла просто посмотреть на тебя и увидеть твои мучения! Неужели ты согласен вот так всю свою жизнь терпеть всё это? Людская боль – это тебе не ушиб или царапина, чего же ты хочешь? Записать при жизни себя в му-

ченики?

– Такова моя судьба...

– Да что судьба! Можно всё изменить, только стоит захотеть! Прими моё предложение, и всё пройдёт!

И этот разговор я понимал, понимал, к чему она клонит. Меня тошнило от её присутствия, удар за ударом, больше невозможно всё это было терпеть, и я хрипло закричал:

– Чего тебе?

– Бедняжка, эго тебя выворачивает! – тихим голосом пропела тёмная фигура. – Дай мне руку свою, открой мне все секреты и тогда обещаю: ты освободишься от своих страданий.

– Предлагаешь сдаться?

– Предлагаю тебе не чувствовать боль.

– И кто это говорит? – смеясь, сказал я. – Ты? Которая и есть порождение боли? Исчезни, ничего я тебе не дам, просто до моего судного дня оставь меня в покое.

– Судный день уже настал, просто я медлю.

После этих слов тёмная фигура растворилась в воздухе. Это что было – одолжение? «Судный день уже настал, просто я медлю.» Ей что-то было нужно от меня, она медлила с концом, наблюдала, что-то взвешивала, может, готовила какой-нибудь коварный план? И, собственно, где Кристина? Почему так долго её нет, сердце по ней истосковалось, да и сейчас, сквозь всю боль, которую я испытываю, пробивается любовь к ней. Возбудив в себе её образ, мне стало легче, захотелось сильно спать, я прошептал её имя и выключился, рядился, как телефон...

Глава 25. Неидеальный современный мир.

Какой ты несчастный, холодный и одинокий...

Мне пришлось вселить в него часть моих сил, чтобы он дошёл до дома и придумал историю своего избиения и кражи денег, которых у него и не было. Ольга Викторовна до трёх ночи вертелась возле него, лоб горел, ему было жарко. Я стояла около стены и медленно наблюдала за тем, как его тяжёлое тело лежит на кровати, и он, уставший, еле улыбается своим близким. Когда все утомонились и разошлись, я забрала у Антона часть своих сил, и он тут же провалился в долгий и глубокий сон.

Сил совсем не было помочь ему. Сама изнемогая от боли, я не знала, куда себя деть. Облетев в десятый раз весь земной шар, я уже была готова биться головой об стену. Во мне пробудилось человеческое чувство под названием безысходность...

Тёмная материя с именем Аида наблюдала за нами и получала огромное удовольствие от того, что видела. Она выжидала, ждала подходящего момента, и если бы знала о том, что я люблю человека, уже давно бы напала и разорвала меня в клочья. Она что-то чувствовала, старалась уловить, но не получалось, любопытство терзало её и поэтому она медлила, что-то предвкушая. Я не знаю, что будет дальше, но одно я знаю точно, я не сдамся.

То, что сегодня случилось, было для Антона огромным испытанием, когда он придёт в себя, внутри его тела проснётся огромная вина, сожаление, эти чувства будут ему мешать, и когда он будет их испытывать, мне надо будет на-

ходить рядом с ним. То, что произошло сегодня в соседнем доме, было чудовищно. Думать об этом совершенно не хотелось, настолько меня удивлял этот мир.

Я всегда поражалась жестокости людей. Порой совершенно не понимая, что собственно случилось? Из-за чего произошло то, что произошло? Человек научился отнимать жизнь у другого человека с таким вожделением и наслаждением, что порой это пугает до глубины души. Голоса несчастных людей проникают, как бактерии, в душу Антона, он терпит, живёт и борется... Он сам ежедневно видит, как человек поглощает человека, как мать унижает своего ребёнка, как подросток держит в голове похотливые мысли, как отец бьёт своих близких, и чем больше он издевается, тем больше считает себя правым. Насколько всё вокруг оглупело, просто до предела. Я всегда была яркой защитницей людей, некоторые ангелы, давно поняв всю ситуацию, отступили от них, но только не я. Я до последнего верила во что-то светлое и безгранично верила в надежду! Но теперь, видя, что они все творят, я задаюсь одним простым вопросом! Что они делают? Сколько можно направлять и помогать, сколько можно языку жизненных обстоятельств учить их? Люди потеряли свои души в дорогих брендах и ярлыках, и всем этим заправляют люди с масками тягучей жадности и уничтожения. Страшно и жалко смотреть на то, как они умирают и дают себя убивать.. Без души они навсегда останутся пребывать в темноте. Они должны проснуться, должны восстать..

Я нашла в его книге свой портрет. Я знала, что он прятал какие-то вещи, которые касались меня, даже наволочку от подушки он хранил в укромном месте. Он знал, что я знаю про это, и не боялся, что я в один прекрасный момент найду эти вещи и уничтожу их. Мне нужно было именно так и поступить, но я медлила, боялась его расстроить, боялась, что он обидится на меня, ведь эти вещи для него слишком много значили. Возможно, я делаю ошибку, но я убираю всё, что нашла и сажусь к нему на кровать. Пускай всё, что напоминает ему обо мне, будет с ним до конца его дней, тем самым и я буду жить вместе с ним, частичка моей души уже заложена в этих вещах, они будут помогать ему. В этих вещах он видит меня и отнять их было бы преступлением! А расставаться вот так, на обидах, мне совершенно не хотелось. Ведь мы оба прекрасно понимали, что тёмная материя просто играет с нами, мы оба понимаем, что я погибну, но вот эти незначительные вещички будут жить. Что останется после меня? Человеческие предметы... Не об этом ли я мечтала? Всегда хотела себя хоть как-то очеловечить, старалась быть похожей на людей, и вот моя мечта осуществилась. Мечта настолько стала реальной, что о ней я больше не думала. Очеловечить себя до предела, влюбиться в человека могла только я. Перед смертью тяжело думать о своей бесконечной жизни, сейчас вспоминаю свои минуты, прожитые на земле, и понимаю, что многое всё равно не сделала, что осталось так много дел, а времени уже почти нет! Что совсем скоро я найду своё пристанище где-то глубоко, под водой, буду изгнанницей, и это всё из-за любви к человеку! Я понимаю, почему нам ангелам нельзя любить человека, именно любить. Мы становимся другими, слабеем и погибает, это как проклятие, как болезнь, и развитие у нас иное, мы разные.. Мы два разных вида, находящихся на разных ступенях эволюции, любовь для нас смертельна, и это понятно. Я чувствую, как впустила в себя нечто запретное, что-то чужеродное, часть от людей, но именно эта часть – моё спасение, мой

СМЫСЛ.

Но мне совершенно не хочется никого винить. Значит, я должна была именно так закончить свою тысячелетнюю борьбу под названием «жизнь на земле». Сейчас понимаю, что и ста жизней будет мало, чтобы понять весь этот мир, с людьми, природой и событиями! И как они умудряются в одной жизни что-то познать, понять и прожить? Наверно, именно одна жизнь по-настоящему бесценна. Ни сто жизней, которые переплетаются, перевязывают тебе ноги, ты путаешься, а одна-единственная, со своими яркими красками, которые не могут передать остальные девяносто девять жизней. И как страшно видеть, что многие не проживают этой жизни сполна, как больно видеть, что человек ничего не успевает сделать, даже самого элементарного для себя.

Антон уже так много всего видел, я как могла показывала ему мир, людей, приводила жизненные примеры, подбадривала его, за его плечами огромный труд и желание познания, но всё это разбивается на мелкие кусочки, когда происходят такие вещи, наподобие сегодняшнего дня. Ему страшно, и мне тоже. Страшно, что после всех моих усилий и жертв он опустит руки и не захочет больше жить так, как живёт. Конечно, он не сможет избавиться от своего дара, но притуплять его, игнорировать он сможет, ведь раньше у него это получалось. Проведя рукой по его мокрому лбу, я понимала, насколько тяжело сейчас его душе, насколько мучительна эта боль.

Когда Антон открыл свои красные, уставшие глаза и увидел меня, то его лицо озарила добрая, ласковая улыбка. Он бережно взял мою руку в свою и снова взглянул на меня.

– Где ты была?– тихо, еле слышно произнёс он.

– Ты знаешь, что рядом с тобой я не могу находиться, но сейчас я обязана быть рядом.

Он закрыл глаза, как будто вспоминал, что с ним случилось, и маленькая слезинка выкатилась из его глаза. Он посмотрел в окно, думая о случившемся, и всё сильнее и сильнее сжимал мою слабую руку.

– Я ничего не смог сделать...– тихо простонал он.

– Нет,– спокойно ответила я.– Что ты! Ты сделал то, что другие люди никогда бы не сделали.

– Что? Позволил убийце скрыться?

– Ты, преодолевая боль, собрал все свои силы и пошёл за ним. Ты научишься притуплять в себе чужую боль, тебе просто нужно потерпеть, а человека этого найдут, ты не переживай, его видели соседи.– я немножко помолчала.– Он был бывшем мужем этой женщины, часто приходил к ней за деньгами на выпивку, она давала, боялась его, потому что, когда они были ещё в браке, он бил её. И вот случилось непоправимое, она отказалась ему дать деньги.

– Да кто он такой, чтобы лишать человека жизни? Мерзкий ублюдок!– закричал Антон, приподнимаясь на локти.– Я найду его, из под земли достану!

– Что ты сделаешь? Убьёшь его?– тихо спросила я, поглаживая его потное лицо.– Я же сказала, что его найдут, соседи его знали, поэтому ты не волнуйся, ты стал свидетелем преступления, за которое обязательно понесут наказание.

– Я должен был сам его найти, я чувствовал в себе силу, чтобы наказать этого убийцу.

Твёрдость и серьёзность его слов пугали меня. Больше всего мне не хотелось, чтобы в его душе зарождались такие неправильные мысли и чувства. Я

взглянула на него, почувствовала всем своим нутром его страх и боль, мне тоже стало страшно.

– Ты научишься контролировать всё вокруг себя, потерпи!

– Потерпи? Как это можно терпеть? Когда на твоих глазах, ну почти на твоих, убили человека, и ты знаешь, кто и как умер! Как можно отпустить этого урода, зная, что он виновен?

– А сколько таких случаев по всему миру?– серьёзно спросила я.– Ну? Их не сосчитать! Поверь мне, уж я то знаю! Я живу в этом мире уже много веков, но это время, в котором живёшь ты, меня больше всего пугает.

– Это почему?– спросил Антон, снова кладя голову на подушку.

– Потому что вы живёте бессмысленно, глупо и не логично. Сейчас можно убить человека, а потом убийца начинает ломать голову, а за что, собственно, я убил его? Людям преподносят на красивом и разноцветном подносе чужие идеалы и стереотипы, которые на самом деле являются смертью для каждого человека. Сейчас землю населяют демоны, которые из людей делают рабов, жестоких слуг. Я не оправдываю ни одно убийство будь то оно якобы по справедливости или неосознанно, я не могу оправдывать войны, людей, которые убивали других людей, чтобы прокормить свою семью, которая пухла от голода, я не могу оправдывать кровавую вражду между семьями и самоубийц, которые не нашли своё место в этом мире. Но я также не могу оправдывать детоубийц, и тем более я не могу оправдывать пьяных людей, которые под влиянием ядов и токсинов убивают не только близких людей, но и самих себя. Если быть совсем честной с тобой, то в вашем мире добро становится чем-то особенным, осталось только выставить его в музее на показ, чтобы люди приходили туда и удивлённо смотрели на это произведение природы. Вы, люди, стали немыми, что вам говорят, то вы и делаете, но разве это жизнь? Жить ради того, чтобы кто-то наживался на тебе? Жить ради идей и планов чужих и непонятных тебе людей? А где же вы сами? Где то, что дала вам природа? И что вы творите с природой и существами, населяющими планету? Ты не думай, что я приплюсовываю тебя к таким людям, я просто хочу, чтобы ты видел и умел различать эту жизнь, в которой тебе приходится сейчас жить. Посмотри, как жила раньше Марианна, откуда маленькие детишки уже в своём нежном возрасте ощущают на себе ненависть и злобу? Поэтому тебе не стоит удивляться и принимать всё близко к сердцу, иначе ты себя быстро растратишь. Понимаю, что пока это тяжело, но ты научишься! Этого человека найдут, он понесёт наказание.

Антон всё прекрасно понимал, после моего небольшого объяснения он успокоился. Но становилось страшно от того, какая жизнь ожидает его и какие люди будут окружать его.

Глава 26. Роковая встреча.

После этого случая прошло два дня. Ольга Викторовна носилась вокруг меня как ненормальная. История с тем, что на меня напали и обокрали, оказалась выигрышной, я был жертвой, отчего начинал уже уставать. После разговора с Кристиной мне стало легче, я понимал, что всё это дерьмо будет встречаться на моём пути постоянно.

– Помните Валю из соседнего дома? Ну, она такая высокая, с длинными рыжими волосами? Да? Ох, ребята, убили её...– встревожено сказала Ольга Викто-

ровна, во время обеда.

– Мда, вот тебе и жизнь...– высказался отец.

– Жалко Валю, говорят, это её бывший муж пришёл опять деньги просить.

– Работать надо, а не тревожить людей.– серьёзно пробурчал отец, кладя в рот варёную картошку.

– Она сама пару дней назад ходила деньги занимала, на работе зарплату задержали, да ладно, что уж говорить...

Я не мог слушать то, что отчётливо понимал, чувствовал и видел. Стало как-то трудно дышать, я сослался на головную боль и ушёл на балкон.

– Зачем говорить о таких вещах при нём? Ему и так несладко сейчас! – сказал отец.

– Это да, что-то я погорячилась, иногда язык мой враг!

– Не иногда, а практически всегда.

Они обменялись укоризненными взглядами и продолжили обедать. Я стоял на балконе и вдыхал свежий осенний воздух. На улице стояла тёплая погода, я наблюдал за городской жизнью и немного стал отвлекаться. Кто-то хлопнул меня по спине, обернувшись, я увидел отца. Он встал рядом, поправил свою клетчатую рубашку и широко мне улыбнулся.

– Хороша погодка!

– Это точно.

Я знал, что ему нечего мне сказать, после беседы за столом все положительные мысли куда-то сами по себе улетучились и остался неприятный осадок под названием: «кто обсуждает такое за обедом?».

– Да ладно, пап, не переживай, со мной всё в порядке.

– Я рад, а то уж подумал, что нужно опять ставить на место мать.

– Что-то вы стали много ругаться в последнее время, и всё из-за меня.

– Это ничего, совершенно не страшно.– ответил отец, снова похлопывая меня по плечу.– Ты бы пошёл развеялся куда-нибудь? Сейчас, правда, с финансами туговато, но пару тысяч я могу тебе дать!

– Помнишь, как было классно, когда я подрабатывал?

– Сейчас и речи быть не может о работе! Сам понимаешь. Если нужны деньги, говори мне.

Порой и отец принимал меня за маленького ребёнка, но это я сам виноват. Мы ещё немного постояли на балконе, и, когда уходили, я обратил внимание на голубое небо. Странно было то, что недалеко от солнца виднелась еле заметная луна, а рядом с ней прорезалась через облака красное пятнышко, приглядевшись, я увидел красную звезду. Ноги онемели, во рту пересохло, я не знал, куда можно спрятать своё волнение, было настолько беспокойно на душе, что я готов был выброситься с балкона. Никому ничего не сказав, я выскочил на улицу и побежал куда-то прямо. Во дворе ещё стоял запах этого страшного инцидента, но я уже не обращал внимания. Я шёл всё быстрее и быстрее, казалось, что чем энергичней я иду, тем дальше от меня эта звезда. Неужели этот день уже настал? Неужели сегодня или завтра случится то, чего я больше всего на свете боялся? Я не замечал людей, а если и замечал, то игнорировал. Потом я понял, что откуда ни возьмись я научился делать блокировку, причём настолько сильную, что чувствовал и ощущал только свой единственный голос. От этого неожиданного открытия голова закружилась от счастья. Мимо меня проходил огромный поток людей, а я, как и все, шёл вместе с ними и

чувствовал только себя. Правильно Кристина говорила: всему своё время! О, как она была права.

Я приехал на Поклонную гору, здесь всё началось, здесь всё и закончится. Я бродил, гулял и через пару часов увидел, как ко мне приближается Кристина, её голубые океаны были встревожены, она дрожала, как студентка перед защитой диплома. Я вспомнил нашу первую, утреннюю встречу здесь, как она вызвала дождь, потом перемещение в пространстве, новые люди, эмоции, за это всё я хотел поблагодарить её, но язык не поворачивался, я, так же, как и она, был встревожен.

– Это наш последний день вместе.– негромко сказала она.

Кристина напоминала мне человека у которого в жизни произошло горе, настолько она была опустошена и спокойна. Её огромные голубые глаза светились ярким грустным светом, каштановые волосы, заплетённые в косу, лежали на правом плече, бледные губы изредка дрожали, уголки её губ иногда поднимались вверх, она улыбалась, но не показывала своих красивых зубов. Всё, что находилось рядом с ней, превращалось в прекрасное, ничего не могло быть плохим или худым, Кристина не давала реальности просочиться в наш с ней мир, мы сели на лавочку, и я взял её руку в свою.

– Это точно?– осторожно спросил я.

– Время пришло.

– Почему сейчас? А не тогда, когда я впервые увидел звезду?

– Она выжидала, изучала тебя, меня – всё правильно.

– Я боюсь!– дрожащим голосом простонал я.– В голове не укладывается, что нам придётся проститься!

Я не мог говорить, выпалив эти сухие слова, ком к горлу подступил и не давал мне дышать и глотать. Грудь охватил холод, боль, страх, всё поглотило меня. Кристина не смотрела на меня, отведя свой взгляд в сторону, она думала о чём-то своём, я не мог почувствовать, о чём именно она думает. Поставив блокировку от меня, она считала, что оберегает меня от последних грустных мыслей, но это, наоборот, ещё больше захлестнуло меня. Что она чувствовала, понимая, что погибнет? Я не могу этого представить, миллион противоречий сражаются внутри, тело и душа уже не чувствуют боли, кожа её стала ещё белей, чем была, казалось, её намазали белой краской или разукрасили белым мелом. Из её рта выходило тихое дыхание, я понимал, что под этой маской спокойствия бушует настоящий океан чувств! Я прижал её к себе, своими плечами я почувствовал её тело, её маленькие ручки обняли меня, и не было на свете человека счастливее меня! Да, пускай сегодня случится бой не на жизнь, а на смерть, пускай земля содрогнётся, мне было уже всё равно.

– Ты, главное, ничего не бойся.– начала разговор Кристина.– Если сдашься, она победит и конечно убьёт тебя, сошьёт машиной или кирпич на голову упадёт, неважно! Главное, не поддавайся её манипуляциям, и что бы ты ни увидел, прошу тебя: не бойся и не теряйся, помни, что я рядом, и всё, что я делаю, я делаю ради тебя!

– А как же твои любимые люди?

Она ничего не ответила, лишь только дала мне понять, что ей не это хотелось услышать. Я понимал всё настолько сильно, как только можно понять, боялся лишний раз вздохнуть или сказать что-то не то. Её спокойствие меня начинало раздражать, но я понимал, что по другому нельзя. Конечно, ей не

хотелось меня огорчать, ей не хотелось допускать мысли, что я могу быть расстроен или подавлен горем, но эта мысль была адекватной, так как именно такие чувства сейчас бушевали во мне. То, что она закрывается от меня, не спасёт моей души, и нервные мои клетки давно уже погибли, так как ежедневно из года в год я подвергался кошмарам и испытаниям, которые, оказывается, даны мне были высшими силами. Избранный? Кто я? Можно с ума сойти от такого вывода. Кто я, чтобы направлять людей на путь правильный? Я даже их не люблю, но ангел мой – любит, поэтому я тоже должен полюбить.

Я вспоминал те мгновения когда мы с Кристиной находились в каком-нибудь чужом месте, и там я познавал, узнавал что-то новое, что-то такое, что никогда бы не узнал один, Кристина наделила меня всеми эмоциями, чувствами, всем, чем только можно наделить такого человека как я. Я не считаю себя особенным и, конечно же, не считаю себя великим, я не мессия, в моей жизни всё непросто, но это больше не пугает меня так, как раньше. Пускай я не такой, как все, и от этого я страдаю, пускай я самый особенный человек на всём белом свете, но в то же время я самый несчастный и одинокий человек, и буду таким всегда. Потому что я теряю свою любовь и, потеряв её, больше никогда не приобрету. Я мыслю, чувствую, понимаю всё по особенному, чувствовать других – это дар, за который многие отдали бы всё, что имеют. Как здорово чувствовать, любят ли тебя или нет? Можно ли довериться этому человеку или он шарлатан? Что думает о тебе тот или иной человек? И так далее, и тому подобное, – это, конечно, здорово, но после недельки такой работы тебе захочется отдохнуть, освободиться от этого всезнайства, потому что ты понимаешь, что скоро тебе наскучит так жить, ведь намного интересней не знать многого, чем знать и жить с этим, покрываясь пылью и временем. Тебе захочется снять свою голову и купить где-нибудь другую, чтобы она была самой обычной, лёгкой в использовании, чтобы с ней не возникало никаких проблем. И прежде чем вернуть старую голову, ты ещё сто раз подумаешь, а надо ли тебе это? И если бы я сейчас мог с кем-нибудь обменяться головами, я бы это сделал.

Это не значит, что я сдался или струсил, ну, или вконец устал, я просто хочу жить и любить, быть обычным человеком, чтобы не просыпаться по ночам от реальных кошмаров, не идти в магазин и по пути чувствовать маньяка или скорую его жертву. Я устал, сидя на кухне за обедом, чувствовать, как кто-то умирает от голода, и глоток воды для него больше, чем что-либо на этом свете. Невозможно просыпаться в холодном поту и понимать, что подросток выбросился из окна или перерезал себе вены, после последнего переживания руки болят почти неделю, а ведь я совершенно не знаю этого человека, который совершил это с собой, однако же приходится делить с ним его боль и страдания. Прикосновения людей совсем выматывают меня, проще совершенно никуда не ходить, нужно сидеть дома и замуроваться в четырёх стенах навсегда. Я стараюсь не прикасаться к людям, обходить всех стороной, но это не всегда получается у меня, и телесный контакт сразу же сигналил мне в мозг информацию, которая совершенно мне не нужна. Но самое неприятное это то, что ты можешь чувствовать своих близких и любимых людей. Тяжело знать всё о тех людях, которые тебе не безразличны, тяжело знать подробности их жизни, которые они сами от себя скрывают.

Я живу в таком режиме, у меня особенная жизнь и, кажется, она началась,

как только я родился, а не когда был мальчишкой. Именно сейчас мозг стал всё обдумывать, как будто проснулся после долгой спячки, он спал, видел сны, но никак не хотел пробудиться и вкусить настоящее. За то время, что я и Кристина были вместе, я сильно повзрослел, чувствуется это уже очень сильно. Кажется, я вырос на три головы, а может и выше, не знаю. Конечно, мне теперь будет гораздо легче общаться с людьми, я смогу доверять, выслушивать и сам не закрываться от мира, который раньше для меня считался опасным. Мне не страшно заговорить и посмеяться, над чем-нибудь, пошутить, сделать так, чтобы меня запомнили, просто всё это мне не нужно. Теперь моя суженая – это одиночество, а в наказание я получил свой дар и людей, которые теперь будут всегда вокруг меня. Я своего рода стану для многих личным психологом, кто-то будет меня боготворить, кто-то будет считать меня святым, а кто-то подумает, что я сумасшедший сатанист или шарлатан, но это всё сейчас для меня не имеет никакого значения. Ведь всего этого не увидит она, та, которая сейчас сидит рядом со мной и ждёт своей смерти, готовясь к ней всем сердцем и душой. Моя хрупкая девочка страдала от боли, и я медленно, но верно терял её, она утекала, как вода сквозь пальцы, она исчезала, как первый снег, и нет ничего на этом свете спасительного, чтобы не допустить всего этого. Время, которое мы прожили вместе, пролетело незаметно, совершенно быстро, но каждую секунду нашей жизни я буду помнить до последнего вдоха. Ничего не забудется, я буду любить то, что уже никогда не смогу потрогать, поцеловать, прижать к себе и просто поговорить.

Вот оно, проклятье – расплата за мой дар. Я никогда не смогу быть счастливым, встретив однажды настоящую любовь, ты не сможешь думать о ком-то ещё, ты будешь любить до глубины души, любовь просочится во все щёлки, во все потаённые комнаты твоего тела, твоего разума. А ведь это самое страшное, что может случиться с человеком – остаться одному, стать отшельником среди миллионов людей. Я уже начинал к этому готовиться.

Но мои невзгоды и горести вперемишку с печалью – ничто по сравнению с тем, что испытывает она. Милое и иногда наивное существо подставляло своё личико осеннему солнцу, которое уже не грело, а просто светило, как бы давая понять, что оно есть, а остальное неважно. Она всему радовалась несмотря ни на что. Видела она, конечно, больше меня на этом свете. Да, что говорить, сейчас на земле нет никого, кто бы мог похвастаться такими же знаниями. Кристина всегда скрывала свои познания, всегда приводила примеры, но не углублялась в их расшифровки, всё было поверхностно, но очень понятно для меня. Да, собственно, мне и самому не хотелось выслушивать подробные истории людей, которые жили три столетия тому назад, или историю той пожилой, супружеской пары, которая поразила меня. Я пытался не допытываться у Кристины, лишняя информация, как я сейчас понимаю, только бы вредила мне, познание моё шло медленно, поверхностно и правильно. Чтобы достичь глубины, мне придётся попотеть и прожить какой-то серьёзный период жизни, но опять же без неё... В голове иногда всплывала мысль сдать себя, доверить себя смерти, чтобы не бороться всю жизнь и знать, что твой ангел не погиб из-за тебя. Ведь я уже чувствую вину, которая постепенно верными путями поднимается к горлу, а после найдёт меня разбитым и слабым. Чувство того, что Кристина погибнет ради меня, убивало всё моё существо. Думать об этом не хотелось, я морщился, пытался отогнать печальные мысли, но они назойливо

лезли снова в мою голову, паразитируя там по страшному, вот и сейчас происходит тоже самое.

– Как много всего ты сейчас надумал, – сказала Кристина, кладя мне на плечо невесомую, белую руку. – Не волнуйся, ведь я не боюсь.

– Откуда мне знать, боишься ты или нет? – выпалил я. – Ты закрылась от меня, однажды открылась и снова закрылась, боишься, что я почувствую что-то?

– Да.

– Что нового я могу почувствовать? Все твои эмоции я знаю наизусть, как таблицу умножения и наш русский алфавит!

– Тогда зачем тебе снова это всё переживать? Я ограждаю тебя от того, что ты и сам прекрасно знаешь.

– Я не хочу, чтобы ты закрывалась от меня! Не сейчас!

– Прости.

– Это ты прости меня.

Я встал и отвернулся от неё, ком к горлу подступал, нечем было дышать. Люди, которые проходили мимо нас, ничего не подозревали, Кристина не скрывалась от них, а я, стоя со слезами на глазах, знал, что она будет вечно жить во мне.

– Ты куда? – тихо спросила она.

– Пойдём пройдемся, или может переместимся куда-нибудь? – с надеждой спросил я.

– Прости, но мне нужно беречь свои силы, поэтому о перемещении не может быть и речи. – с грустью в голосе ответила Кристина.

Подул сильный ветер, я встрепенулся и стал ждать чего-то ужасного, смертельного удара или неожиданного поворота. Кристина почувствовала моё волнение, подошла ко мне и тихо прижалась.

– Это просто ветер. – сказала она, взглянув на меня пустыми глазами.

Небо стало постепенно сереть, солнце уже начинало уходить за горизонт, облака передвигались по небу очень быстро, казалось, будто кто-то ускорил этот день, чтобы всё быстрее разрешилось. Ветер и вправду был самым обычным, правда, его холодные потоки не успокаивали меня, а наоборот. Прижавшись ко мне своим хрупким телом, Кристина всё так же оставалась для меня закрытой книгой, которую я уже не пытался открыть. Может, я даже был ей благодарен за то, что именно сейчас, в эти мучительные минуты ожидания она не делает мне ещё больней, было и так невыносимо. Я понимал, что нас обоих охватывает страх, постепенно пробирается под кожу и ест нас. Он безмерно силен, и его практически нельзя победить. Но есть то, что заставляет тебя бороться с ним, имя этому – любовь. Когда любишь, и страх кажется обычной песчинкой в огромной пустыне, когда любишь, и капелька воды не страшит, когда превращается в проливной дождь. Подбадривая себя и понимая всю правоту своих суждений, мне становилось хорошо. Не могу сказать, что я начинал чувствовать себя просто замечательно, просто на какую-то долю секунды становилось легче. Раза три кто-то мне звонил, карман истошно вибрировал, но я не обращал внимание на это, мне было абсолютно всё равно, кто это и с какими новостями он звонит. Я прижимал Кристину к себе, понимая, что вот она сейчас рядом со мной, дышит, смотрит, что-то говорит, а через какое-то время её не станет, она исчезнет из моей жизни и больше никогда не появится в ней, разве мог я такое пережить?

– Знаешь, сейчас наступил тот момент, когда мне уже не страшно. Наверно, прошёл тот период, когда я плохо осознавала, что со мной будет. Сейчас, проанализировав всё, я понимаю, что ждёт меня, и от этой ясности мне намного легче. Хотя иногда лучше жить в неведении.

– Я люблю тебя.– тихо сказал я, прислонив свои губы к её уху.

Я не ожидал от неё красноречивых слов, я знал, что ей тяжело делиться со мной своими чувствами, и было очень приятно, когда она всё-таки с ними поделилась. Но мне не хотелось уже последние часы стоять и молчать или изредка говорить подбадривающие слова, я захотел снова открыть ей свою душу, освежить в её памяти мои чувства и показать ей, насколько она мне дорога, это было гораздо лучше, чем сухая и совершенно не нужная поддержка.

– Я тоже люблю тебя, Антон.– смущённо ответила она.– Нет человека более удивительней и прекрасней тебя.

Видно было, что она волновалась, тяжело вот так признаться в любви, тяжело даже думать об этом, каких усилий стоит ей об этом говорить.

– Знаешь, а мне не страшно, я отдаю свою жизнь за человека, которого полюбила, пускай это как наказание, но это то, чего я искала всю свою жизнь!

– Ты это о чём?

– Я говорю о том, что я всегда мечтала полюбить, я знала, что это невозможно, что я умру, но мне хотелось умереть именно так! Да, да, теперь, вот именно сейчас я это поняла! Самое главное моё желание всё-таки сбылось, пускай так, пускай я не насладилась досыта этой любовью, но по крайней мере я ощутила её сердцем, я вкусила, отпила её, и это счастье, моё счастье.

Мы ещё крепче обняли друг друга, в моих объятьях она дрожала как осиновый лист, но дрожала она не от смущения или волнения, а от того, что мои прикосновения приносили ей мучительную боль. Её глаза светились печальным, но ярким светом, она то улыбалась, то становилась серьёзной, я наблюдал за ней и моя душа тихо плакала.

– Не покидай меня.– медленно произнёс я.

Ветер усиливался, деревья в парке клонились в разные стороны, небо совсем затянула серая туча, незаметно стало темнеть, что-то уже было трудно разглядеть, солнце почти ушло за горизонт. Раньше я любил осень, с её красивыми насыщенными цветами, их яркость приводила самого талантливого художника в экстаз. Уже не так жарко, но и не холодно, земля укрыта толстым ковром из разноцветных ниток, солнце холодно красиво, на него можно смотреть, и ты принимаешь, так сказать, осенний загар. Теперь же я стал ненавидеть осень. Погода, которая нависала над нами сейчас, напоминала мне тоскливую и унылую картину. Не было ничего такого, на что бы можно с удовольствием посмотреть и отвлечься, нет ничего красочного, светлого, всё затянуло серостью и темнотой, а природа как будто обернулась против нас, она стала некрасивой и скучной.

Как же я буду без неё проживать свои последующие осенние дни? Как я смогу жить эти три месяца, ненавидя их? Конечно, осень здесь совершенно не при чём, к примеру, моя родная мать умерла весной, в мае, так почему я не ненавижу этот месяц и вообще весну в целом? Сказывается то, что на тот период её потери я был совершенно неразумным существом, которое только начало жить, и, конечно же, не хотелось это понимать и в юности, хотелось больше времени проводить в положительных эмоциях, хотя мой дар мешал

этому.

Сейчас я всё осознаю, трезво мыслю, я не маленький мальчик, который с трудом понимает, что такое плохо, а что хорошо, и что такое смерть, и что такое одиночество. Сейчас я осознанно ненавижу осень. Надо будет уезжать из страны на три месяца куда-нибудь где тепло и всегда солнце, я чувствовал, что эта пора принесёт мне немало страданий.

Мы бродили долго и держались за руки. Её рука была горячей и слабой, я это чувствовал, но не решался по этому поводу заговорить. Оставались считанные минуты до момента, когда случится что-то страшное. Я даже не мог себе представить, что я вообще увижу, что буду чувствовать и как вообще будет проходить это сражение, о котором я так долго уже знаю. Представлять что-то я не пытался, ведь я совершенно не знаю, что представлять, знаю только одно, что будет сражение, которое в реальной жизни, в наше время среди людей не встретишь, и в эпицентре этого конфликта нахожусь я.

– Что-то будет тебя пугать, от чего-то ты впадёшь в ступор, но помни – всё это реально, и ты должен будешь сосредоточенно за всем следить! На то она и тёмная материя, зло, что может расставить свои капканы, сыграть нечестно или неожиданно ударить.

– Об этом я уже думал.– тихо ответил я.

– Не бойся её крыльев, несмотря на то, что перья на кончиках острые, как ножи, тебе она не причинит вреда. Её крылья похожи чем-то на крылья ворона, не удивляйся, если они вылезут из-за её спины. Мои же крылья, напротив, могут причинить тебе неприятность о которой ты будешь сожалеть всю свою жизнь. Мои крылья огромные и белые, они осыпаны серебром, блестят ярче, чем солнце, поэтому постарайся почувствовать тот момент, когда я захочу их расправить, и зажмурься что есть мочи. Если ты увидишь их, то твои глаза ослепнут, к сожалению, вы не можете вынести этот свет, который исходит от крыльев ангела. Это оружие очень сильное и эффективное, наши крылья – это всё равно, что в руках какого-нибудь человека окажется ядерное или биологическое оружие невероятной силы действия. Мы очень сильны, и с размахом крыльев убиваем врага наповал, ещё ими можно защищать своё тело, укутываясь в них, как в тёплое пальто, но крылья – это часть ангела, нельзя позволить демонам наносить многократные атаки на них и тем более ни в коем случае нельзя остаться без них, иначе жизнь твоя продлится недолго.

Эти подробности очень интересовали меня, они были мне в новизну, и я слушал не закрывая рта. Я красочно представлял, как Кристина расправляет свои огромные, сияющие белым светом крылья и поражает всех своих врагов одним смертельным ударом. Она стоит, такая маленькая, хрупкая, а за её плечами находится огромная мощь, которую совершенно нельзя победить, если, конечно, ангел не слаб и не истощён...

Я бы мог ещё что-нибудь надумать, но Кристина резко остановилась, вырвалась из моих объятий, и я увидел как её шею и руку пожирает татуировка, которая пугала и интриговала меня. Когда она появилась полностью, Кристина внимательно осмотрела её, а потом стала шарить глазами вокруг, как мать, которая потеряла ребёнка и теперь в отчаянье не знает, где он и что с ним. Это внезапное волнение тоже передалось на меня, я так же стал оглядываться, искать кого-то в кустах, присматриваться к силуэтам тёмных фигур, мне стало что-то мерещиться, я закрыл глаза.

Когда я открыл глаза, то увидел длинную асфальтированную дорогу, по бокам стояли огромные, нежилые дома. Людей не было, растительность была как будто искусственная, небо имело странный, желтоватый оттенок, оно светило, но солнца не было. Обернувшись назад, я увидел Кристину, она стояла в белом комбинезоне с длинными рукавами и воротничком почти до подбородка. Её волосы были собраны в пучок, был открыт белый лоб, грустные глаза и бледные губы, которые потрескались, и были видны кроваво-голубые щёчки на них. Этот комбинезон скрывал её татуировку и рану на груди, этот белый цвет заставлял слезиться мои глаза, она медленно подошла ко мне и протянула руку, я еле коснулся до кончиков её пальцев, и она резко отстранилась от меня. Такое было ощущение, как будто она переагружилась, смотря своим опустошённым взглядом, она сканировала местность, голубизна глаз пропала и появилось что-то серебристо-серое. От неё веяло холодом, я очень испугался и не мог понять, хорошо это или плохо. Потом, после того как она медленно, но усердно всё просканировала, её глаза снова ожили, холод её тела пропал, она посмотрела на меня живым взглядом, и огромный камень упал с моей души.

– Что с тобой было?– испуганно спросил я, подходя к Кристине.– Тебя было не узнать, прямо как машина-робот!

– Правда? Испугался?– улыбаясь, спросила она.

– Нет.– невнушительно ответил я.

– По всей вероятности именно это место предназначено для битвы, всё в её духе! Безлюдность, неживая природа, много камней, домов, пугающих шумов.

– Это совершенно не похоже на то, где мы были с тобой! Как сильно отличается добро от зла!– говорил я, наблюдая за жёлтыми облаками.

– Само собой! Если бы мы были похожи, то скорее всего не сражались бы.

Это место можно было назвать «истинное место проживания одиночества». Ни один человек не смог бы жить в таком месте. Поначалу, может, кто-то отдохнёт от суеты, потом начнёт сам с собой разговаривать, потом придумает себе реального собеседника из подручных материалов, и в итоге сойдёт с ума. Меня это место пугало, кроме своего сердцебиения, я ничего не слышал. Шумы из вне не пугали меня, напротив, значит кто-то здесь есть и я не один, но эта длинная дорога в никуда и одинокий воздух просто убивали.

Я старался держаться рядом с Кристиной, как бы дотрагиваться до неё нечаянно плечом, чтобы чувствовать, что в этом мире она реальна. Она улыбалась мне, понимая, что я обеспокоен, давала мне свою руку и тихо вздыхала. Небо переливалось странными цветами, таких не встретишь в реальности, как будто мы попали в матрицу, в созданный кем-то мир, который знает здесь всё, до малейших подробностей. Этот кто-то скорее всего уже наблюдает за нами, смотрит на нас, пыхтит себе под нос и мечтает поскорее убить, только почему медлит?

– Иногда ожидание хуже всего.– сказал я себе, но вслух.

– Ожидание неизвестности.– сказала Кристина.

Она была реально похожа на воина света, её воинственная внешность никак не выдавала её боль и физическое недомогание. Она была похожа на непобедимую, которую нельзя даже пальцем тронуть. Казалось, что она могла без всяких сил уничтожить целую армию зла, посмотреть на них своим карающим взглядом или сразу же одним ударом крыльев убить всех, не оставив

никого в живых. Только я знал, что на самом деле скрывается за этой толстой кожей, за этим грамотным спектаклем. Я старался об этом не думать, боялся, что здесь есть свои уши и мои мысли могут сыграть нам недобрую шутку. Я выкидывал ненужные мысли, оставлял только самые важные и устрашающие.

– Думай о чём хочешь, здесь пока никого нет.– громко произнесла Кристина.

– А шум?

– Что – шум? Это не то.

Она менялась на глазах, становилась то серьёзной, то внимательной, потом её глаза наполнялись удивлением и она о чём-то думала, потом как будто её укололи иглой и она, встрепенувшись, не понимала, где находится. Пыталась всегда держать меня в поле зрения, постоянно смотрела мне в глаза, чувствуя моё состояние.

– Да, хватит со мной как с ребёнком!– простонал я.– Всё в порядке, я жду.

Меньше всего мне хотелось обидеть её или зацепить, но она должна была тоже понимать, что излишняя опека мне была не нужна, я сам мог справиться с тем, что бушевало внутри меня, она должна была беречь свои силы.

Интересно о чём она думает? Вот именно сейчас, смотря на эти высокие, мёртвые дома? Она заглядывает в каждое окошко и прищуривается, как будто что-то видит и получает от этого неприятные ощущения. Наверно, она могла чувствовать то, что я не мог чувствовать. Как ни крути, я человек, а она совершенно другое существо, у нас даже кровь разного цвета, и конечно же, в своём мире она как рыба в воде, а я всего лишь гость, который ничего лишнего не видит и не чувствует. Теперь Кристина отчётливо давала мне понять, что здесь кто-то есть, она ходила вокруг меня, как львица, которая защищает своего детёныша от чужого льва или другого не менее опасного хищника. Ступая на землю мягкими, плавными шагами, она казалась мне спецагентом в каком-нибудь дорогостоящем голливудском фильме. Её лицо и уши были полностью открытыми, и я увидел, как тоненькая фиолетовая венка с маленькими веточками тянулась из-под воротника комбинезона к уху и уходила за него в волосы. Увидев это, я как будто остолбенел.

– Что у тебя?– спросил я, показывая пальцем ей на шею.– Вена выступила?

Она судорожно потрогала шею, еле коснулась уха и испуганно посмотрела на меня. Потом она резко поменяла выражение своего лица, оно стало каменным, и я не мог по нему ничего прочесть, только гадал.

– Это ничего страшного.– произнесла Кристина.– Она должна сейчас исчезнуть.

Скорее всего, это так разрослась рана на груди, и даже комбинезон не помог ангелу. Казалось, что эта фиолетовая боль специально выступает наружу, чтобы спалить нас, или боль настолько сильна, что уже не помещается под комбинезоном? Я помню сон, в котором она погибает, и помню ту рану, она была безобразной, этот дефект не красил Кристину, и всему виной был я.

Ангел старался практически не касаться меня, я чувствовал, как от неё несёт жаром, виски её выделяли пот, она была похожа на человека, который болеет чахоткой или гриппом.

– С тобой всё в порядке?– тихо простонал я.

– Не волнуйся, скоро всё закончится, – так же тихо ответила она.

– Что с тобой происходит?– настойчиво спросил я.

– Просто у меня мало сил...

Эти последние слова ударили меня по сердцу с такой силой, что можно было упасть и уже не встать. Она была настолько слаба, что не могла этого маскировать, всё было видно, как ясный день. Я нерешительно подошёл к ней и крепко схватил за плечи, потом что есть мочи прижал её к себе. Она не сопротивлялась, напротив, она тоже приобняла меня, дышала она тяжело и нечасто, как будто эта тяжесть, которая вырывается из её лёгких, мешала ей слушать окружающие нас звуки и, чтобы не ошибиться или что-то не пропустить, она дышала реже, чем обычно. В минуты, когда я не слышал её дыхания, я тоже прислушивался к окружающим звукам. Сказать, что я слышал что-то подозрительное, я не мог, всё было так, как и пару минут назад, как пару часов назад. Я не знал, сколько времени мы здесь находимся, казалось, что лет десять или того больше. Иногда казалось, что ничего не случится, что мы ещё так постоим пару часов и отправимся домой. Что только не приходило в голову, какие только мысли её не посещали, и все они были направлены на отрицание действительности.

– Может, ничего не случится? Сколько уже времени прошло?

– Ты что, не понимаешь? Это поле боя! Мы уже здесь, и останется в живых только один! Ничего уже не отсрочит этого.

Я всё понимал, но всё таки ещё на что-то надеялся. Может, кто-нибудь поможет нам? Или что-нибудь случится, что сыграет нам в плюс? А может, у меня проснутся какие-нибудь сверх способности и я спасу Кристину? Чем больше я думал, тем больше понимал, что мои мысли уже мои враги. Небо стало розоветь, цвет был нереально красивый, как будто над нами плывёт малиновое мороженое, я даже не заметил, как открыл рот. Из-за дальнего дома, который находился от нас по правую сторону, вышла фигура человека в чёрном.

В груди всё сжалось, в висках начало что-то безумно стучать, во рту стало невероятно горько, испуг охватил всё моё тело. Человек стоял далеко от нас, и я не видел его лица, тем более оно было скрыто под чёрным, тяжёлым капюшоном. Кристина сначала стояла не двигаясь, потом что-то крикнула, но языка я не понял, человек что-то ответил ей. Потом они ещё раз перекрикнулись на непонятном мне языке и замолчали. По голосу это был мужчина, и достаточно преклонного возраста, я не понимал, о чём они разговаривали, но по интонации и по произношению слов можно было понять, что настрой был недружелюбный. Расспрашивать Кристину я не стал, ей сейчас было гораздо лучше находиться в своих мыслях и действиях, чем отвечать на мои вопросы, которые всё равно ничего не изменят. Я примерно догадывался, о чём шла у них речь. Скорее всего, мужчина просил отдать им меня, но Кристина воспротивилась этому.

– Сейчас всё начнётся. – И после этих слов небо покраснело.

Перед нами появилась та, которую мы так долго ждали, и даже с нетерпением. Она стояла перед нами вся в чёрном, длинные смоляные волосы спускались по её плечам и падали ей на руки. Взгляд был суров, зол и похотлив, чёрные глаза впивались то в меня, то в Кристину. Красные, кровавые губы медленно начинали шевелиться, она была бледной куклой – мертвец в образе девушки.

– Долго меня ждали?– спросила она своим сладким голосом.

– Больше чем нужно.– ответила сухо Кристина.

Аида громко засмеялась, обнажив свои белые зубы. От неё пахло землёй и страданиями, но на лице играла счастливая улыбка, казалось, что она уже предвкушала свою победу над нами, казалось, она уже знает наш секрет, и я не ошибся.

– Тяжело наверно любить человека? Мне составило огромных усилий понять это.

– Поэтому ты медлила?– громко спросила Кристина.

– Не нужно делать такой устрашающий вид, ведь мы обе понимаем, что ты погибнешь. Любовь пожирает тебя изнутри, я вижу её, она прекрасна. Как долго я ждала этого дня, как долго к нему готовилась, чтобы убить самого сильного ангела высшего мира, – и что я вижу? Передо мной стоит жалкое, влюблённое существо, которое думает, что победит меня, ты сама-то в это веришь?

Кристина ничего не отвечала, она лишь только следила за тьмой, как следит охотник за своей добычей. Мне было обидно, что Аида узнала всё про нас, что эта битва с опозданием никак не сыграет нам на руку. Я мог только стоять и наблюдать за происходящим.

– О, совсем забыла, что и человечек здесь!– радостно воскликнула черноволосая бестия, кося на меня свои хитрые глаза.– А знаешь ли ты, что всё это время ты жил во лжи?

– Зачем тебе это?– с волнением спросила Кристина.

– Хочется открыть правду, если ты не смогла.

Они обе посмотрели на меня, и я понял, что дело пахнет жареным. Кристина глазами просила меня не поддаваться провокациям и ничему не верить, я понимал её, но любопытство всё-таки было сильней.

– Знаешь ли ты, дорогой человечек, что избранных до тебя не было? Ни сто лет назад, ни двести и не триста? Все эти рассказы про то, что ты такой не один, – всего лишь утешение для тебя, своего рода надежда. Представь себе, что ты такой один, что таких, как ты, не было! Представь себе, что твой ангел не спасал до тебя никого, что это всего лишь ложь для твоего спокойствия.

– Неправда, – тихо возразила Кристина.

– Что?– с призрением ответила Аида.– Ты спасала избранных? Уже нет смысла скрывать правду, хотя бы перед своей гибелью не ври.

Сначала я ничего не понял, о чём говорит эта черноволосая смерть? Я чувствовал, что она пыталась нас посорить, и больше всего она ждала от меня негативной реакции.

– Не верь её словам, об этом я прошу тебя.– осторожно сказала Кристина.

– Ты спасала кого-нибудь до меня? – серьёзно спросил я.

– Да, спасала, но ты самый ценный и самый уникальный человек.

– Я не верю тебе, кукла.– сухо ответил я Аиде.

Разгневанная злая бестия стала что-то кричать мне, языка я не понимал, но, по всей вероятности, это были слова брани, самые низкие и самые неправильные слова. Я пытался быть спокойным, пытался не выдавать своих истинных чувств, Кристина мне улыбалась, она хвалила меня за мою мудрость, за мой правильный поступок, за понимание.

– Твои старания пошли насмарку!– с восторгом отозвалась Кристина.– Твоя ложь не работала.

– Рано радуешься!– злобно прошипела Аида.– А как ты помотришь на то, если я расскажу ему о некоей очень интересной информации?

– Это сказка.– выпалила Кристина.

– Докажи.– потребовала Аида.

Кристина побледнела ещё сильнее, казалось, она ждала свой смертный приговор, который никак не могли привести в исполнение. По ней было видно, что она боится, что сейчас её разденут, раскроют её карты, откроют её секрет. Раньше я никогда её такой не видел, её внешний вид меня настораживал, я растерялся и уставился на Аиду. Её глаза превращались то в красные, то снова в чёрные, лицо постоянно меняло своё выражение, она смотрела на меня и внутри неё всё ликовало.

– Ты скрыла от него такую важную информацию?– недоверчиво спросила она.

– Она ничем не подтверждается, где они сейчас?

– Ну, откуда мне знать? Просто ходят такие слухи.

– Слухи – это ещё ничто, у тебя нет доказательств, поэтому что-то утверждать бессмысленно.

– О чём идёт речь?– встрял я.

– Ты хочешь это узнать?– спросила тьма.

– Не думаю, что это что-то изменит! Всё это слухи, дезинформация.– ответила Кристина.

– Ну, если это так, то тогда тебе нечего бояться!

Я понимал, что сейчас узнаю что-то очень важное от своего врага, то, что скрывает от меня друг. Слухи, дезинформация – всё это было неважно, это просто было, кто-то когда-то что-то сказал и это запомнилось, даже если это неправда, то почему я об этом не могу знать? Пускай это шутка, но почему я над ней тоже не могу посмеяться?

– Ходит такое упорное мнение, что проклятье ангела – это своего рода огромный подарок! Ангел, который умирает от любви, после приходит на эту землю в виде человека. Не спеша проживает свою жизнь, сначала младенцем, а потом взрослым человеком. Неужели ты не хотела подарить ему эту маленькую надежду? Что когда он будет зрелым мужчиной, ты будешь молоденькой нимфеткой?– Аида злобно и громко засмеялась, она почувствовала вкус своей победы.– Пускай это всего лишь выдумка, но зачем кому-то врать? Всё может быть даже очень реальным! Так что, парень, любовь твоя не погибнет, ты просто должен подождать лет восемнадцать, когда наш ангел станет совершеннолетним!

Её смех раздражал меня, я был готов впиться ей в горло и пустить вонючую кровь. Сжав губы, я стоял, ничего не отвечая, в то же время я не смотрел на Кристину, всё это было ужасно болезненным, но разве сейчас время выяснять всё это? Больше всего на свете мне не хотелось попасться в руки смерти.

– Красивая сказка.– выпалил я.

Посмотрев на Кристину, я увидел в её глазах тоску и печаль вперемешку с какими-то ещё чувствами. В голове загорелся мозг – она что-то знала об этом. Её глаза говорили о чём-то, но было непонятно, о чём конкретно.

– Откуда мне знать, что это не провокация с твоей стороны? Ведь тебе гораздо выгодней рассорить нас, тогда у тебя появится больше шансов на победу, о которой ты так давно мечтаешь.

Аида сурово взглянула на меня, глаза её стали черней ночи, губы настолько были налиты кровью, что казалось вот-вот взорвутся. Она поняла, что рассорить нас не получится, чтобы она ни пыталась сделать или сказать, я был спокоен и непреклонен.

– А ты умный человечек, смышлённый.– с восторгом пропела она.

Кристина стояла как в воду опущенная, ни одного слова, ни одного движения с её стороны не поступало. Она берегла силы, иногда посматривала на меня, но тут же уводила свой взгляд, мне было жалко её, я хотел подойти к ней и обнять её, но не мог этого сделать.

Было странным скрывать эту очень важную для нас информацию. Наверно, она считала бессмысленным поселять в моей голове мысль о том, что когда-нибудь мы будем вместе. Теоретически мне придётся ждать её полжизни, ведь после смерти она только родится и не будет помнить меня. Но разве лучше жить вообще без неё? Страх охватил меня, я понял, почему она не делилась со мной этим. Безнадёжная надежда убила бы меня, искать её стало бы для меня смыслом жизни, и дело точно дошло бы до паранойи. Возможно, это могли быть не слухи, кому надо было распускать их? Кто-то как-то пронюхал это дело, ну и, как говорится, пошло-поехало, но всё равно не было никаких доказательств, что ангел после смерти от божественной любви не погибает, а перерождается в человека.

– Ты можешь стать человеком?– тихо прошептал я, когда Кристина подошла ко мне.

– Я не появлюсь на этом свете! Всё это неправда, быть такого просто не может!

– А если бы это было правдой и ты знала об этом, сказала бы мне?

– Сказала.– уверенно ответила она.

– Всё равно, если это не слухи и если возможно твоё рождение, то я прошу небеса дать тебе родиться!– сказал я, прикасаясь к её холодной щеке.

– Это невозможно.– ответила Кристина и повернулась к Аиде.

– Нужно верить в лучшее, ведь так вы всегда говорите?– спросила кукла, скаля свои зубы.

– Тебе не дано знать, что такое вера!– огрызнулся я.

– Зато тебе дано познать чувство под названием л-ю-б-о-в-ь – протянула она последнее слово.

– И оно самое лучшее, что есть в моей жизни.

– Не волнуйся, скоро я сделаю твою жизнь бессмысленной, и ты сам захочешь сдохнуть! Как долго я ждала, пока родится на этой планете человеческий выродок, который станет для меня опасным и который поставит под угрозу все мои планы по уничтожению в людях чистой души! И вот он стоит передо мной, со страхом в глазах и потными руками, и рядом с ним стоит ангел, который каким-то образом умудрился влюбиться в человека, познать его тайны и чувства и стать частью этого мира! И как тебе? Нравится быть частью этой боли? За что ты борешься?– последние вопросы были адресованы Кристине, но она молчала.– Я сделаю всё возможное и невозможное, чтобы после твоей кончины этот выродок не смог ничего сделать во благо этому миру! Мне нужно, чтобы люди сдохли – и побыстрее! Они уже сами этого хотят!

– Они хотят жить.– ответил я чуть нерешительно.

– Твои любимые и уникальные людишки завязли в моих сетях по самое

горло, и мне осталось только сломать им шеи! Чем я и займусь после того как убью тебя.

– Найдётся сила против твоего зла, и эта сила – я! – крикнул ангел, в голосе которого присутствовал воинственный окрас.

Я не понял, как всё произошло, Кристина стояла рядом, но тут сильнейший толчок просто снёс меня с ног. Я упал и ударился головой о бордюр, капельки крови остались на нём, как пометка: «я здесь был». Зажимая небольшую кровоточащую рану, я стал оглядываться по сторонам.

Вокруг меня было пусто, вдалеке мерцали две чёрно-белые фигуры, они поднимались то высоко, то с невероятной скоростью падали вниз. Разглядев их хорошенько, я узнал кто они такие.

Я прижался к фонарному столбу, который стоял рядом с огромным и пустым домом. Волнение меня захлёстывало с невероятной силой, я дрожал, как наркоман, которого ломает пополам.

Две отдалённые фигуры стали быстро приближаться, от их приземления содрогнулась земля, прокатилась волна и под ногами всё заходило ходуном. Это мне показалось настолько сильным, что я непроизвольно что-то крикнул. Я не мог ничем помочь, и это состояние угнетало меня. Я видел, как Кристина сражается за меня, а я стою в сторонке и молча наблюдаю за происходящим. Ненавидеть себя в такие моменты нормально, но больше всего я стыдился.

Аида била Кристину такими ударами, что, если так ударить человека, то одного раза вполне хватит, чтобы отправиться к праотцам. Мой ангел был слаб, я это понимал, но ничего не мог сделать. Как только я попытаюсь что-нибудь предпринять, я тут же усложню всё, кто я по сравнению с ними? Я не мог смотреть на это, но и не мог ничего исправить. Кристина сжимала свою руку в кулак и метко попадала в Аиду, они сражались, как настоящие титаны. Передо мной шло сражение добра и зла в самом что ни на есть прямом смысле. Чёрное и белое мелькало перед моими глазами, на этом поле боя вершилась моя жизнь.

Последние дни нашей более-менее спокойной жизни я представлял себе это сражение, много раз импровизировал, старался как можно реальнее всё представить, но так и не смог приблизить в своей фантазии реальность, которая сейчас окутывает меня с ног до головы. Фантазировать можно что угодно и когда угодно, это дело нехитрое, но реальные события совершенно не похожи на мои фантазии. Кристина всегда была и есть существо хрупкое и любящее, она не может никого обидеть, причинить кому-то боль, это для неё равносильно смерти, она соткана вся из чистоты и правды. Видеть её сейчас такой – очень непривычно, потому что Кристина выступает в роли непобедимого воина: серьёзность в лице, собранность и ястребиный взгляд – всё это было мне в новизну, я начинал и её бояться. Хотя, как она должна себя вести, когда на неё нападает вот это? Чёрное, кричащее пятно то и дело жалит ангела в разные части тела, стоять и позволять это делать – просто невозможно, поэтому приходится защищаться, возбуждать в себе инстинкт самосохранения и рваться в бой, проливая кровь врага.

Кристина постоянно смотрит на меня, как будто ждёт от тёмной материи какого-то подвоха, я стал тоже более внимательным. Прижавшись к фонарному столбу, я чувствовал, что кто-то или что-то приближается ко мне, чувствую это потому, что спину охватывает странный холодок и кажется, что чьи-то

глаза наблюдают за тобой, ты становишься жертвой. Я не хотел оглядываться по сторонам, было страшно что-то увидеть шокирующее или того хуже. Как вкопанный, я стоял и не шевелился.

Разбитая голова не тревожила меня, я наблюдал за двумя самыми сильными воинами света и тьмы, и ждал результата. Я думал над тем, что сказала мне Кристина в тот момент когда Аида пыталась нас рассорить. Я уникальный и ценный человек, значит, до меня избранные были другие, обычные люди, или были среди них необычные, но не такие как я. От этого становилось ещё страшней, потому что именно на меня ложилась большая ответственность, чем на моих предшественников, может, они и спасали кого-то, играли большую роль в науке или ещё где-нибудь, но мне предстояло спасти весь мир, поэтому я смело мог себя назвать избранным! Меня не страшило и не пугало, что я всё равно один такой был и есть, сравниться с кем-то мне не было возможности, такого человека не существовало, хотя, может, он и жил в далёком прошлом, там он и остался... Ещё я понимал, что время, в котором я живу, опасное и страшное, и только действительно человек с неким даром сможет хоть что-то изменить, поправить или погибнуть, не справившись с поставленной целью...

О чём ещё можно подумать в столь тяжёлую минуту? О некой информации, связанной с Кристиной. Возможно ли такое? Ведь это как проклятье или некий бесценный дар. Только умерев от любви, ангел может проснуться человеком. Можно ли это считать для себя хоть каким-то утешением? Очень много вопросов! А когда она родится? Где? Через сколько лет мы встретимся? Будет ли помнить меня? Останется хоть песчинка от Кристины? Или, может, душа полностью сохранится? Ведь я многого не знаю, что-то не понимаю, мне трудно осознать и представить, как это всё может случиться! Пускай это всего лишь уловка зла, но в голову эта уловка хорошо забралась, а вдруг эта правда? Тогда что делать? Как жить? Я понимаю, почему Кристина скрывала от меня эту информацию, она боялась, что после её исчезновения я начну сходить с ума, а потом, вспомнив про её возможное возвращение на эту землю в облике человека, стал бы искать её, и искал бы всю свою жизнь.

А вдруг именно так и получится? Сейчас я, может, до конца не могу что-то важное для себя понять. Сейчас она рядом, но что со мной случится уже через каких-то там несколько суток? У меня будет ломка, причём такая, которую никто никогда не испытывал, ведь у меня всё вдвойне сильнее, нежели у обычных людей. Все мои эмоции и чувства в несколько раз превышают обычные человеческие эмоции и чувства. И любовь моя особенная, огромный и несчастный океан...

Вдвойне сильное счастье и вдвойне сильное горе. Только почему-то кажется, что горя в моей жизни будет намного больше, чем счастья. Ведь что я без неё? Больше всего на свете мне не хочется потерять её, вот такой, какая она есть сейчас, мне не хочется до боли в груди отпустить её в ту пустоту, от которой она бежит. Потерять её – это значит потерять себя в этом огромном мире, где меня никогда не поймут и где я сам чувствую себя некомфортно. Неужели никто не понимает меня? Мой внутренний мир? Неужели Кристина не может понять, что я без неё не смогу, так зачем сражаться за меня?

Я не хотел быть эгоистом, но мысль о том, что она спасает меня ещё и из-за своих людей, была неприятна. Не только я был в её голове, но и всё челове-

ство, которое она любила и боготворила. Ведь с самого начала моё спасение было прежде всего ради людей. И как мне хочется, чтобы хотя бы один человек увидел, что сейчас происходит здесь? Как вынуждена страдать Кристина и как вынужден бояться я. Сейчас все занимаются своими делами, убивают своё здоровье, рожают детей, делают деньги, ругаются, мирятся и просто живут, никому нет никакого дела до нас двоих. Почему никто не видит ангела, который борется за них?

– Она уже давно променяла человечество на тебя.– за спиной раздался хриплый, старый голос.

Я обернулся и увидел того самого старика, который ещё летом разговаривал со мной около кафе, в котором мы познакомились с Кристиной. Всё те же карие глаза и старый, потрёпанный вид. Я удивился и не мог ничего сказать. Старик ласково улыбнулся мне, протянул свою морщинистую руку и продолжил говорить всё тем же хриплым и прокуреным голосом.

– Вижу я эту чертовщину каждый день! Ангелы, демоны! Демоны, ангелы! Голова квадратная, и все вокруг считают меня сумасшедшим! А каково мне так жить, парнишка? Вот скажи мне – за что? Ложусь спать – вижу их, шаркают, шныряют всюду. Ангелов не часто вижу, одна нечисть блуждает, да в души к людям забирается! Во как!– старик стал сильно и с глубокими хрипами кашлять.– Вот видишь, как меня жизнь-то потрепала, ну ничего, скоро отмухаюсь, чувствую – болезнь моя мне во спасение дана!

– Ты как здесь очутился?– спросил я, волнуясь пуще прежнего.

– А так и очутился, сам не знаю как, парнишка! Всё меня куда-то заносит, всё я вижу, то, чего нельзя видеть-то человеку! Хоть бы поскорей умереть, жить в таком кошмаре нет больше сил, двадцать с лишним лет уже так! А был ведь я человек обеспеченный, семья когда-то была, а потом как пошло- поехало, и всё! Шабаш!

Его манера общения смешила и удивляла, говорил он неприятным голосом, кашель часто его перебивал, и я чувствовал в его лёгких рак, который царствовал в его организме уже много лет. Мне стало жаль этого старика, седые волосы выбивались из под чёрной, грязной шапки, кудрявая борода прикрывала его толстые, красные, все в болячках губы и шею. Выглядел он как настоящий бомж, пахло всё так же, как в первый день нашего знакомства, только тогда не так огромны были синяки и мешки под его грустными глазами.

– Жил себе человек, и на тебе! Отжил! Совсем, парнишка, я один остался, никто не хочет быть со мной, все боятся, а чего, я, что ль, виноват? Вот богом мне дано видеть вас всех, окаянных! Раз и ты тут, значит, такой же, как и я!

– Я больше чувствую людей, старик.

– Эка беда, и этих всех будешь чувствовать, а потом и видеть начнёшь! Раз ты здесь, значит теперь уж навсегда с ними повязан, навсегда заключил договор!

– Ты здесь с миссией?

– Я? Да какая миссия! Ты что, парнишка! Просто живу и просто схожу с ума! Людей вот, брат, не чувствую, не дано, да и слава богу! Хоть за это спасибо, а вот мир тот, ну другой, так весь чувствую и с изнанки, и с переду! Бывает так: роюсь в мусорных баках, и как напугает какая-нибудь дрянь, выскочит и начинает меня по горбине колотить! Вот, парнишка, каково мне!

– Они тебя трогают?– изумился я.

– А почему им не потрогать меня, да пинка не отвесить? Они ведь знают, что я их вижу, а поделаться-то ничего не могу, вот и пристают ко мне, опарыши гнойные! Всю душу мне вынули, вытрясли, окаянные!

Было жалко старика, и холодком веяло от его истории. Откуда он знает, что и я их видеть буду? Что и я в своё время получу пинка под зад? Сегодня для меня был день настоящих открытий и откровений, пицца для моего мозга на многие, многие одинокие вечера.

– А есть ещё такие же, как ты? – негромко спросил я.

– Посмотри-ка, какое представление! Битва шишек? – подмигнул мне старик. – Да ты не серчай на меня, ничем уж не удивить, только плакать остаётся.

– Ты не ответил...

– А? Что? Ах, это! Да вроде не встречал похожих на себя, а если бы встретил, то век бы не забыл! Одному-то знаешь как живётся туго? Прямо выть охота, да иногда и вою, как собака! – старик замолчал, потом как-то с опаской, нерешительно стал говорить. – Видал я эту курву чернявую, и не раз! Злая такая, ничего не боится, что хочет вытворять на нашей многострадальной земле, и хоть бы кто остановил! Да, силища у неё невероятная, непобедимая!

– Ангел победит. – с надеждой ответил я.

– Так как же ей победить, когда страдает она? Любовь, видать... – усмехнулся старик и поправил свою шапку на голове.

– Откуда знаешь? – с удивлением спросил я.

– Да видно же всё! И тем более не раз я её видел неподалёку с тобой! Такая птица белая, чистенькая, а в груди боль носит нечеловеческую! По тебе, видать, страдает, что силушки нет! Недавно видел её, так сердце кровью обливалось. Стала видной для всех людей, да и выскочила на дорогу, широкая такая дорога, машины туда-сюда, никто никому не нужен, все летят по своим делам. Так она от изнеможения выбежала на эту дорогу и давай подставлять своё тело под машины. Одна её сбила, вторая сбила, и так она, бедная, бегала да кровью истекала, кто выбегал из машин, помогал ей, кто далеко был, да всё равно помогал! Только боялись ангела твоего все! Кровь синюшная была, глаза светились нереальным светом, все разбежались, уезжали.

– Дальше? – крикнул я, чувствуя, как кровь подступает к вискам.

– А что дальше? Вставала она, раны затягивались, и опять вместо телесной приходила душевная боль, которую уже ничем нельзя было унять.

– А люди?

– Что люди? Они ж, вроде, забывают всё.

– И часто ты её такой видел?

– Приходилось. Я её, помнится, лет десять назад видел, по энергетике чувствую – она это была, ну точно она! Хотя и спутать уже могу, голова старая, всё перемешалось, в мусор ненужный превратилась!

– А не слышал такую информацию, что якобы после смерти ангел рождается на этой земле в облике человека, правда это?

– Слышал я, что от любви и до твоей птицы ангелы умирали, но чтобы людьми они стали – не видал...

– Сколько знаешь таких ангелов? – с нетерпением ждал я ответа.

– Двоих знаю точно! Точнее, слышал про них многое, правда, чтобы точно что-то сказать, это я не могу, боюсь обмануть тебя да и сам обмануться! Они вроде как тоже любили людей, попались в плен человеческих чувств, да и по-

гибли!

– И это всё, что ты знаешь?– выпалил я.

– Парнишка, знаю я много чего, потому что многое повидал за свою долгую жизнь, а то, чего мои глаза не видели, не могу утверждать и бить себя в грудь! Про ангелов этих я только слышал, а что можно наговорить? Да тут все ноги переломаешь!

– А про материю, что-нибудь знаешь?

– Про эту чернь? Про неё много чего знаю, глаза мои на неё насмотрелись вдоволь! Люди сейчас огрубели, озлобились на всех и вся! Так эта зараза и питается такой энергией, хорошо ей, поди? Ангел небось попотела, чтобы тебя подготовить?– спросил старик, подмигнув мне.

– Откуда ты знаешь? – спросил я дрожащим от удивления голосом.

– Да я же говорю тебе, дубина! Не раз видел вас вместе! Ангел с человеком – это что-то из ряда вон выходящее! Вот я и наблюдал за вами, интерес во мне ты пробудил, вот я и стал всё разнюхивать! Где живёшь, знаю, кто мать, отец, чем занимаешься. Недалеко от тебя поселился, правда, в новом районе тяжело новичку, но меня многие знают, краюху хлеба я всегда себе найду!

– Значит, ты следил за мной? Почему я не чувствовал...

– Так я ж маленький человек, незаметный, тем более не со злом я к тебе шёл, а это, парнишка, очень важно! Главное, чтобы человек к тебе с добром шёл. Если таит в душе своей злой умысел, а ты возмёмшь да и доверишься, знай – погибнешь! Разбираешься ты в людях хорошо, чувствуешь всё, это дар, я не спорю! Но юн ты ещё, зелёный, мудрости тебе нужно накапливать! Как на кости мясо наращивать! Будешь идти дорогой не прямой и не лёгкой, если буди жив, помогу тебе, ты не бойся!

Меня стали одолевать сомнения, а человек ли это вообще? Откуда такие познания в том, что должно быть за плотным покрывалом. И зачем ему следить за мной просто так, чисто из-за любопытства? Не скрою, я начинал бояться этого человека, ничего, конечно, отрицательного я от него не ощущал, я чувствовал, что от него исходили правда и доброта, но всё равно меня немножко коробило рядом с ним. Пока мы разговаривали, я отвлекался от Кристины. Она в свою очередь была спокойна, когда ко мне подошёл этот старик. Такое было ощущение, как будто она уже давно знала его и принимала как старинного друга. Небо постоянно менялось в цветах, Аида то исчезала, то появлялась, и всегда нападала неожиданно. Всё происходило как-то вяло, она как будто не торопилась нанести смертельный удар. Играя, как с игрушкой, тьма тянула время. Скорее всего, она предвкушала свою победу, но хотела потянуть это событие, которое считалось самым главным в её существовании. Ведь что значит для неё убить самого сильного ангела? Не важно, в каком он был состоянии во время битвы, важно, что он ангел и что он побеждён! Тьме это придаёт ещё большее устрашение, она становится сильнее и в глазах врагов приобретает авторитет, о котором бы могла только мечтать.

Но почему всё равно всё так несправедливо? Почему Кристина может погибнуть, а тьма нет? Она всего лишь подчинится правилам, которым сотни лет и которым она должна была всегда подчиняться. Но всё равно, кто может лишить её жизни? С победой Кристины наступит мировой баланс, и силы зла не смогут безвольничать и нарушать правила, которые так чтят и соблюдают силы добра. Кристина всегда была непобедимым воином, и тот факт, что она

полюбила человека, безумно радовал Аиду. Сколько раз она уходила с поля боя проигравшей, сколько раз ей приходилось принимать униженные компромиссы и поджав хвост сидеть в своём логове до лучших времён? И вот сейчас, понимая всё это, понимая всю сладость случившегося, она не может поверить своим глазам, она радуется, как маленькое дитя, скоро наступит её час, и когда он наступит, не будет больше никого, кто бы смог остановить её, повязать руки или сделать подножку. Только Кристина из века в век преграждала тьме дорогу, только Кристина была всегда занозой в теле Аиды, её сила и мощь всегда возбуждали у врагов чувство безграничной зависти, которой также страдала и сама тьма. И вот сейчас, когда наступила самая главная битва за право господства над людьми и землёй, у тьмы нет равных. Она без особого труда шпыняет, бросает и кидает ангела, Кристина сопротивляется, наносит ответные удары, но они слабы, не сильны, это всё равно что ребёнок ударит боксёра, ничего не чувствуется, только щекотно.

Видя, как страдает из-за этого Кристина, я не мог стоять и просто на это смотреть, я сделал шаг вперёд, но старик схватил меня за руку и крепко прижал к себе.

– Ну куда ты лезешь, парнишка? Прихлопнут тебя, как клопа, и дело решено! А ты ещё нужен, тебе жить да жить!

– А если жить мне совершенно не хочется?– выпалил я.

– Ну, это дело твоё – хочется, не хочется, только тогда что она здесь делает? И почему сражается за тебя?

– Она сражается за людей...– тихо простонал я.

– Неправда, парнишка! Невнимательный ты! Молодой ещё, совсем зелёный! Сколько тебе хоть годочков? Ай, не говори, ребёнок!

– Я очень даже внимательный.– с обидой в голосе сказал я.

– Ну, если внимательный, значит сам прекрасно всё понимаешь!

– Что?

– Дурень! Нет, ну самая настоящая дурень! Любит она тебя, и жизнь свою отдаёт только за тебя, тут людишками и не пахнет вовсе! Всё тебе нужно объяснить да на пальцах показывать, мудрость нужно накапливать, вот тогда будет с тебя толк. Ты не рыпайся особо, ты тут дороже любого бриллианта, будь они неладны! Ох, что с людьми делают деньги!

Старик замолчал, небо накрыла суровая, тёмно-серая туча, стало холодно, и сердце почувствовало что-то неладное. Так и случилось.

Из-за углов, с крыш высоких домов, по серым камням и из старых окон полезли тёмные фигуры изуродованных людей. Они мычали и кряхтели, протягивали свои костлявые руки, еле шевелясь, они надвигались огромной оравой к нам с дедом. У кого-то не хватало руки, кто-то полз к нам без глаз, у одной фигуры вообще не было полголовы. Увидев всех этих уродливых существ, чудовищ, руки мои похолодели, я остолбенел.

– Это ж откуда вы такие повылезали? Вот так дети подземелья!– сказал старик, не отпуская моей руки.

Я не думал, что и этих существ я буду чувствовать. Старик был прав, и от такого дара кружилась голова. Я мог чувствовать абсолютно всех, я мог ощущать живое и не живое, людей и не людей, это было страшно и волнительно. Раньше мне не приходилось сталкиваться с такими чудесами, и сейчас, когда это всё шло на меня огромной лавиной, теряться было бессмысленно, нужно

было держаться храбро, пропускать через себя всё, что увидят уставшие глаза. Перед нами были убийцы, насильники, извращенцы, падшие души самых отвратительных людей, которые когда-либо жили на свете. Неприятно было чувствовать на себе взгляд убийцы или психопата, их изуродованные тела вызвали у меня рвотный рефлекс, куда можно было деть свои глаза, чтобы не видеть всего этого?

– Эко вас скрутило, голубчики! И гляди, совсем не боятся!

– Тут все падшие люди, которые при жизни причиняли только боль окружающим, вон этот с разорванной щекой такое творил с женщинами!

– Сюда бы да невинных жертв! Вот бы вам не поздоровилось бы! Мечь – дело такое, хуже этого нет ничего! Кто тут у нас ещё?

Они не подходили к нам близко, оборачивались, смотрели на Аиду, а та в свою очередь разводила руками, напевала себе что-то под нос, как будто это её прекрасные детишки, она вывела их погулять, и они такие хорошенькие, слушаются её и очень любят.

– Смотри – руководит процессом! Чтоб у тебя руки отсохли! – крикнул старик, после чего плюнул в её сторону.

– Ах, это ты! Чего тебе здесь нужно? Чего под ногами мешаешься, недоделок? – прошипела в ответ тьма.

– Я сюда не просился, сама знаешь, курва драная! – так же громко прокричал старик.

– Раз не сошёл с ума, значит болезнь тебя сожрёт!

– А она и так ест! Ты не волнуйся!

– Гадкий старик, всё мешаешься под ногами! И сейчас тоже!

Я понимал, что они не первый день знакомы, да и старик рассказывал, что видел её прежде. Если честно, мне было гораздо спокойней находиться здесь с ним. Несмотря на то, что мы едва знакомы, нам было комфортно друг с другом. Одно утешение было то, что мы оба люди, из плоти и крови, и пускай сумасшедшие, но всё таки люди.

– Старика не трогай. – крикнула Кристина, встав перед нами.

– Это твоих рук дело? Думаешь, он как-то защитит выродка?

– Увидим. – ответил ангел.

Вообще то, что сейчас происходило, напоминало мне дорогой боевик вперемешку с фантастикой, только в отличие от актёров я рисковал своей жизнью по-настоящему! Эти уродливые фигуры приближались к нам, Кристина закрывала меня и старика своим телом, обстановка была накалена до предела, неужели мы все погибнем?

Аида дала сигнал рукой, оголила свои белые зубы и что-то вдобавок крикнула, и снова я ничего не понял. Эти оборотни ринулись на нас, кто-то успел прикоснуться ко мне, но Кристина резко развела руки, потом соединила их и снова развела. И когда она сделала последнее движение, подул настолько сильный ветер, что я и старик не смогли устоять на месте, нам пришлось схватиться за фонарный столб и пропускать через себя огромные потоки прохладного воздуха. Вся эта нечисть разлетелась, как карточный домик, кто-то звонко кричал, кто-то истошно орал, а многие от ветра просто превратились в пепел. Аиду тоже этот мощный ветер затронул. На мгновение с её лица пропала улыбка, она уставилась на нас совершенно серьёзно, и по её виду можно было понять многое.

– Неужели ты думаешь, что он сможет восстановить баланс на земле? Неужели ты думаешь, что добра станет больше, если он будет жить?

Кристина молчала, она продолжала разводить руки в стороны, и тёмные фигуры разлетались, падали замертво, ветер сметал их и превращал в песок, Аида смотрела на них и что-то говорила на непонятном мне языке, потом свирепо взглянула на Кристину и так же развела руками, откуда-то из груди вырвался лёгкий огонёк, она не прикасалась к нему, но он играл в её руках. Потом тьма резко швырнула его в нас, от лёгкого огонька не осталось и следа, вместо него к нам летел огромный огненный шар, от которого уже несло жаром. Кристина снова выставила руки и задержала этот шар, он слушался её, но с трудом. Ангел как бы играл с вымысленным мячом, и огромный шар подчинялся Кристине, через некоторое время ангел бросил вымысленный мяч в сторону. Там, куда упал огненный шар, была нечисть, и она моментально погибла от своего же оружия. Огонь распространился почти по всей местности, он бушевал, поднимался по домам до самых крыш, зрелище было настолько красочным и завораживающим, что иногда я терялся и не понимал, где нахожусь.

Огонь каким-то образом добрался до разноцветных облаков. Всё вокруг бушевало, стало невыносимо жарко, старик задыхался и кашлял, глаза начинали слезиться, ощущение было таким, как будто мы сейчас сгорим заживо. Небо полыхало, в нос поступал горячий воздух, я не мог выносить этого, Кристина понимала моё волнение, и, соединив руки на груди, она как будто вытаскивала из себя ослепительно голубое сияние. Если б я не знал, что здесь происходит, но увидел бы её, то подумал, что Кристина продаёт душу дьяволу, настолько это было зрелищно. Это голубое сияние распространилось вокруг нас, защитный вакуум не давал просочиться горячему воздуху.

– Не дёргайся!– крикнул старик, сжимая мою руку.

Его лицо было невероятно спокойным и серьёзным, хрипы в его лёгких я слышал отчётливо, по всей вероятности, ему оставалось жить меньше года. Странное знакомство, и странно, что сейчас мы вместе, я не один.

– Гляди-ка, какое пожарище! Этот огонь – да на север, где вечная мерзлота!– усмехнулся старик.

– На то она и мерзлота, огнём её трогать не надо.– ответил я.

– А может и так, кто его разберёт, где лучше, а где хуже?

– Ты что-нибудь видишь?

– Нет! Сплошная голубая пелена стоит, прям как специально!

– Надо выйти отсюда, посмотреть, что там!

– Ага! Вот бестолковый! Ну, разве непонятно, что это всё делается для твоего спасения? Вот чудак! Сиди и помалкивай, жди конца, как пациент операции!

– Видел когда-нибудь такое?– спросил я, понимая, что он прав.

– Такое? Нет, не видел. Да и в мире таком чудном не бывал!

– Не перемещался в пространстве? Не бывал в других местах, странах?

– Отчего мне там бывать? Кто я такой? Голова больная, покоя не даёт. Парнишка, я ведь не такой, как ты, гляжу я и понимаю, туго тебе будет! Хуже, чем мне, это даже в воду не гляди, хуже!

– Спасибо!– ответил я с ухмылкой.– Ты специально меня заговариваешь?

– Почему сразу – заговариваю? Я, может, поговорить люблю, да не с кем!

Вот нашлась родная душа, так что ж теперь, молчать?

Я понимал, что этот дед здесь неспроста, и, может, многое, что он говорил, неправда, но без него мне бы было вдвойне страшней. Я не мог запретить ему говорить и не мог выбраться отсюда. На вид он был похож на потрёпанного старика, но хватал меня за руку сильно и крепко, как будто мужчина в расцвете сил, а не наоборот. Из его цепких объятий было тяжело выбраться, он был как ангел-хранитель, телохранитель, заговаривал мне зубы, а сам поглядывал по сторонам, проверял обстановку.

– Парнишка, запомни, что судьба твоя – это проклятье! Теперь уж не расстанетесь вы с ней никогда! Ты не бойся, что поделаешь теперь? Может, и в радость тебе будет так жить, это я, дружочек, по себе больше сужу, больше двадцати лет так живу! Жена и дочка бросили меня, отвернулись, даже внуков никогда не видел, эх-ма! Кому хочется приносить такие жертвы? Тебе, конечно, трудней, ты парнишка молодой! Куда тебе такая жизнь? А что поделаешь? Мудрости, главное, набирайся – мой совет, да и сердце своё слушай, только своё. Чужие советы пропускай мимо ушей, не людям советовать, что и как тебе делать! – старик замолчал, стал к чему-то прислушиваться. – Моя-то жизнь кому нужна? Только раку одному, понял наверное по моему кашлю? Во! Если умру здесь, ну так значит так тому и быть, потону в кошмарах, да я не жалуясь! Ну, а если выживем, тогда с тобой буду! Поддержу, не дам упасть, я же знаю: первое время совсем плохо будет!

Мы погрузились в немое молчание, было всё равно страшно, и в горле стоял ком, который нельзя было ни проглотить, ни выплюнуть. Казалось, старик, что-то слышал, то, чего не слышал я, внутри меня всё переживало, мне тоже хотелось всё знать, но я как был в неведение, так и оставался в нём. Незнание того, что происходит там, за вакуумом, меня больше всего волновало, как там Кристина, ранена она или борется? Я погрузился в эти переживания, стал что-то представлять, стал строить в голове мысли, но тут старик резко схватил меня за руку, впился в меня своими глазами и закричал!

– Беги парень и не оборачивайся! Беги так, как только можешь, сил не жалей, ноги молодые, далеко убежишь, главное – не оборачивайся!

Он силой вытолкнул меня из голубого шара, и я побежал куда глаза глядят. Огня уже не было, всё вокруг напоминало городскую ночь, где-то местами горел свет в окнах, фонари иногда тоже горели тусклым светом, я бежал и слышал лишь только свои шаги. Оборачиваться я боялся, в спину дул слабый ветерок, с собой он принёс запах гари и крови. Неприятный запах впился мне в нос, этот ветер не был созданием Кристины, скорей всего, наоборот, Аида была его создательницей. Тёмные, безжизненные улочки пугали своей мертвенной тишиной, я слышал только себя, слышал, как бьётся моё сердце, – значит я ещё жив, слышал, как идут мои ноги, – значит во мне есть ещё силы, чувствовал на себе холодок и тягучую пустоту – значит понимал, где я. Хотелось о чём-то думать, но ничего не лезло в голову, хотелось лишь только обернуться и посмотреть, что там? Но вспоминая слова старика, я не решался повернуться, любопытство было сильное, но здравый рассудок был сильней. Сейчас я ощущал себя совершенно одиноким и беззащитным человечком. За меня борются такие титаны, а я боюсь этих пустых улиц и фонарей, переживаю за своё состояние и отбрасываю страшные мысли в сторону. Я бежал всё дальше и дальше, мышцы не чувствовали особой усталости, всё делалось на автомате.

Как будто ко мне вернулось моё детство, на своём пути я встречал вещи, которые были мне знакомы и которые в далёком прошлом были потеряны или сломаны. К примеру, возле мусорного бака лежала моя старая машинка, это было яркое воспоминание из детства. Мне тогда было лет десять, эту машинку подарил мне отец на Новый год, ей я был безумно рад. У неё открывались все дверки, багажник и капот. Она была ярко-красного цвета и с жёлтыми полосками по бокам. Играл я с ней долго, но однажды летом я утопил её в реке, произошло это случайно, я хотел всего лишь помыть её. Помню, переживал сильно и скорбел по ней долгое время, пока Ольга Викторовна не решила, что нужно подарить мне такую же машинку. Она долго её искала, но так и не нашла похожую. Было у меня много игрушек, но все они были приходящими и уходящими, но именно эта машина осталась в моей памяти как самая дорогая игрушка. И вот теперь, через много лет она объявилась в моей жизни так же просто и непонятно, как исчезла тогда солнечным, летним днём. Подойдя поближе, я увидел небольшую машинку, одной дверки не было, жёлтые полосы по бокам были почти стёрты, она была настолько старенькой, что, казалось, я потерял её полвека назад.

Сразу во мне забурлило детство, я стал вспоминать многие события из прошлого и как-то отвлёкся от того, что происходило сейчас. Машинка не была автоматической, у неё не было пульта управления, но она на моих глазах поехала в какой-то совершенно чёрный закоулок. Медленно двигаясь по камушкам, она въехала в темноту и исчезла. Сначала было слышно, как она едет, потом всё резко оборвалось и настала гробовая тишина. Она как будто звала меня за собой, меня тянуло в эту чёрную пустоту, что-то звало меня из детства, какая-то непонятная мне сила. Из этой темноты ко мне вышел мальчик, этот мальчик был вылитый я, присмотревшись повнимательней, я узнал в нём себя. На вид ему было лет десять, в руках он держал машинку, синие джинсы были измазаны зелёной краской, я вспомнил их и как я испачкался в краске, тёмная майка тоже вспомнилась мне, его взгляд был наивен и добр, он рукой манил меня к себе, показывая мне машинку и как бы хвастаясь тем, что она у него. Страшно было видеть своё прошлое именно так, настолько реальным. Мне ничего не мешало подойти к нему и обнять его, вспомнить что-то ещё, взглянуть в свои детские глаза и что-то сказать на прощанье. Тянуло безумно сильно, но ноги не шли, я стоял на одном месте и просто смотрел на самого себя. Потом мне стало как-то неприятно и некомфортно видеть такую фантастику, и я стал мотать головой влево и вправо.

– Кто ты?– тихо спросил я.

Мальчик ничего не ответил, лишь только повторял те же самые движения, которые делал пару минут назад. Опять манил меня к себе, опять показывал мне машинку и мокрыми наивными глазами смотрел на меня.

– Бесовское семя!– закричал знакомый голос где-то рядом.– И так они умеют и этак, ты посмотри ка! Пошёл вон, демон!

Старик подбежал ко мне и схватил за руку, опять с той же силой, что и раньше. Он смотрел в мои глаза, говорил мне что-то, а я как будто оглох, я не слышал его, он стал трясти меня и вроде как уши стали принимать какие-то звуки.

– Оглох что ли?– кричал старик.

– Что это было? Я видел себя, только маленького!

– Ух, это плохо!– вскрикнул старик.– До чего докатился этот чуждый нам мир, обитель зла! Совсем перемешались наши миры! Голова кругом идёт от таких явлений! Ещё бы в образе покойной бабушки пришёл, демон!

Старик подхватил меня под руку, и мы пошли решительно и уверенно вперёд. Он не оборачивался и я тоже, уши слышали многочисленные шаги за нашими спинами. Кто-то медленно, но шумно шёл за нами, неприятно было чувствовать эти шаги и быть настолько незащищённым. Я ощущал волнение старика, он шёл рядом, поджав губы, его глаза были спокойны, руки не тряслись.

– Мальчик мой!

Эти слова пропела молодая женщина, её голос раздавался среди тех самых неприятных шагов. Когда она ещё раз повторила, что-то кольнуло мне в сердце, я почувствовал, что этот голос был мне очень родным, потом перед глазами возник образ моей матери и я опешил.

– Не покидай меня! Обернись!– мелодичный голос снова заговорил.

– Экая дрянь!– рявкнул старик.– Пошла вон, бестия! Матерью вздумала стать!

– Что это?– спросил я, чуть повернув голову назад.

– Стоять!– крикнул старик, резко повернув мою голову прямо.– Чего вздумал? Чтоб тебя заживо съели? Не получите, слизняки подземные! Ты, парнишка, иди прямо и ни на что не реагируй, а то худо будет нам обоим!

Я плохо соображал, услышав родной голос матери, я еле передвигал ногами, губы похолодели, я не понимал: то ли мне радоваться, обернуться и побежать к ней, то ли идти и молчать до самого конца.

– Ты не думай, это не мамка твоя, дружочек! Не думай о ней, пускай бестия надрывается. Фу, темнота!

Слова старика возвращали меня в реальный мир, с его помощью я начал понимать, что там за спиной нет моей матери. Что то, что там идёт, изуродованное отражение мира, о котором лучше ничего не знать.

– Хитрющие какие твари! На всё пойдут, лишь бы тебя съесть с потрохами! Ты иди, ногами передвигай, чтоб ты без меня делал? Убили бы тут сразу!

– Пока ангел жив, значит и я живой.– сухо ответил я.

– Это ты верно подметил, молодец!– с ухмылкой сказал старик.

То, что пришлось мне сейчас пережить, было настолько шокирующим, что найти что-то более шокирующее я просто не мог. Увидеть себя мальчиком, значит окунуться в прошлое и вспомнить то, что давно было забыто и выкинуто из памяти. Когда я увидел глаза этого мальчика, его добрые, налитые слезами глаза, я вспомнил, насколько в детстве я был раним, нет я не плакал, не жаловался, просто раним был внутри, душа переживала. Вспомнив эти джинсы и краску, я сразу же представил тот день, когда испачкался и боялся показаться на глаза Ольге Викторовне, как сожалел, что испортил свою вещь. И как жаль, что я не мог подойти к самому себе и обнять, это детское хрупкое тельце. Как жаль, что эта была всего лишь маска темноты, всего лишь иллюзия меня, пепел...

А голос матери? Решили ударить по самому больному! Если бы не старик, я бы обернулся в это зло – и что бы тогда со мной случилось? Страшно даже представить, сколько здесь ловушек и капканов! И как я вообще могу на что-то реагировать серьёзно? Ведь я понимаю, что всё, что я здесь вижу и слышу, –

вымысел! Меня ребёнком здесь быть не может, голос матери совершенно невозможен нигде! Понимая всё это, я всё равно пытался поверить, что все эти видения реальны, больше всего мне хотелось поверить, что сзади нас идёт моя мать, кричит мне что-то своим звонким, мелодичным голосом, а старик постоянно крутит мою голову вперёд, бурча себе что-то под нос.

– Экая дрянь! Тяжело!

По бокам была крошечная тьма, сзади слышались близкие шаги, горячее дыхание, и мурашки по коже начинали бегать от страха. Впереди нас светился тусклый свет, он как будто выводил нас из длинного, мрачного туннеля на волю. Туда, где всё яркое, доброе, разноцветное, туда где больше мы никогда не увидим этой тьмы и безграничного зла. К этому тусклому свету мы приближались медленно, начинали до нас доноситься какие-то звуки, я старался понять, что там впереди, но у меня ничего не выходило.

– Вот меня, старого осла, и занесло! Ты глянь-ка? В спину смерть дышит, по сторонам пустота, а впереди не понятно, может – ловушка? Где ж твой ангел? Неужели не видит, в какую яму мы попали? Помог бы хоть кто!

– Ангел спасает мою жизнь, иди, старик, вперёд, что будет, то будет.– ответил я с полной серьёзностью в голосе.

Он удивлённо посмотрел на меня, его удивление было приятным для него самого. Глаза чему-то радовались, его походка стала более уверенной, и он прибавил шаг.

– Вот вижу я их, что сил моих больше нет, а если б ещё и людей чувствовал, то тут совсем пропал бы! Как же ты будешь жить-то? И с людьми на одной ступеньке стоишь, да и этих тоже видишь! Мудрости, парнишка, набирайся, мудрости! Те, которые хотят исправиться и жить в добре, сами к тебе придут, а за другими не бегай, авось придёт и их час!

– Со всеми надо работать.– ответил я.

– Это ж как? Прямо так со всеми?– удивился старик.– Эка, занесло! Тебе ж всей жизни, дружок, не хватит, чтоб со всеми да поцеловаться!

– Хватит.

– Да, ну? Хотя кто тебя знает, может, и хватит!

– Только кто я без...– я не договорил, дед меня перебил.

– Ангела? Любовь умерла, жизнь кончена? Парнишка, какие твои годы, всё проходит, и любовь твоя ненормальная тоже пройдёт! Ты ж вон какой видный, на тебя любая позарится, только пальчиком помани!

– Не понимаешь ты меня, старик, – с грустью в голосе ответил я.

– Может, и не понимаю. Да как же ты будешь жить-то дальше?

– Так и буду.

– Да ты и вправду, парнишка, влюблён! Ну, тогда считай ты пропал! Девку-то тяжело любить, а тут ангел, существо высшее! Гляжу я на тебя, и вижу себя молодым, помню, правда, уже мало, но вот взгляд – мой! Как с меня слизал!

– И что за взгляд?– с любопытством спросил я.

– Наполненный страданием, и больше ничем!

– Ты страдал в молодости?

– Э, ещё как! Мать в шестнадцать лет похоронил, отец пил, много с ним возился, до посинения! Веселуха была, но не жалуюсь! Так что тебе пока рано иметь такие страдальческие глаза!

– Самое оно!– громко ответил я.– Дед, тебе приходилось ежедневно чувствовать то, что чувствуют абсолютно чужие для тебя люди? Ты ощущал когда-нибудь, как твою душу выворачивают, а потом снова засовывают обратно, а она уже потрёпанная, не пригодная для жизни! Случалось ли тебе тонуть, сгорать, умирать? Я недавно почувствовал смерть настолько близко, что у меня до сих пор в носу стоит запах крови убиенной. Конечно, я получаю и хорошие эмоции, счастье, преданность, доброта, иногда спокойствие, о котором всегда мечтаю как о чём-то невероятном! Не нужно говорить мне про то, что рано или поздно, я уже родился на этот свет, чтобы что-то изменить, мне нужно понять многое и познать.

– Не знал, что всё так страшно!– взволновано ответил он.– Значит, я ещё живу, как барин, если не испытываю всего того, чего испытываешь ты! Я ж тебя совсем не знаю как человека, прости, что стал так судить тебя сразу, понимаю, как тяжело тебе, всё понимаю, только по своему.

Я высказал ему не всё, что хотелось, побоялся, что уже не остановлюсь, насколько всё было противным и насколько я уже от этого устал. Чаще всего ощущались от людей отрицательные флюиды, и от них я безумно уставал, физической боли я не боялся, прошёл тот период, когда я кусал губы в кровь и выворачивал себе все пальцы на руках. Я носил на себе чужую боль, как старое, ненужное пальто, я чувствовал то, что ко мне никак не относилось, и это всё будет продолжать идти за мной до последнего. Как я мог жить, зная всё это? Старик понимал меня, он опустил свои тёмные глаза и долго шёл молча.

– Счастье для меня – это нечто невообразимое! И мне совершенно не нужны дорогие машины, женщины, дома в разных частях света, всего этого сейчас навалом и всё это кажется бездушным, искусственным, пресным. Для меня счастье есть комфорт моей души, счастье в улыбке и в маленьких праздниках, моё счастье это Кристина, – потеряв её, что останется? Что останется после исчезновения моего счастья?

– Дружочек, откуда ж мне знать? Жизнь такая вещь, неизвестно, что готовит, шаловливая! Сейчас плачешь, а завтра смеёшься, как карта ляжет! Может, и у тебя карта ляжет, и смеяться будешь больше, чем плакать? Не ставь на себе, молодом, крест, авось судьбинушка сжалится над тобой! А за терпимость такую искреннее тебе уважение! Может, когда и мою боль ощущал, так ты прости меня за это! Никому никогда не хотел быть в тягость, а тебе так по-давно!

Разговаривая с дедом начистоту, становилось спокойно на душе, было нелегко излить ему душу, ведь я совершенно его не знал, но у меня он вызывал доверие, мне хотелось ему рассказывать и рассказывать всё! От него шла безумная энергетика, доброе сердце стучало в несколько раз быстрее, чем обычно. С ним было комфортно, казалось, что этот разговор как маленькая исповедь, тайна поведанная человеку и которую никто никогда больше не узнает.

– Спасибо.– тихо сказал я.– Наверно, ты никогда не любил по-настоящему...

– Может, и не любил! А может, и любил, уже плохо помню, что такое любовь? Предала меня жёнушка, отвернулась от меня, да и дочь отвернула тоже, а ведь они были моим смыслом жизни! Вот как твой ангел для тебя! После нашего расставания я ещё больше стал видеть разную нечисть, голова сходилась с ума постепенно, несло, парнишка, меня в пропасть бездонную!

– А что сейчас чувствуешь?

– Сейчас? Да внутри мертво-глухо!

– А мне что говоришь? Молодой, видный, зачем?– сказав это, старик опустил глаза, поднял плечи, как будто замерзает, и замедлил шаг.

– Видать, не утешить тебя таким словцом! Да, любовь серьёзная девица! Если раз пришла, то с уходом всю душу забирает!

– Если любовь – действительно любовь...

Тусклый свет становился ярким, и мы вышли в какое-то белое пространство, после него картинка изменилась, и мы очутились на большой городской площади, когда дед обернулся, обернулся и я. Сзади виднелся город, он очень мне напомнил город из моего сна, тот сон не хотелось вспоминать, и я сразу же переключил свой взгляд на местность поближе. Отвлекаться от грустных мыслей помогал мне старик.

– Прошли это чистилище! И как мы так? Чтоб ни одна нечисть не схватила за руку или ногу, просто везение!– улыбался старик своими пожелтевшими зубами.– Устал что-то я, ноги гудят, это ж сколько мы тогда шли? И на тебе лица нет! Как выжитый лимон стоишь, жалко тебя!

Звуки, которые я слышал когда мы шли, исчезли, стало очень тихо, и среди этой тишины раздался голос.

– Ещё живой.

Этот голос принадлежал Аиде. Она была уже не такой бойкой и воинственной, как в самом начале битвы. Вид её был слегка потрёпан, она казалась уставшей, глаза стали ещё злей, чем были, и огромные, страшные, чёрные крылья висели на её спине. Они были настолько огромны, что казались очень тяжёлыми, и их можно было только волочить за собой, и не более того. Чёрные перья торчали в разные стороны, от них веяло тяжестью и грязью.

Аида была зла и всё смотрела куда-то вдаль, как будто кого-то ждала. Длинные, смоляные волосы висели грязными паклями, плечо было ранено и виднелась кровь, кровь чёрного цвета. Острого запаха от неё я не ощущал, как раньше. Скорее, пахло от обстановки и от старика, который стоял рядом и разглядывал демона в женском облики. Аида медленно повернула свою голову в мою сторону, проведя взглядом по земле, она достигла моих глаз, и её лицо перекосила неприятная улыбка.

– Скоро ты будешь моим.– прошипела она.

– Много хочешь, мало получишь, вешалка!– крикнул ей в ответ старик.

– А с тобой я позже разберусь!– рявкнула она.

– Где ангел?– сурово спросил я.

– На пути в мир иной.– огрызнулась Аида.

– Она жива.– тихо сказал себе я.

– И что дальше? Всё равно умрёт, и в этом будешь виноват только ты! Разве я не права? Избранный светом человек, который должен воцарить в мире баланс, единственный человек своего рода, который наделён способностью исцелять, понимать, помогать, чувствовать, контролировать. Из-за тебя, такого идеально-крутого, небо лишается великого воина, которым ты никогда не станешь! Ты марионетка в их руках! Тобой управляют и будут управлять всегда, даже сейчас не ты управляешь своей жизнью, ей управляет ангел! Разве ты просил дать тебе именно такую жизнь? Стать посредником между небом и землёй? Выполнять то, что они не могут выполнить? Слуги света боятся вас,

людей, – наверно для тебя это не секрет? Им нужен ты, человек, но лишь в своих целях. И твой любимый ангел стал жертвой этой хорошо спланированной игры! Им плевать, кого они теряют, и им по большому счёту всё равно на тебя, только выполняй свои функции, а если ослушаешься, не поздоровится тебе.

Слушая её, становилось не по себе. А ведь в чём-то она была права. Всю нечисть подземного мира я уже увидел, этих изуродованных полулюдей, с перекошенными лицами и отравленными сердцами, хотя есть ли у них вообще хоть какие-то органы? Кажется, что это просто ходячие скелеты, на которые натянули кожу и в придачу изуродовали донельзя. А что я видел от света? Кристина сражается со всем злом, принимает на себя удары, а где помощь? Где хоть один ангел, который бы своим крылом прикрыл её? Где воины света, которые должны защищать...

– Задумался? Где армия, которая сможет сразить мою? Вся армия света заключается в этом старике, в этом протухшем мешке! Кто он? Нянька твоя или друг? Как это понимать?

– Помощь всегда приходит тогда, когда она нужна! – серьёзно сказал старик. – Ишь ты, как загнула! Марионетка, спланированная игра, в няньки меня приплела! Мы прям тут два юродивых, ничего не понимаем в твоей речи! Ты говори, да не заговаривайся! Поди ка славно тебя потрепало!

Старик всегда возвращал меня к жизни, к реальности! Даже если Аида говорила якобы правду, то всё равно ни в коем случае нельзя было верить ей, ведь она самое настоящее всечеловеческое зло! Пускай она говорит всё, что хочет, тем самым лаская мысль о том, что может я переметнусь к ней на сторону, пускай применяет все свои уловки с мальчиком и машинкой, и с голосом матери, – я не поддамся на её манипуляции. Больше всего на свете я был рад тому, что со мной был старик, Аида назвала его нянькой, возможно, это было именно так.

– Будь со мной! Твои способности и возможности можно совершенно по другому применять! Ты бы стал всемогущим человеком, если бы был со мной!

Понятно было, куда она клонит, вырисовывалась приблизительная картинка последующих слов Аиды, её действий и попыток.

– Ты жалкая! – крикнул я ей.

Это очень ей не понравилось, земля под ногами затряслась, и её разъярённый вид стал не на шутку пугать.

– Дурацкие правила! Так бы давно раздавила тебя как клопа!

– Не думаю.

Этот голос раздался за спиной Аиды. Нежное и хрупкое существо стояло совсем близко ко мне, хотелось подбежать к ней, обнять её и схватить на руки. Она не была так вымотана, как противница, на её лице была безмятежность, грустные глаза излучали ту самую неповторимую голубизну, губы были почти белыми, она не выглядела уставшей и потрёпанной, скрывать в себе она умела все свои чувства. Комбинезон уже не был таким белым и причёска была немного растрёпана, она держалась, старалась изо всех сил.

Иногда при повороте головы я видел, как Кристина глубоко вздыхала, я чувствовал, как её грудь то поднималась, то опускалась. Иногда просачивались некоторые импульсы от неё, я пытался их улавливать, задерживать в себе, но это было трудно, и она до последнего оставалась для меня закрытой. Я понимал, что за этой оболочкой бесстрашия находится хрупкое существо, ко-

торое очень устало и которому очень больно. Понимание этого выдавало меня с потрохами, но чтобы хоть как-то помочь Кристине, я пытался концентрировать своё внимание на других вещах. Аида всячески пыталась залезть в мою голову, провести, так сказать, ревизию и может узнать что-то новое про ангела, я защищался от неё, было не трудно, даже наоборот, я был собой доволен и чувствовал некую привилегию перед ней.

Кристина взглянула на меня и старика добрыми глазами, когда она еле улыбнулась, то озарила всё вокруг светлым сиянием, на душе у меня стало светло, я понимал, что нельзя ни при каких обстоятельствах опускать свои руки, как бы плохо тебе не было, нельзя сдаваться, нужно идти до конца. Но только при условии, что ты приносишь свои жертвы за правое и нужное дело, за очень важное для тебя дело.

– Спасибо тебе, что сохранил его.– тихим голосом сказала Кристина старику.

Старик поднял на неё свои глаза. В ответ он всего лишь улыбнулся и как-то по доброму посмотрел на меня. Было видно, что он знал её, но делал вид, что всё равно не понимает, что, собственно, здесь происходит. Он тоже был особенным человеком, видеть потусторонний мир со всеми демонами и чудовищами – редкость в наше время. Он просто мучился со своими кошмарами, со своей судьбой. Старик волочил на своей спине огромный груз, из-за которого он лишился семьи и друзей. Живя больше двадцати лет в одиночестве, можно понять, насколько он страдает и как ему тяжело. Одиночество приводит людей в тупик, развивает в человеке сумасшествие, но старик явно не болел расстройством психики.

Я тоже боялся одиночества, чем ближе оно подступало ко мне, тем чётче я его ощущал. Любовь уходила из моей жизни, утекала. Я видел Кристину перед собой и понимал, что она готовилась погибнуть, поэтому, не теряя своего лица, она стояла рядом с Аидой и с высоко поднятой головой ждала продолжения. Тьму это настораживало, она уже не так сильно была уверена в своих силах на победу. В прищуре её глаз читалось удивление и недоумение. Аида не понимала, почему Кристина ещё стоит перед ней и сражается! Неужели боли прошли?

– Я люблю тебя...

Эти слова прозвучали в моей голове и упали прямо в душу. Они принадлежали Кристине, её мысленный поток я сразу уловил, её слова сразу же осели в моём сердце. Грустный, уставший голос без красок и масок прозвучал во мне, я понял, как тяжело ей, как трудно смириться с мыслями о смерти, как тяжело чувствовать, как разрывается грудь, и виной всему этому был я.

Небо затянули тёмно-красные тучи, всё вокруг приобрело розоватый цвет, Аида развела в стороны свои крылья и, забив ими, как птица вознеслась в верх. Обратив внимание на Кристину, я понял, что пришёл тот момент, когда мне нужно закрыть глаза. Я во время закрыл их, иначе яркий свет, издаваемый крыльями ангела, ослепил бы меня. Потом я зажал лицо руками, как я ни старался, но свет проникал в мои глаза и я чувствовал жжение, из глаз текли слёзы, становилось больно, я сел на корточки и отвернулся в сторону, стало легче.

Я понимал и ощущал спиной, что происходит, пока я сижу с закрытыми глазами. Кристина расправила свои белоснежные крылья, огромные и мощ-

ные. Перья переливались серебристым цветом, взмахнув всей этой мощью она так же быстро и искусно взлетела в высь.

От крыльев ангела пахло только свежестью. Как будто я вдыхаю в лёгкие чистейший воздух Альп, нос пробивало, казалось, и уши стали слышать лучше. Первые пару минут запах стоял передо мной и манил, завораживал, потом постепенно он стал пропадать, уловить его уже было для меня проблематично, и я понял, что сейчас Кристина далеко от этого места.

Открыв глаза, я почувствовал лёгкое покалывание, глаза были красные, казалось, я только, что смотрел на раскалённое солнце или на огненные искры. Услышав какой-то стон, я стал оглядываться по сторонам. Увидев старика, лежавшего на земле, я как ошпаренный подбежал к нему. Когда я увидел его глаза, то не на шутку испугался, руки похолодели, стало страшно и мучительно больно слышать его тихие стоны. Было такое ощущение, как будто ему выжгли глаза, я больше не видел тех грустных карих глаз, вместо них были красные впадины, которые не переставая приносили старику нечеловеческую боль.

Он собрал все свои силы и схватил меня за плечо.

– А я ведь знал, что надо глаза-то закрыть!– простонал он.

– Чего не закрыл, раз знал?– встревожено ответил я.

– Да кто меня знает? Так заворожили эти крылья, что как дуб и остался стоять на одном месте! Красота неземная!

Я поражался стойкости и терпению этого человека, он не отпускал мою руку, пытался встать, но не получалось. Постоянно хотел прикоснуться своими грязными руками к глазам, точнее к тому, что от них осталось, но я убирал руки, хлопал по ним, отбрасывал в сторону, нельзя было позволить ему занести инфекцию.

– Вот как я угодил! Ты посмотри-ка! Чернь такая, что ложись да и в гроб!

– Эх, дед...– как бы пропев, сказал я.

– Вина моя, парнишка, я ведь знал! Ангела твоего – ох, как я подставил! Как же теперь без глаз? Ты смотри не расслабляйся, гляди ка по сторонам, я уж теперь не помощник тебе!

Он начинал сильно переживать, но в то же время не выпускал меня из своих сильных тисков.

– Как ты можешь подставить Кристину?– спросил я, приподнимая его с земли.

– Я ведь тут оказался неспроста, за тобой нужно было присматривать, а то чего доброго убили бы тебя, а там куда бежать, что делать? Я уже человек учёный, меня ничем уж не напугаешь, только вот, глянь-ка, об такую кочку знакому споткнулся! Как же я теперь без глаз жить-то буду?– старик стал стонать и всхлипывать.– Не видать совсем ничего, всё жжёт, болит!

Присмотревшись, я определил, что сами глаза вроде бы целы, а кожа, закрывавшая глаза, была как кусок мяса, запеклась и закрыла всё от бровей до переносицы.

– Глаза вроде целы!– сказал я, думая, что это утешит старика.

– А что толку? Не видать всё равно ничего! И откуда тебе знать, целы они аль нет? Ты что, доктор?

– Ты не злись, не я же в этом виноват.

– Ты прав, дружок, уж прости старика! Уродлив теперь стал, что ахнуть

хочется? Как теперь в мире человеческом жить буду? С голоду сразу подохну, и похоронят как собаку, а то вообще так и бросят гнить!

– Я позабочусь о тебе.– тихо ответил я.

– Если так, то спасибо...

– Не просто так нас судьба свела.– подбадривающе сказал я.

– Может и так, я не спорю!

Смотреть на то, как мучается этот старый человек, было очень неприятно. Знает ли Кристина, что она его ослепила, да так, что живого места не оставила? Вины её тут нет, что ж мы, дети? Сказано – глаза нужно закрыть, значит закрывай.

Не спеша мы встали, дед опирался на меня всем своим телом, был он тяжеловат, но держать на себе его было терпимо. Он что-то бубнил себе под нос, я не вникал в его речь, больше я был занят тем, как нам продержаться сейчас? Кристина снова покинула нас, и скорее всего к нам снова прицепится какая-нибудь нечисть.

– Видишь что-нибудь странное?– хрипло спросил старик.

– Нет.– тихо ответил я.

На самом деле не было ничего такого, чтобы забить тревогу. Вокруг стояла тишина, поблизости ничего не было, только голая земля и мы на ней, вдалеке виднелся тот самый городок, в котором мы были и из которого чудом выбрались. Если он был из моего сна, значит и смерть Кристины подтверждалась окончательно. По ней нельзя было сказать, что силы покинули её окончательно, она сражалась и удивляла своей стойкостью Аиду. Я гордился ангелом и переживал одновременно. Не было ни одной спокойной минуты, я находился взаперти, нервы были натянуты, как струны, голова гудела.

С неба что-то на большой скорости летело прямо на землю, когда я разглядел что это, то не поверил своим глазам. Ангел и демон сцепились мёртвой хваткой и в обнимку падали вниз с невероятной скоростью. Когда они достигли земли, послышался глухой стук, земля снова содрогнулась, вокруг их приземления образовался большой кратер, в воздухе стояла плотная пелена пыли. Старик стал сильно кашлять, щёки его стали красными, он прислонял кулак к губам и бил себя в грудь.

Кристина и Аида поспешно освободились от таких дружеских объятий. Мертвенно-бледная кукла как будто дымилась, прикосновения к ангелу были для неё очень болезненными, Кристина чувствовала то же самое, но стойко претерпевала эту боль. Снова они начали о чём-то говорить на непонятном мне языке, тембр голоса у обеих как-то странно изменился, казалось, что у каждой он погрубел и издавал небольшое эхо. Я смотрел на них и не мог до сих пор поверить в то, что происходит. Кристина убрала свои крылья за спину, чтобы не ослепить меня. Потом ни с того ни с сего тьма в образе черноволосой ведьмы закричала, да так пронзительно, что уши докрасна накалились, я зажал их руками и понимал, что долго так не продержусь.

Наступила долгожданная тишина. Я сразу же подбежал к несчастному старику и увидел, как из его правого уха течёт тоненькая струйка крови.

– Оглух?– встревоженно закричал я.

– Вроде левое цело.– прохрипел старик, выбиваясь из сил.

Как он мог так пострадать? Сначала от ангела, теперь от демона. Кристина заметила, в каком он состоянии, и встревожено стала наблюдать, как я его

поднимаю и помогаю ориентироваться в пространстве.

– Друг мой!– громко сказала Кристина.– Как же так?

– Стар я стал для игр таких, милая.– снова прохрипел старик.– Вроде не оглох, так немножко ухо заложило, ничего!

– Ты прости меня.– виновата произнесла она.

– Это ты прости меня!–вскипел старик.– Раз в жизни что-то стоящее хотел сделать – и на тебе, окаянная!

– Ты всё сделал правильно.– нежно ответила Кристина, потом обратилась ко мне.– Как ты?

– Обо мне можешь не беспокоиться, я в надёжных руках.

Я попытался вложить в свой ответ как можно больше положительной энергии, мы все дружно улыбнулись, у всех был измученный вид. Со стороны могло показаться, что мы работали на каторге и нас загнали до смерти. Душа была перевозбуждена, что казалась парализованной. Кристина нежным взглядом обняла нас, потом посмотрела в мои глаза и приняла серьёзный вид.

– Ничего не бойся и закрой глаза.

Я сразу же закрыл глаза. Аида стояла и молча наблюдала за нашей душещипательной сценой, она часто медлила и больше любила наблюдать то, что ей не дано никогда ощутить на своей шкуре. После того как я закрыл глаза, Аида напала на Кристину и снова началась битва двух титанов. До этого момента они сражались где угодно, но только не рядом с нами, теперь же всё происходило при мне и старике, но не на наших глазах...

Яркие свечения ударяли мне в глаза, я чувствовал, как боролись не двое, а трое или четверо. По ощущениям тот, кто сейчас находился на поле боя помимо Аиды, имел отрицательную энергетику. Кристина сражалась совершенно одна, её мощные и огромные крылья разбрасывали всех в разные стороны. Её оружие по величине было самым огромным, даже Аида не могла похвастаться таким размахом крыльев. По глазам черкали разные цвета, яркий свет, потом какой-то красный, это было больше похоже на салют, который я смотрю через закрытые глаза.

К ногам периодически подступал то холодный, то горячий воздух, потом всё тело охватывал страх, но в итоге ничего со мной не происходило. Хотелось открыть глаза хотя бы на несколько секунд, но, вспоминая изуродованное лица старика, я не решался поддаться такому соблазну. Всё ещё по венам текла ледяная кровь, страх добрался до сердца, как я ни старался его притупить или успокоить, у меня это не получалось. Понимание того, что вот он, конец, и он уже настал, больше всего меня пугало. После всего этого наступит конец, и с чем я останусь?

Я слышал крики, их было много, невозможно ничего разобрать, но среди них не звучал голос ангела. Вот звучит в ушах голос Аида, ещё какие-то голоса. Один из них напоминает мне трубу, в которую что-то кричат, и слова врезаются в потоки тяжёлого воздуха, другой голос был писклявым, его я очень отчётливо слышал, можно даже сказать, он выделялся из всех. Потом я услышал, как кто-то тяжело упал рядом со мной, ноги почувствовали чьё-то прикосновение, испугавшись, я отполз подальше, то, что лежало рядом, больше не встало. Потом также через пару минут что-то упало, тяжёлым камнем на землю, хрустя своими крыльями. Ухо прорезал крик Кристины, она что-то крикнула, но невнятно, я хотел открыть глаза, посмотреть, что с ней? И снова

не сделал этого, ослепнуть я просто не мог, этого нельзя было допустить. Я стиснул руки на лице и что есть силы сжал его, мне не хватало воздуха, я выжимал из рук последние глотки спёртого воздуха, когда уже не мог дышать, смягчил тиски.

Кристина больше не издавала ни одного звука, лишь только изредка я чувствовал, как её крыло пролетает рядом со мной, чувствовал это потому, что чистота этих крыльев была неземная, мне хотелось всё больше и больше вдыхать этот запах, он как будто расправлял мои невидимые крылья, и с их появлением я чувствовал себя спокойнее. Старика я ощущал, но он не был рядом со мной, мы не могли вслепую найти друг друга, поэтому иногда что-то кричали друг другу. Красное свечение пронеслось мимо меня, жаркое и большое, оно пролетело мимо, не задев меня. Если честно, то я смерти не боялся, если бы мне пришлось умереть в объятьях себя из детства, то пускай, или же, обернувшись на голос матери, я бы был съеден, или даже сейчас, получив в голову красным шаром, я бы не боялся. Люди очень боятся смерти, боятся своих грехов, но всё равно творят их, ведь грех – это наркотик, который хочется повторять и повторять. Я же пока за свою жизнь не грешил так, чтобы стать зависимым, наверно поэтому пока я не боюсь смерти и надеюсь никогда не испытаю этой боязни.

Мой страх и переживания исключительно только по Кристине. Её смерть я не могу принять, несмотря на то что для осмысления этого факта у меня было достаточно времени, всё равно сердце не хочет осознать, что смерть всё равно настанет, что бы я ни предпринял! Сделал бы я ультиматум, стал бы искать другие пути – всё равно в итоге я бы её потерял. Вот что такое неизбежность, и как страшно знать об этой неизбежности и ничего с ней не поделаешь. Она, как смертельная заноза, с каждым твоим движением всё больше и больше вонзается в тело и приносит невыносимые боли.

Сейчас, сидя с закрытыми глазами и предвкушая конец, я понимаю, что неизбежность уже рядом, ей до меня осталось пройти каких-то там два шага. И она страшней и опасней, чем сама смерть. Зная, что что-то неизбежно, и это очень плохое, ты тупеешь и живёшь в муках, так не лучше бы сразу умереть, чем жить и быть просто ходячим трупом? Ощущать на себе неизбежность вечного одиночества? Так лучше смерть, она принесёт с собой только мгновенное непонятное чувство, а после наступит то состояние, при котором твоё тело больше ничего и никогда не будет ощущать, а душа отправится в бесконечное путешествие. Кристина спасала меня от гибели, дралась за меня, как тигрица, а я, вместо того чтобы помогать ей хотя бы мысленно, думаю о смерти...

Понимаю, что такие мысли кого угодно расстроят, и тем более, когда человек думает о смерти, значит это настал край, где скорее всего ты спрыгнешь в пропасть или же найдёшь спасение, что случается не так часто. Правильно люди говорят, ты рождаешься один и умираешь один, ты одиночка от самого начала и до самого конца. Жизнь всегда граничит со смертью, они неразлучны, вот почему это ещё называют балансом, всё должно жить в гармонии друг с другом, и когда что-то выходит из под контроля, огромная матрица начинает жить неправильно, с неполадками и сбоями, что сейчас и происходит по всему миру.

Многие люди вообще в мои годы не думают о смерти, живут себе и ни о

чём не заморачиваются. Случайный секс их заводит, клубы и наркотики поднимают самооценку, алкоголь придаёт уверенности в себе. Только эта жизнь сравнима с неизбежностью, и это хуже смерти... С неизбежностью стать моральным уродом или инвалидом, стать родителем больного ребёнка и нести этот крест до конца дней своих. Неизбежность рано или поздно подведёт тебя к смерти, подведёт черту твоей жизни, и что ты оставишь после себя? Лёгкий след на этой планете? Кто вспомнит о тебе что-нибудь хорошее?

Я получил искреннее удовольствие, когда помог восстановиться Марианне, своей однокурснице, кассирше Анастасии, Ольге Викторовне, и я благодарен, что Кристина в первую очередь восстановила меня как личность, как человека, которому не безразлична ничья судьба. Мне правда стали близки все люди, и я понимаю, что для меня это очень хорошо, но как я буду жить без своего моторчика, без ангела-хранителя, который с самого моего рождения был всегда рядом. Слезы подступали к горлу, тяжело было дышать, эмоции захлёстывали меня, я старался держаться.

От моих мыслей меня отвлекло что-то непонятное. Я уже привык к разноцветным свечениям и к шуму, который иногда довольно сильно сотрясал землю. Но тут всё затихло, надо мной нависло что-то, в глазах сразу же потемнело, эта фигура громко дышала, потом я почувствовал на себе что-то тяжёлое, как будто на меня надели тяжёлое пальто, но я понял, кто это, и почувствовал свой любимый запах, меня обняли крылья. Было тепло, всё равно что находиться в утробе матери, никогда я не чувствовал себя так комфортно и защищённо. Если бы была моя воля, я бы остался в них до конца жизни, так бы никогда и не открыл глаза, но знал, что рядом мой любимый ангел, и он обнимает меня своими могущественными крыльями. Кто ранее из людей получал такую привилегию? Перья щекотали мои руки и шею, тепло, исходящее от них, было верхом блаженства, я испытывал настоящее спокойствие.

Снова перед глазами появился свет, и тяжесть, которая была на моих плечах, куда-то исчезла. Открыв постепенно глаза, я увидел расплывчато силуэт Кристины. Она смотрела на меня радостными и полными надежды глазами, в её лице я не прочитал ни усталости, ни боли, она была совершенно спокойна и всё так же радостно смотрела в мои глаза. Я оглядел местность и увидел, как вокруг нас исчезают тела каких-то чёрных фигур, неподалёку от нас стояла Аида, её крылья были изуродованы до неузнаваемости, они дымились чёрным дымом, в глазах тьмы стояло огромное разочарование и удивление: как ангел смог её победить, будучи в таком сложном положении?

– Всё равно ты умрёшь!– рявкнула она.

– Мы заключили новый договор, только попробуй его нарушить!– воинственно возразила Кристина и снова повернулась ко мне.

– Всё кончено? Ты победила?– радостно запел я.

– Получилось! Теперь все дороги перед тобой открыты.– сказала Кристина, поворачиваясь к Аиде.– Крыса поджала свой хвост.

– Всё равно настанет тот день, когда на земле воцарится хаос, и твой человек ничего не сможет сделать!

– Он избранный.– уверенно ответила Кристина бледной кукле и выпрямилась.– Ты теперь знаешь, что тебе нужно делать?

– Знаю, – огрызнулась Аида.

– Тогда исчезни!

Побеждённая Аида выглядела жалко и как-то по-детски. С подбитыми крыльями она исчезла, но её ненавистный взгляд ещё долго вспоминала моя душа. Всё вокруг постепенно исчезало, оставались только голая земля и мы втроём.

– Наша взяла?– спросил старик, нащупав мою руку.– Долго!

Я от радости схватил на руки Кристину и начал кружить её вокруг себя, счастье переполняло моё сердце, оно перевесило всё плохое, что было с нами, это ощущение мне хотелось сохранить в сердце навсегда.

– Какой у вас задорный смех!– громко сказал старик.

– Мне так жаль твои глаза, – с грустью в голосе сказала Кристина, когда я её поставил на землю.– Я могу помочь тебе, правда, эта будет моя последняя капля силы, но, думаю, её хватит, чтобы хоть как-то исправить твой недуг!

Кристина подошла к старику, положила руку на его глаза, и от её пальцев пошло яркое свечение белого цвета. Она закрыла глаза и как будто стала медитировать, её лицо было спокойным, чистым и самым любимым.

Когда она убрала руку с лица старика, то я не поверил увиденному: кожа вокруг глаз была слегка покрасневшей, были небольшие шрамы, а сами глаза были целы! Карие, грустные, наполненные слезами глаза смотрели ошарашено на нас обоих.

– Вижу!– дрожащим от счастья голосом сказал старик.– Мутно, не так, как раньше, но свет вижу, ваши фигуры! Чудеса!

– К сожалению, не могу исправить всё, сил уже не осталось...

– Тебе нужно отдохнуть!– обеспокоившись, прорычал я.

– Отдохну, обязательно!– улыбнулась она мне в ответ.

– Ты у меня просто молодец! Знаешь это?

– Знаю! Было тяжело, всё тело и душа болели, я не знала, как смогу вообще стоять, но одна мысль о тебе возрождала меня к жизни, и я шла вперёд! Не могла за тобой постоянно следить, Аида уводила меня от тебя, чтобы её слуги могли поймать избранного человека в ловушку, а этого никак нельзя было допустить! Поэтому на помощь к тебе пришёл вот этот человек!

– Он спасал меня, и не раз.– начал говорить я.– Если бы не он...

– Хороший он парень, милая! Добрый, умный, только несчастный больно!

С этого момента я не чувствовал себя несчастным, моё сердце переполняло счастье, самое настоящее, которого я никогда ранее не испытывал.

– Твои крылья! Они божественны!

Казалось, что всё уже позади, страх, волнение, ощущение чего-то плохого, все эти эмоции каким-то странным способом исчезли из моей головы. Я ощущал на своих плечах лёгкость, о которой даже мечтать и не мог. Кристина стала особо ко мне не прикасаться, но лицо её было спокойным и красивым.

– Как ты себя чувствуешь?– спросил я.

– Не знаю, двойкие ощущения.– сказала она, кладя себе на грудь руку.– Не волнуйся, я просто устала, нужно набраться сил...

– Пока ты сражалась с Аидой, мы тут со стариком тоже боролись!

– Молодцы! Я верила в вас!

– Знаешь, что мне чудилось?

– Знаю, но это тебе не чудилось, это было реальным и очень опасным.

– Если бы не дед, я бы наверно попался в ловушку!

– Значит, я не зря положила на него.

- Он очень пострадал...
- Да. Всё, что смогла, я сделала для него, главное, что он видит хоть что-то!
- А правое ухо?
- С этим я ничего уже не поделаю, посмотри на меня – я как выжитый лимон, даже перенести нас отсюда не могу из-за слабости!
- Я поражаюсь тебе...
- Не возвышай меня, я не заслуживаю этого! Я могла ещё раньше покончить со всем, но боль мешала мне, и я попадалась под шлепки и удары, но благодаря тебе я смогла выстоять.
- Я ничего такого не сделал, чтобы помочь тебе!
- Сам факт твоего присутствия рядом со мной был спасением, когда я думала о тебе, то откуда-то приходила ко мне сила, и я могла не так сильно ощущать удары от врага и боль, которая шла из души. Она притуплялась местами.
- Я так этому рад!
- Когда ты остался один в этом городе и когда ты увидел себя мальчиком и услышал голос матери, я испугалась, а когда увидела, какие за тобой идут твари, то не могла найти себе места, волновалась безумно. Спасибо этому человеку, он смог тебя защитить!
- А кто он такой?
- Я думаю, он сам тебе расскажет о себе, ведь я так полагаю, вы теперь стали друзьями?
- Возможно, но он странный какой-то.
- Понятное дело, что странный, есть причина!
- Я не хочу сейчас говорить ни о ком и ни о чём! Ты рядом, ты жива, и все мои опасения прошли, они испарились! Рядом со мной ты, и мне больше ничего не надо! – я обнял Кристину, и маленькие ручки обняли меня в ответ.
- Я тоже рада.
- Ты какая-то невесёлая! Посмотри на меня, то, чего мы боялись больше всего на свете, не случилось! Ты стоишь рядом, дышишь со мной, смотришь на меня своими огромными голубыми океанами, они спокойны и волнуют мою кровь...
- Мне трудно поверить, что я сделала это, что я смогла!
- Видела бы ты лицо Аиды, когда она поняла, что проиграла! Удирала от нас, как побитая кошка, а крылья её были вообще разорваны в клочья!
- Теперь самое главное, что воцарилась та справедливость, которую мы так долго ждали, я очень рада, что с этой минуты всё пойдёт так, как должно быть!
- Но она ведь не исчезла?
- Нет, но теперь действия тёмной материи под контролем, и она будет приносить на землю только ту часть себя, которую должна, а не какую сама захочет дать несчастным людям.
- Как бы мне хотелось, чтобы она навсегда исчезла!
- Может это получится сделать тебе.
- Но сейчас я думаю, всё изменится в лучшую сторону?
- Несомненно! Главное, что теперь твоей жизни ничего не угрожает.
- Ты не представляешь, как сейчас ликует моё сердце, ты рядом!
- То, о чём мы говорили, было уже не важно, но приступить к самому главному мы боялись. Как маленькие дети, мы стояли и говорили обо всём, кроме

нас. Я не мог поверить и с трудом осознавал, что моё тело и душа стали свидетелями такого явления! Битва была выиграна светом, и уже возможно, с этой минуты в мире что-то перевернулось, стало на один процент больше хорошего, чем плохого. Демоны утомонились, выполняя только то, что обязаны выполнять, больше у них не развязаны руки и они не уничтожают людей сотнями и тысячами. Я понимал всю ответственность своей миссии, Кристина расчистила мне дорогу, и я всеми своими силами и не силами должен возродить людей к нормальной жизни, к нормальному существованию в социуме, в гармонии с природой, а главное – с самими собой. И может быть когда-нибудь человечество навсегда избавится от зла и наши будущие потомки не будут знать, что такое горе и боль, они будут жить в мире солнца и добра.

Больше никто не посмеет позариться на мою жизнь, преград нет, чтобы творить добро, только если сам человек будет противиться исцелению. Эти мысли возвышали меня до небес, которые были уже не красные и не жёлтые, а голубые, как небо в нормальном, человеческом мире. По венам текла кровь с привкусом победы, восхищения. Какая-то гордость поселилась в моём сердце, появился стимул.

– Это что ж получается? Меня теперь больше не будет терроризировать эта бестия? Я наконец-то смогу нормально поспать и поесть? Лучшего подарка для себя я и просить не смею! Что мои раны? Это стоило того!

Старик не так хорошо нас видел, но лицо его уже не было таким уродливым, и глаза видели, но всё было мутным, придётся какое-то время привыкать видеть мир именно так. Он подошёл к нам, стал меня обнимать, хотел припасть к ангелу, но не стал этого делать, он глубоко наклонился, потом добрым взглядом посмотрел на Кристину и отошёл от нас.

– Дайте-ка хоть напоследок посмотрю на ангела! Наверно, буду вечно помнить этот день и эти события! А ты, дружок, мудрости набирайся, да не плошай! На тебя вся надежда!

Мы стояли и улыбались друг другу. Как будто находились на природе и готовились к пикнику. Старик не говорил своего имени, и Кристина его никак не называла. Это меня смущало, так как он стал мне уже не чужим человеком, а стариком называть его было уже как-то некрасиво и стыдно. Мужчина был старше меня на много лет, и имя его я должен был знать, но как я ни выпытывал его, в ответ ничего не получал. Что-то всё равно скрывалось от меня, я это чувствовал, но был настолько счастлив, что не придавал этому особого значения. Я многое хотел спросить и уточнить у Кристины, но не мог и слова произнести, видя, насколько она счастлива.

Она напоминала мне фею, добрую волшебницу, прекрасную девушку, уникального человека. Я любил совершенное существо, само совершенство. И она в свою очередь любила совершенное существо, потому что человек для неё это всё равно, что для меня ангел! Мы подходили друг другу, и любили невыносимо сильно. Мы, как два магнита, не могли жить отдельно, всё равно нас магнитило, и мы снова сливались в одно целое. То, что раньше казалось нам запретным и невыносимым, уже превратилось в реальность и настоящую жизнь.

– Наверно, я самый счастливый человек на всём белом свете! И я люблю тебя!

– Мы победили, – с улыбкой на лице ответила Кристина.

Она была счастлива, я это видел, так же, как и все мы, она улыбалась и даже громко смеялась, как будто этот смех был очередной маской, которую необходимо было надеть. Секундно я замечал грусть в её глазах или что-то потяжелее этого. Она не говорила ничего лишнего про нас, её эмоции были в рамках, я это начинал замечать постепенно. И как только прошла эта долгожданная эйфория, еле заметная печаль снова влетела в мою душу.

Я не хотел верить, что это не конец. Счастье такая редкая удача, такой редкий подарок, который всегда приходит неожиданно и уходит так же неожиданно, оставляя после себя лишь приятные, но грустные воспоминания. Старик заметил, что я поменялся в настроении, что стал меньше смеяться и почти перестал улыбаться. Он очень близко подошёл ко мне, посмотрел своими большими глазами в мои и еле заметно улыбнулся.

– Ты чего парнишка? Загрустил ни с того ни с сего?

– Наверно устал...

– Ну ничего, скоро отдохнёшь.

– Да, очень этого жду.– с наигранной надеждой сказал я.

– Сколько вокруг неё было шакалов – и все хотели ущипнуть её, поранить! Сколько на неё нападало? У-у! Не сосчитать, и со всеми справилась, вот молодец девочка! Я уж слепой и на правое ухо глухой, и то слышал, как они на неё шипели и плевались как будто кислотой, а она, шустрая, всем надавала по первое число, и это с таким-то грузом на душе! Эх, парнишка, хорошая она у тебя и несмотря ни на что использовала все свои силы до конца! Красивая, правда, бледненькая, как будто больна чем-то, да и глаза такие же грустные, как твои, страдаете не по силам своим, голубки!

Мне казалось, что силы всегда откуда-то приходили к нам, что, когда совсем казалось – всё рухнет и нет надежды, то где-то внутри что-то запасное открывалось и давало новые силы, с которыми можно было жить. Старик многое замечал, я же больше старался не думать о битве и о том, как она прошла, я старался думать только о Кристине и о том, как она сейчас, что на душе у неё?

– И всё таки любит эта нечисть играть не по правилам, всё пыталась нас неожиданно цапнуть, но мы-то с тобой не промахи, быстренько сообразили! Да, никому такого не пожелаешь...

– Почему не хочешь сказать, как тебя зовут?– спросил я, выдержав минутную паузу.

– А на что тебе моё имя? Мне и без имени живётся весело и добро.– ответил старик как-то сухо и без особой охоты.

– Хорошо, старик.

Кристина тревожно ходила вокруг нас, я видел на её висках капельки пота, она снова приобретала болезненный вид, счастье из души постепенно утекало, я не хотел лишаться этого ощущения, но, видя страдания Кристины, в меня снова что-то пробиралось, очень неприятное и тоскливое...

Плохое всегда оставляет рубцы на сердце, хорошее всего лишь оставляет небольшой, лёгкий след, как поцелуй, после которого на щеке остаётся губная помада, но и губная помада со временем сотрется. И что останется? Мутное воспоминание, на которое уже успели наложиться проблемы и невзгоды.

Как мне не хотелось отпустить счастье, то самое счастье, которое поразило моё сердце в самые первые минуты, после того как я понял, что битва закон-

чилась нашей победой и Кристина жива! Я пытался спрятать хоть маленький кусочек этого счастья в потаённое местечко души, закрыть на десять замков и открывать только иногда, когда это очень будет нужно мне. Это было очень тяжело, но я пытался.

Предчувствие уже било по вискам, что-то горестное нависало над нами, и об этом не хотелось думать. Душа была, как птица в клетке, маялась и билась крыльями о стальные прутья, крича и изнемогая от безысходности. Я улыбался, когда старик мне что-то рассказывал, пытался даже слушать, что он мне говорит. Я знал, что он заговаривает меня специально, чтобы я отвлекся и не так терзал себя, как это делал сейчас. Ценить его старания я просто был обязан, так как он действительно помогал мне, и поэтому у меня не поворачивался язык сказать ему, что я не хочу его слушать, или сделать вид, что мне не интересно. Он что-то говорил, а я только кивал головой, смотря на Кристину.

– Сейчас в городке-то нашем холода! Ветер в последние деньки был уже колючий! Ох, глаза побаливают, окаянные! И чего болят? Вроде видят что-то, а капризы разводят, как дети малые прям! Сейчас бы в баню, да берёзовый или дубовый веник, да по спинке, по спинке! Свожу тебя как-нибудь, бывал там? Бывал, ну это хорошо! Ещё раз значит сходишь, я тебя так попарю, что матушка родная не узнает! Прости, парнишка, забыл... Помнится, в молодости так любил париться, что метлой не выметешь! Да, жилось тогда весело, спокойно, без этих демонов, и откуда они только появились, шелуха луковая?

Он понимал, что я его не слушаю, мало того, я даже не видел его, но делая вид, что его речи мне интересны, я старался не затронуть его своим безразличием. Старик, конечно, всё это понимал, но пытался всё-таки отвлечь меня от моих дум, он как будто понимал то, чего никак не мог понять я.

Потом он незаметно подошёл ко мне и еле внятно и прямо в ухо прошептал мне то, чего я больше всего ждал – и меньше всего одновременно.

– Она умирает...

Его хриплый голос разорвал всё в моей голове. Почему она позволила ему сказать это? Я отшатнулся от него, как от прокажённого, и устремил свой взгляд на Кристину. Бедная девушка стояла на последнем издыхании, появились еле заметные фиолетовые синяки под глазами.

Я стал быстро всё прокручивать в голове, что связывало меня с ней и что она значила для меня. Поняв, кто она в моей жизни, я не мог сдержать своих эмоций, и слеза скатилась по моей щеке. Я вспомнил те ощущения, которые испытывал при нашем телесном контакте и при прикосновении её крыльев к моим плечам. Человек живёт на свете, ест, спит, любит, и не может себе даже представить, что его могут обнять настоящие ангельские крылья. Я же плохо ел, так же плохо спал и любил до безумия, и это всё вознаградилось мне прикосновением небесных крыльев, которые казались и кажутся для меня самым удивительным чудом из чудес. Теперь это прикосновение будет жить в моей памяти вечно, ничто не заставит меня забыть это прекрасное и странное чувство. Я вспоминал её смех и добрую, открытую улыбку, я вспоминал её любовь к людям и искренне их ненавидел за то, что она любила их, а они...

Когда я увидел, как она медленно начала падать, сердце сжалось от невыносимой боли, неизбежность снова постучалась в мою дверь, точнее, она меня и не покидала, лишь только притаилась в глубине комнаты, чтобы дать мне в последний раз насладиться счастьем, которое уходило от меня с жизнью моей

любимой. Это чувство меня душило, и я ничего не мог с этим поделать. В мою душу, как в дверь, постучались самые болезненные чувства, они накиннулись на меня и стали раздирать всё моё нутро. Я успел подбежать к Кристине, руки поймали её талию и хрупкие плечи, её мутный взгляд медленно впивался в мои полные слёз глаза.

– Я умираю...– простонала она.– Этого было не избежать...

– Не нужно так говорить.– ответил я, сжимая её в своих объятьях.– Я только поверил в то, что мы можем быть вместе, что мы по-настоящему сможем стать счастливыми! Почему всё именно так?

– Так должно было случиться, но я спасла твою жизнь и теперь могу умереть...

– Нет!– громко закричал я.

– Не печалься, мальчик мой, ты не понимаешь самого главного.

– Чего же?– с трудом выдавил я.

– Самое главное для меня- это твоя жизнь.– тихо сказала она, приложив свою холодную руку к моей щеке.– Только твоя жизнь для меня по-настоящему ценна! Всё, что я видела за свою жизнь, не стоит того, что я вижу и чувствую сейчас. Ты изменил всю мою бесконечно долгую жизнь, мне не страшно закончить её здесь и сейчас. Поверь, мне наша любовь была бы для нас двоих проклятьем, от которого мы бы страдали и погибли. Я отпускаю тебя, потому что ты будешь жить за нас двоих, и я никогда не умру. В груди всё горит, боли почти нет, всё тело слабеет, даже говорить трудно, но это ничего, пройдёт.

– Любимая, не говори так! Не уходи, не закрывай глаза!

Она лежала на земле, и я крепко сжимал её в своих объятьях, она казалась ещё меньше, чем была, тело становилось холодным, губы еле заметно тряслись, на груди через комбинезон стало проявляться большое сине-фиолетовое пятно. Кристина медленно, трясущейся рукой взяла мою руку и приложила её к своей раненой груди.

Я не сопротивлялся. Когда моя рука очутилась на её груди, то пальцы сразу же провалились во что-то мягкое и мокрое, ощущение было крайне неприятным. Её рана была горячей и пульсирующей, чувствуя всё это, меня охватил ужас. Кристина крепко, из последних сил держала мою руку на своей груди, смотря на меня своими преданными глазами, она переворачивала всё в моей душе. Я понимал, насколько ей было больно и понимал, что совершенно беспомощен перед такой нечеловеческой болью. Я и раньше пытался перенять хоть часть её боли, чтобы ангелу было хоть чуть-чуть полегче, но даже эта малая часть, которую я брал на себя, убивала меня, терпеть её было невозможно. Сейчас я не пытался почувствовать эту боль, Кристина закрылась от меня, лишь только её глаза выдавали всё, что происходило с ней. Рана пульсировала под рукой, пальцы ощущали каждый сантиметр её мягкой плоти, я старался не терять себя, старался не сойти с ума, я зажимал глаза и качался взад и вперёд.

Старик подошёл к нам, но не близко, он встал так, чтобы я не замечал его, приложив руку ко рту, он стоял неподвижно.

– Мне уже не больно, потому что перед смертью боль уходит, даёт сладостное мгновение прожить последние минуты жизни. Меня убило чувство любви, но именно этого я и хотела.

– Нет.– спокойно сказал я.– Ты просто утешаешь меня. Ведь я прекрасно понимаю, что для тебя значили твоя жизнь и твоё участие в жизни людей. Я был твоей роковой ошибкой, и как всё горестно складывается для нас! Ведь теперь мне придётся умирать всю жизнь, чтобы воссоединиться с тобой навсегда! Где бы ты ни была, я найду тебя! Знай это!

– Я знаю это, поэтому не боюсь.

Ей с трудом удавалось говорить со мной, взгляд то терялся, то фокусировался на мне. Когда Кристина расслабила свою руку, я не спеша высвободил свою и, увидев на ней её свежую кровь, впал в ещё большее отчаянье. Слёзы полились из глаз, как из фонтана вода, сдерживать их я больше не мог, душа вытекала вместе с ними. Пару слезинок упали Кристине на щёки, а одна угодила прямо в глаз. Я встрепенулся, испугался, она же медленным движением прикоснулась к щекам и улыбнулась. Улыбка её снова озарила всё вокруг, было такое ощущение, как будто она вместе со мной плакала, и мои слёзы текли из её глаз. Она смотрела на меня и молча благодарила, потом дотронулась пальцами до моей щеки и стала говорить.

– Ты даже слёзы мне подарил, о чём можно ещё мечтать? Я прошу тебя: не плачь по мне, живи и делай людям добро, помоги им, ведь кроме тебя никто не поможет. Ты последняя надежда, и твоя сила будет расти, сейчас страшно, потом будет легче, ты верь мне...– её голос дрожал.– Ты до сих пор не понимаешь своего предназначения.

Ради меня она уничтожила полчище тварей, которые шли за мной по пятам, она не побоялась сразиться с тьмой, которая всё своё могущество обрушивала веками на людей. Она побеждала и всегда была победительницей, в её распоряжении было всё голубое небо, все люди и бесконечная жизнь, которая не была властна над этим ангелом. Мурашки по всему телу бегают, когда ты понимаешь, что твоё тело соприкасается с настоящим божеством, с всемогуществом, о котором никто ничего не знает, а ведь она всегда была рядом с людьми, любила их преданно, страдала вместе с ними, а потом встретила меня и погибла...

Я не могу поверить в то, что моя жизнь хоть на маленькую часть дороже её жизни. Её холодная рука нежно трогала мою щёку, пальчиками она прикасалась к слезам, которые безутешным потоком текли из моих глаз. Душа и сердце страдали из последних сил, и слёзы из моих глаз – это их кровь, которую ничем больше не восполнить. Я был убийцей настоящего чуда, я был убийцей всемогущего ангела, который столетиями хранил верность добру и всем людям. Который своим телом защищал каждого, который рвал и метал, который не боялся ничего во имя добра и процветания. И вот появился я, избранный, который до последнего момента до конца не может осмыслить, что же ему предстоит делать на этой грешной земле, как жить самому и чем дышать, если с её смертью воздух уйдёт из моих лёгких, и я вместе с ней испарюсь, растаю?

Возможно ли верить в то, что она может переродиться? Я не могу ничего сказать и тем более подумать об этом, всё очень сложно, но если это возможно, то я буду ждать. Я не боюсь времени и не боюсь десятилетий, которые я проживу без неё. Если есть хоть один шанс, что она вернётся ко мне, я буду ждать. И пускай мои руки покроются морщинами, я поседею и постарею телом, – я буду ждать. И пускай на смертном одре, когда душа будет уходить из

моего израненного тела, пускай мой ангел придёт за мной, пускай даст мне глоток той жизни, которую я так долго ждал и о которой нескончаемо долго мечтал. Пускай её руки прикоснутся в последний раз к моей коже, пускай её глаза будут ласкать мои уставшие глаза, потрёпанные временем и морщинами. И мне не будет страшно умирать, если она будет рядом. Жить, чтобы мечтать о смерти.

Милое и любимое создание лежало на моих руках, хрипы и болезненные стоны мучали и меня. Я прижимал её к себе, беленькие ручки слабенько хватили меня за плечи, моё сознание понимало, что происходит, а вот сердце никак не хотело.

Что же это? Прощание? С кем? С любовью? На сколько? На всю жизнь? За что? Мы постепенно стали перемещаться в другое место, всё казалось настолько прекрасным, что нельзя было оторвать взгляд от голубого, огромного неба, от загадочного горизонта, от бескрайних лесов, от тихого, сладкого ветра, который трепал наши волосы. В ушах звенела тихая мелодия спокойствия и благоговения, зелёная трава ковром стелилась под нами и всюду. Я вспоминал сражение двух воинов. Конечно, многого я не видел и многое мне было не дано знать, но сердце чувствовало, что она прошла через всю боль, через всё коварство и напор, и я был частью её силы, в одно мгновение мы стали единым целым, и это помогло нам победить, помогло спасти меня от гибели, которая ждала меня за поворотом и могла быть какой угодно. Сейчас я отчётливо вижу её силу и её могущество, которые нельзя ни с чем сравнить... Она умирала на моих руках, как обычный человек, с дрожащими руками и губами. Кристина смотрела на всю эту красоту и нежно улыбалась мне своей дорогой моему сердцу улыбкой, я улыбался ей в ответ, но это было для меня тяжёлым испытанием. Как страшно хоть на секунду её отпустить, упустить какую-нибудь важную деталь, забыть, какие у неё глаза, какой запах кожи, какая белая шея и нежные губы, – разве можно всё это забыть? Нужно смотреть и смотреть, впитывая всё как губка.

Я говорил ей, что не сдамся, что всё переживу и сделаю всё, что в моих силах, я подбадривал её, пытался надеть маску спокойствия, чтобы ей не было так тяжело, смотря на меня. Но я не мог обещать всего этого себе! Всё что мог, – это существовать, так, как, наверно, люди не существуют. Умирал и я, Кристина это чувствовала.

– Забери мою душу...– тихо прошептал я ей, – чтобы я не чувствовал боли и одиночества.

– Душа с тобой, пока ты жив.– прохрипела она в ответ.

– Разве я жив?– еле слышно сказал я.– Кто я без тебя? Ведь я люблю тебя, люблю безумно, люблю больше своей жизни, люблю больше всего на свете, я это ты, без тебя я не смогу жить, без тебя я обречён на погибель!

– Ты будешь жить, потому что ты мне обещал!– строго произнесла Кристина, чуть сильнее сжимая мою руку.– Ты будешь жить, потому что моя смерть – ради тебя, пока жив ты, жива и я, пока жив ты, жива наша любовь, которую нельзя разрушить ничем, даже смертью! Ты будешь счастлив, ты будешь нужен людям, ты не будешь одинок – и значит я тоже буду счастлива и буду нужна людям, а главное – не буду одинока. Мне тяжело говорить, не хватает воздуха, в груди горит ещё сильнее.

На последних словах она стала пронзительно кричать и выгибаться. Я дер-

жал её крепко, но боялся причинить боль. Её глаза стали тускнеть, принимая какой-то мутный сероватый оттенок. Я испугался, стал хватать её за лицо, целовать щёки, она не реагировала, всё внутри неё клокотало, ещё один крик, и она затихла...

Судороги то прекращались то усиливались в десятки раз. Руки болели, я не мог сдерживать её припадков, я старался, я пытался...

Бедное тело извивалось в моих руках, глаза больше не излучали голубизны, которая сводила с ума своей неземной красотой. Океаны её больших глаз затихли, успокоились, они больше не бушевали, они больше не завораживали. Вместо них были мутные, сероватые и уставшие глаза, а где-то в глубине виднелся роковой туман, который заволакивал всё, казалось, он вырвется из глаз и сожрёт меня, вытянет мою душу. Она закрывала свои веки, я схватил её за плечи и начал трясти, чтобы она не теряла сознание и хотя бы эти мутные неживые глаза смотрели. Она слушалась меня, заставляла себя пробудиться, хватала меня за шею, сжимала свои ледяные пальчики и с трудом распахивала глаза. Иногда приступ отступал и можно было пару минут отдышаться, но когда приступ наступал, то с каждым разом всё сильнее и сильнее.

– Сил больше нет...– еле слышно прошептала Кристина.– Вот и смерть моя.

Пришли сумерки, но вдали ещё горело солнце, оно не хотело уходить за горизонт, оно боролось за свою жизнь, оно ещё висело в небе, хоть и приближалось к краю. Страшно было наблюдать за этим явлением. Кристина смотрела на солнце, разглядывала небо и потом переводила свой взгляд на меня.

– Почему ты жертвуешь собой?– спросил я, хватая её лицо в свои руки.– Где бог? Почему никто нам не поможет? Есть ли он вообще?

– Он – это всё, что окружает тебя...– на последнем издыхании сказала Кристина.– Творец живёт в тебе..

– А что окружает меня?

– Мир и знания...

Старик был рядом, он порывался взять её за руку, но никак не решался это сделать. Было видно, что он переживает и боится, смотрит на свои руки и находит их грязными, смотрит на белоснежные ручки девушки и тихо вздыхает. Мне его тоже было жалко, человек, не имеющий никакого отношения к этой битве, пострадал больше меня, изуродованное лицо навсегда останется в моей памяти как воспоминание о случившемся. Я понимал, что этого человека я от себя не смогу отпустить, с ним мне будет легко, и тем более он единственный из людей, кто знал Кристину на этой земле. Эта незаметная ниточка, которая между нами, согревала меня, я не был так одинок, со мной был этот бродяга.

Старик всё время молчал, как будто он был деревом. Лишь только смотрел и не мог поверить в происходящее. Ему было так же, как и мне, тяжело, и на душе висел огромный груз, который не давал покоя, который выедал нутро и выгрызал всё счастье, за которое мы, люди, так привыкли держаться, мы так легко теряем его, что не успеваем впитать это счастье до последней капли.

Этот период в моей жизни – для меня ценный урок, такой урок, о котором забыть никогда не придётся. Миг моего счастья улетел от меня на всех ветрах, оставив мне взамен лишь капли слёз отчаянья и боли. Привыкаю ли я к своему горю? Наверно да, иначе как мне жить? Смириться со своей незавидной участью мне просто необходимо во имя моей любви, которая, как и это солнце, исчезает от меня, оставляя после себя лишь лёгкий след.

Кристина начинала светиться приятным, неярким светом. Её тело было покрыто серебряными капельками, они светились и заворачивали мой взгляд. Кристина была прекрасна, несмотря на то, что её глаза мутнели и силы её совсем оставили. Она лежала на моих руках, правая нога была согнута, левая была вытянута и пальчики ноги касались травы, которая щекотала их, но она не чувствовала зелень под ногами, и не ощущала моих тёплых рук. Мир для неё становился чем-то чужим, чем-то настолько далёким, что она сама пугалась этого, её сердце разрывалось в груди, трещало по швам и обливалось кровью, медленная и мучительная смерть ждала её рядом с любимой природой, которую она так сильно всегда любила. Снова стали слышны тяжёлые хрипы, тоненькая, но заметная струйка голубой крови вырвалась из её рта, окрасив зубы. Маленький ручеёк потёк по щеке, глаза медленно стали закрываться, я приложил свою руку к её груди и стал слушать, пытался что-то почувствовать, но всё было тщетно. Тишина поражала моё сознание, я не слышал ничего, кроме этой пугающей пустоты, я не слышал биения сердца, я не чувствовал её души...

– Прошу тебя, в последний раз взгляни на меня, не уходи...– стал выжимать я из себя утробные стоны, которые давались мне с огромным трудом.

– Поцелуй меня...– прохрипела она, с трудом открывая свои глаза.– Поцелуй меня как человека, дай насладиться этим божественным мгновением...

– Ведь ты сразу же умрёшь!– воскликнул я.

– Я уже умираю, но хочу этого.

Её голос не был похож на тот, который я привык слышать. Как будто со мной разговаривала совершенно другая Кристина, в её голосе не было той красоты, которая завлекала с первых же букв. Не было той особенной красоты, которая принадлежала только ангелу, высшему существу.

Я понимал, что любил всё, что связывало меня с ней. Её внешность, её ангельскую душу, которую человеку познать и постичь нельзя, я любил все её тайны, я любил её загадку, я любил её спокойствие и безгранично доброе сердце, которое излучало всегда только счастье и самое хорошее. Я любил её человечность, которая была в огромном количестве, я любил это небесное творение и не было ничего и никого прекрасней и удивительней на всём белом свете, кроме неё.

Я понимал, что этот роковой поцелуй сразу же заберёт у меня её, что те оставшиеся минуты, которые ещё пока нам отведены, исчезнут, и я, подняв голову, увижу мёртвое лицо, искажённое болью. Но ни об этом ли я мечтал с самых первых минут нашего знакомства? Поцеловать её губы для меня было чем-то за гранью разумного, всё, что я мог, это работать со своим воображением, представлять и радоваться только этому. Её бледные губы, испачканные кровью, не пугали меня, её опустошённые глаза не отталкивали меня, я любил её, я любил её боль.

Разделять с ней все горести было моим желанием, идти с ней бок о бок было моей мечтой. Как странно, что всё так быстро заканчивается и рушится. Строим жизнь так долго и так кропотливо, кирпичик за кирпичиком, шажочек за шажочком, год за годом. А когда приходит конец, он как ураган всё разрушает на своём пути с невероятной силой и мощью, не оставляя никаких шансов на выживание. Этот конец уничтожает всё, не щадит никого, как змея кусает и душит, и все твои старания проваливаются в огромную пропасть, из

которой никто и никогда не выбирался. Построить заново то, что строилось годами, практически невозможно, ты начинаешь жить на руинах своей прошлой, счастливой жизни и довольствуешься этим. Принимаешь жизнь такой, какая она есть, и больше не ждёшь от неё подарков, к которым привык и которые раньше получал регулярно. Можно лишиться всего так быстро и сразу, что иной раз не всегда понимаешь, а что, собственно, случилось?

А случается самая настоящая неизбежность, которая и разрушает в людях людей, эта неизбежность – огромный червь, выедающий сердца и выплёвывавший их чёрными и не пригодными для жизни. Люди стали заложниками этой неизбежности, этого тупика, из которого нельзя выбраться, это всё равно, что стоять на обрыве и смотреть вниз, где бушует река, пенится и зовёт тебя к себе. И ты летишь в неё, потому что другого пути просто не находишь. Так же и я, моя неизбежность пришла ко мне, хотя долго и упорно меня мучала надеждами и мечтами о том, что всё будет чуть лучше, чем есть сейчас.

Тьма жива, с поджатым хвостом она живёт и выполняет то, что велено выполнять, но она жива, и что впереди? Что если я не справлюсь, придёт тьма и снова начнётся хаос, который приведёт человеческий мир к концу света. Я неизбежно должен привести людей к самому началу, туда, где не будет никогда того, что происходит сейчас, то, о чём говорить и думать тяжело. Я должен увести людей с обрыва, должен сорвать лживые повязки с их глаз, должен сотворить чудо. А если уж не получится, тогда я уступлю место тьме, у которой уже не будет равного врага. И если бог это целый мир, тогда я говорю этому миру, что я выполню своё предназначение, но с одним условием: что Кристина не упокоится в глубинах океана, пускай её душа войдёт в круговорот Вселенной, пускай она так же, как и все, станет частью мира, а если можно, станет человеком и вернётся ко мне.

Просить такое было тяжело, Кристина понимала меня, хотела возразить, но не могла, губы почти не шевелились, в конце концов она улыбнулась мне и протянула к губам два пальчика, прикоснувшись ко мне, она закрыла глаза, потом открыла. Увидев снова мои слёзы на глазах, она дотронулась до них и прислонила к своим губам. Они стали мокрыми, Кристина не спеша облизнула их, тяжело сглотнула и встревожено посмотрела в мои глаза.

– Странно, но я не чувствую больше боли, тело стало как будто невесомым, я как будто парю в воздухе и ты рядом. В груди больше не болит, я не чувствую там ничего, только лёгкий и приятный холодок. Такое ощущение, что у меня больше нет крыльев, я не чувствую их, они исчезли, странно.

– Я боюсь...

– Не бойся.

Вокруг нас всё менялось. Вначале был светлый, приятный день, теперь же мы встречали кровавый закат, который увлакивал за собой солнце, которое до последнего сопротивлялось и не хотело умирать. В отличие от него, Кристина никогда не проснётся, и завтра для неё никогда не наступит.

Воздух становился тяжёлым, при вздохе всё в груди сжималось и было очень неприятно. Как будто образовалась воронка, которая затягивала всё в себя, в том числе солнце и воздух. Кристина пристально смотрела на меня, иногда улыбалась, а иногда спокойно смотрела. Тяжело было думать о чём-то другом, мыслей в голове совсем не было.

– Не бойся со мной расстаться, мне уже пора.

Я не хотел слышать прощальных слов, мысль о том, что всё кончено, просто убивала меня. Жизнь становилась серой и пугала своей неизвестностью, мне не хотелось больше ничего слушать, просто быть рядом с ней, держать её за руку и никогда не отпускать.

– Не нужно со мной прощаться, я не готов. – укоризненно ответил я.

– Поцелуй меня...

Я боялся дотронуться до её губ, а может, ничего не случится? Может, поцелуй это исцеление? Думал я о многом, и каждая новая мысль была бредовой предыдущей.

Я то порывался прикоснуться к её холодным губам, то как ошпаренный опрокидывал голову назад и зажмурился глазами. Я понимал, что время уже пришло, оно толкало меня в спину своей сухой рукой, давая пару минут, чтобы проститься и в последний раз почувствовать сладкий вкус любви, который я потеряю навсегда. Это чувство прожило со мной так мало времени, любовь выросла в меня, и теперь её вытягивают из меня клешнями, внутри всё рвётся и кровоточит. Я не уверен, что с такими ранами я вообще проживу хоть сколько-нибудь, но нужно было стараться, преодолевая боль и душевное горе, которые теперь стали для меня родными.

Мы теперь одно целое, которое нельзя разделить. Я не переставая чувствую боль, тело уже не понимает, что болит и где, она просто есть, она живёт во мне, и это моё проклятье. Этим я плачу за свой дар, который я не просил, который каким-то странным образом родился во мне, в обычном парнишке, который не отличается ничем от других людей. Разве я желал такой судьбы? Быть постоянно на грани безумия и понимать, что это безумие будет всегда во мне, до последних моих дней. Я знал, какая ждёт меня жизнь в дальнейшем, она была незавидной, такую жизнь нельзя было пожелать и самому злейшему врагу. Вынести то, что выносил я, с трудом кому-либо удастся, это надо быть супер-человеком. Я не возвышаю себя, и тем более не делаюсь особенным, многим людям живётся не сладко и, как никто другой, я это знаю. Но разве человек может вытерпеть столько боли, сколько терплю я? Ежедневные эмоции людей, как кинжалы, врезаются мне в сердце, разве кто-то может, как я? Я не живу своей жизнью, я даже не знаю, что вообще люблю, а что нет. Когда в последний раз я ходил куда-нибудь развлечься? Только одна сплошная помощь с моей стороны и боль, которая постоянно со мной, как шлейф у невесты, которая нескончаемо долго идёт к алтарю.

Может, когда-нибудь я дойду до пика развития, стану мудрецом, просветлённым человеком, стану ходить по воде и летать, как птица, но чего мне это будет стоить? Какие жертвы я уже приношу во благо неизвестности? Сначала потерял мать, за ней теряю любовь, дальше что? Что ещё я должен потерять? Чего ещё должен лишиться навсегда? В одно мгновение я ненавижу людей, в другое – люблю, вспоминая обещание, данное Кристине. Но как можно выполнять то, к чему у тебя отвращение? Почему я не могу просто любить и быть любимым, жить в своём мире, не думая о других. Почему я не могу стать талантливым архитектором, создать город будущего, жениться и стать отцом? Почему я не могу состариться вместе с любимым человеком и встретить смерть, держась за руки? Почему я не могу увидеть первые шаги детей и почему Кристина не может стать их матерью?

Тяжело сдерживаться и ещё тяжелее понимать то, что мои мечты так и

останутся мечтами, которые со временем заплесневеют и покроются толстым слоем пыли. Я смотрю на губы Кристины и думаю, сколько людей сейчас могут поцеловать любимого человека? Просто так, без боли и преград? И сколько людей делают это совершенно наплевательски, просто так, чисто от скуки! Сколько людей могут в любую минуту поцеловать кого угодно и когда угодно! И что могу я? Для меня поцелуй с Кристиной нечто просто невообразимое, что-то сокровенное, даже святое.

Самые обычные и простые вещи для меня недостижимое счастье. Быть с любимым человеком, каждый день слышать его голос и знать, что он будет всегда с тобой рядом, заслонит тебя своим плечом, отдаст свою жизнь за тебя, сильно и искренне любя все твои пороки и недостатки. Как легко всё это окружение ежедневно бросается всем этим, как ненужной тряпкой, они размениваются, путают настоящую жизнь с медленно убивающим сном. Почему люди начинают понимать смысл своих поступков и уроки жизни только после какого-нибудь потрясения или потери, почему нельзя дорожить и жить в мире, жить с самим собой, никому не принадлежать и строить свою судьбу под покровительством Вселенной. Как бы я хотел иметь хоть часть того, что имеют люди, это богатство, которое они не ценят, это сокровище, которое так легко потерять, и потерять можно безвозвратно. Кристина бы тоже за малую долю сокровищ, отдала бы всю себя, без остатка. Она пожертвовала бы многим ради того, чтобы прикоснуться к вечному, к любви, к пониманию, к диалогу самим с собой. И что самое страшное, люди умеют прикоснуться к всему этому, люди могут понять, но осознать это самостоятельно у них не получается, нужна помощь. Я не знаю, что я буду делать и как, но я в глубине души завидовал им всем. Они имеют то, что никогда не буду иметь я – такой же обычный человек.

Старик смотрел на меня, и его немое присутствие меня успокаивало. Я был ему благодарен за эту тишину, не знаю, что бы было, если б он говорил что-нибудь, утешал меня, шутил как-нибудь. В его молчании была скорбь, которую я чувствовал, все его чувства были настоящими. Старик знал ангела, он смотрел на Кристину и как будто прощался с родным человеком, это было равносильно тому, что он провожал в последний путь свою дочь. Конечно, мне была интересна история их знакомства, но сейчас я ничего не хотел знать, и если бы мне стали хоть что-нибудь рассказывать, я бы, наверно, ничего не понял. Кристина только иногда поглядывала на старика, вспоминая, что он рядом. Она смотрела на него ласково и свободно, перед ней сидели два человека, и они оплакивали её.

Теперь я на своей шкуре понял, что такое смерть родного человека, любимого человека. Это нестерпимая боль, которая с годами или притупляется, или ноет не переставая. Нет ничего страшней потерять то, что дороже всего, мучительно думать о том, что теперь тебе придётся доживать свои дни в одиночестве. Многие люди находят после утраты любимых новый смысл жизни, даже находят новую любовь, которая даёт второе дыхание и облегчает жизнь. В их число, к сожалению, я не попадаю, так как прекрасно понимаю, что моя любовь была и жила только в Кристине, и с её смертью умрёт и свет любви...

Я много раз чувствовал, ощущал всем телом и душой потери людей. Это было страшно, и много дней я ходил в скорби и печали, но это немножко другое, все эти эмоции и чувства не были моими. Сейчас же, когда я теряю Кристину,

я переживаю своё собственное горе, и оно в десятки раз больше, чем людские потери неизвестных мне людей. Та душевная боль, которую я привык испытывать, ничего не стоит перед той болью, которую я испытываю в данный момент.

Но люди всё равно умудряются жить, что бы ни происходило в их жизни. Находят смысл в других делах и людях, находят счастье, которое, казалось бы, никогда не постучится в дверь. Люди продолжают жить, что бы ни происходило, и за это им всем нужно сказать спасибо. Ведь самое лёгкое, что может сделать любой человек, это просто сдаться и ничего не менять в своей жизни, закрыться в квартире и лет двадцать жить там не видя белого света, а потом, когда начинаешь шевелиться, начинаешь чего-то хотеть, то понимаешь, что уже поздно, что ты овощ, что всё внутри тебя уже давно атрофировалось. А те люди, которые несмотря ни на что продолжают жить, находят в себе силы, находят поддержку, они точно не станут овощами.

К кому отношусь я? Трудно сказать, ведь я ещё до конца не могу принять гибель Кристины. Сдаться мне никак нельзя, но и жить счастливо я уже не сумею. Придётся искать золотую середину, придётся выстраивать новую жизнь, но совершенно не такую, какую бы мне хотелось...

На небе стали появляться первые звёзды, над нами они висели, как яркие люстры, таких огромных светил я ещё никогда не видел. Тёмно-синее небо стало нашей крышей, млечные пути постепенно появлялись то там, то здесь. Ощущения были необыкновенными, любуясь этой красотой, ты на мгновение забываешь о всех своих проблемах, ты просто наслаждаешься чем-то необъяснимым. Посмотрев на Кристину, я увидел личико безмерно страдающего существа, да, тело человека, красота женская, но душа ангела была в сотни раз прекрасней всего этого. Она излучала теплоту, вокруг неё было слабое серебряное сияние, кожа её блестела, но не так ярко, как раньше. Кристина ждала моего поцелуя, я понимал, что она хотела насладиться запретным плодом перед смертью. Я понимал, что это её желание, которое она хотела осуществить многие-многие столетия. Но внутри меня что-то сопротивлялось, я не мог дать ей этот плод, так как мой поцелуй стал бы для неё поцелуем смерти.

Одна мысль о том, что мой поцелуй заберёт у неё жизнь, приводил меня в ужас. Но я мог опоздать, она умирала и могла умереть, так и не почувствовав то, о чём так долго мечтала, и я окажусь виноватым. Я прикоснулся к её уставшему лицу, медленно наклонил к нему своё и застыл.

Застыл, потому что почувствовал нечеловеческое влечение с её и со своей стороны. Внутри меня всё задрожало, и Кристина тряслась как осиновый лист. Я никогда раньше не был так близок с ней, как сейчас, в душе разливалось тепло, но за него я платил всем, что у меня есть.

Меня влекло к ней, это чувство пугало меня. Я не мог контролировать себя, я не мог сдерживать свои эмоции. Когда я уже дотронулся своим носом до её носа, глаза сами по себе стали закрываться, а когда мои губы встретились с её холодными, влажными губами, я утонул в блаженстве.

Наверно, это было больше похоже на разряд током, прямо мне в сердце. Прикоснувшись к её губам, я почувствовал, как мир вокруг меня поднялся ввысь и с быстрой скоростью упал. Всё внутри меня перевернулось, почувствовав её тёплое дыхание, я не мог оторваться от него. Рука запуталась в её волосах, влажность губ и прохлада ласкали мои губы. С чем можно сравнить

это? Я не мог даже предположить, что может быть слаще и дороже этого поцелуя! Наверно, я недостойн этого счастья, если бы мой ангел остался со мной, я был бы самым счастливым человеком на всём белом свете, и моё счастье перекрывало бы всё, что творилось бы вокруг меня.

Счастье бы мне мешало делать то, что я должен делать. Поэтому мне суждено быть несчастным, поэтому я не могу насладиться во второй и в десятый раз её сладкими губами, её вкусным запахом, её родным теплом.

Когда я поцеловал её, мои глаза не осмелился посмотреть на неё. Прижав губы к её холодному лбу, я не слышал от неё ни звука, воздух, который циркулировал в ноздрях, не выходил и не щекотал мою кожу. Когда я почувствовал, как медленно её рука сползает с моего плеча и как она с глухим стуком упала на траву, моё сердце умерло вместе с ней.

Несмотря на то, что была уже ночь и вместо пары звёзд на нас смотрели миллионы, было светло. Я отчётливо видел всё вокруг, в том числе и старика, который пытался сдержать плач, он старался, но я всё равно его слышал.

Мне было безумно страшно посмотреть в лицо ангела, я боялся увидеть то, что просто не смогу перенести. Я сжимал её тело, оно было тихое и спокойное, чудеса ушли вместе с ней, теперь по свету я буду бродить один, теперь одиночество накроет меня с головой и не отпустит. Мне не суждено быть счастливым, я родился только для того, чтобы давать счастье другим, чтобы люди жили и я был для них началом. Почему всё так несправедливо?

Мне были безразличны эти философские вопросы, которые актуальны и по сей день. Мне даже стало всё равно на свою жизнь, перед глазами стояла серость, и через неё пробивался знакомый и любимый силуэт. Теперь только он будет вести меня по жизни, только в моей памяти будет жить любовь, только мои воспоминания будут греть меня холодными, одинокими ночами. И этот поцелуй, который я буду ощущать на своих губах вечно.

Слабое прикосновение старика пробудило меня. Он дотронулся до моей руки, взглянул на меня глазами полными печали и скорби. Старик смотрел ей в лицо, а я не мог, я боялся, что в моей памяти останется последнее, что я видел вместо того, что я видел раньше. Я боялся, что её мёртвое лицо навсегда останется в моей памяти, и я всегда буду помнить его. Это воспоминание будет перекрывать другие, где мы были счастливы, где её ласковая, добрая улыбка согревала меня, как тёплый шарф.

– Она исчезает..– прохрипел старик, понимая, что это для меня удар.

Я боялся, что она исчезнет, и я буду держать всего лишь воздух. Я собрался с силами, с последними силами, которые ещё жили в моём теле, и взглянул на неё. Маленькие серебряные крапинки освещали её лицо, глаза были закрыты, рот чуть приоткрыт. Выражение её лица было спокойным и счастливым, она как будто спала, и ей снился хороший сон, и казалось, что она вот-вот проснётся и расскажет сюжет своего сна, будет смеяться и обнимать меня. Лицо её больше не дышало, оно не излучало тепло, всё было мертвенно спокойным.

Я вдруг начал завидовать тьме, начал завидовать безумно, жадно и враждебно. Почему её нельзя уничтожить? Нарушится баланс? А вообще – есть ли этот баланс? Люди, что настолько глупы, что сами себя вводят в хаос? Разве я должен помогать таким уродам? Злостью я захлёбывался, чувствовал, как лицо моё стало багровым. Почему я стал причиной гибели Кристины... С такими

ранами и с такой слабостью она всё равно умудрилась победить, а передо мной не смогла. Я стал ненавидеть и себя тоже, злость разливалась по всему телу.

– Не нужно злиться, по крайней мере сейчас.

Старик был прав. Да и толку, что я злюсь? Многие вещи мне не подвластны, и если должно было так случиться, значит, так и будет, и я ничего не смогу поделаться. Игры между небом и преисподней были мне не понятны, и, наверно, человек в принципе не может понять этот другой мир, который таит в себе так много загадок.

Глава 27. Здравствуй реальность.

Ангел медленно исчезал. Она становилась прозрачной, и я уже не чувствовал её тела. Я не думал, что будет так невыносимо проживать с ней последние секунды. Что значило для меня держать ангела на своих руках? Это невозможно было описать, передать словами, и когда Кристина полностью исчезла, то я погрузился в темноту, из которой меня вытащил старик.

Мы очутились в моём дворе, по всей вероятности, было раннее утро. Я и уставший человек сидели на лавочке. В эту минуту мы не были похожи на людей. Сидели просто две тени, которые не понимали, что происходит и где они...

Оглядевшись вокруг, я понял, что это мой двор, я видел свой балкон, все спали. На своей бежевой кофте я увидел небольшие три капли крови синего цвета, я сразу понял, чья эта кровь, я закрыл их рукой и сжал кофту. То, что случилось со мной за эти последние часы, было настолько тяжёлым, что я ничего не хотел вспоминать.

Жалко, что я постоянно просил Кристину, чтобы она не забирала у меня воспоминания, связанные с ней. Лучше бы мне стёрли память и лучше бы я ничего из её вещей не хранил, быстрее бы всё забылось. Тогда я бы просто жил уже с долгом и с целями, которые сейчас приобрёл, но без ощущения того, что я умер тоже.

Конечно, я понимаю, что так говорить и думать нельзя. То, что я помню Кристину, для меня лучшая награда, память моя цела, никто в неё не запускал свои длинные, ловкие руки и не поправлял ниточки и шурупчики. Интересно, помнит ли хоть что-нибудь мой новый друг? Этот человек годится мне в деды, в его присутствии я чувствую некую мудрость, выслугу лет, некий жизненный опыт, из которого я могу для себя что-нибудь почерпнуть.

– Ты как, парнишка?– тихо спросил старик.– Холодновато что-то.

– А ты как?– тоже спросил я, не ответив на его вопрос.

– Да что я? Залижу раны, и вперёд!

Его ответ был неправдой. Я почувствовал это, он был передо мной как на ладони. Не могу объяснить, но я стал чувствовать всё намного глубже и сильнее, как будто прошло лет пять и за это время я усердно учился и познавал.

– Как ты познакомился с ангелом?– спросил я, чтобы хоть как-то разговариваться после долгого молчания.

– Когда ты познакомился, тогда и я, дело было около кафе! Познакомились мы поздним вечером, а впервые я её увидел с тобой! Помнишь летний день, после дождя? Вот-вот! Она, братец, помогала мне, прочувствовала моё положение, часто подбадривала, отгоняла от меня разную нечисть. Сжалилось надо

мною божье создание! Она тогда, помню, очень удивилась, что я её вижу, это белое, невинное создание...

– Почему ты ей стал интересен?

– А что? Я стал интересен только из-за жалости и любопытства! Ведь сколько можно жить, страдая? Я же тебе говорил, иной раз волком готов был выть, лишь бы умереть! А что это ты спрашиваешь?

– А о чём нам говорить? О том, как Кристина умерла на моих руках и как я молча на это смотрел?

– А хоть и об этом! Чего греха таить? Тем более поговорить-то надо!– старик подсел ко мне поближе, видно было, что лицо его стало спокойным, он медленно, но верно приходил в себя.– Послушай, парнишка! Я ведь с ней тоже тяжело расставался, она мне дочь заменила, хоть и ненадолго. Душа у неё действительно ангельская, не бросила меня, сжалась. Удивлялась моим видениям, говорила, что я тоже особенный, даже моментами изучала меня, был я ей интересен! Да и она мне тоже, если честно! Вот тебя потом встретил, такого же чудного, да и жизнь моя теперь не такая серая, покуда ты в ней! А ангелу твоему было суждено умереть, это точно!

Хотел я треснуть ему как следует за последние слова, но сил совсем не было, я лишь одарил его ненавидящим взглядом. Он, увидев мою реакцию, тихо вздохнул, положил руки на колени и стал их рассматривать.

– Вот прожил жизнь, а толк в ней какой? Казалось бы, что может случиться с ангелом? А вот на тебе, случилось! Что уж говорить про нас, людишек? Умирают все, и мой час не за горами, видишь какой кашель?

– Вылечу я тебя, старик.– решительно ответил я.

– Это ты загнул! Что, правда можешь? Этот кашель мучает меня много лет, и так просто он исчезнет?– удивлённо спрашивал он.

– Я мачеху свою от рака вылечил, и тебя тоже вылечу.

– Тогда, братец, ты просто чудо!– воскликнул старик.

– Толку?– сухо ответил я.

– Это ты прав.– согласился он.– Вот тут ты живёшь? Ничего так домик, богатынько!– воскликнул старик, разглядывая дома и двор, в котором мы сидели.

– Обычный дом, ты в своей нищете давно уже потерялся, тебе и шалаш будет казаться замком!– возразил я.

– А ты чего кипяتيشься? Ну даже если и так, дай порадоваться!

– Радуйся на здоровье.

– Вижу, тяжело тебе, – спокойно сказал старик.– Ты прости меня, дурака, не знаю что сказать тебе, как утешить! Хорошая она была? Это, бесспорно, так! Необычная, ну это ты и сам видел! Чего-то нового про неё сказать не могу, сам всё знаешь, мучилась бедняжка, да и померла как-то странно.

– Почему странно?

– Когда ты её поцеловал, взгляд у неё был странный какой-то, я не понял его! То ли радовалась, то ли сожалела, непонятно! Глаз от тебя не отводила, слезам твоим радовалась, думала о чём-то! Я-то многое видел, был-то рядом!

– Я стойко держался?– еле слышно спросил я.

– Ты? Да чего спрашиваешь? Ты был молодец!

Закрыть бы сейчас глаза, да и не открыть их больше. Голова раскальвалась на части, в горле всё пересохло, ужасно хотелось сделать глоток воды. Я разжал руку, которая сжимала кофту, где были капли крови, посмотрев на них, я

тихо вздохнул, сглотнул и отвернулся.

– Ты куда?– с хрипотцой в голосе спросил я старика, уходившего от меня.

– Тебе сейчас одному надо побыть, в себя прейти, помыться, поесть! Я вот умираю с голоду, пойду поем где-нибудь, потом свидимся, не горюй парнишка.

Не успел я возразить, как старик пропал, быстро ушёл, завернув за угол. Его стойкости я мог только позавидовать, я не считал себя тряпкой, но его выдержка и спокойствие вызывали у меня чувство нескончаемого уважения.

Люди стали появляться на улице. Как муравьи закопошились, все спешили кто куда. Кому нужно было попасть на работу, кому в школу, в университет, а кому через дорогу, в детский садик. Я поднялся домой, дверь открыла взволнованная Ольга Викторовна, она долго пыталась что-то мне сказать, выпрашивала назойливо, махала перед моим лицом руками, но я ничего не понимал. Потом подключился отец и увёл мачеху в другую комнату, где она стала громко рыдать. Я никогда раньше не видел её в таком состоянии, возможно, за моё отсутствие что-то случилось? Когда я увидел себя в зеркале, то оцепенел. Вид у меня был как у потрёпанной собаки, губы обветренные, глаза красные и большие фиолетовые синяки под ними. Я был похож на наркомана, у которого началась ломка и ему негде было приобрести спасительную дозу.

Отец не доставал меня расспросами. Пол дня я провалялся в постели, есть перехотелось, еда вызывала отвращение. На вопрос, где я был, я ничего не отвечал. Нужно ли что-нибудь снова придумывать? Пускай моё молчание будет моим ответом.

Глава 28. Вернись ко мне.

Я знал, как ей было тяжело любить меня... И она знала, как мне было тяжело любить её... Мы были обречены на смерть, нашей любви не дано было стать чем-то неземным, чем-то совершенно другим, не похожим на любовь, которая обитает на земле. Я знал, как ей было тяжело знать, что она погибнет, и с этим ничего нельзя поделать, это нельзя изменить или хотя бы на крайний случай попытаться хоть какую-то долю бед отодвинуть в сторону. Тем самым у нас бы появилось больше времени, это бы означало, что и лишний день – наш совместный день – был бы равносителен целой бесконечной жизни! С ней я научился жить в гармонии с собой, я знаю, кто я и зачем здесь, без неё я потерял радость и жизнь, мир для меня окрасился в некрасивые и дождливые тона, я знал, что так нельзя мне видеть его, что я должен проектировать совершенно другое. Но этот серый мир был только моим, он был только для меня, люди не видели меня, для них я творил нечто прекрасное и невероятное, и сложно было бы кому-нибудь сказать, что в моём мире, в моём сознании и душе нет этой невероятности, есть только непрекращающиеся дожди, эти дожди – мои слёзы, и каждую каплю я роняю с болью и утратой настолько сильной, что сравнить её нельзя ни с чем.

Я знал, как нам было обоим тяжело друг друга отпустить... В минуты полного одиночества, в минуты полной тишины, от которой в ушах звенит, я находил в своей голове те воспоминания, которые пробуждали во мне силы и уверенность, и все эти воспоминания, которые были дороже всего на свете, были связаны с моим ангелом. Как будто других воспоминаний никогда не существовало, не было ни детства, ни школы, ни каких-то интересных моментов.

тов, всё было связано лишь только с Кристиной, с её образом, запахом и голосом. Вытаскивая на поверхность её образ и огромные, нечеловечески красивые глаза, я стараюсь оживить её, дотронуться рукой, улыбнуться ей... Но этот образ и огромные глаза исчезают, растворяются, как только я хочу прикоснуться к ним. Только вещи, которые остались после неё, заряжали меня, но они давали мне не тот заряд энергии, при котором я должен бегать как батарейка и спасать по триста человек в день. Я получаю совершенно другую энергию, которую, если честно, меньше всего мне бы хотелось получать. Но я не мог жить без этих вещей, не мог не дотронуться до своей кофты, на которой были её капли крови, я не мог не прочитать её письма, снова и снова теребя их в руках. Они были настолько уже затёрты, что я начинал бояться, что скоро они просто превратятся в песок, и поэтому, преодолевая ломку, я стал намного реже читать их и держать в своих руках.

Я знал, что мне стоило и что стоило ей понять и принять мой дар. Ведь если бы не Кристина, я бы скорее всего не разобрался бы в себе и так и остался бы в неведении. Благодаря её словам, стараниям и поддержке сейчас мне уже намного легче, я могу контролировать любой процесс в своём организме, я могу не бояться долгих и тёмных ночей, так как кошмары стали для меня воспоминаниями из прошлого. Но все те кошмары, которые преследовали меня раньше, не сравнятся с тем кошмаром, который я испытал тогда, прохладным, осенним днём... Почти каждую ночь мне снится сон, и в этом сне ангел умирает на моих руках, каждый раз проживать одну и ту же боль было невыносимо, и иногда мне просто хотелось запустить постороннюю боль, чтобы не чувствовать свою, которая жила во мне, текла по моим венам. Но я не мог отказаться от своей боли, я не мог убежать от неё или закрыться в чёрном чулане где она точно бы меня не нашла. Ведь та боль, которая во мне живёт, несёт маленькую частичку души Кристины, и выбросить её из себя я не мог, даже если жить уже было бы невыносимо.

Я знал, что прошёл уже почти год с того самого дня. Много в моей жизни изменилось, поменялось кардинально. С родными отношения были хорошие, от людей я не старался прятаться, постепенно в моей душе зрело к ним правильное тепло. Я чувствовал, как совершенствовался, как понимал жизнь с правильной стороны, я искал истину, задавал вопрос и получал ответ. Моя жизнь была не так сложна, как казалась мне раньше. Мой дар не утяжелял и не причинял уже лишних хлопот, я даже моментами представлял себя обычным человеком. Но как я ни старался удерживать это представление в голове, у меня это получалось ненадолго. Те люди, которым я помогал, были мне благодарны без памяти, к ним я мог всегда обратиться с чем угодно, и они с радостью могли мне помочь, среди них я находил хороших знакомых и людей, которые мне были симпатичны. Прошёл только год, а я уже ощущал, как начинаю делать то, что должен делать. Пускай это маленький круг людей, пускай это пока знакомые, друзья знакомых, знакомые знакомых, но это уже прогресс, это уже хоть что-то. Идти дальше, уже прибавляя шаг, было немного страшновато, без поддержки ангела я иногда терялся, но нужно было идти дальше, нужно было жить во имя людей, которых она очень сильно любила и которые для меня становились не посторонними.

Сегодня я зашёл в кафе... В то самое кафе, где впервые мы познакомились... До этого момента я сюда не приходил, было тяжело, но сегодня я пришёл...

Мало что изменилось здесь. Правда, в помещении стало больше света, столы были застелены фиолетовыми скатертями и меню немного расширили, но ещё каких-то видимых изменений я не наблюдал. Люди и персонал кафе сегодня и в эту минуту меня не интересовали, я сел возле окна, заказал стакан воды и молча стал смотреть на небо, которое разносило с собой раскаты грома. Я любил этот звук, он успокаивал меня.

Через пару минут полил ливень, молнии разносились по всему небосводу, одна была ярче другой. Девушка, сидевшая за соседним столиком, тихо взвизгнула и очень застеснялась своего спонтанного действия, молодой человек, сидевший рядом с ней, ласково посмотрел на неё, ему понравилось то, что сейчас произошло. Они были счастливы, и их ждала долгая и счастливая жизнь, та жизнь, о которой мы мечтали вместе с ангелом. Я сделал маленький глоток воды и аккуратно поставил стакан на салфетку, я стал всматриваться в воду, она крутила и путала мои мысли. Сжав в руках стакан, я как будто погрузился весь в него, за окном лил дождь, он барабанил по подоконнику, напевая старую песню, которую мне хотелось сегодня слышать. Эти капли принесли с собой прошлые воспоминания, я чувствовал это, и от этого становилось как-то странно. Но в один момент я перестал что либо слышать, кроме песни дождя, и я перестал что либо видеть, кроме воды в стакане. Внутри меня всё кипело, голова накаливалась, я как будто сидел на сковородке, меня что-то сильно тревожило. Я старался не выдавать себя, но это получалось с огромным трудом, такого странного состояния я не испытывал уже давно, и вот снова, как первоклассник, я должен понимать, откуда и почему со мной происходит то, что сейчас происходит? Сказать, что это чья-то боль, я не мог. Физически у меня ничего не болело. Душа? Возможно! Но что-то мне подсказывало, что та боль, которая назревала в моей голове и сердце, не была человеческой. Мне стало не хватать воздуха, было такое ощущение, как будто меня погрузили с головой в ванну, на лбу появились капельки пота, кто-то из рядом сидящих стали замечать моё странное и подозрительное состояние. Чтобы уж совсем не стать объектом для разговоров, я быстро кинул на стол деньги и вышел на улицу. Стоя под козырьком, я стал вдыхать прохладный, дождливый воздух, он начал проникать в мой организм, и все мои клеточки, как сумасшедшие моторчики, заработали и понесли к лёгким тот кислород, который мне был просто необходим.

Невозможно было ни о чём думать, кроме того, что со мной сейчас происходит. Мысли покинули меня, и в голове было только одно – это дождь, который своими тонкими и острыми стрелами рвал землю на части. И этот дождь мне был родным, он нёс с собой тот запах, который давно уже стал для меня чем-то божественным, чем-то настолько дорогим, что описать словами это было просто невозможно. Ноги стали неметь, и чтобы не упасть, я решил пробежаться под дождём, считая, что он отрезвит меня. Выскочив один на один с этой природной стихией, я не почувствовал его хлёстких ударов, сегодня он был ласковый и спокойный, несмотря на то, что сидя в помещении дождь казался свирепым животным, который ожидал свою очередную жертву. Он ожидал людей, которые попадутся ему в лапы и из которых он высосет всё, что мешает им жить полноценно, дождь чистит людей, омывает их грязные чресла и забирает плохое с собой. Но как только я попал в эти самые лапы, ничего особенного я не почувствовал, он был самым обычным дождём, его капли, со-

прикасаясь с телом, не делали мне больно, не ругали меня за что-то и не карали за дело. Сегодня дождь меня обволакивал, как заботливый родитель, и несмотря на то что я вымок весь до нитки, мне не хотелось спрятаться от него в тёплом и укромном местечке, мне хотелось быть вместе с ним. Как странно было ощущать покой и как было удивительно почувствовать в себе тишину и состояние, при котором боль не приносит тебе страданий, и даже моментами она становится необходима. Может, это было уже помешательство и я готовился к тому, чтобы навсегда распрощаться с разумом, или это был очередной урок, который я должен был выучить.

Я шёл достаточно быстро, шёл и думал о том дне, когда был такой же дождь, и как Кристина своими руками вызвала его, и как дотронувшись до всего, он не дотронулся до неё. Наверно, она была настолько чиста, что капли воды не стали омывать её и промывать, как это делалось с миллионами людей. Единственное чистое и доброе существо на этом свете было рядом со мной и любило меня, этот драгоценный алмаз был в моих руках, но я не смог защитить его, не смог не дать расколоть на много частей, не смог уберечь. Благодаря ей я стал другим человеком, а что получилось с ней благодаря мне?...

Пока я думал над прошлым и настоящим, дождь медленно окутал меня, и я как будто оказался в водном шаре, который переливался всеми цветами радуги. Пахло морской водой, и ноги стало покалывать от холода, мне казалось, что я погружался на глубину, и чем дальше я спускался, тем отчётливее слышал разговор этой чёрной, непроглядной глади. Страх не сразу поразил моё сердце, сначала я просто не понимал, что со мной происходит. Только одна Кристина могла меня перемещать куда угодно, показывать чудеса, но то, что происходило сейчас со мной, не могло уложиться в моей голове, чей это промысел? Или это снова была тьма? Последнее, конечно, было мало вероятным, но я не мог больше никого предложить на роль нового волшебника, который каким-то странным и непонятным мне образом погрузил меня в большой шар и тащил в непроглядную тьму. Я видел то большие, то маленькие пузырьки воздуха, мы настолько быстро куда-то летели, что вода вокруг местами пенилась. Сердце стало стучать в шее, я понял, что это другая сторона реальности, которая не должна быть в моей жизни, ведь тот, кто показывал мне эту сторону, навсегда оставил меня... В ушах стоял гул, вокруг была крошечная тьма, только яркое свечение шара давало хоть какой-то результат видимости. Я вдруг вспомнил, как тогда, почти год назад, я так же очутился в огромном пространстве воды, только тогда со мной рядом была Кристина, она разговаривала с моим сознанием, и мне не было страшно. Но сейчас я находился в смятении, так как совершенно не понимал, что со мною происходит, куда я лечу? И что в конце?

Я заметил, что мы стали замедлять ход, шар не нёс меня со скоростью вниз, а стал медленно и плавно резать воду, чтобы всё-таки доставить меня туда, куда надо. Несколько минут я боялся, что он просто разобьёт меня об дно, потом эта мысль как-то спокойно улетучилась из моей головы. Мне нужно было ждать и доверять всему, что происходит со мной сейчас. Если мне суждено захлебнуться, тогда я приму эту смерть, так как я больше не боюсь ничего и никого. Даже тот страх, который я сейчас испытывал, не был тем, настоящим страхом, я уже не мог бояться так, как раньше, это чувство погибло вместе с

ангелом и с другими не менее важными чувствами. Даже если меня начнут резать или разрывать на части, мне не будет страшно и не будет больно, может, я начну испытывать счастье? Я стал прислушиваться к себе и понял, что я хотел погибнуть и испытывал от этой мысли жгучее счастье! Такое счастье, которое, как я думал, больше никогда не буду испытывать. Я тихо ждал, пока случится что-нибудь важное, роковое, неизбежное...

Время шло как-то медленно, лёгкие чувствовали нехватку воздуха, и я сам себе начал улыбаться. Но вдруг неподалёку от меня стал прорисовываться силуэт чего-то ослепительно белого, шар остановился в нескольких шагах от этого места, и я ужаснулся, когда увидел, что это ослепительно белое было длинным, полупрозрачным платьем, оно поднималось вверх, вода качала кончики платья в стороны, они были похожи на языки пламени. Из-под белого материала пробилась к свету шара беленькая, тоненькая ручка, которая была осыпана мелкими пузырьками воздуха. То, что говорил и думал я раньше по поводу страха, было пока поспешное заключение, меня поглотил страх, он вгрызся в мои глаза, и я не мог двигаться. Я понимал, что эта маленькая ручка, которая пробилась через длинную и белую материю, была ручкой той самой девушки, того самого ангела, которого я любил больше всего на свете. И вот сейчас, находясь под огромной толщей воды, на дне воинственного океана, я увидел её маленькую ручку, которая безжизненно плавала в ткани, то путаясь, то освобождаясь. Второй руки я не видел, вода шевелила только одну, она была мертво-белой, а ногти приобретали синеватый цвет. Я впился лицом в стенку шара, я хотел выйти из него, хотел прикоснуться к ней, хотел схватить её белое платье, боже, как я хотел...

Не было человека безумнее меня и не было человека, который бы любил так, как я. Моё сознание было уже почти готово жить только ради памяти любимой, но тут откуда ни возьмись появляется она и снова в какой раз будоражит меня, расковыривает все мои раны, и сочится из них кровь... Я не мог выбраться из шара, он не выпускал меня, я бил его ногами, царапал ногтями, всё было бесполезно. Через пару мгновений вода поменяла своё направление, и передо мной открылось лицо Кристины, белое, как платье, которое было на ней, на ресничках были серебряные кристаллики, ещё они осыпали её губы и виски. Глаза были плотно закрыты, выражение лица было спокойным и гордым, её лицо то попадало под лучи света, исходившие от шара, то снова исчезало в темноту, которая пугала меня безгранично сильно. Я не мог смотреть на неё, всё моё тело кричало, и кричал мой рот, я не знаю, слышала ли она меня, но от своих голосовых взрывов у меня закладывало уши. Через пару мгновений появилась другая рука, она выпуталась из белоснежной ткани и показала мне, такая же беленькая и тоненькая. Вода задрала платье и стали виднеться белые, стройные, в кристалликах ноги, к моему удивлению, они не были свободны. Мы находились на дне океана, вокруг нас образовывался коричневый туман, дно я ощущал своими ногами, оно было твёрдое и холодное. Её же ноги были прикованы к толстой серебряной цепи, и цепь эта уходила в землю, на ней было что-то написано, но я не мог точно понять – что, вокруг нас была непроглядная темнота...

Как это было мучительно – видеть её и не иметь возможности прикоснуться к ней. Я чувствовал, что от неё исходил холод, грудь её не поднималась, она не искала глоток живительного воздуха, глаза её не моргали и не излучали

небесный свет, который вбирал в себя всю красоту природы. Она была мертва.

Вода качала её, она была всюду, даже в ней, в каждой её клеточке. И эта цепь, невероятно мощная цепь, держала в своих тисках эти нежные и беззащитные ноги. Кристина была похожа на редчайшую рыбку, которую поймали и держат в аквариуме, как экспонат. Я же был посетителем, который любовался этим экспонатом, но я мог только любоваться и больше ничего. В сердце всё холодело, я чувствовал, что теряю сознание, в шаре не хватало воздуха, но и от страха мои лёгкие дышали в два раза быстрее! Её волосы танцевали в такт с её платьем, вода оголила её левое плечо, которое тоже было осыпано кристаллами. Я не мог поверить в то, что она была мертва, не мог принять это, снова и снова я пытался докричаться до неё, но в глазах стал назревать густой туман, я почувствовал, как упал на дно шара, и он медленно стал поднимать меня вверх. Я что есть сил перевернулся на живот и стал провожать Кристину взглядом, сначала шар освещал её ярким, красивым светом, я видел своего ангела, она тянула ко мне свои добрые и нежные руки, но потом шар стал удаляться от неё, и свет стал меньше освещать белую фигуру. Последнее, что я увидел, это её белое, спокойное лицо, потом настала чёрная ночь, которая обволакивала всё вокруг. Я бился головой, орал, я так не хотел оставлять её в темноте, в этом адском холоде, я пришёл за ней, но не забрал её, я был жалок...

Очнулся я в своей кровати, время было около восьми часов утра, голова болела, я снова отлежал руку, это был сон...

Трудно было поверить, что это был сон. Я не помнил, как я пришёл домой после прогулки под дождём, и тем более я не помнил, как лёг спать. Но когда я увидел на полу свою влажную одежду, я стал кое-что вспоминать. Даже если это был сон, то что он значил? Что я должен был делать и где мне нужно было искать Кристину? Я сел на край кровати и обхватил руками голову, я ничего не понимал, не понимал, потому что просто не знал, что со мной происходит и почему я видел ангела? Если бы хоть кто-нибудь показал мне зацепку, то, от чего я мог бы оттолкнуться, я бы смог начать двигаться, а там всё бы пошло как по маслу, можно было не сомневаться. Но сейчас, в данную минуту, я разбит, так как совершенно не знаю, в каком направлении мне двигаться.

В ушах стояла музыка морской глубины и некая загадочная тишина, они были в моей голове. Эти странные видения и звуки не так пугали меня, как выводили из себя. Я не мог понять их предназначение и смысл, я как мальчишка ломал с утра до ночи голову над тем, что происходит, и так ни к чему не приходил.

Я был готов разбить голову об стену и вырвать себе глаза от такой непонятной мне безысходности. По ночам ко мне прикасались ледяные руки ангела, я вскакивал с кровати и мог до рассвета просидеть и ни о чём не думать, я медленно погружался в сумасшествие. От того, что я ощущал, мне не становилось проще, мысли о ней не отпускали меня, они держали меня за шею, и каждый раз, когда я пытался высвободиться, мысли сжимали мою шею, делая так, что в голове всё мутнело и становилось страшно.

Я хотел умереть... Но понимал, что этот подарок я получу ещё не скоро. Подарком этим была долгожданная смерть, о которой я начал мечтать после того, как Кристина стала исчезать на моих руках, испытывая тяжёлые муки. Мне не было и нет жизни без неё, с её мучительной смертью разбился мой мир, ветром разрушило мой карточный дом, всё погибло вместе с ней. Каково

это жить не принадлежа себе? Каково жить и знать, что ты уже мёртв? Не знаю... Только из-за обещания служить человеку я ещё здесь, где-то внутри меня есть сила, которая даёт мне жизнь, которая каждое утро заставляет меня вставать с постели и идти что-то делать, только эта сила помогает моему организму быть в форме, и эта сила не что иное, как любовь Кристины. Ведь она всё продумала наперёд, она всё знала и понимала, что без неё я не смогу ни дышать, ни жить, она дала мне свою любовь в виде огромной силы, которая движет мной, не даёт полностью отчаяться. Моя любовь была безумием, и я это знал, я понимал, что так жить было нельзя и впереди меня ждала только бесконечная пропасть, но именно наша любовь помогала мне жить, и не просто жить – ходить, есть, спать, смеяться. Наша любовь открывала мне глаза на этот неправильный мир, который потонул в своих пороках и на который нельзя смотреть без слёз и сожаления. Есть люди, такие же как и я, понимающие всю ситуацию и все последствия нашего бездействия, нужно объединяться и начинать войну... Войну ради жизни... Войну ради справедливости и мудрости...

Я был полностью открыт для космоса, для общения, и всё вокруг было открыто для меня, я должен был пользоваться всем этим, должен был выжимать по максимуму все ресурсы, которые мне нужны, но я не делал этого... Точнее, я делал, но не так, как нужно было это делать в действительности. Тьма здесь уже была ни при чём, я почувствовал огромное облегчение и свободу, когда всё встало на свои места. Казалось бы, действуй, нет причин для паники и страха, но я медлил... Я как будто чего-то ждал.

Теперь мне стало сниться белое лицо, которое исчезает в темноте, это прекрасное лицо пожирает ледяная, мокрая тьма, которая стоит между нами и которую я так и не могу познать. Я пытаюсь расшифровать данное мне видение, но с трудом могу выжать из себя хоть что-нибудь. Страшно было осознавать свою беспомощность, когда ты мог практически всё. Я должен искать ответы, я должен отгадать все загадки, которые мне подбрасывает судьба, и я должен любить Кристину, потому что нет ничего прекрасней её огромных голубых океанов...

Можно ли было считать это неким посланием? Может, я мог спасти её? Сердцем и душой я был всегда с ней, я просил у неё прощения за своё безумие, ведь, скорее всего, именно оно превращало мои мысли и чувства в реальные видения от которых мне становилось не по себе. Я начинал путаться в жизни: что правда, а что зазеркалье. От своего безумия у меня не было лекарств, что только ни рождалось в моей голове, и все эти рождения были связаны только с ангелом. Настолько реальные и правдоподобные вещи со мной происходили, что с трудом я заставлял себя поверить, что на самом деле всё, что происходит со мной, это мои проделки, моя голова треплет мне нервы и заставляет верить в то, чего на самом деле нет. Но если в этом есть доля правды? Что если это не моё безумие, а некая связь? Где искать правду, куда бежать за ответами и за помощью? Что если всё, что происходит со мной, это крик ангела с глубины океана, который зовёт меня, влечёт к себе и ждёт своего спасения? Все мои чувства спали, даже предчувствие тихо молчало, боясь издать хотя бы малейший звук, чтобы я не подумал, что это знак к действию. Мне нужна была помощь, настолько мощная, чтобы иметь силы жить, понимать и действовать. Вокруг меня снова начали сгущаться краски, я сам себе создавал кучу про-

блем, я сам себя вгонял в капкан, из которого я никогда не смогу выбраться, если туда попаду. И пусть Кристина не со мной, я всё равно до конца не смеялся с её смертью, мне казалось, что думать о ней как о прошлом воспоминании и жить её памятью было бы самым ужасным, что я мог сделать в своей жизни. Сначала я хотел вбить себе в голову мысль о том, что её больше нет, что она умерла, и больше никогда мы не встретимся, но тогда, когда я об этом думал, меня охватывало такое ледяное одиночество, что даже невыносимая тоска была для меня не так страшна. Я не переставая думаю о ней, и нет в моей голове даже и намёка на то, что она умерла. Я стараюсь днём жить ею, считая, что она рядом со мной и всегда будет рядом, но погружаясь в ночь, меня стала преследовать та реальность, которая произошла со мной и которую я так сильно хочу забыть навсегда.

Сидя на крыше своего дома, я наблюдал за городом и вдыхал его красоту и суету. В такие моменты я считал себя всемогущим, казалось, осталось только развести руки в стороны и полететь в этот огромный мир, неся туда свой спасительный свет. Но я просто наблюдал за жизнью, я тихо и незаметно сидел на крыше и следил за тем, как солнце уходило за горизонт. Оно уходило, унося с собой последние лучи света, наступала ночь, а потом снова приходил свет, и так происходило изо дня в день, из года в год... А что будет происходить со мной? Что будет с этим телом через пять, десять и тридцать лет? Что ожидает меня помимо всех этих людей, которые, казалось бы, всё прекрасно понимают, но им нужна нянька, которая всегда будет с ними и которая научит их правильно жить, излечит их от лени и подарит что-то хорошее. Это был мой крест, с этим уже ничего нельзя было поделаться, смирение моё уже стало спокойным и ровным, мне начинало нравиться жить для других, но всплывали вопросы, которые заставляли на них отвечать молчанием, одиночеством, тоской и болью. Моя жизнь это мой дар, который был подарен мне природой, из-за этого дара я многого был лишен, многие годы не жил, а существовал. Сейчас же всё обстоит по-другому, и всех этих изменений не случилось бы, если бы не Кристина. Девушка, которая на самом деле ангел и не имеет человеческого тела. Существо, которое имело человеческие чувства, доброе сердце, которое было единственным во всём мире чистым сердцем. Энергия, которая уничтожала зло и сеяла добро. Она была уникальна, в ней жил человек, который был в десятки раз человечней других людей, в ней жил тот человек, который по сути своей должен жить на этой планете. Она любила людей, она мечтала о мире долгие-долгие годы, она мечтала о любви, которая сулила ей только смерть. И вопреки всему она выбрала эту смерть, бесстрашная и сильная, она кинулась в омут неизбежности и погибла ради нескольких дней настоящей любви, настоящей жизни. Она отдала всю себя мне, и жизнь свою отдала ради меня, так стоит ли мне сейчас думать о смерти? Глупец, мечтавший о смерти, забыл о данном обещании жить и нести с собой свет, который будет рушить всё на своём пути, который будет настолько велик, что его будут видеть все миры, его будут чувствовать все живые существа.

Всё, о чём я думал, было правильным, разум становился чистым, и я отчётливо всё понимал. Казалось, раз понимаешь, значит живи, но не получалось... Не получалось вырваться из тисков, которые росли из моей плоти, не получалось восполнить утрату, прижечь все раны на сердце и залатать все дыры в душе. Прошёл год, а кажется, как будто только вчера я потерял то, что было са-

мым главным в моей жизни. Где бы ты ни была, знай, что твоя любовь помогает мне жить, и если есть хотя бы один шанс, что ты можешь ко мне вернуться, вернись... Дай мне ещё одну зацепку, крикни мне в самую глубину души. Я пойму и найду тебя, только не молчи, только дай мне жить этой надеждой. Я буду ждать тебя, и не важно, сколько времени пройдёт.